Молодая гвардия

1989

ISSN 0131—2251

9

В 1990 ГОДУ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

Н. Расул-Заде. **«ЗАПИСКИ САМОУБИЙЦЫ»** — повесть о действующей в стране наркомафии, о трагической судьбе воина-интернационалиста, запутавшегося в сетях мафии.

Бернардо Гимараэнс. **«РАБЫНЯ ИЗАУРА».** Впервые роман, по мотивам которого был снят телевизионный многосерийный фильм, полюбившийся советскому зрителю, был опубликован в 1875 году в Бразилии. Перевод с португальского Владимира Пузатова.

А. Савенков. **«РОССИЯНЕ»** — остросюжетный исторический роман о заговоре боярина Хованского с целью посадить на российский престол своего сына.

С. Жунусов. **«ТРОПА»** — повесть о трагической судьбе казахского рода, вынужденного в период коллективизации покинуть Родину и уйти в Китай. Перевод Владимира Солоухина.

В. Пикуль. **«ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ».** Как всегда, речь пойдет о неизвестных страницах истории Русского государства.

Ю. Чирков. **«СОЛОВКИ».** Воспоминания известного советского ученого Юрия Чиркова. Мальчишкой он был арестован в 1937 году. В лагере изучил несколько языков, прошел курс средней школы. Его учителями были известные русские ученые — такие же, как и он, незаконно репрессированные.

С. Караславов. **«НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ».** Роман известного болгарского писателя переносит читателя в Болгарию 1943 года. Умер царь Борис. Профашистские элементы во главе с послом Германии в Софии, резидентом абвера, пытаются ввергнуть страну во вторую мировую войну. Им противостоят коммунисты во главе с Георгием Димитровым.

М. Пыляев. **«ЗАБАВНЫЕ ЧУДАКИ»** — из литературного наследия, исторические курьезы из жизни знаменитых людей XVIII—XIX веков. В советское время произведение не переиздавалось.

Н. Вирта. **«ЧЕРНАЯ НОЧЬ».** Роман, посвященный анализу неизвестных ранее обстоятельств рождения фашизма. Написан около тридцати лет назад.

Б. Тимофеев. **РАССКАЗЫ.** Незаслуженно забытый русский писатель, о творчестве которого высоко отзывался М. Горький. Он прожил короткую, но яркую жизнь. Умер Б. Тимофеев в 1920 году, когда ему было всего 38 лет.

Подписка принимается без ограничения.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Молодая гвардия

9 · 1989

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Владимир ДЕСЯТНИКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР. **Устоять под лавиной нигилизма!** 3

● ПОЭЗИЯ

Сергей ОСТРОВОЙ. **Вера.** Стихи 21

Леонид ЧИКИН. **С болью.** Стихи 26

● ПРОЗА

Вадим ЦЕКОВ. **В схватке.** Киноповесть 29

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» 129

● ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС

Йордан МИЛЕВ. **Богатство.** Стихи. Авторизованный перевод с болгарского Сергея Бобкова 196

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий СМОЛИН. **Молодые корни державы** 208

А. АРХИПОВ. **Кто у молодежи отнимает нравственность?** 221

Наш календарь

Вячеслав КРУГЛОВ. **Вторая мировая: канун и начало.** 1 сентября — 50 лет начала второй мировой войны 227

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Учитывая опыт прошлого. В. БЕГУН, кандидат философских наук. **Наследники Азефа.** В. БУШУЕВ. **Право на безделье?** В. БОРОДИН. **Красная Армия перед войной.** М. ЧЕРКАСОВ. **Бесстрашие или бесстыдство? Отзывы читателей об интервью И. А. Бенедиктова «О Сталине и Хрущеве»:** А. ЭЙСВАЛЬД. **«Нечего метать бисер...»** Л. ПЕТРОВСКАЯ. **О «сталинистах».** Ю. МАМСУРОВ. **Учитывать опыт прошлого.** Из писем в редакцию 234

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Есть ли мудрость у народа?

В. ЗАРУБИН. **Не война, а мир** 260

Евг. БУЗНИ. **Победивший смерть.** К 85-летию со дня рождения Николая Островского 269

Ирина ШЕВЕЛЕВА. **Воспитание подвигом.** К 50-летию журнала «Пограничник» 283

Об одной публикации «Книжного обозрения» 287

Первая страница обложки журнала: Рис. Бориса Сопина

«Молодая гвардия», 1989, № 9, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Подписка на журнал «Молодая гвардия» на 1989 год принимается повсеместно с любого месяца без ограничения. Обо всех случаях отказа в подписке просим сообщать редакции журнала.

© «Молодая гвардия», 1989 г.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Владимир ДЕСЯТНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

УСТОЯТЬ ПОД ЛАВИНОЙ НИГИЛИЗМА!

...послушайте мене, аще не всего примете, то половину.

Владимир Мономах

1

Начальные слова из «Повести временных лет» в наши дни стали своеобразным «паролем»: «Откуда есть пошла Русская земля?..» Найти ответ на этот «пароль» легко и просто — раскрыл учебники истории и просвещайся себе в удовольствие. У В. О. Ключевского в его «Курсе русской истории», пожалуй, интереснее всего написано. А вот «откуда есть» я сам «пошел»? Рано или поздно, каждый из нас задумывается о своем прошлом, о своем духовном «генетическом коде». Осознал и понял себя — значит, есть надежда, что поймешь других и сделаешь последующие шаги, чтобы устроить все в мире к лучшему, к чему призывал Ф. М. Достоевский.

«Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? — спрашивал В. О. Ключевский и отвечал: — Вероятно, потому же, почему человек, споткнув-

шись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» *.

Знать, и мне пришла пора «оглянуться», чтобы на оставшемся пути меньше «спотыкаться».

Своего отца перед его уходом на фронт я видел в последний раз в 1941 году, когда мне было десять лет. Бабушек и дедушек я вовсе никогда не видел. Но ведь они были! Единственным связующим звеном с моими предками была мама. Кое-что мне удалось в свое время записать с ее слов — о характере дедов и бабушек, их склонностях, об отношении к труду. Сейчас бы я и другие вопросы маме задал. Например, каково было отношение предков к проблеме «духа и материи»? Это меня давно занимает в плане нравственно-психологического «зондажа» прошлого.

Мои родители с обеих сторон — казаки. Мама — кубанская казачка, отец — яицкий казак, из бывшей Оренбургской губернии. Из тех самых мест, куда Пушкин ездил, когда собирал материал о пугачевском восстании. В характере отца чувствовались сила, энергия, мужество. На редкость твердым и упорным человеком была моя мама. Не случайно, видно, из Оренбургской губернии и из области войска кубанского вышло немало известных воинов, геройски сражавшихся под знаменами Отечества. И в то же время за всю историю русского казачества из их станиц не вышло ни одного известного святого. Факт примечательный.

Пантеистов даже такого крупного «калибра», как дед Ерошка из «Казаков» Толстого, немало обреталось в казачьих станицах. Святых же, как бы мы к ним ни относились с наших атеистических позиций, но все-таки людей, большею частью подвизавшихся на ниве духовного самосовершенствования, с удалением от крупных центров национальной культуры согласно статистике становится все меньше и меньше. Всего канонизовано более семисот русских святых. Из них абсолютное большинство — это выходцы из центральных и северных губерний России.

Интересная закономерность получается. Ни одна губерния России не дала столько великих писателей, сколько их вспоило на своих «мелких водах» российское Нечерноземье. Если только перечислить орловцев, и то длинный столбец получится. Назовем лишь несколько имен: Тургенев, Тютчев, Фет, Лесков, Бунин. Вот и выходит, что писатели и святые были у нас в основном из одних и тех же мест. К окраинам России, в той же Сибири, и святых, и писателей было куда меньше и числом, и «калибром». В такой же прогрессии находилось и «воспроизводство» российских ученых, изобретателей и политических деятелей. Для того чтобы этот процесс выровнялся и Россия стала «прирастать Сибирью», понадобилось много усилий всей державы, пока повсюду не образовались крупные очаги культуры, а значит и национального самосознания.

Нынче трудно сказать, какая из областей России содержит самый что ни на есть стойкий «экстракт» национального духа. Впрочем, процесс движения соков по древу жизни идет неисповедимыми путями. Важно, чтобы при всех «непогодах» корни оставались целы. Мы нация молодая, так что у нас, не в пример другим, все впереди.

Недавно я слышал по радио передачу о нашем современни-

---

* Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., «Наука», 1968, с. 346.

ке — видном китайском дипломате, который ведет свою родословную от великого Конфуция, жившего в 551—489 годах до нашей эры. Что и говорить, жить под сенью такого генеалогического древа и почетно, и ответственно. Но ведь и у каждого из нас столь же давняя родословная. Только мы ее не знаем, а порой даже и не пытаемся установить своих давних предков. Слов нет, конечно, интересно читать о выдающихся людях, например, о младшем современнике Конфуция — афинском стратеге Перикле — покровителе искусств, строителе Парфенона, Пропилей, Одеона... Все это было так давно, но... не кануло в Лету. Потому меня нисколько не удивит, если по телевидению покажут как-нибудь наших современников — потомков печальной известности прокуратора Иудеи — Понтия Пилата, тем не менее сподобившегося венца и причисленного к лику святых.

Конфуций, Перикл, Понтий Пилат... Однако «на первое возвратимся», как любил говорить протопоп Аввакум в своем «Житии», будем ближе к «злобе дня». Во время одной из телепередач студии «12-й этаж» корреспондент спросил у ребят, спасших от неминуемого сноса старинные московские палаты XVIII века, знает ли кто-нибудь из них своих прадедов? В скобках замечу, раньше подобных вопросов о прадедах я ни разу в телепередачах не слыхал. Знать, время пришло «споткнувшись, оглянуться».

На вопрос корреспондента никто не ответил, кроме одного юноши. Он бойко назвал имя и отчество своего прадеда. Но когда его спросили, кем тот был, смутившись, сказал, что прадед был владельцем завода. Как бы оправдываясь, он прибавил: «Совсем маленького заводика...» Чувствовалось, что он был явно обескуражен, как будто принимал на себя вину прадеда-заводчика. И тем не менее я порадовался прозревающемуся гражданскому мужеству молодого человека. Не сделав такого шага, нельзя навести мосты между прошлым и будущим. Социальная оценка фактов и событий обязательно должна даваться, но и бояться нам нечего. Примером может служить исполненная достоинства автобиография профессора МГУ В. М. Василенко, опубликованная им в предисловии к книге своих стихов «Облака», вышедшей в издательстве «Советский писатель». Виктор Михайлович помнит не только дедов. Он знает и гордится далекими пращурами. «Я родился в 1905 году в военной семье, — пишет В. М. Василенко. — Оба мои деда — генералы. Мой дед по отцовской линии Иван Иванович Василенко известен был как герой Шипки и Плевны. Он первым вошел со своим полком в Плевну и взял в плен Осман-пашу. По материнской линии у нас было предание, что род матери происходит из членов семьи поэта и философа Григория Сковороды».

«Облака» — первая книга стихов доктора искусствоведения В. М. Василенко, известного в науке фундаментальными исследованиями русского и украинского искусства. Поэзией Виктор Василенко увлекся еще в детстве, а первая книга стихов вышла, когда дело подвигалось к восьмидесяти.

Жизнь у В. М. Василенко сложилась непросто. После войны ему пришлось трудиться, как тогда говорили, «в местах не столь отдаленных», — на уральском Севере, в тундрах Воркуты.

В конце 1950-х годов В. М. Василенко был реабилитирован. Если говорить строго, то вся его «вина» состояла лишь в том, что он был сыном столбового дворянина, полковника. На следствии он

этой своей «вины» не отрицал и даже усугубил ее, сказав, что оба деда были боевыми генералами.

«Гордиться славой своих предков, — писал Пушкин, — не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие» *. Вспомните, с каким достоинством поэт писал о своей родословной — об «арапе Петра Великого», о Ганнибалах, о Пушкиных, чьи подписи стоят под соборным постановлением 1613 года, ознаменовавшим конец Смутного времени на Руси. Или, чем не пример — гордость за своих предков Л. Н. Толстого. Не чванство разветвленным генеалогическим древом, украшенным княжескими и графскими гербами, а сознание преемственности поколений в их службе на благо Отечества.

2

Шла Великая Отечественная война. Мы жили в Алма-Ате. Сюда перед войной нас привез с границы мой отец, а сам уехал на фронт. Летом 1943 года я услыхал от своего друга Вадима Семиотрочева, что в Ташкенте создается суворовское военное училище, куда будут принимать детей фронтовиков-пограничников. Попасть в военное училище было моей заветной мечтой, но я не знал, пройду ли медицинскую комиссию, так как только незадолго до этого мама с большими трудами «свела» мне бельмо в правом глазу.

Бельмо я «схлопотал» до войны, когда мы жили в Гдове, граничившем тогда еще с буржуазной Эстонией. Хотя родился я в Казахстане, на границе с Китаем, в селе Бахты, что по-русски значит «хлопок», но именно Гдов считаю своей духовной родиной. С этим древним русским городом на берегу Чудского озера у меня связаны самые яркие детские воспоминания. Там я впервые соприкоснулся с историей.

Центром Гдова была старая крепость, основанная еще в первой половине XV века и сильно укрепленная при Иване Грозном. Крепость была сложена из валунов и имела неприступный вид. С двух сторон ее окаймляла река, а еще с двух — глубокие рвы. В крепости находился штаб 8-го пограничного отряда Ленинградского военного округа. Когда мы приехали в Гдов, пришлось ночевать в крепостной церкви, так как другого жилья нам предоставить не могли. Церковь к тому времени не действовала. Было такое впечатление, будто люди только что ушли, оставив все на своих местах — толстые книги в кожаных переплетах, дорогие одежды, расшитые крестами, иконы в стеклянных ящиках — киотах. В храме была звенящая тишина. Полутораметровые стены скрадывали все звуки, шедшие с улицы.

Мы расположились со своими пожитками недалеко от входа, в трапезной. Потрескавшаяся от времени печь, украшенная изразцами, была жарко натоплена. Нам с сестрой нравился медовый запах свечей, и мы попросили пододвинуть наши лавки ближе к свечному сундуку. Никого, кроме нас, в храме не было, но все почему-то разговаривали шепотом.

Целые дни я проводил среди красноармейцев маневренной груп-

---

* Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания, ПСС, т. 6, с. 18.

пы. Особенно любил бывать на конюшне, где разносил лошадям овес в брезентовом ведре, помогал дневальным делать уборку. Вечерами красноармейцы усаживались в кружок и пели. Да как пели! Больше всего мне нравились «Ой ты, Галю» и «Верба рясна». Весь город приходил слушать, как поют пограничники. Коновод отца Мироненко сажал меня рядом с собой, и в нужных местах по его знаку я исполнял песню «соло». Счастливое было время.

Романтика подвига, предчувствие войны, которая была не за горами, — неудивительно, что «Р.В.С.» была нашей любимой игрой. Все события разворачивались в крепости. Там были сараи, церковь, поповский дом, коновязи. Была и собака по кличке Черный— общая любимица. Чтобы не было обиды, каждый раз мы разыгрывали «Р.В.С.» в новых ролях. В одну из таких игр мой одноклассник Коля Калашников — атаман Козолуп, нечаянно ткнул мне в глаз деревянным револьвером и повредил роговицу. Я никому дома об этом не сказал, но вскоре все обнаружилось. В течение четырех лет после этого мама изо дня в день закладывала мне в глаза желтую едкую мазь, которая и «съела» бельмо. Сначала, года через два, бельмо разделилось на две половинки в спичечную головку каждая, а потом и вовсе сошло. Метка на роговице, конечно, осталась. Я это знал и боялся, что медицинская комиссия «отсеет» меня при поступлении в суворовское училище. Но все обошлось хорошо. Комиссию я прошел, сдал вступительные экзамены и уехал учиться в Ташкент. Мне было 12 лет. Так началась моя самостоятельная жизнь.

Суворовское училище помещалось в старых дореволюционных казармах неподалеку от городского парка имени Кафанова. Удивительно, как в жизни все повторяется. Я жил и учился в тех самых казармах, где в 1924 году учился в кавалерийской школе мой отец — участник гражданской войны. Станица Ханская, где родился отец, граничила с Казахстаном. Через эту станицу прошли многие русские экспедиции в Азию. Толмачей-переводчиков набирали, как правило, в Ханской, так как казаки, постоянно общаясь с иноплеменными жителями, хорошо умели говорить по-татарски, по-казахски. Знал тюркское наречие и мой отец.

В память врезались рассказы отца из его детства. Однажды ночью в их дом, который был на краю станицы, постучали. В степи был буран, мало ли что с людьми могло случиться? Мать отца открыла дверь и вскрикнула. Услышав крик, проснулся ее муж, мой дед, и в чем был выскочил во двор, а там уже связанную его жену приторачивают к седлу. Казак Никифор Десятников был боевой мужик. Он не только отбил у степняков свою жену, но поставил их на колени. Оказалось, баю, кочевавшему близ станицы, сильно понравилась русская красавица. Он решил ее выкрасть, да сам в плен попал. Или еще отец рассказывал, как в их станице появился конокрад. Выследит в табуне самого лучшего коня и обязательно уведет. Конокрада поймали, устроили самосуд. Связанного, его привезли к реке топить. Прежде чем надеть мешок, дали помолиться. Конокрад Христом-богом просил отпустить, но казаки были неумолимы. На него одели мешок и бросили в реку. Однако не дали погибнуть. Вытащили, развязали и велели уходить подобру-поздорову. Суровые были люди.

Родители моего отца умерли от холеры. Весной 1915 года отец вместе со взрослыми пахал в степи, далеко за станицей. Прискакал кто-то из родных и сказал, что в станице разразилась холера.

Землепашцы, бросив плуги и бороны, поспешили домой. Больную мать моего отца посадили в бочку с теплой водой и все время подливали туда горячей воды. Не знаю, помогал ли такой способ борьбы с холерой, но в народной медицине он бытовал.

Отец остался сиротой десяти лет от роду. Маленьких его братьев и сестер взяли к себе родственники, а отцу, как старшему, пришлось идти в батраки. В 1920 году в пятнадцатилетнем возрасте он был уже самостоятельным человеком. Пас табун коней богатого казака. Шла гражданская война. Белые откатывались к Аральскому морю. Однажды в ночном к костру, который развел отец, прискакал отряд краснозвездных воинов-разведчиков. Отец вызвался показать им дорогу к станице. С той памятной для него ночи до конца своей жизни он служил в армии. В 1920—1921 годах отец воевал на Туркестанском фронте. Сначала в Аральском партизанском отряде, затем в отдельном эскадроне Хивинской кавалерийской бригады. Помню, с какой гордостью за отца я рассматривал тяжелую серебряную медаль с эмалевой надписью «XX лет РККА», которой он был награжден в 1938 году. На финскую войну отец ушел добровольцем. Участвовал в боевых действиях в должности командира батальона 4-го пограничного полка войск НКВД. 26 апреля 1940 года за личное мужество отец был награжден редкой в то время медалью «За отвагу».

И вот теперь я учился в Ташкенте в училище, где двадцатью годами раньше учился мой отец. Отсюда он со своими боевыми товарищами не раз выезжал на борьбу с басмачами. Мы, суворовцы, наследовали традиции красных командиров 1920-х годов. Практически страна начиная с революции не выходила из войны. Вся жизнь наших отцов прошла в походах и боях. Жизненный «цикл» был предельно коротким. Всего двадцать лет разделяло нас, суворовцев, с нашими отцами — те же казармы, конюшни, классные комнаты, плац...

На плацу шли занятия по строевой подготовке. Командир взвода вызывал кого-нибудь из строя, а тот должен был выйти к нему четким строевым шагом и доложить, как это требовалось по уставу. Дошла очередь до меня. Стараясь быть не хуже других, я вышел и звонким голосом доложил: «Товарищ капитан, воспитанник Десятников по вашему приказанию прибыл». — «Молодец, — похвалил меня командир взвода капитан Гусев и приказал: — Становитесь в строй». Я четко выполнил поворот кругом, лихо пристукнув каблуками, и направился было в строй. Вдруг раздался зычный голос замполита суворовского училища полковника Красногиро, присутствовавшего на занятиях: «Воспитанник Десятников, ко мне!» Я подбежал к полковнику с докладом, но он остановил меня на полуслове и совершенно неожиданно, не по-строевому спросил:

— Скажи, сынок, кто твой отец?

— Мой отец капитан Десятников Александр Никифорович погиб на фронте.

— Зайди ко мне после занятий, Десятников, — сказал полковник и ушел с плаца, прихрамывая на раненую ногу.

«Зачем он вызывает меня? — недоумевал я. — Может, полковник знает что-то об отце, но что?» Перед кабинетом полковника я подтянул ремень и расправил свою черную гимнастерку.

— Разрешите, товарищ полковник?

Красногиро встал. С минуту мы молча смотрели друг другу в глаза. Полковник прервал молчание:

— Твой отец, сынок, погиб в бою на моих глазах.

Рассказ полковника был по-военному краток. Их дивизия была сформирована из кадровых пограничников. Мой отец был начальником штаба 911-го стрелкового полка, а Красногиро — комиссаром. С боями отступали от западных границ. Позади были Смоленск, Дорогобуж. Дивизия попала в окружение, но уничтожить ее немцы так и не смогли. Когда в 911-м стрелковом полку осталось не более сотни людей, мой отец повел их в контратаку и был «срезан» пулеметной очередью.

— После боя нас в живых осталось двадцать человек. Твоего отца похоронили в братской могиле, — рассказывал Красногиро. Он говорил еще что-то, но я его плохо слышал... Я стоял и плакал, стиснув зубы.

Не скрою, и сейчас, как вспомню тот рассказ отцовского соратника, глаза застилает туман. Теперь из отцовских соратников мало кто остался в живых. Война многим из них жизнь сократила. Но они — солдаты сорок первого — выполнили свой долг до конца. Немцы не вошли в Москву. Потом уже были и Сталинград, и Курская битва... Мы все это пережили и помним, и дети наши никогда не забудут.

В один из летних отпусков мы поехали вместе с мамой в ее родную станицу Темижбекскую, что в верховьях Кубани. До этого я своих родичей никого в глаза не видел. Теперь я обязан был восполнить этот пробел. «Отрываться от своих «корней» негоже», — наставляла меня мама на своем характерном кубанском наречии.

Где бы мы ни жили — в юрте, в мазанке, в московской коммунальной квартире в Безбожном переулке, когда отец учился в Высшей пограничной школе, у нас обязательно на почетном месте висели фотографии родичей-казаков. В 1930-е годы, когда борьба с кулачеством достигла апогея, мама, опасаясь злого навета, все фотографии обкорнала, оставив только лица — усы торчат и бороды лопатами. Обрезки фотографий — погоны, ордена, медали, черкески с газырями — она сожгла в печке, строго приказав нам, детям: «Смотрите, язык держите за зубами!»

Этот урок нравственно-социальной «грамоты» затянулся на долгие годы. Не только для нашей семьи. Но никто и никогда бы не смог склонить нас к тому, чтобы донести на своих родителей. Родители для нас были святы.

Покончив с фотографиями потенциальных кулаков и подкулачников (такая градация в те годы существовала), мама отнесла в торгсин (торговый синдикат) отцовский свадебный подарок — кинжал с Георгиевским крестом на клинке и кавказскую шашку с гвардейским темляком. Это оружие передавалось из рода в род по наследству. Где теперь оно? Может, занимает почетное место в экспозиции какого-нибудь музея? А скорее всего пылится на стене виллы какого-нибудь нувориша в Америке или в Англии. При посредстве торгсинов не только семейные, но и многие национальные наши святыни ушли за границу. Для того, пожалуй, торгсины и были созданы. Придет время, и тайное станет явным.

Вдова полного георгиевского кавалера Глушко из села Покровка-Таврия, что на Кинбурнской косе, рассказывала мне, как в

голодный 1933 год ее мужу за полный георгиевский бант — четыре боевых ордена (один из них — золотой) и четыре медали заплатили в Одесском торгсине столько, что купленную на эти деньги муку и сало он принес под мышкой. Колхозное строительство проходило у нас тяжело, с кровью. А тем временем на нашем горе наживались.

Коллективизация в станице Темижбекской прошла как и положено. Казаки, хотя большинство из них не пользовалось наемной силой, а работали, что называется, на семейный подряд, были причислены к кулакам. Перед высылкой на Север их собрали на церковной площади, за каменной оградой. «Прощайтесь, казаки», — приказали конвоиры. Казаки встали на колени и запели свой войсковой гимн: «Ой, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь...» Стоят на коленях люди, прошедшие по две-четыре войны, поют и плачут.

Мой дед в числе других был выслан в Архангельск. Работал на лесоповале, потом на деревообрабатывающем заводе в Соломбале. Моему отцу было зачтено в вину, что он женился на дочери гвардейского казака. Несмотря на доблесть отца и отличный послужной список, звание капитана отцу было присвоено лишь в тридцать один год. Выше он не поднялся. Зато мне дорога была открыта. В девятнадцать лет я был назначен заместителем начальника погранзаставы, в двадцать лет — начальником, в двадцать четыре года имел воинское звание — капитан.

В станице Темижбекской мне было что послушать от старых казаков и казачек — и песни, и причитания, и разное былье. Из уцелевших семейных альбомов я переснимал своих дедов и прадедов, не боясь наветов — в черкесках с газырями, с «георгиями» и в полном боевом оружии. Большинство маминых родичей прошло и гражданскую, и Великую Отечественную войны. Им было что рассказать — и как с Буденным в походе ели из одного котелка, и как сынов своих, моих дядей, провожали на фронт в сорок первом, а ребятам было в то время по 15—16 лет. У Виктора Астафьева в «Последнем поклоне» хорошо об этом поведано. В его раскулаченной и сосланной на Север сибирской семье, как и по всей России, когда над Отечеством нависла беда, мужчины без лишних слов уходили на фронт добровольцами.

Пока живы старики, я решил детально проследить свою родословную. До революции многие университеты России не выдавали дипломы, если выпускник не знал своей генеалогии до пятого колена включительно и не мог подтвердить родословную документами. А почему я должен пренебречь этим правилом? И вообще, нет ничего зазорного в том, чтобы вновь вернуться к старой университеской традиции хотя бы эксперимента ради. Вот тогда бы на деле доказано было, что мы не Иваны, не помнящие родства. Не обошлось бы, конечно, без курьезов и подтасовок. Труды К. В. Лукомского по русской геральдике и генеалогии дворянских родов, пожалуй, стали бы настольными книгами многих нуворишей, не пожалевших бы денег на адвокатов и «свидетелей». Таких «дворян» много развелось. Нередко приходишь в мемориальный музей и с изумлением узнаешь, что иные деятели народного просвещения и культуры в графе о социальном происхождении, оказывается, писали «из дворян». А ведь зря на себя наговаривали. Сами-то были из мещан и купцов. Дворянство, если и имел родной отец, то личное, так как дослужился человек до титулярного

советника или университет закончил и получил личное дворянство, но не потомственное, не распространявшееся на детей. С некоторых пор причислять себя к дворянам стало престижно, выгодно и, главное, безопасно. Доказательств никто не требует, а если и потребует, то можно публично обидеться и кого угодно урезонить.

Вспоминаю, как переехавший из Парижа на прежнее постоянное жительство в Москву бывший князь П. А. Оболенский, толком не сориентировавшись, затеял было тяжбу с литератором, превратившим псевдоним в фамилию и оказавшимся чуть ли не единственным наследником именитого рода. Тяжбу Петр Александрович проиграл, а его ответчик здравствует и другим пример подает. Кто попроворней, может и в историю войти. Ведь счет-то в иностранных банках на возможного отпрыска от древа Романовых год от года растет.

В Третьяковской галерее есть бронзовый портрет неизвестного, созданный скульптором Бартоломео Карло Растрелли в 1732 году. Много лет этот портрет занимает специалистов, пытающихся разгадать, кого изобразил скульптор. Загадку облегчает то, что на постаменте выгравирован дворянский герб, но этого оказалось недостаточно, чтобы решить задачу. Работая в Третьяковской галерее, я тоже пытался внести свою лепту в поиски правильного решения. Перерыл гербовники дворянских родов России и ряда зарубежных стран, но без успеха. Такого дворянского герба, какой выгравирован на постаменте растреллиевского портрета, я не обнаружил. У меня даже зародилось сомнение, что постамент принадлежит не растреллиевскому портрету, и потому герб, быть может, «чужой». Я попросил в лаборатории Третьяковской галереи сделать химический анализ бронзы портрета и постамента. Анализ снял мои сомнения. Отчаявшись, я написал о злополучной загадке в Ригу Валентину Пикулю в надежде, что в его обширной картотеке есть какие-нибудь данные о растреллиевском портрете, так как родовой герб неизвестного имеет элементы прибалтийской геральдики и якорь. От Пикуля ответа я не получил и решил поставить на поисках точку. И вот однажды прихожу в Общество охраны памятников, открываю свой «дипломат», а оттуда выпадает на пол фотография растреллиевской скульптуры. До заседания секции пропаганды было еще полчаса, и поэтому в зале, кроме одного молодого журналиста с громкой на всю Россию фамилией, никого не было. Тот поднимает с пола фотографию, подает ее мне и наповал сражает меня признанием, что, дескать, это его пращур. В доказательство он показал свой новенький перстень, на котором был выгравирован герб, точь-в-точь как на постаменте растреллиевского портрета. Поскольку портретом я занимался давно и он даже был когда-то темой моей курсовой работы, мне ничего не стоило за те полчаса, которые оставались до начала заседания, разуверить молодого человека в его ошибке. Как оказалось, «ошибка» имела уже свою «родословную» и была передана молодому человеку по наследству. Ох уж эти дворянские гербы и знатные фамилии. Не дают они нынче кое-кому покоя.

У нас в роду никого из дворян не было, поэтому задача у меня была простая. Мамин дядя, брат моей бабушки, старый учитель математики Петр Ефимович Канониченко, когда узнал о моих розысках собственных «корней», привел меня в темижбекский собор.

— Вот здесь раньше, — показал Петр Ефимович на голую стену

собора, — была роспись «Георгий Победоносец», а внизу были перечислены герои Крымской кампании 1856 года и среди них — твой прапрадед казак Леонтий Фырков. Ты от него — пятое колено.

— А зачем эти росписи скололи? Ведь было, наверно, красиво...

— Время такое было, — не стал распространяться старый учитель.

— А в русско-турецкую войну на Балканах кто-нибудь из наших предков участвовал? — спросил я.

— Мой отец, а твой прадед — Ефим Канониченко, освобождал Болгарию и был награжден Георгиевским крестом.

— А фамилия Канониченко, как вы думаете, откуда произошла? — поинтересовался я.

— Думаю, что фамилия наша церковного происхождения. От слова «канон», то есть песнопение в честь святого. Однако прадед твой больше любил мирское пение. Бывало, как выпьет, поет: «Гоп, мои гречаники...»

— А фамилия Десятников откуда произошла? — не унимался я.

— Был такой чин в старых казачьих войсках — десятник, — поставил точку над «и» Петр Ефимович.

После поездки с мамой на Кубань мне стало стыдно, что я за житейской суетой не удосужился разыскать место захоронения отца, не исполнил своего сыновнего и гражданского долга, не поклонился братской могиле, где покоятся останки отца и его соратников. Время для туристской поездки в Болгарию нашел. Там восхищался, как берегут болгары память о русских воинах-освободителях, и даже речи красивые говорил, а сам-то отца своего родного забыл. Что и говорить, хорош...

Военных времен похоронка на отца не сохранилась. Мама ее куда-то предъявила, и ей не вернули. Тогда она по памяти записала содержание похоронки и положила в свою заветную черную шкатулку. На крышке этой шкатулки изображена сцена — галантный кавалер вручает букет цветов своей даме. Шкатулку я знаю, сколько себя помню. В ней хранились отцовские письма маме. Их, кроме мамы, у нас в семье никто не читал. Деликатность не позволяла. Я попросил у мамы копию похоронки. Она гласила, что 4 октября 1941 года на подступах к Москве в бою у деревни Приглово капитан Десятников Александр Никифорович пал смертью храбрых. Отец погиб в один и тот же год и месяц вместе с писателем Аркадием Гайдаром. В их судьбах много общего. Они были ровесниками. Мальчишками встретили революцию, с боями прошли гражданскую войну, зрелыми, закаленными воинами сражались с фашистами и верили в победу.

Но где искать деревню Приглово, в бою у которой погиб отец? Я написал в Мособлвоенкомат. Оттуда ответили, что данных о захоронении капитана А. Н. Десятникова у них нет. Спросить бы снова у полковника Красногиро, но он давно умер от ран. Тогда я написал в Смоленск. Мне ответили, что деревни Приглово на территории Смоленской области нет, но есть деревня со сходным названием — Приголовки Масловского сельсовета Вяземского района.

Я написал в Вяземский райвоенкомат и через несколько дней получил ответ. Военком сообщил, что мой отец погиб у деревни Приголовки и там был похоронен, но позже перезахоронен в

Вязьме, в братской могиле на Волковском воинском кладбище № 12.

Из книги маршала Г. К. Жукова я узнал, что в районе Вязьмы немцы в октябре 1941 года окружили группу армий, которой командовал генерал-лейтенант М. Ф. Лукин. Своим героическим сопротивлением наши войска сковали крупные силы противника. Продвижение немцев было задержано. Москва тем временем получила возможность привести в боевую готовность свою оборону. Среди многих сотен тысяч людей, кто сложил голову за столицу, был и мой отец.

Вспоминаю свою поездку в качестве корреспондента загорской газеты «Вперед» к М. А. Шолохову в Вешки. Мы сидели у него в кабинете. Я рассказывал, каким событием для моих родителей-пограничников было чтение «Тихого Дона». Утром отец уезжал и вечером возвращался, пропахший конским потом. После ужина родители поочередно при свете керосиновой лампы читали «Тихий Дон» вслух. В течение долгого времени мы, дети, слышали их разговоры об этой книге, суждения, неподдельное восхищение. Невольно все это передавалось нам. На своем коротком веку отец прочел немного книг. «Тихий Дон» был его любимой книгой. Когда родителей дома не было, я брал в руки заветный томик в зеленом коленкоровом переплете и внимательно рассматривал иллюстрации, стараясь по ним постичь содержание. Читать тогда я только учился. «Тихий Дон» был мне не под силу. Я прочитал роман, когда отца уже не было в живых.

Слушая мой рассказ об отце, о его любимой книге, Шолохов раскрыл пачку и неспешно достал сигарету. Вставил ее в старый вишневого дерева мундштук.

— Выходит, мы с вашим отцом ровесники, — сказал Михаил Александрович. Прикурив, он глубоко затянулся. — То были хорро-шие воины! Мне тоже, как и вашему отцу, — осенью сорок первого довелось быть под Вязьмой...

Я слушал неторопливый рассказ Михаила Александровича о тяжелых кровопролитных боях на подступах к Москве и про себя подумал: так в бою могли встретиться в одном окопе писатель и читатель, выполнявшие свой священный долг по защите Отечества.

В день рождения отца, когда ему исполнилось бы 67 лет, я выехал в Вязьму, а оттуда автобусом — в Приголовки. До самой деревни автобус не доехал. Несколько километров надо было идти пешком. Осенний день выдался погожим. Хлеб убрали. Вокруг скирд соломы кружит воронье... Показалась деревня. Это и были Приголовки. На краю деревни я встретил старую женщину, несшую воду на коромысле. Разговорились. Ефросинья Трофимовна Филина всю жизнь была дояркой в колхозе, теперь на пенсии.

— А во время войны где вы были? — спросил я.

— Здесь и страждали, никуда не уезжали.

— В сорок первом около вашей деревни бои были? — спросил я.

— Еще какие! Вот здесь, милый, — показала Ефросинья Трофимовна, — были траншеи, где мы с детьми прятались, а там вон они стояли насмерть. Немцы со всех сторон, у них и танки, и артиллерия, а наши-то с винтовками...

Рассказ Ефросиньи Трофимовны совпадал с тем, что я слышал когда-то от полковника Красногиро. Мы прошли с Ефросиньей Трофимовной к тому месту, где раньше была братская могила.

Я рассказал о цели своего приезда. Молча постояли. Каждый думал о своем. Ефросинья Трофимовна в простых, душевных словах выразила мне свое сочувствие и пригласила зайти в гости.

На следующий день я поехал на Волковское военное кладбище, где в братской могиле был перезахоронен отец. Давно бы мне надо было это сделать. Ведь все так оказалось просто. Даже застал в живых свидетельницу последнего отцовского боя. А теперь вот Волковское кладбище... Знать бы раньше, можно было бы отстоять могилу у деревни Приголовки и не трогать ее. Я это пишу для того, что, может быть, кто-то из сыновей или теперь уж внуков погибших воинов вот так же, как я, все собирается да не соберется побывать на могиле своих родных — отца, деда, прадеда. А надо бы, обязательно надо.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Как у Пушкина все просто и мудро: «обретает сердце пищу»...

3

Помните, с какой гордостью Базаров в «Отцах и детях» И. С. Тургенева говорил: «Мой дед землю пахал». У меня же все вплоть до пятого колена не только пахали землю, но и защищали ее. Я интеллигент в первом поколении, а отсюда следствие — плодородный «пласт» академических знаний — жидковат. В этом смысле тот же разночинец Базаров или его собрат по сословию, но уже реальный человек — двадцатилетний сын священника — будущий историк В. О. Ключевский для меня, да, пожалуй, и для большей части моего поколения — недостижимая величина. Судите сами. Василий Ключевский учился в провинциальной Пензе в духовной семинарии. У нас бытует мнение, что там ничему путному не только не учили, но что и учить-то некому было. Так вот, имея знания в объеме такого «убогого» заведения, как духовная семинария, абитуриент Василий Ключевский, поступая в 1861 году на историко-филологический факультет Московского университета, держал экзамены по следующим предметам: сочинение, русская словесность, закон божий, история, география, математика, физика, классические древние языки — латинский и греческий (диктант, перевод, грамматика), немецкий и французский языки (диктант и перевод).

После экзаменов Ключевский в письме другу по семинарии Гвоздеву писал: «Первый экзамен был письменный. Тема: «Мое воспитание». «Господа, — сказал профессор, — пишите прямо дело, без философских умствований и предисловий». «Господа, — продолжал Буслаев речь этого профессора, — обратите особенное внимание на правописание: одна орфографическая ошибка отнимает право на поступление в университет...» С латинского переводил я речь Цицерона против Катилины. «Что вы переводили?» — спросил меня старик. Я сказал что-то. «Да, впрочем, — ответил он, — вы ведь на филологический факультет, так должны знать все», — и открыл Цицерона. Я перевел строк восемь довольно

опрятно. Затем началась грамматическая пытка, все формы глаголов, имен и пр. ...То же по-гречески: написали только не перевод, а диктант; пробрал меня один учитель по формам склонения и спряжения, разобрал я ему диктант; он был верен, только ударение одно я поставил не так... Заметь, что кончивший курс семинарии порядочно держит неполный экзамен» *.

Василий Ключевский с успехом выдержал неполный экзамен при поступлении в университет. Полный экзамен сдавали выпускники гимназий и лицеев. Можете себе представить, каков был уровень знаний, когда студенты заканчивали курс обучения в университете. Тот же самый исторический факультет спустя сто лет после Ключевского окончил и я. Честно признаюсь, после окончания университета я бы ни за что не выдержал экзаменов ни по классическим, ни по современным языкам в том объеме, который семинарист Ключевский сдавал при поступлении в университет.

По окончании университета мне довелось немало поездить и походить по Руси. Как говорится, сподобился я побывать на Соловках и на Валааме, на Кижах и в Оптиной пустыни. Дважды ходил пешком из Кириллова в Ферапонтово, чтобы поклониться гениальным фрескам Дионисия. Но больше всего люблю я небольшие города центральной России — Звенигород, Верею, Киржач, Загорск, Переславль-Залесский, Ростов Великий. Как только выпадает свободное время, еду туда поработать. Благо все это недалеко от Москвы — два-три часа на электричке, а потом попутной машиной.

Помню, в Переславле-Залесском местный краевед и коллекционер С. И. Чертаков показывал мне свое богатство, собранное на местной базе Вторсырья. Чего только не было в собрании Сергея Ивановича — монеты XV—XIX веков, медные иконки, древние литые чернильницы, оловянная посуда петровских времен, самовары, безмены, поддужные колокольчики из села Пурих и с Валдая.

— А старинные книги у вас есть? — поинтересовался я.

— Книги я не собираю, — ответил старый рабочий, — иначе бы весь дом завалил.

Мы пошли с Чертаковым на базу Вторсырья. Там готовили к отправке макулатуру. Я попросил разрешения посмотреть, нет ли чего интересного. Боже мой, что я увидел! В упакованных тюках оказались разрозненные тома Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, житийная литература, консисторские бумаги, церковные книги с записями о рождении и крещении — и все это было немилосердно разорвано, так как целые книги областная база считала «некондиционными». Полагалось переплеты отделить и упаковать отдельно. Я бросился было звонить в музей, но напрасно. База Вторсырья музею не подчинена, у нее свой план и свое начальство. Этот день для переславской базы был «удачен». Из старинной церкви в селе Купань вывезли тонну макулатуры. То, что там могли быть уникальные издания, ценные исторические документы, стоимость которых намного превышала бы несколько пятилетних планов районной базы Вторсырья, этого никто и в голове не держал. Ведь сдали же в Тутаеве уникальные чугунные полы из церкви XVIII века как рядовой металлолом. Вторых таких полов — чуда литейного искусства — во всей России не было.

---

* Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., «Наука», 1968, с. 26, 28—29.

В газете похвалили райком комсомола за инициативу по сбору металлолома, присудили первое место в области и вручили переходящий вымпел. А потом приехала комиссия из Москвы. Осечка получилась в Тутаеве, скандал на всю страну.

«Подвиги» контор Вторсырья у нас редко проникают в печать, а ведь можно было бы составить целую книгу. В селе Уборы под Москвой в храме, построенном гениальным зодчим XVII века Яковом Бухвостовым, был редкостной красоты резной иконостас, покрытый сусальным золотом. Вопрос, как «умно» оприходовать золото, многим не давал покоя. «Решение» все-таки было найдено. Приехала бригада «умельцев» (без единого топора), иконостас сожгли прямо в храме, а золу собрали в мешки и увезли промывать. Сколько золотников потянуло, сказать трудно. Скорее всего пропили за неделю, больше не продержались. А в Париже, к примеру, на Всемирной выставке 1867 года, не то что за весь иконостас, а за одни лишь резные царские врата из переславль-залесской церкви Введения, что в Рыбной слободе, была присуждена большая золотая медаль и диплом.

Иконостас в Уборах был красивее, чем в Рыбной слободе. Даром, что деревянный, а как литой из чистого золота. Потому и соблазнил «умельцев». В 1930-е годы, когда его сожгли, если бы иконостас вывезти на Всемирную выставку, то страховой полис на него должен был бы составить сумму, равную стоимости половины всех турбин, купленных нами для Днепрогэса.

О составлении страховых полисов на памятники нашей национальной культуры тогда, к сожалению, ни у кого вопросов не возникало. Более того, без ведома и согласия музейных работников наши художественные ценности оптом и в розницу распродавались за границу. В иллюстрированном журнале «Америка» № 136 спустя треть века даже похвастались на этот счет, поместив репродукции с картин, приобретенных в Эрмитаже Меллоном в начале 1930-х годов.

Сейчас можно подвести итоги. Нас крепко надули. Торговцами мы оказались никудышными. Цена проданных картин нынче составляет астрономическую сумму. Назову лишь три шедевра, принадлежащих ранее нам, а ныне находящихся в Вашингтонской Национальной художественной галерее — тициановская «Венера перед зеркалом», рафаэлевские «Святой Георгий, поражающий дракона» и тондо «Мадонна Альба». А всего из наших музеев распроданы сотни шедевров. Причем цены были бросовые. В том числе и на лучшую картину Ван Гога «Ночное кафе». Если «по гамбургскому счету», то эти реликвии мы просто не имели права продавать.

— Помню, в начале 1960-х годов прихожу я в кабинет главного хранителя Оружейной палаты Н. Н. Захарова. Он был всегда такой приветливый, а здесь встречает меня мрачнее тучи. Оказывается, Николаю Никитичу приказали готовить к продаже иностранной антикварной фирме Императорский коронационный сервиз. Небось помрачнеешь. А куда обратишься? Команда исходила с «верха». Николай Никитич категорически возражал, но с его мнением в Министерстве культуры не посчитались. Часть сервиза была продана.

Если в 1930-е годы распродажа с молотка исторических и художественных ценностей для пополнения государственных запасов инвалюты была абсурдом, то в 1960-е годы — заведомым пре-

ступлением. И тем не менее все это было. Потомки наши многого недосчитаются в национальных кладовых. Помянут они всех «щедрых» за государственный счет, даривших произведения искусства прямо из экспозиции музеев, как будто свою собственность дарили. Вспомнят историю и с бриллиантовыми украшениями, бравшимися из казны без зазрения совести. Потомки пофамильно счет выставят. Одним за иерархическую вседозволенность, другим — за рабское угодничество — «чего изволите...».

Мы сейчас сетуем, дескать, личностей не хватает. А откуда им взяться? Слишком долго под одну гребенку стригли. В сравнении с благодатными временами Лескова, когда «на мелких водах» Орловщины возрастало столько писателей, сколько ни в одной губернии России, сейчас у нас явная засуха. Снижение «урожайности» на таланты является следствием того, что при сверхглубокой «научной» запашке тонкий плодородный пласт, веками лелеемый нашими предками, оказался погребенным под толстым слоем щебня и глины. Межи перепахали. Исчезли с лица земли тысячи старых сел и деревень. Сугубая «мелиорация» напрочь осушила главные духовные родники. Родословные книги, оприходованные как макулатура, развеяли по ветру. Там, где не успели собрать «макулатуру», там косность и время свое дело сделали.

Владимир Солоухин едва ли не первым составил художественный «протокол» утилизации родимого нашего наследия. Узнав, что из церкви села Алепино работники конторы Вторсырья вывезли машину макулатуры, писатель бросился их догонять. Догнал и, не торгуясь, купил у них все оптом — книги о рождении и крещении жителей родного села, всякие там требники, синодики и в довершение всего — «Апостол» первопечатника Ивана Федорова. Такой книги и в областном музее не было, а ее — в макулатуру! Грустно, что, кроме Солоухина, никого из алепинцев не всколыхнуло, когда их родословные книги грузили на машину. Прав был Пушкин: «Мы ленивы и не любопытны». С учетом поправки на время сейчас бы следовало куда резче сказать.

Как было в солоухинском Алепине, так случилось и в селе Купань под Переславлем-Залесским. Только в Купани добытчиков из Вторсырья никто и не думал догонять. Есть, правда, и оправдание этому. В Купани к тому времени доживали свой век всего лишь трое стариков. Жизнь из села ушла, как вода из высохшего омута. Работники Вторсырья привычно «сделали» свой план. Больше их ничего не интересовало.

В тот день у меня с собой денег не было, поэтому я не смог откупить упакованные книги. Да мне бы все тюки и не стали распаковывать. Рабочие просто бы поленились. Сочли бы за блажь. Для них упаковка церковных книг о рождении и крещении их дедов и прадедов была рядовым делом. К этому они привыкли и монотонно выполняли «план» в течение десятилетий. Скажи я им под горячую руку о генеалогическом древе, о родословных, так еще бы куда следует заявили. Чего-чего, а на этот счет у нас туго дело было поставлено.

Из переславского музея никто, конечно, и не подумал прийти. Машины загрузили, и они уехали. Когда уходили с базы, я поднял разорванный кожаный переплет книги большого формата. Это оказался «Пролог — сиречь пролетное собрание святых жития»... Точно такое же издание 1875 года позже показывал мне главный хранитель Яснополянского музея Н. П. Пузин. Четыре тома «Про-

лога» подарил Толстому в один из своих приездов Лесков. Николай Павлович Пузин бережно доставал из шкафа толстенные книги и листал их. Почти на всех страницах были пометки и закладки Толстого. Лев Николаевич очень любил читать «Пролог». Во многие его произведения вкраплены мысли, почерпнутые из этой книги. А ведь сколько «Прологов» пошло в макулатуру. Жуть!

Я написал об этом в Министерство культуры РСФСР и предложил установить строгий музейный контроль за всем тем, что в старинных городах идет в макулатуру. На письмо получил ответ за подписью начальника Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры О. И. Пруцына, в котором он сообщал, что меры будут приняты. Через некоторое время я побывал в Череповце и Устюжне. На базах Вторсырья ничего не изменилось. Ценные реликвии потоком шли в утиль. Тогда я написал в газету «Советская Россия». Заметка «Хранить реликвии» была опубликована *. Но, к сожалению, она тоже не возымела никакого действия. Это я проверил на базах Вторсырья Загорска и Можайска. Заметками и циркулярами Министерства культуры положение не исправишь. Дело зашло слишком далеко. Несколько поколений было воспитано у нас на полном небрежении к своему родному, кровному. Остановить лавину нигилизма теперь не так-то просто. Чертополох на пепелищах быстро пускает свои корни и всегда забивает когда-то бережно взращенные мальвы, астры, анютины глазки.

Двадцать лет назад, объездив около сотни провинциальных музеев, я собрал уникальный иконографический материал и написал книгу «Древнерусский исторический портрет (Парсуна)». Куда только я не предлагал ее и все понапрасну. Прихожу однажды на прием в Госкомиздат, раскладываю на столе перед большим начальством фотографии и прошу назвать, чьи это портреты. Среди них были изображения Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, митрополитов Петра и Алексия, Ивана Грозного, Скопина Шуйского, Алексея Михайловича, протопопа Аввакума. Никто из них — не опознан. Вот если бы Александра Македонского, того бы обязательно угадали. И отца с матерью его назвали бы, и учителя Аристотеля, и даже любимого коня вспомнили. Сергия же Радонежского, сколько фотографий с икон, фресок, шитых пелен я ни выкладывал на стол, все равно не распознали. Да и откуда узнать — ни открыток, ни марок, ни портретов его не издают. Потому как святой, а это уже «опиумом» пахнет. Более того, чтобы не было поклонения «темных» людей, прах его родителей Кирилла и Марии из собора Хотьковского монастыря выбросили, а в церкви его имени в родных его Варницах, что под Ростовом Великим, инкубатор открыли.

Вы думаете, со мной заключили договор на «Древнерусский исторический портрет»? Ничуть не бывало. Сказали, что социальный состав портретированных не тот — одни святые, князья, бояре. А где крестьяне, ремесленники? Пробовал доказать, пока без успеха. Ну что же, двадцать лет ждал, подожду еще. Теперь уж, поди, недолго осталось.

Конечно, книгу хорошо бы издать, пока гром не грянул. Сталин в начале Великой Отечественной войны не случайно ведь помянул с самой высокой трибуны Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Ми-

---

* Газета «Советская Россия» от 24 февраля 1977 г., № 47 (6295).

хаила Кутузова. Вот когда наша родословная до самого тридцатого колена понадобилась. Вопрос стоял о жизни и смерти. Для поднятия народного духа разрешили тогда затеплить лампаду над ракой патрона русского народа — Сергия Радонежского. Ее до этого неосмотрительно задули, а с тех грозных, памятных дней она и по сей день теплится.

4

Откуда я «есть пошел», туда сорок пять лет спустя я и вернулся. Специально подгадав отпуск, мы летом приехали всей семьей в Гдов. Много воды утекло в неторопливой речке моего детства. Не увидел я на ней ни запруды, ни мельницы. Старая крепость осела и разрушилась. Все, что было за ее стенами, во время войны сгорело. Сгорел тогда и весь город. Лишь единичные дома уцелели. До войны в Гдове был богатый краеведческий музей, с дореволюционных времен существовала любительская драматическая труппа, камерный симфонический оркестр. Теперь этих очагов культуры нет. Пройдя по центру города, мы направились на улицу Освобождения, где когда-то был наш дом с яблоневым садом. Навстречу шел мужчина, неся воду с колодца. Он остановился у дома, в котором жил когда-то мой однокашник Коля Калашников — «атаман Козолуп», посадивший мне бельмо на глазу. Я попросил дочерей подойти и спросить у него фамилию хозяина дома.

— Дом мой, а фамилия моя Калашников, — приветливо ответил мужчина.

Мы обнялись. Я представил своих. Вошли в дом. Коля живет бобылем, воспитывает племянницу — дочь умершей сестры. На стене в горнице висела старая школьная фотография.

— Коля, ведь ты был лучшим учеником в нашем классе! Кем ты работаешь?

— В отделе кадров деревообрабатывающего завода. Я так и не выучился. Война, эвакуация, рано пошел работать, тяжело болел, теперь на инвалидности...

Я поделился с Колей давней мечтой передать в дар Гдову свое собрание гравюр и картин. Оно насчитывает более ста работ. Среди них есть произведения академиков, народных и заслуженных художников: С. В. Герасимова, В. А. Ватагина, А. П. Полюшенко, Г. Ф. Захарова, Н. И. Барченкова, И. Т. Сандырева, К. Н. Бритова, Н. К. Кузнецова. Мы решили не откладывать дело в долгий ящик. На следующий день договорились в райкоме партии об организации в городе картинной галереи. Районные власти заверили меня, что выделят для этого старинное здание, занятое ныне под гостиницу. Пока в здании будет вестись ремонт и приспособление под картинную галерею, я обещал составить каталог, описать наиболее ценные произведения. К сожалению, районные власти не долговечны. Пришли новые люди, и вопрос о помещении для картинной галереи повис в воздухе. Я верен своему слову. Собрание мое растет, и я надеюсь, что в Гдове будет картинная галерея.

По моему разумению, кроме любимой работы, человек обязательно должен быть причастен к какому-то большому общественному делу. Таким делом для меня вот уже четверть века является охрана и пропаганда культурно-исторического наследия России.

Именно на этом общественном поприще судьба счастливо свела меня со многими видными патриотами — учеными, писателями, художниками, реставраторами. Учась на их примере действенной любви к Родине, мне тоже хотелось внести свою посильную лепту в упрочение нашего национального духовного богатства. Как это у меня выходило, не мне судить. Могу лишь сказать, что общественная работа дала мне нравственный стержень — сознание, что я живу и борюсь не напрасно.

Вопрос «корней», связи с прошлым во имя будущего — остро поставлен в повестку дня. Самосознание нации слагается из самосознания индивидов — граждан Отечества. Понятное дело, здание это строится не один день. Взорвать его можно в одночасье, а вот складывается оно долго — из миллионов кирпичиков, сцепленных самым крепким цементом — любовью к Отечеству.

«Политическая крепость прочна только тогда, — писал В. О. Ключевский, — когда держится на силе нравственной»*. Нравственное самосовершенствование личности, а значит и общества — вещи взаимосвязанные. Важным инструментом в этом является гласность. Я считаю, что уничтожение исторического наследия — это идеологическая диверсия, преступление против нравственности, умышленное выбивание звеньев из цепи Времени. А раз это так, значит, диверсантов надо — к ответу. Срок давности диверсий, как и во всех случаях особо тяжких преступлений, оправданием быть не может. Показательна в этом отношении 10-я отчетно-выборная конференция Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (апрель 1987 г.). На конференции выступил Герой Советского Союза, заведующий кафедрой Института военной истории генерал-лейтенант Г. Ф. Самойлович. Он внес предложение, единодушно поддержанное делегатами, о привлечении к судебной ответственности Л. М. Кагановича и В. В. Гришина за преступные действия, связанные с уничтожением памятников исторического центра Москвы.

Осознав и сопоставив вопиющие факты уничтожения памятников Отечества, проникаешься чувством нашей общей ответственности за все то, что досталось нам по наследству от отцов, дедов, пращуров. Охрана памятников Отечества становится не отвлеченным понятием, а заботой каждого. Это возможно только лишь в том случае, когда знаешь и уважаешь прошлое своей семьи, своего родного села и города, ибо из этого и рождается чувство преемственности поколений, а значит и патриотизм.

Я смог погрузиться в свое прошлое лишь до пятого колена, и то не до конца. По отцовской линии знание моего прошлого обрывается на дедах. Однако и этого достаточно, чтобы понять простую истину — чем глубже корни, тем мощнее крона. Корнями надо дорожить. Иначе любое древо засыхает.

●

* Ключевский В. О. Очерки и речи, 2-й сб. статей. М., 1913, с. 213.

ПОЭЗИЯ

Сергей ОСТРОВОЙ

ВЕРА

ИСТОРИЯ

Почему-то,
почему-то,
почему-то
Древний свой отмеривая путь,
На меня чернец угрюмый смотрит
люто,
И уже не разминуться. Не свернуть.

Вот сейчас он на меня петлю
набросит.
Видно, в чем-то я великом виноват.
А по Лобному дожди гуляют. Осень.
До чего же нынче воздух сыроват.

Не от слез ли, что катились тут
ручьями?
Не от потной ли рубахи палача?
Смотрят головы безгрешными
очами,
По булыжнику
по серому
стуча.

Я вины своей не ведаю. Пойми же.
И душа моя пряма. А не крива.
А чернец-то подбирается все ближе,
И такие говорит он мне слова:

— Повинись перед землей. Перед народом.
А уж врать начнешь — пощады не проси.
Ты сумел бы достославно, год за годом,
Рассказать сейчас Историю Руси?

Ты сумел бы обозначить все походы?
Да и вспомнить всех больших ее мужей?
И поля ее, леса ее и воды,
Где своих она теряла сыновей.

Говори же. Отвечай. Почто запнулся?
Всех припомни. Всех. До одного.

. . . . . .

А потом пришел рассвет. И я проснулся.
Свет в окне. И нету никого.

ВЕРА

Воздаю незрячему Гомеру.
И сказал великий этот грек:
Если человек теряет веру —
Значит, он уже не человек.

Значит, что-то в нем заледенело.
Застудилось гибельной бедой.
Вера — это поле. Без предела.
С теплой незакатною звездой.

А когда ее закроет туча,
И опять закроет, и опять,
Вера — это жребий, это круча,
На которой надо устоять.

Не на миг один, не на мгновенье,
А надолго. Может, навсегда.
Вот где проверяется терпенье.
Жестко. Как железная руда.

ВРАЧ

Я должен вот сказать о чем:
Всю жизнь хочу я быть врачом.

Кому-то боль невмоготу.
И — кровь по белому бинту.

Кого-то рядом от обид
То в жар бросает, то знобит.

А кто-то слеп. А кто-то глух.
Кого-то злоба ранит вслух.

Кого-то исподволь. Тайком.
Как будто в душу сквозняком.

И горько плачет инвалид.
А у него душа болит.

А на земле двадцатый век.
Все меньше пашен. Меньше рек.

Все злее взводит свой курок
Немилосердно-мудрый рок.

И меркнут краски красоты,
Не достигая высоты.

Вот почему — я вот о чем:
Всю жизнь хочу я быть врачом.

Чтоб стало слово-чудодей
Нечерствым хлебом для людей.

ПЛАЧ

Жила-была на свете
Веселая река.
Ей ветер на рассвете
Почесывал бока.

Разглаживал ей складки.
Гуляй себе, река.

Как белые палатки
Стояли облака.

В узорчатом окладе,
В заглавной красоте,
На ярко-синей глади,
На вечной высоте.

Внизу, под облаками,
Поеживаясь чуть,
Прозрачными руками
Русалка гладит грудь.

Потом шагнет небыстро
В шальной водоворот.
Летит речная искра
За дальний поворот.

Весь день река в работе.
И зеленью, вразрез,
Ее на повороте
Всегда встречает лес.

А нынче? Где он? Или
Сбежал от встречи прочь?
Его вчера срубили.
В глухую эту ночь.

И в горе том незрячем,
На годы, на века,
Протяжным древним плачем
Заплакала река.

ОТРАВА

Ходит утренняя тень
По кривым дорожкам.
Дикий голубь витютень
Плачет за окошком.

А ему бы горе прочь
Да кружить по свету...
Что же все-таки всю ночь
Точит душу эту?

Или жить невмоготу
Оттого, что рядом
Кто-то травит высоту
Замутненным ядом?

Плачет голубь. Глохнет глушь.
Светят звезды еле...

Не бывает малых душ
Даже в малом теле.

НАУКА

Две подружки встали над обрывом.
И стоят. Береза и ольха.
Над обрывом гром гремит разрывом.
И бежит. В низину. От греха.

Я люблю, когда играют громы.
Мечется по веткам непокой.
И плывут, как черные паромы,
Тучи над разбуженной рекой.

Безоглядно молнии гуляют.
Огненные кружатся цветы.
Опыляют душу. Опаляют.
Грозным приближеньем высоты.

И тогда-то посреди содома
Я учусь — забыв про тишь и гладь —
Не бояться пагубного грома,
На ухабах душу не сломать.

ПОЭЗИЯ

Леонид ЧИКИН

С БОЛЬЮ

МИННЫЕ ПОЛЯ

На мирной мы земле живем,
где пули не свистят.
Но минные поля — кругом,
куда ни кинешь взгляд.

И разминированных зон
у нас почти и нет:
Миншум,
Минсвет,
Мингром,
Минзвон,
Минстрой и Минцветмет...

Не так назвал их, может быть.
Но я ж не ЭВМ,
чтоб в памяти своей хранить
и знать их. А зачем?

«Научно все, — внушают нам, —
не просто наобум.
МинБАМ — ведь это не «бам-бам»,
и не «бум-бум» — Минбум...

Природу в гриву бьем и в хвост.
Куда ей против нас?!
Где с ней не сладит Минводхоз,
там подмогнет Мингаз.

У мин замедленный завод,
от них спасенья нет.
Заряды рвутся через год,
через десятки лет.

И рушится природы дом
от мин и там, и тут.
Взорвав Арал, они потом
Байкал, Катунь взорвут.

Миноискатель ни к чему,
коль мины на виду.
Но непонятно, почему
себе же на беду

с родной природой — «Ну, держись!» —
идет у нас война.
А шар земной один. И жизнь
у каждого одна.

Так не пора ль уже сейчас
решить вопрос один:
не слишком много ли у нас
не очень нужных Мин?..

ЗОЛОТАЯ ЛИ?

Не знаю — и надо ль стремиться
ответа искать на пустой
вопрос:
кто же первым пшеницу
придумал назвать золотой?

Была б золотой в самом деле —
мы б стали намного умней,
как нынче, уже б не посмели
«заботиться» так же о ней.

Была б золотой она, значит, —
любая нужда не страшна,
и всех эмиратов богаче
жила бы родная страна.

Ведь золото — мало иль много —
все ж бережно люди хранят,
не топчут в грязи на дорогах,
под снегом его не гноят,
никто еще золото птицам
в полях, как зерно, не бросал...

Кормилица наша — пшеница,
а золото — просто металл.
И, видно, не стоит, не надо
металл этот сравнивать с ней...

Вот та, что везем из Канады,
та золота даже ценней...

Вадим ЦЕКОВ

В СХВАТКЕ

Киноповесть

Киноповесть В. Цекова «В схватке» затрагивает самый нерв нынешней идеологической борьбы, которую иные из публицистов, кичащиеся собственной агрессивностью, открыто называют «своей маленькой гражданской войной». Знакомя читателей с цепочкой определенных событий и фактов, автор показывает нам силы, противодействующие революционной перестройке. Разного рода проходимцы, уголовные элементы, матерые мафиози, политиканствующие дельцы от науки и искусства, люди, снедаемые честолюбием, жаждой тщеславия, обогащения и наживы, легко находят друг друга и так же легко оказываются послушным орудием в руках тех, кто цепко, последовательно, с отменной профессиональной выучкой плетет паутину антисоветизма, готовит соответствующие кадры и

формирует из них наступательные отряды. Нет сомнений, что своей мишенью реакция вновь избрала социализм.

Подкармливаемые из-за кордона, эти силы готовятся в наступление по всему фронту. Уже сейчас они активно пытаются на волне демократизации проникнуть в коридоры и кабинеты власти, захватить средства массовой информации, дестабилизировать экономику и политическое состояние общества.

Можно спорить, сколь велика опасность, на которую указывает В. Цеков. Но сама недооценка такой опасности, благодушествование при виде двойной морали «застрельщиков» перестройки, с необыкновенной легкостью манипулирующих коммунистическими лозунгами, принципами ради своих целей, чревата тяжелыми последствиями.

Именно поэтому анализ сложившейся обстановки, данный В. Цековым, представляется важным не только в частностях, но и в выводах, в обобщениях — как они ни горьки и тревожны.

Разоблачение международных подрывных сил, их пособников внутри страны хотя и показывает накал идущей борьбы, но еще не обеспечивает ее исход. Автоматически исход этот не предрешен, мы видим и ощущаем это постоянно. И лишь от участия в этой борьбе каждого гражданина зависят наши судьбы: потеряем ли мы свою самостоятельность и станем сырьевым придатком международных монополий или сумеем дать им отпор, предоставим простор таящимся в народе созидательным возможностям. Мы сильны правдой и правдою победим.

В. ОСИПОВ,
ст. следователь Мособлпрокуратуры,
мл. советник юстиции

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖАРКИЙ летний день. По густому лесу, тяжело дыша, спотыкаясь и оглядываясь, бегут двое. На плече у одного, что немного приотстал, большая синяя сумка, он хрипит от натуги, тяжело дышит. Слышится, приближаясь, шум погони, лай собак.

Добежав до лужайки, тот, что впереди, резко останавливается:

— Все, Тенгиз!.. Не уйдем. Вываливай бабки!

Тут же нагреб возле куртины сушняка. Извлек из кармана зажигалку.

— Плинтус, ты что задумал? — вскрикнул Тенгиз.

— Вываливай! — грозно бросил ему Плинтус.

Тенгиз дрожащими руками раскрыл сумку и опрокинул ее на сушняк. На траве вырастает груда ассигнаций. Плинтус подносит зажигалку, огонь робко лизнул ближнюю бумажку. Деньги сильно дымят.

Лай собак совсем близко.

— Это же миллион! — вопит Тенгиз. — Мил-ли-он!.. Шестопал не простит.

— Кретин! Были бы кости, мясо нарастет. Зато улик не будет!

ЮЖНЫЙ город. Вечер. В вестибюль гостиницы «Приморской» входит рослый, худощавый лицом человек с «дипломатом» — Корнев. Широко шагает по коридору первого этажа. Останавливается напротив дверей с цифрой 110, отпирает. Включив свет, видит сервированный стол. Сразу же, заперев дверь, направляется к дежурной по этажу:

— Я из сто десятого. Кто накрыл стол в номере?

— Замдиректора приходил, официант с тележкой. Говорят: открой, гость заказал ужин.

— Я не заказывал. Прошу убрать.

— Нет, что вы! — отмахивается дежурная. — Какое мое дело! Пусть администратор решает!

Корнев в холле, у стойки администратора.

— В мое отсутствие в номере накрыли стол. Немедленно распорядитесь убрать.

— Ничего не знаю, — отводит глаза администратор.

— Тогда разрешите позвонить от вас.

— Пожалуйста.

Корнев звонит:

— Алло! Это из «Приморской». У меня в сто десятом номере без моего ведома накрыт стол. Срочно пришлите сотрудника...

В НОМЕРЕ работник ОБХСС, понятые, замдиректора ресторана. Официант увозит на тележке угощения, прикрытые белоснежной скатертью. Замдиректора оправдывается:

— Товарищ — гость нашего города. Мы хотели оказать ему любезность, да?

— И вы всем гостям города оказываете такую любезность?

Один из понятых — парень из соседнего номера — смеется.

УТРО. В гостиничном номере Корнев, включив электрическую бритву, бегло просматривает документы, разложенные на столе.

Телефонный звонок.

— Валерий Иванович? — слышен в трубке вежливый мужской голос.

— В какой-то мере.

— Так это вы или не вы?

— Допустим, я.

— Валерий Иванович, дорогой, уважаемый, с вами говорит министр торговли Гаджиев. Мы рады, что вы посе-

тили нашу солнечную республику. Мы очень рады! И очень прошу ко мне. Это рядом. Вам только перейти площадь. С нетерпением жду, дорогой.

КАБИНЕТ Гаджиева.

— Поверьте, Валерий Иванович, — продолжает убеждать министр, — управляющий трестом ресторанов и столовых Евгенидзе — достойнейший человек. Кристальной чистоты. И все эти бумажки, которые у вас, — наветы, ложь. Порвите их и выбросьте, дорогой. А вечером прошу ко мне на дачу. Море, пляж, тишина...

— Заманчиво, — говорит Корнев, в упор разглядывая министра.

В дверь без стука, как свой, входит плотный, коренастый человек лет сорока — Гундос. Увидев постороннего, тут же ретируется:

— Пардон! Я позже...

ВЕЧЕР того же дня. Набережная у вокзала, отделенная от города железнодорожным полотном. На остывающих камнях пляжа среди игроков в карты Гундос и Плинтус. По асфальтированной дорожке медленно идут Корнев и девушка с раскрасневшимся, восточного типа лицом.

— Паша, это тот Корнев? — восклицает Плинтус. — Ну что ж! Глянем на спектакль...

— В тресте только и разговоров, что о вас, — говорит девушка.

— Утром мне позвонил Гаджиев, — перебивает ее Корнев. — Пригласил к себе на дачу. В данный момент я должен быть там...

На дорожке перед ним вдруг возникает высокий, атлетического сложения мужчина.

— Вы задержаны! Ваши документы! — Одна рука атлета в кармане брюк, в другой, вытянутой, какое-то раскрытое удостоверение.

— А вы убирайтесь! — бросает он девушке. — И быстро!

— Документы, и ваши и мои, будем смотреть в «Приморской», — спокойно отвечает Корнев. — Джубайрат, вы идете со мной.

Он обходит атлета слева, девушка справа.

— Уезжайте! — прерывистым от волнения голосом умоляет Джубайрат. — Немедленно уезжайте!

— Спокойно, — отвечает Корнев. — Идите не оборачиваясь.

— Это очень серьезно! Я видела его глаза! Страшно! — настаивает девушка.

Они подходят к мосту, поднимаются по ступенькам. Корнев мельком, вполоборота смотрит на дорожку — никого.

— Я улетаю завтра, — говорит Корнев. — А сейчас должен быть в гостинице. У входа меня будут брать... Вероятно, будут. Завтра утром позвоните. Если я уехал, вам скажут.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день — Корнев в кабинете начальника горотдела милиции Дурасова.

— Не совсем понятно, — начинает Корнев разговор, — зачем понадобилось посылать наряд милиции к бухгалтеру Аникину именно ночью, точнее, в четыре часа утра?

— Команда была такая: операцию закончить к полудню, — неохотно поясняет Дурасов. — Этого Аникина надо было доставить в другой город, в психбольницу. Там ему уже выделили место. А езды в один конец по меньшей мере три часа, да еще на оформление приема как минимум час.

— И почему же сорвалась операция?

— Дом проснулся, соседи вступились. А тут еще прокурор нас не поддержал. К тому же, как потом выяснилось, врачи подписали заключение, что Аникин страдает психопатией с декомпенсацией, даже не повстречавшись с ним. Как бы заочно...

ГОРОДСКАЯ площадь. Сквер. Корнев поднимается со скамейки навстречу сгорбившемуся, тяжело ступающему старичку — Аникину.

— Михаил Иванович, ну что же вы! Я прерываю все встречи, спешу сюда, как условились, жду, а вас нет!

— Извините, — с трудом произносит Аникин.

— При чем тут «извините»! Вы принесли документы?

— Не принес.

— А написали, что я просил?

— Нет.

— Как «нет»! Почему? — еле сдерживает себя Корнев. — Мы же обо всем договорились! И вы обещали. А сейчас получается, что вы главный, кто мне мешает...

Смотрите, какой информацией меня снабдили должностные лица по вашей истории!

Корнев садится, раскрывает «дипломат». Рядом присаживается Аникин.

— Ложь! — возмущается Аникин, листая документ.

— Теперь полюбуйтесь, что сообщает нам достойнейший подполковник Дурасов.

— Я вам вначале не поверил, — признается Аникин, возвращая документ Корневу.

— Почему?

— Подумал, вы приехали, чтобы меня посадить.

— Ну, а теперь?

— А теперь, — говорит Аникин, доставая из внутреннего кармана пиджака газетный сверток, — вот здесь все, что вы просили.

НА МОСКОВСКОМ кладбище — последние минуты прощания с известным поэтом. Слышен стук молотка, забивающего гвозди в крышку гроба. Вдова покойного Эдит, приоткинув темную вуаль, промокает батистовым платочком уголки глаз. Ее поддерживает под руку светловолосый, элегантно одетый мужчина с мушкетерской бородкой и усиками — Шестопал. В толпе мелькают Гундос и Плинтус.

— Я сегодня же возвращаюсь через Брюссель, — вполголоса говорит Эдит Шестопалу, не отрывая взгляда от гроба. — Вскоре буду снова.

— Все необходимое подготовим к приезду, — шепчет в ответ Шестопал.

РЕДАКЦИОННЫЙ КАБИНЕТ. За окном дождь. Корнев звонит по телефону.

— Наташа?.. Да, я. Слушай, театр придется отложить... Да, опять. В Северск, на день-другой... Нет, перенести не могу... Алло! Алло!..

Входит товарищ Корнева — Матвеев. Он медлителен, почти вял в движениях, но взгляд серых глаз внимателен. Улыбается:

— Докладываю: твой фельетон шефу приглянулся. Пойдет послезавтра. Нужен только другой заголовок.

— А кто ведет номер?

— Тулупов.

— Неважный расклад: буду в Северске, и без меня материал может слететь.

— Не беспокойся. Если что — выйду на главного. К тому же Тулупов публично заявил: «Фельетон Корнева — гвоздь номера».

— Твоими бы устами... Ладно. Документы, Женя, здесь. — Корнев приминает рукой пухлую папку, лежащую на столе. — А насчет заголовка позвоню тебе сегодня же из института.

— Здравствуйте, Валерий Иванович! — раздается веселый девичий голос. Корнев и Матвеев оборачиваются — в дверях Лена.

— Добрый день, — отвечает Корнев. — Что скажете?

— А ничего! Я просто так заглянула. — Лена закрывает дверь.

— Прекрасное видение, — улыбаясь, комментирует Матвеев, — почитательница твоих талантов. Между прочим, открою секрет: наш корректор Елена Синицына ведет альбом «Все о В. К.». Коллекционирует публикации и высказывания некоего Корнева.

— Секрет понятен, Женька. Корректор Синицына пишет диплом «Фельетон и перестройка».

— Конечно, тут без тебя не обойтись, — смеется Матвеев.

ПРИХОЖАЯ квартиры Тулуповых. В распахнутую входную дверь двое мужчин вносят аккуратно запакованные ящики.

— Вот сюда, сюда, — указывает нарядно одетая Нина Самойловна.

Мужчины ставят ящики и молча уходят, столкнувшись в дверях с Тулуповым.

— Что за люди, Нинуся? — захлопывая дверь, спрашивает он.

— Объясню по пути на выставку.

— Ты готова?

— Вполне, котик. И отпусти шофера. Поедем на нашей.

КОРНЕВ и ЛЕНА сидят в холле редакции.

— Ну-с, какие же у вас вопросы, дипломница?

— Уйма. И как вы находите проблему, и как собираете факты, и как их документируете... Но, честное слово, ведь неловко здесь!

— Не будем тратить время. Итак, спрашивайте.

— Не знаю даже... Ну, например... Для многих вы —

человек странный и даже малопонятный. Не обижайтесь, пожалуйста!

— А где же вопрос? Жду, — улыбается Корнев.

— Ну, хорошо. В редакции многие недоумевают, почему вы часто ездите в командировки... без командировочных.

— Приведу для начала пример. Лет десять назад я выступил с фельетоном по Кавминводам. А вскоре пошел мой критический материал по Краснодарскому краю.

— Я его читала, и по Кавминводам — тоже.

— И вот, не хочу называть фамилии собкоров по этим регионам, встречаются они со мной и подковыривают: мол, знает Корнев, какие командировочки себе выбивать на лето. Предвидя такие подковырки, я и хочу заранее пресечь любые разговоры о каком бы то ни было корыстном моем интересе к югу в летнее время. Да главное даже не в этом! Не хочу связывать себя командировочными прежде всего потому, что возвращаюсь, как правило, с острым материалом, задевающим интересы многих. Это порой ставит редакцию в сложное положение. И находятся в редакции люди, которые не хотят тревожить этих многих, потому что заботятся прежде всего о себе. А я, Леночка, считаю, что истина не может зависеть от тех или иных руководителей отдельной редакции. И, не связанный финансовыми отношениями с нею, я имею моральное право обратиться со своим материалом в другое, более принципиальное издание. Понятно?

— А что вы считаете актуальной проблемой?

— Это когда вы стоите, зажмурив глаза, у карты нашей страны, тыкаете пальцем в любую ее точку, и везде такая проблема есть.

— Еще говорят, Валерий Иванович, что у вас есть принцип «одного дня». С вечера приехал — следующим вечером уехал. Чем это вызвано? И можно ли за такой короткий срок собрать нужный материал?

— Можно, если тщательно подготовиться к поездке, если ты знаешь точно, кому и какой вопрос задать. Теперь о принципе «одного дня». На собственном опыте я убедился, что за сутки даже самые прожженные негодяи никогда не успевают сговориться о едином плане действий.

— И еще вопрос, Валерий Иванович! Последний, самый последний, извините. Одно выступление ваше идет в номер, другое готовится, еще несколько заданий в рабо-

те. Это как-то ненормально, что ли. Работа на износ, какая-то напряженка...

— А иначе и быть не может. Достаточно мы полежали на боку. Считали это нормальным, и вот человек спускается с лежанки и видит, что плетень завалился, крыша прохудилась, в хлеву, извините, по колено. Так что делать-то? С утра до вечера! Без передыху. Разве это ненормально? Это естественно для любого нормального человека. Так что я не считаю себя каким-то исключением.

— А можно я все это использую в дипломной работе? Все, как вы говорили?

— Для того и говорил, чтобы использовали.

ТЕМНО-ВИШНЕВЫЕ «Жигули» мчат по улице. За рулем Нина Самойловна. Рядом Тулупов.

— ...Ты помнишь Зураба? — вскользь спрашивает жена.

— Какого?

— Ну, когда мы были в Пицунде... Того хлебосола с осиной талией.

— Припоминаю. И что?

— Это он прислал фрукты, коньяк...

— Что этому Зурабу надо?

— Снова ваш Корнев.

— Не понял.

— Он побывал в тресте Зураба и увез компромат.

— В каком тресте? У какого Зураба?

— У Евгенидзе.

— Тогда можешь его поздравить, — после паузы говорит Тулупов. — Фельетон Корнева о нем уже набран и идет послезавтра.

— Да ты что!.. — в растерянности произносит Нина Самойловна.

— Ну, я-то знаю. Я веду этот номер.

— Ах ты ведешь, — успокаивается жена. — Тогда есть надежда.

— Какая, Нинуся? Практически это сейчас не в моих силах.

— Ничего себе сюжетец! Ты его, по сути, воскресил для журналистики и уже справиться с ним не можешь. Нет, нет, этому забияке надо пощипать перья.

— Как ты себе это представляешь? — с иронией спрашивает Тулупов. — Ведь он набрал такие обороты! Что

ни материал — сенсация. И сам его поддерживает. Берется за самое огнедышащее.

— И ни одного прокола?

— Ты же знаешь, как он работает, стервец. С прочнейшим запасом по каждому факту.

— А как у него семейные дела?

— По-моему, нормально.

— Не погуливает?

— Никакой информации, Нинуся.

— Деньги?

— Не падок.

— Пьет?

— Не замечено.

— Скажите, какой «чистюлечка»! И как это ему удается — совмещать работу в правовом и создавать свои «огнедышащие» фельетоны?!

— Вуз-то у него заочный.

— А ты поговори, поговори все же с его ректором. Порасспрашивай. Копни. А для начала постарайся фельетон из номера снять.

— Я же говорил тебе...

— Постарайся, Тулупчик. Предлог найти нетрудно. У таких, как Корнев, врагов всегда с избытком.

«Жигули» подкатывают к выставочному павильону. Тулуповых встречает председатель оргкомитета с эмблемой выставки на лацкане пиджака, знакомит со статным мужчиной.

— Заместитель министра Чистяков Михаил Борисович, первый заместитель главного редактора...

— Благодарю вас, — прерывает комитетчика Тулупов. — Мы с Михаилом Борисовичем давние и добрые знакомые. Моя супруга, — представляет он Нину Самойловну.

— Очень рад, — говорит Чистяков. — Сочту за честь ознакомить с нашими экспонатами.

Идут по павильону.

— Позвольте обратить ваше внимание на последнюю разработку — комплект мебели для четырехкомнатной квартиры. Ведь по комнате на человека — не такое уж далекое будущее.

Нина Самойловна в восхищении застывает у новинки.

— Сашенька! — восклицает она. — Это же гарнитур из сказки! Именно о таком я мечтала!

— Нина, не забывай: это выставка, — с наигранной строгостью говорит Тулупов.

— Для вас, Нина Самойловна, сказка может стать былью, — улыбается Чистяков. — Ведь сегодня выставка закрывается...

КАБИНЕТ ректора. По селектору голос секретарши:

— Виктор Ильич, возьмите трубочку. По городскому — зам. главного редактора газеты Тулупов Александр Федорович.

Ректор берет трубку.

— Доброго здоровья, Александр Федорович! Слушаю вас внимательно... Что?.. А как же! Трудится у нас доцент Корнев! И мы им весьма довольны. Читаем его зубодробительные фельетоны и, не скрою, гордимся, что рядом с нами такой вот боец пера... Что?.. Вас понял. Конечно же, если газета просит, мы незамедлительно характеристику на Корнева представим... Всего доброго.

Ректор кладет трубку. В задумчивости барабанит пальцами по столу.

— Видимо, — прикидывает он вслух, — берут опять в газету, в штат... Что ж, и нам поспокойней будет. Дадим характеристику самую блестящую. Немедленно.

Ректор нажимает клавишу селектора. Голос секретарши:

— Слушаю, Виктор Ильич.

Помолчав, ректор отпускает клавишу.

— А вдруг наш Корнев задымился? — сам себя спрашивает он. — Какую тогда давать?..

УЧЕБНАЯ аудитория. За столом напротив Корнева — студент.

— По билету у меня все, — заканчивает он.

— Неплохо, — говорит Корнев. — Материалом вы владеете. И мне непонятно, почему у вас задолженность.

— Были осложнения по работе.

— А кем вы работаете? — спрашивает Корнев, мельком глянув на сильные руки студента с неотмывающимися следами смазки и аккуратно подстриженными ногтями.

— Слесарем-ремонтником. Пятый разряд.

— Что же приключилось? Если, конечно, не секрет...

— Наш главный механик организовал подпольный автосервис. Для нужных людей. Ну, я на собрании об

этом — напрямую, факты привел. И закрутилось. Где какая неполадка, на меня приказ. Потом уволили по статье. Только неделю назад суд меня восстановил. С оплатой за вынужденные прогулы. А против главного возбуждено уголовное дело. Точнее, против бывшего главного.

— Вы что же, о махинациях своего начальника один знали?

— Почему? Знали все... Только я молчать никогда не буду!

— Уверены?

— А собственный опыт убеждает! В жизни два варианта: или ты стоишь за правду, или против нее. Третьего не дано, по-моему.

— И какие же у вас планы?

— Прежде всего закончить институт... Хочу знать законы, чтобы помочь людям жить по правде.

В аудиторию заглядывает преподаватель Воинов. Входит.

— Извините, я на секунду, — говорит он и, наклонившись к Корневу, негромко спрашивает: — Говорят, вы были у ректора?

— Посетил, — отвечает Корнев.

— Он только что вызывал нас к себе, — еще более понижает голос Воинов. — Очень нервничает. Распаленный такой. — И, бросив взгляд на студента, уже громко: — А вы что, экзамены принимаете? Ну не буду мешать.

Уходит. Корнев пододвигает к себе зачетную книжку, говорит студенту:

— За ответ ставлю вам «четыре» и один балл за стойкость. Итого «пять».

ПОЗДНИЙ вечер того же дня. Квартира Тулуповых. Нина Самойловна сидит у трюмо, накладывает на лицо питательную маску. В спальню входит Тулупов в пижаме.

— Котик, ты выполнил мою просьбу? — не отрываясь от своего занятия, спрашивает Нина Самойловна.

— Какую?

— Насчет правового...

— Звонил.

— И что же?

— Ректор стал петь ему дифирамбы.

— Значит, ты не нашел подхода. С утра запроси на него характеристику... Для редакции.

— Какой смысл? — усмехнулся Тулупов.

— Для зацепочки.

— Наставница моя дорогая! — не сдержавшись, ликует Тулупов. — Я именно так и сделал!

— Умница. Растешь. И все же надо, чтобы фельетон о Зурабе не пошел.

— Попытаюсь, но сложности есть.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, утром. Комната Корневых. Он кладет в «дипломат» блокнот, электробритву и прочее.

— Вы, конечно, опять по важной государственной проблеме? И, кроме вас, никто больше ее не поднимет? — с сарказмом спрашивает жена.

— Наташа, ты повторяешься, — говорит Корнев.

— Возможно. Но сейчас я тебе скажу нечто новое. Ты живешь только своими делами, а дому, семье — ноль внимания. И не исключено, что я заберу Маринку и уйду.

Корнев смотрит на часы и молча направляется к двери.

ВНИЗУ, за иллюминатором самолета, медленно проплывают равнины облаков. Корнев подремывает, откинув голову на спинку сиденья.

— Граждане пассажиры! — объявляет бортпроводница. — Наш самолет пошел на посадку. Просьба застегнуть ремни.

Корнев приник к иллюминатору. Самолет, пробив облака, идет над тайгой.

— Товарищ! — слышит Корнев голос за спиной. — Ты просил, чтоб с птичьего полета! Гляди! Вот она, наша Коряжма!

Внизу корпуса. За ними, в перелеске, ряды, целые улицы ящиков.

— Который год эта бесхозяйственность! — кричит сосед за спиной.

ПОЗДНИЙ вечер того же дня. Квартира Тулуповых. Рабочие выносят старую и вносят новую мебель. Нина Самойловна, оживленная, радостная, звонит по телефону:

— Квартира Чистяковых?.. Ах, Михаил Борисович! Я в восторге! Но хоть что-то мы должны заплатить?

— Уважаемая Нина Самойловна, пусть эти пустяки

вас не беспокоят, — слышен голос Чистякова. — Мебель экспериментальная.

— Мы у вас в таком долгу! — восклицает Нина Самойловна.

— Забота о людях — первейшая наша задача, — смеется Чистяков. — Передайте привет мужу.

Нина Самойловна кладет трубку. Подходит к рабочим.

— Мальчики, — говорит она. — То, что вынесли, свезете вот по этому адресочку. Получите за труды...

— Маловато, хозяйка, — хмуро говорит один из рабочих, пересчитывая деньги.

— Жлобы! — возмущается Нина Самойловна. — Вот вам еще трояк — и ни копейки больше.

Рабочие, чертыхаясь, уходят. Нина Самойловна вдохновенно раскладывает белье, расставляет посуду, книги. Часы бьют одиннадцать. Входит Тулупов.

— Вот это оперативность! — с удивлением восклицает он, оглядываясь.

— Чистяков — человек слова, как видишь.

— Вижу.

— А как у тебя? Все в порядке?

— Я ничего не смог сделать.

— То есть как это не смог? — застывает Нина Самойловна с большой хрустальной вазой в руках.

— Да вот так. Подключился главный — и фельетон о твоем Зурабе пошел.

— Что же я теперь скажу Евгенидзе? — ошеломленно произносит Нина Самойловна.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день. У входа в редакцию Корнева останавливает пожилой мужчина в выцветшем военном кителе.

— Здравия желаю! — говорит он. — Вы меня помните? Это я, пенсионер Мышкин. Вы мне помогли получить однокомнатную квартиру. Но я, откровенно признаться, не совсем доволен. Лучше б остаться в коммуналке. Ведь не смывает, Валерий Иванович!

— Что не смывает? — непонимающе спрашивает Корнев.

— Бачок не срабатывает. Который уже день.

— Но я-то здесь при чем, товарищ Мышкин?

— Хочу, чтобы вы...

— Что я?

— Вмешались... Где следует нажали. В официальном порядке. У вас это здорово получается.

— Занят я сейчас, товарищ Мышкин, очень занят.

— А я подожду! Подожду!

— Привет, Валерий, — слышит Корнев. Обернувшись, видит подошедшего Матвеева. Мышкин, сделав под козырек, удаляется.

Корнев и Матвеев входят в здание, идут к лифту.

— Читал свое творение? — спрашивает Матвеев.

— Спасибо, Женя, за названьице.

— Между прочим, ты как в воду глядел. Фельетон чуть не слетел из номера.

— Тулупов?

— Он, — кивает Матвеев. — Представляешь, хотел отослать гранки в союзное министерство, чтобы там прокомментировали.

— Это же верный завал!

— Я тут же к главному, и все решилось как надо. Никаких согласований, сказал. Пора отвыкать. Вот напечатаем, а потом пусть комментируют... Кстати, как у тебя сейчас со временем?

— А что?

— Да понимаешь, главному позвонили из МВД. Предлагают провести совместный рейд. Курортный сезон в разгаре, на юг хлынули картежные шулера, обыгрывают простодушных отдыхающих и в такси, и на пляже.

— Я готов. Вот только сдам материал по лесоперерабатывающему.

— Прекрасно. Забиваю в план. Между прочим, главный имел в виду именно тебя.

Входят в кабинет Матвеева.

— Ну, как твой вояж?

— Все, о чем Булкин написал, полностью подтвердилось. Жаль только, что с ним не удалось встретиться. Мне сказали, он срочно выехал в командировку. А теперь осталось нанести визит заместителю министра Чистякову. Договорился с ним на сегодня.

Матвеев закуривает, судорожным движением гасит сигарету, растирает рукой сердце.

— Тебе плохо? Может, врача? — обеспокоенно спрашивает Корнев.

— Не надо... Отпускает, — болезненно морщится Матвеев, пытаясь улыбнуться... — Мне бы, Валера, твое здоровье, твою силу, нервы.

— Ну, хватит причитать, — прерывает его Корнев. — Хватит, Женя!

— Ты в гуще, в схватке. А что я?.. Обыкновенный редакционный чиновник.

— Перестань.

— ...Получил материал, отредактировал, пробиваю в номер. Если и борюсь, так за место на полосе.

— Да брось ты наконец! Представляешь, я видел Димку Родина.

— Где? Когда?

— Позавчера, перед командировкой. Еду в институт, смотрю: белая «Волга» стоит, а рядом — Димка. Сначала даже не узнал. Шикарный такой. Я хотел из троллейбуса выбраться — не удалось... Непонятно, на каком он поприще процветает.

— Встретиться бы с ним! Да вообще бы собраться всей комнатой, вспомнить студенческую житуху. Ты, я, Димка. Костю бы разыскать Щербаненко. Он как-то звонил. Давно в Москве, защитил докторскую.

Междугородный телефонный звонок.

— Да, редакция... Кто?.. Сейчас подойдет. Тебя.

— Слушаю, — берет трубку Корнев.

— Товарищ Корнев?

— Да.

— Это я, Булкин с лесоперерабатывающего комбината. Мне сказали, что вы вчера были у нас.

— Был.

— И как?

— Факты, о которых вы сообщили, подтвердились.

— И что вы собираетесь делать?

— Как обычно — готовить публикацию.

— Не надо уже. Надобность отпала.

— Это почему же?

— Я сегодня с утра переговорил с директором комбината, и теперь полный порядок.

— В каком смысле «порядок»?

— Дал понять директору, что именно я сигнализировал в газету, и вопрос о выделении мне двухкомнатной квартиры решился окончательно и бесповоротно.

— Ясно, — спокойно говорит Корнев, кладет трубку и взрывается. — Вот прохвост! Нет, ты представляешь, Женя, каков прохиндей?! Как правдой спекулирует! Просит газету выступить, а затем — отбой, потому как дают квартиру. И никакая критика ему лично уже не нужна.

Плевать этому инженеру на государственный интерес. Ну, врежу я ему! Сам напросился!

В ТОТ ЖЕ день. Кабинет ректора.

Входит Воинов.

— Садитесь, — говорит ректор. — Понимаете ли, возникла такая ситуация. Корнев пожаловался на нас в горком профсоюза.

— Непорядочный поступок! Ему в институте позволено все!

— Вы, пожалуй, правы. — Ректор бросает на Воинова быстрый взгляд.

— И случись что-нибудь этакое, Виктор Ильич, мы обезоружены. О нем у нас нет никаких данных.

Ректор с минуту думает, изучая лицо Воинова.

— У вас есть предложения?

— Самые ординарные... Прежде всего полистать личное дело. Со вниманием. Жизнь у него непростая... И еще... Помните мысль Наполеона: каким бы героем ни был муж в глазах общества, для жены он не герой.

— Насчет Наполеона, Аркадий Семенович, это, знаете ли, очень...

— Дальше. У нашего критикана в этом году должна выйти монография — «Документ в следственной практике». Двадцать печатных листов! Когда успевает? Преподавательская работа, наука да еще эти скандальные публикации. Это же вообразить невозможно! Тут, понимаете ли, корпишь год-другой, чтобы напечататься хоть где-нибудь, а этот...

— А вы попробуйте, Аркадий Семенович, присмотреться к Корневу по учебной линии, учебно-методической, учебно-воспитательной...

— Да! Тут нужен комплексный подход, Виктор Ильич.

В ТОТ же день Корнев в кабинете заместителя министра Чистякова.

— В вашей приемной полно народу, — говорит Корнев. — Очевидно, совещание. Я вас не задержу.

— Слушаю, — произносит Чистяков, стоя за столом и медленно помешивая ложечкой в стакане с чаем.

— Наша газета, — говорит Корнев, — интересуется проблемой неустановленного оборудования.

Чистяков смотрит на него, помешивая ложечкой.

— По данным ЦСУ, — продолжает Корнев, — такого оборудования, мягко говоря, немало...

Чистяков спокойно опускает стакан на стол.

— Я только что вернулся из Коряжмы, там на складе комбината километровые ряды импортного оборудования прямо на улице.

Чистяков машинально опять берет ложечку в стакане.

— Сквозь ферму одной из металлоконструкций успела прорасти березка. А уникальные детали проржавели так, что их без восстановления уже нельзя использовать.

Ложечка в стакане останавливается.

— Ну, что я вам скажу, — наконец-то произносит Чистяков. — Действительно, мы закупили это оборудование десять лет тому назад. Я был тогда еще начальником главка. И закупили его, насколько помнится, в Швеции, Франции, Финляндии. Но... Большинство деталей и узлов изготовлено из легированных нержавеющих сталей. Так что навряд ли они подвергнутся коррозии.

ВЕЧЕРОМ в квартире Матвеева — звонок.

Матвеев медленно, шаркая шлепанцами, подходит к двери, отпирает. Врывается Корнев.

— Вот он где! Живой-здоровый! А в редакции напугали, говорят, увезли в тяжелом состоянии.

— Пустяки. Укол сделали, и прошло. — Матвеев ведет Корнева в комнату. — Не напугай тебя, черта бы с два примчался.

— Почему это «черта с два»? Я ж у тебя, кажется, недавно был...

— Два года назад.

— Допустим. Где жена, ребятишки?

— На даче... Нет, слушай, я очень рад, что ты приехал, а то на душе кисло. Давай на балкон, подышим? Увидишь, как сад разросся.

Выходят на балкон.

— Красиво! — говорит Корнев. — Как у нас, в Приволжске.

— У вас лучше. Я помню...

— Мне оттуда еще одно письмо пришло, — помолчав, говорит Корнев. — Нотариус предупредил: после смерти матери идет шестой месяц, и надо решать, как быть с домом.

— Решил?

— Да. Откажу его государству.

— Извини, что вторгаюсь, — не сразу произносит Матвеев. — Может, все-таки и о себе подумать? Как-то надо же выбираться из коммуналки? Да и Наташа... Она знает?

— Видишь ли, Женя... Мать сорок лет там учительствовала, преподавала язык и литературу. Вот и пусть теперь в доме, который с отцом построила, будет детская библиотечка.

— Понимаю, это благородно, но...

— Я уже телеграмму послал.

Молчат. Вдалеке, за садом, гул электрички.

— Ты знаешь, — прерывает молчание Корнев, — любопытная встреча была у меня с Чистяковым. Толкую, что в его ведомстве под открытым небом долгие годы ржавеет импортное оборудование, кстати, им же закупленное, а он в ответ: ничего с этим оборудованием не случится — легированным сталям коррозия не страшна.

— Так и сказал?

— Именно. Материал почти выстроился. Осталось добрать кое-какие сведения во Внешторге. Дня через два обещали подготовить, а пока... Не взяться ли за картежников?

— Что ж... С утра оформим командировку — и лети, — говорит Матвеев и спохватывается: — Пойду хоть чай поставлю.

Уходит и тут же возвращается.

— Послушай, у тебя нет такого ощущения, что этот твой Чистяков на чем-то крепко завязан с Тулупом?

— Все может быть.

— Я почему говорю... В сегодняшнем номере есть коротюсенькая заметка о мебельной выставке. За подписью «Ф. Александров», читай — Александр Федорович Тулупов. Так вот он восхваляет Чистякова вместе с его новинкой — экспериментальным гарнитуром для четырехкомнатной квартиры.

— И что тут особенного?

— А то, что этот уникальный гарнитур уже перекочевал в квартиру Тулуповых.

— И это может быть.

— Не может быть, а точно, — продолжает Матвеев. — Сейчас везет меня тулуповский шофер домой и говорит: «Мой шеф живет, как в сказке. Вчера захожу к нему — одна мебель, сегодня — другая. Я варежку раскрыл, а Нина Самойловна: «Да, Коленька, заметь — прямо с вы-

ставки, другого такого ни у кого нет...» Понимаешь, что к чему?

— Понимаю. Теперь Тулуп костьми ляжет, а Чистякова тронуть не позволит! Вот до чего докатился! А пришел завоевывать Москву с фанерным чемоданчиком.

— И ведь не без способностей был. Помнишь, когда еще на периферии собкорствовал, очень неплохие материалы присылал. А вернулся, стал завотделом и присмирел. Перышко заметно притупилось. Острых тем не касался.

— Это времечко я помню, — соглашается Корнев. — Все меня увещевал по-приятельски: не лезь на рожон, надорвешься. Оглянись, поразмысли. Что тебе, больше всех надо? Полежи на льду! Сначала увещевал, а вырвался в замы главного — уже без всяких рассуждений снимал из своего номера все мало-мальски острые материалы. И когда ни заглянешь к нему, висит на телефоне: то устраивает своего человечка на престижную работу, то кому-то выбивает машину, то занят дубленками. По делу поговорить не удавалось. Как на ярмарке, честное слово! Я однажды не выдержал и врезал: «Талант зарываете, Александр Федорович. Вам бы в коммерческие директора».

— У меня тоже язык чесался влепить ему все, что о нем думаю, — замечает Матвеев. — Извини, пойду все же чай поставлю.

Уходит. Вслед за ним — Корнев.

— Знаешь, — слышится из кухни голос Матвеева. — У меня из головы не идет та история — с Медовниковым.

— А что тебя беспокоит? — спрашивает Корнев. — Точки над «и» расставлены. С поста первого секретаря крайкома Медовников снят, и где он сейчас — никому не известно. Заметка обо мне в краевой газете признана клеветнической. Редактор и его зам тоже слетели. Жаль, конечно, времени — четыре года почти бездействовал. Но это уж издержки профессии.

— Да я не об этом, — появляется в комнате Матвеев. — Неясна мне роль Тулупова в том деле. Ведь разгромная отповедь краевой газете была заслана в номер, но так и не появилась. А появись она, ты бы не хлопнул дверью и не ушел в вуз.

— Черт его знает! — сомневается Корнев. — Он тогда настойчиво меня уговаривал не уходить из газеты. Мол,

все течет, изменяется. После отливов — приливы. Да ведь и ты мне звонил по его поручению — предложил вернуться в газету?

— Верно, но о чем это говорит? Он быстро сориентировался в новых условиях и понял: сегодня Корнев очень даже ко двору. Слышал бы ты, как он выступал у нас на собрании! Бичевал застойные явления, ратовал за гласность, за остроту и действенность. Тут и тебя назвал. Дескать, в свое время не отстояли правду, потеряли боевое перо! И эту несправедливость надо ликвидировать. А теперь, судя по всему, ты ему поперек горла...

ВЕЧЕРОМ, в то же время. Квартира Тулуповых.

— Нинуся! — кричит Тулупов из прихожей. — Помоги!

Появляется Нина Самойловна в кимоно, с дымящейся сигаретой в руке.

— Разгружай нас с Николаем! — объявляет Тулупов. Он и шофер ставят на пол тяжеленные пакеты.

— Спасибо, Коленька, — говорит Нина Самойловна.

— Александр Федорович, — спрашивает Николай, — во сколько подъехать завтра?

— К десяти.

Шофер уходит. Тулупов оживленно сообщает:

— Знаешь, Нинуся, у нас сегодня гость. Угадай, кто?

— Не томи, котик.

— Норов.

— Вот неожиданность! — удивляется Нина Самойловна.

— Попросил частной аудиенции, представляешь? Так что быстренько сооруди. И на высшем уровне.

В гостиной раздается телефонный звонок.

— Оставь, я уложу, — бросает она мужу, спешит в гостиную.

— Алло! Ах, это вы, дорогой Михаил Борисович! Добрый вечер! Вы нас совсем забыли.

Голос Тулупова из ванной:

— Кто, Нинуся?

Нина Самойловна, прикрыв трубку:

— Чистяков!.. Извините, Михаил Борисович, это я мужу. Он принимает душ. А мы буквально сейчас именно о вас говорили. Просто не с кем посоветоваться, кроме как с вами...

— Какие трудности, Нина Самойловна? — слышен голос Чистякова.

— Не знаю, право, как и сказать... Дачу построили, а зайдешь — голые стены. Так хочется, чтобы было пусть скромненько, но уютно и со вкусом.

— Вас понял, Нина Самойловна, Прикиньте, что бы вы хотели, а исполнение беру на себя.

— Вы чародей!

— А теперь, Нина Самойловна, у меня маленький вопрос.

— Ради бога!

— В газете Александра Федоровича есть такой корреспондент — Корнев?

— Ну, Михаил Борисович! Как можно не знать! Корнев — известный фельетонист!

— Заявился он к нам. Интересуется неустановленным оборудованием. У нас, конечно, есть кое-какие грешки, но мы, слава богу, и сами разберемся.

— Все ясно, Михаил Борисович! Завтра же Александр Федорович с ним побеседует и вам позвонит!

Нина Самойловна кладет трубку. Начинает накрывать на стол.

Входит Тулупов в спортивном костюме, с гладко причесанными влажными волосами.

— Чего он звонил?

— Да опять этот Корнев!

— Добрался уже и до них?!

— А ты, вижу, и на этот раз не в курсе? Складывается впечатление, Тулупов, что самые серьезные дела в газете вершатся без твоего участия. Хоть что-то ты еще там значишь?

— Сколько раз я тебе, Нинуся, объяснял: матвеевский отдел курирую не я.

— Мне наплевать, кто что у вас курирует. Чистякову надо помочь, и ты это сделаешь. Хватит мне объяснений с Зурабом! Хорошо хоть по телефону, и он не видел, как я краснела от стыда! За твою беспомощность!

— Не надо за все хвататься, Нина Самойловна! — взрывается Тулупов. — Хапаешь, гребешь, и все тебе мало! Живешь, как в тумане, не видишь, что вокруг творится! И меня подставляешь, дура старая!

— Все сказал, подкаблучник несчастный? — с холодной яростью спрашивает Нина Самойловна. — Слюнтяй! Рохля! Взбунтовался! Нет, вы только посмотрите на этого прораба перестройки!

В квартире раздается звонок.

— Иди! — приказывает она. — Встречай своего ректора!

Тулупов уходит. Нина Самойловна вытирает руки о передник, быстро подходит к зеркалу, поправляет прическу. Возвращается Тулупов.

Нина Самойловна раскрывает телеграмму.

— Ну вот! — восклицает она. — Евгенидзе прибывает! С какими глазами я перед ним предстану!

В коридоре снова звонок. Тулупов уходит. Возвращается с Норовым.

— Нинуся, знакомься: Виктор Ильич Норов, ректор заочного правового института... Моя благоверная.

— Нина Самойловна, — говорит жена. Норов склоняется к ее руке.

— Прошу, — приглашает Тулупов к столу.

— О-о, сколько тут всего супротив указу, — игриво смеется Норов, присаживаясь.

— Супротив указу, Виктор Ильич, — бормотуха и самогон, — в тон ему отвечает Тулупов. — А марочный кавказский коньяк и вина — украшение бытия человеческого.

— Согласен, но я, дорогие хозяева, не употребляю. Увы, — смеется Норов.

— Охотно присоединяюсь, — произносит Тулупов.

— Умилительно. Собралось общество трезвости, — улыбаясь, поддерживает игру Нина Самойловна. — Будем пить крюшон.

Берет бутылку коньяка, разливает в рюмки.

Норов заливисто смеется.

— Нина Самойловна, вы меня покорили!

— Итак, мы вас слушаем, Виктор Ильич, — уже серьезно говорит Нина Самойловна.

— Меня смутил звоночек вашего мужа, — тоже посерьезнев, произносит Норов. — По части характеристики одному из моих преподавателей.

— И какие же проблемы перед вами встали? — спрашивает Нина Самойловна.

— Полагаю, такие же, как и перед вами, — отвечает Норов, смакуя коньяк. — Этот преподаватель рушит сложившиеся связи, контакты, отношения. Рушит без разбора и, очевидно, полагает, что на него управы нет никакой, что у порядочных, интеллигентных людей не найдется сил и возможностей укротить его.

— Он фанатик, — вставляет Тулупов. — И этим все сказано.

— Именно! — подхватывает Норов. — Он слишком прямолинейно воспринимает перестройку. И потому опасен.

— Мальчики! — восклицает Нина Самойловна. — Пора перейти от теории к делу. За координацию действий.

Чокаются, пьют «крюшон».

ИЗ ПОДЪЕЗДА жилого дома выходят Корнев с женой и Маринкой.

— И когда известный обличитель намерен вернуться? — иронически спрашивает Наташа.

— Он постарается вернуться завтра, — невозмутимо отвечает Корнев. — Возможно, к вечеру.

— Прекрасно. Будем с нетерпением ждать. — И уже обыденно, сухо: — Предупреди воспитательницу, что заберу Марину на час позже.

Уходит. Корнев с дочерью шагают к детскому саду.

— Папа, а фельетон — это все равно что сказка? — вдруг спрашивает Маринка.

— Почти. Только наоборот.

— А как наоборот?

— Ну вот в сказках о чем говорится? О том, как добрые побеждают злых. Правильно?

— Ага.

— А в фельетоне злые побеждают добрых.

— Карабасы побеждают, бармалеи, бабы-яги и всякие разбойники?

— Примерно так.

— И ты зачем про это пишешь?

— А затем, Маринка, чтобы они больше не побеждали и чтобы жизнь наступила, как в сказке.

Маринка напряженно думает, потом заявляет:

— Когда я вырасту с тебя, я тоже буду писать фельетон.

ПЛЯЖ на Черноморском побережье. В сутолоке отдыхающих Паша Гундос и Плинтус.

— Берите, Плинтус, слева от «Соки-воды», — приказывает Гундос. — Видите пузатого?

— Там их три, Паша, — замечает Плинтус.

— Берем красные плавки, — поясняет Гундос. —

Овощная база с Ростова. И мы должны помочь этой базе проиграть пятьдесят кусков. Как минимум.

— В Ростове было большое ускорение, Паша, — говорит Плинтус. — Вы же читали?

— Да, мы следим за прессой, — кивает Гундос. — Но красные плавки, как нам известно, под ускорение не попали. И вы сейчас подойдете и проиграете этому пузатому два куска. И потом подойду я. Но Олегу Матвеевичу — ни-ни!

Плинтус пробирается к компании, где сидит «овощная база». Там идет игра, и на газете пишут какие-то цифры. Тем временем Паша Гундос идет к тенту, под которым сидит белобрысый необгоревший гражданин с мушкетерской бородкой и усиками. Чуть поодаль от него Лена Синицына и крупный, высокий мужчина с густо-каштановыми волосами.

— Олег Матвеевич, — говорит Гундос, подойдя к «мушкетеру». — Я, пожалуй, немножечко разомнусь...

— Разомнись, но чтобы без скандала и хвостов, — лениво произносит «мушкетер».

— Все будет интеллигентно, Олег Матвеевич, — уверяет Гундос и вразвалочку направляется к компании, где Плинтус уже просаживает «два куска».

Лена Синицына и мужчина с густо-каштановыми волосами.

— И кто же вы все-таки? — весело допытывается Лена.

— Не все сразу, Леночка, — так же весело говорит мужчина, резким движением головы откидывая волосы со лба. — Считайте, что я... ну, например, шеф-повар знаменитого ресторана.

— ...На досуге читающий Джойса и Кафку? — подхватывает Лена. — Очень интересный повар... Ой, Дмитрий Васильевич! Простите! — вдруг прерывает она беседу. — На горизонте Корнев! Ну, тот самый, о котором мы говорили. Я вас сейчас познакомлю.

Лена спешит наверх, к дорожке, по которой идет Корнев.

— Валерий Иванович! Какая неожиданность! Просто чудо! — тараторит она.

— Смотрите, ваш кавалер уходит, — перебивает Корнев. — И очень поспешно.

Перехватив взгляд Корнева, Лена оборачивается.

— Очень даже странно, — недоумевает она. — Узнал,

где я работаю, и давай о вас расспрашивать. И тут вы собственной персоной. Я хотела вас с ним познакомить. Как-то странно.

— Кто он?

— Дмитрий Васильевич? Говорит, шеф-повар какого-то знаменитого ресторана. Но такой начитанный!

— Товарищ Корнев, — напоминает один из сопровождающих. — Игра в полном разгаре. Поторопиться бы.

— Одну минуту, — извиняется Корнев. И к Лене: — Я в гостинице «Жемчужина», четыреста пятый номер. Постарайтесь привести ко мне этого Дмитрия Васильевича. Сегодня же вечером. Обещаете?

— Нет проблем, — смеется Лена. — До встречи.

Спускается на пляж.

— Товарищ Корнев, рубашки нам лучше снять. Меньше будем выделяться, — говорит один из его спутников.

...Трое мужчин неторопливо идут по прибрежной гальке. На ходу вводят Корнева в курс дела.

— Советуем подойти вон к той компании, — говорит один. — В панамке — Паша Гундос. Рядом с ним, тощий, вертлявый, — Плинтус. Шулера экстра-класса. Работают по-крупному. Того брюхана в красных плавках не знаем. Судя по всему, «раздевают» его.

— А теперь гляньте под навес, — говорит другой. — Видите гражданина с бородкой и усиками?

— К нему подходил Дмитрий Васильевич, — замечает Корнев.

— Кто?

— Ну, тот шеф-повар, который хотел со мной познакомиться, а потом исчез.

— Знакомый?

— Да как сказать... Мог и обознаться. Так вы о ком сейчас говорили — о том, с усиками и бородкой?

— Точно. Появляется здесь второй год. Чтобы сам играл, не замечено. Хотя Гундоса около него видели. Прикуривает и сразу же отходит. Возможно, случайность. Снимает люкс в «Жемчужине» и вообще живет на широкую ногу, но никаких выходок. Фамилия — Шестопал, Олег Матвеевич.

Приближаются к игрокам. Слышны их голоса:

— Пас.

— Храп.

— Помогу.

— Тоже помогу.

— Втемную.

— Еще.

— Перебор.

Оперуполномоченные и Корнев останавливаются возле компании, склонившейся над газетой.

— Какая сука тень бросает? — поднимает голову Плинтус. Узнает оперуполномоченных, расплывается в вежливой улыбке:

— День добрый, начальнички. Давненько не встречались.

— Где сейчас работаете, гражданин Пономаренко? — спрашивает оперуполномоченный.

— Механик харьковской автоколонны, — с готовностью отвечает Плинтус. — Провожу честно заработанный отпуск. Легко проверить.

— В автоколонне, Пономаренко, вы всего третий месяц и уже в отпуске?

— Во дают! — обращается Плинтус к игрокам, которые с безразличным видом смотрят по сторонам. Гундос положил круглую гальку на газету, чуть поддуваемую ветерком.

— А вы, Паша, надолго в наши края? — интересуется оперуполномоченный. Гундос спокойно отвечает:

— На день-другой.

— И задержались на полмесяца?

— Пришлось. Договорился с приятелем о южной встрече, а не прибывает.

— Где на этот раз остановились?

— Как всегда, вы же знаете.

— В гостинице «Ленинград»? На каком основании?

— По личному указанию директора.

— Понятно. — И оперуполномоченный обращается к пузатому в красных плавках. — А вы, извините, кто будете и откуда?

— Грузчик, — нехотя отвечает тот. — Ростовский горплодовощторг.

— Вам, конечно, пока везет? — Оперуполномоченный кивает на газету, примятую галечником.

— Даже не понимаю, о чем вы такое говорите, — отвечает пузатый.

Оперуполномоченный нагибается, берет газету, поля которой густо исписаны цифрами. Передает ее Корневу:

— Почитайте на досуге.

Оставив ошалевшую от неожиданности компанию,

оперуполномоченные и Корнев идут по пляжу. На мгновение Корнев чувствует на себе чей-то пристальный взгляд. Оборачивается: под навесом сидит обладатель люкса в «Жемчужине», переговаривается с дамой на соседнем лежаке.

Корнев догоняет оперуполномоченных.

— Как все-таки их привлечь? — спрашивает он.

— Наличных денег у них не бывает, — объясняют ему. — Рассчитываются потом. И до копейки. А установить этот факт не так-то просто.

ВЕЧЕР. В бассейне — голубоглазая красотка в ярком купальнике — Зоя. Плещется у бортика. Шестопал плывет к ней, мощно рассекая воду. Дмитрий Родин поднимается по ступенькам из бассейна.

На дверях центрального входа в спортивный комплекс, где находится сауна, вывеска: «Закрыто по техническим причинам!» Подъезжает черная «Волга». Из нее выходит артистической внешности мужчина — главный архитектор города Загонец. Его встречает директор бассейна Милашевич. Входят в холл.

— Твои заказы выполнены, — говорит Милашевич, указывая на кожаный плотно набитый баул у стены. — Кассеты с пятью видеофильмами. «Человек со шрамом» — тоже, как ты просил. Три платья от Зайцева, а от меня лично — блок датской резинки для чувственных утех. Ну, и другая мелочовка. А с сегодняшнего дела отстегнешь мне двадцать пять процентов. И топай сейчас в сауну. Там тебя встретят.

Загонец уходит. В холле появляется энергичный бородач с кофром через плечо.

— Идем, Эдик, я тебя представлю, — говорит ему Милашевич. — Рекомендую: о «бабках» ни слова. Сами назначат. И еще просьба: обрисуй-ка мне своего собрата по перу Корнева...

Огромная комната отдыха в сауне. Стены обиты золотисто-коричневыми дубовыми панелями. Богатые светильники, чеканка, диваны и глубокие кресла. В центре — длинный, изысканно сервированный стол. В дальнем углу японский телевизор с видеоприставкой. Распахивается дверь из бассейна. Входят мокрые, в цветастых халатах, Зоя, Шестопал и Дмитрий Родин.

— Какую кассету поставить, мой повелитель? — весело спрашивает Зоя, подходя к телевизору.

— Любую, Зоечка, — небрежно бросает Шестопал.

Зоя включает телевизор. На экране беснуется рок-группа.

— Послушай, Дмитрий, — спрашивает Шестопал. — Чего это ты сегодня с пляжа-то исчез? С той девочкой договорился, что ли?

— Сердчишко вдруг зашалило. Вот и сейчас...

— Может, коньячку для расширения сосудов?

— Нет, лучше прилягу. — Родин устраивается на диване.

— А девочка эта, скажу тебе, не промах, — садясь у телевизора рядом с Зоей, продолжает Шестопал. — Сначала с тобой, потом, смотрю, уже со столичным журналистом. Да еще с каким! Отличное перо.

— У кого? — с подчеркнутым безразличием спрашивает Родин.

— У Корнева. Это он, оказывается, налетел, понимаешь, на картежников — чуть Пашу не зацепил. А может, и зацепил. И наш Гундос в фельетончик попадет, прославится. Совсем некстати...

Из холла входит Гундос.

— Все в сборе! — объявляет он. — Главный архитектор здешних райских мест, журналист Эдуард Носков из еженедельника, инженер Казарновский и следователь Уткин.

— Начинай прием, Паша, — не оборачиваясь, бросает Шестопал. — Да открой мне пару баночек «Карлсберга». Похолодней.

Гундос подает пиво. Затем приоткрывает двери в холл:

— Прошу.

На пороге возникает Уткин. Гундос вопросительно смотрит на него.

— Видите ли, — произносит Уткин, — мне не хватает жизненного пространства. На должности следователя по особо важным делам я был бы значительно полезней.

— Это конструктивно, — говорит Гундос. — С вами свяжутся дня через три.

Уткин уходит. Появляется Казарновский.

— Сколько вы на своей службе получаете? — спрашивает Гундос.

— На круг около трехсот пятидесяти.

— Мы скрупулезно изучили ваши анкетные данные: вы нам подходите. Для начала — полторы тысячи в месяц. Устраивает?

— Вполне.

— Тогда оформляйтесь. Через неделю ждем. В случае осложнений — звоните.

После Казарновского влетает Носков.

— Вот основные материалы, — протягивает ему папку Гундос. — Речь идет о популярном поэте, увы, рано нас покинувшем. Статья должна быть глубокой, по-человечески теплой, но без сантиментов. Фамилия автора — Шестопал. Будет опубликована и его фотография с поэтом. Вот вам четыреста в качестве аванса. Остальное после публикации.

Носков исчезает. Входит Загонец. Под мышкой рулон ватмана. Расстилает на диване генплан города.

— Предлагаю здесь, — указывает он точку на карте. — До моря сто метров, рядом дендрарий, тихий уголок.

— Годится! Готовьте проект дачи.

Гундос и Загонец выходят из комнаты отдыха. Вскоре Гундос возвращается с обувной коробкой, на которой броская надпись «Саламандра». Подходит к Шестопалу.

— Здесь сто тысяч от...

— Знаю, — прерывает его Шестопал, принимая коробку. — Запускай Милашевича.

Гундос приоткрывает дверь в холл. Появляется Милашевич, подходит к Шестопалу. Тот снимает крышку с коробки, достает пачку купюр, протягивает директору бассейна.

— Сегодня ты классно сработал. Что этот клерк из еженедельника сказал о Корневе?

— Общий вывод — фантомас.

— Исчерпывающе, — довольно улыбается Шестопал, наугад берет из коробки еще пачку. — Вот тебе добавка на полтора пальца. Заслужил. Оборачивается к Родину: — Ты слышал, Дмитрий? Фантомас! А ведь я при первом же взгляде так его и оценил. Ну, Шестопал Олег Матвеевич! Глаз у тебя! Само собой, мы этому следователю Уткину жизненное пространство выделим. Пусть побегает. Но Корнев! Вот кому оно необходимо, это пространство-то! Ведь мотается высунув язык, днями и ночами гонит свою гневную строку, а что имеет? Да ничего, уверен! Гроши! И это социальная справедливость? Нет, я негодую! Я считаю, что таких фантомасов — в хорошем смысле, конечно, — надобно широко финансировать, создавать им

все условия. И если у государства руки не доходят, то нам, людям дела, это по плечу.

— Закупить, что ли, хочешь? На корню? — приподнимается с дивана Родин.

— А вот это грубо, Дмитрий. Не закупить — приблизить к нам. Пусть такие фантомасы будут с нами, а не против нас.

У ТРАПА самолета в ожидании посадки очередь пассажиров. Среди них Корнев с «дипломатом».

— ...Адлер объединяет всех, — слышит он знакомый голос. Рядом улыбающийся загорелый мужчина. Ставит на асфальт саквояж и деревянный ящик, сквозь рейки которого видны отборные персики. Разыгрывая давно длящуюся беседу, продолжает:

— Нет, старина, в самом деле! В редакции не встречаемся годами, а здесь — пожалуйста. Даю новый анекдот. В домжуре дискуссия о жанрах: какой лучше. Кто — за очерк, кто — за репортаж, кто... например, ты — за фельетон. А один встает и говорит: «Самый емкий жанр — некролог! Судите сами. Однажды в древнеримской газете появилось крохотное сообщение, оставшееся в веках: «Вчера в Капитолии скоропостижно скончался Гай Юлий Цезарь». И трогательная подпись: «Брут и группа товарищей». Ну как?! — Мужчина с персиками хохочет.

— Привет, Анатолий, — говорит Корнев. — Из отпуска?

— Не угадал — из командировки.

— Догадаться трудно.

— Сочетаю приятное с полезным. Душевные беседы с героем будущего очерка на фоне персиковых садов и пляжа. Колоритнейшая личность этот колхозный председатель. Фактурка что надо! Как говорил Расин, моя пьеса готова, ее осталось только написать.

Началась посадка в самолет. Очередь медленно двинулась к трапу.

— Да, старина, — продолжает Анатолий Таманов, поднимая саквояж и ящик. — Давно хотел тебя поздравить.

— С чем?

— С возвращением в большую прессу. Искренне рад. Если откровенно, кое-кто решил, что ты уж не всплывешь... В общем, поздравляю с успехом! Здорово работаешь.

— По мере сил.

— Хотя, если откровенно...

— Валяй!

— Складывается впечатление, что ты... ну, словно бы торопишься. Выдаешь разоблачения одно за другим. Думаешь, все это скоро кончится?

— Что именно?

— Ну, это... Сколько раз начиналось — и в песок.

— Ты угадал, Анатолий. Я и точно тороплюсь, чтобы «все это», как ты изволил выразиться, не кончилось. Чтобы шло вперед и ходу назад не было.

— Ты оптимист, Корнев.

— А ты?

— Я-то? Представь, я ровный, без крайностей и перепадов. Сильных не задену. Слабого не подыму. Выхватываю из стабильной серединки. Это дорога верная, утоптанная. На ней не споткнешься.

— Предрекаешь, что я споткнусь?

— Да как сказать... Низвергатели-обличители нужны на первых порах. Для расчистки, а потом, по мере неизбежных успехов, они начинают сильно надоедать. И даже раздражать. Разве не так?

— На этот раз все по-другому, сударь.

— Ты уверен?

— Абсолютно. На то и работаем.

В очереди к трапу — Плинтус. Он наблюдает за Корневым.

В ПОДЗЕМНОМ переходе Корнева останавливает респектабельный мужчина.

— Корнев?! — радостно восклицает он.

— Никак Щербаненко?! Костя!

Обнимаются.

— Сколько ж лет не виделись! —с интересом разглядывает Корнева Щербаненко.

— Считать — запутаемся! — смеется Корнев.

— Слежу, брат, за тобой! А как же? Моя Татьяна ни одного твоего материальчика не пропускает!

— Стало быть, не избежал общей участи — «закабалился»? — напоминает Корнев.

— Да куда ж деваться! Необходим полный комплект — и для личной жизни, и для общественной. Для поездок за рубеж, наконец. Я же, брат, теперь доктор наук. Вот-вот получу профессора.

— Слыхал. Поздравляю.

— Ну а ты-то как? Все силы на журналистику? Защищаться не собираешься?

— Я, Костя, каждый день защищаюсь, — шутит Корнев.

— Представляю! — сочувственно говорит Щербаненко. — Таких зубров отстреливаешь! Жена изумляется: «И кто ему только лицензии выдает?!» А я ей в ответ — и прямо скажу, не без гордости: «Представь, Танечка, в одной комнате бытовали в студенческие годы...» Да, я тут недавно на теплоходе встретился с четой Тулуповых. Он у вас, кажется, заместитель главного редактора?

— Есть такой.

— Премилая пара! А она вообще «супер»: пикантна и умна. Слушай, Валерий, встретиться бы семьями? Ты со своей, я с Татьяной, Тулуповы. Возьми визитку, созвонимся. — Смотрит на часы. — Увы, опаздываю. Бегу. До встречи!..

Корнев выходит на улицу.

Кто-то грубо тянет его за локоть. Обернувшись, он узнает Плинтуса.

— Корреспондент, отдай газету, — тихо говорит он.

— Купи в киоске, — с иронией советует Корнев. Быстро уходит.

РЕДАКЦИОННЫЙ КАБИНЕТ Матвеева. Тот закончил читать отпечатанный на машинке фельетон.

— Ну как? — спрашивает Корнев.

— Картина полной бесхозяйственности: головотяпство при закупке оборудования, некомплектные поставки, огромные убытки — материальные, нравственные. И очень точно, по-моему, расставлены акценты, не валится все чохом на недавние обстоятельства, а названы конкретные виновники, которые эти самые обстоятельства создавали. В том числе замминистра Чистяков. Вот только...

— Что «только»? Опять заголовок не нравится?

— По-моему, отличный — «Коррозия!» Все сказано. Но я бы со сдачей материала... немного повременил.

— Почему?

— Главный-то сейчас в Канаде. А Тулупова нам наверняка не пройти. Он будет отрабатывать чистяковский мебельный гарнитур. И не исключено, что представит своему поставщику копию твоего текста.

— И что ты предлагаешь?

— Давай сначала картежников... Как у тебя с ними?

— Заканчиваю.

— Ну, вот и прекрасно. А прибудет главный — положим на стол твою «Коррозию». Принято?

— Нет, Матвеев, не принято. Если от тулуповых будет зависеть, появится или не появится правда на полосе, то грош нам цена! Прошу сдать материал сегодня же.

— Да пойми ты!.. — вскидывается Матвеев.

— Стоп! — останавливает его Корнев. — Твоя оценка материала была искренней?

— О чем ты говоришь, Валерий! — возмущается Матвеев.

— Тогда ставь свою подпись и сдавай в секретариат.

— Будь по-твоему, чертяка упрямый! — Матвеев размашисто подписывает.

Телефонный звонок.

— Слушаю, — говорит Матвеев в трубку. — Корнев здесь. Хорошо, передам, — кладет трубку. — Тулупов просит тебя зайти. Поговоришь — и ко мне. Непременно. Сейчас должен подойти некто Дмитриев из института легкой промышленности. Мне хочется, чтобы ты его послушал.

В КАБИНЕТЕ Тулупова.

— Присаживайтесь, Валерий Иванович, — приглашает Тулупов. — Должен вас поздравить. Публикация об этом жулике Евгенидзе вызвала поток писем, звонков.

— Сегодня я узнал, что против него возбуждено уголовное дело, — сообщает Корнев.

— Вон даже как... — помолчав, бросает Тулупов. — Не знал... Словом, полный успех. Еще раз поздравляю. Да, так о чем я хотел вас спросить, Валерий Иванович? Насчет министерства. Вы сейчас занимаетесь им?

— В какой-то мере, — отвечает Корнев.

— И в какой?

— Как обычно.

— Не надо, Валерий Иванович. Оставьте это министерство в покое.

— Почему?

— Мне только что позвонили из райкома. Там хотят сами во всем разобраться.

— Одно другому не помеха.

— Короче: у нас в газете материал об этом министерстве не пойдет.

— А я все же думаю, что он будет опубликован! — говорит Корнев и уходит.

Появляется секретарша.

— Вам, Алексей Федорович. Только что доставили.

Передает конверт. Тулупов разрывает его. Читает письмо.

— Неплохо, Норов, — удовлетворенно говорит он. Сжимает кулак, грозит вслед Корневу: «Мы тебя прищучим!» Письмо прячет в сейф.

В КАБИНЕТЕ Матвеева.

— Уверен, насчет райкома — это чистейший блеф, — говорит Матвеев. — И все же удивляюсь: как это он при всей своей осторожности попер напрямую?

— Отрабатывает, — отвечает Корнев. Берет со стола Матвеева машинопись, кладет ее в «дипломат».

— Как понять? — спрашивает Матвеев.

— Я пообещал Тулупову, что это будет опубликовано, — объяснил Корнев.

— Где?

— В другой газете, естественно.

Входит посетитель.

— Добрый день, — говорит он. — Мне нужен Матвеев.

— А вы Дмитриев?

— Да.

— Садитесь. Слушаем вас.

— Понимаете ли... — перебарывая волнение, говорит Дмитриев. — Я вам по телефону уже кое-что сообщил, — поглядывает на Корнева.

— Рассказывайте, — успокаивает Матвеев. — Не исключено, что этой проблемой будет заниматься наш корреспондент Корнев.

— Читал, — уважительно произносит Дмитриев. — Разрешите вкратце. В нашем институте выполняются научные работы по хоздоговорам с предприятиями. Так вот, деньги от предприятий исправно получаем, а отдачи — никакой.

— Как «никакой»? — спрашивает Корнев.

— А вот так!

— Но ведь институт отчитывается по этим хоздоговорам?

— Отчитывается. Актами о так называемом экономическом эффекте от внедрения научных разработок.

— Значит, экономический эффект все-таки есть? — допытывается Корнев.

— Да никакого!

— Откуда же акты?

— Видите ли, руководители предприятий и министерства заинтересованы в хороших отношениях с нашим институтом. Одни преподают у нас по совместительству, другие — на почасовой оплате, третьи защищают диссертации...

— Как это подтвердить? У вас есть документы?

— Никаких. Но поверьте, все, что я говорю, чистая правда. Идет великое надувательство, молчать больше не могу!

Корнев достает из кармана визитку Щербаненко. Мельком глянув на нее, спрашивает:

— Скажите, а Щербаненко у вас работает?

— Ну как же!

— И об этом «великом надувательстве» знает?

— Без сомнений. Хотя сам лично в хоздоговорах не участвует. Он же по философской части. Читает курс атеизма.

ГОСТИНАЯ Тулуповых. Нина Самойловна убирает со стола. Из коридора доносится хлопанье двери.

— Это ты, котик? — громко спрашивает Нина Самойловна. — Что-то рано сегодня.

Входит Тулупов.

— Ого! Что за пиршество тут было? С кем и по какому праву? Измена?

— Ах, Тулупчик, какой ты старомодный! В наше время не изменяют, а встречаются, — кокетливо смеется Нина Самойловна.

— Так... Папиросы «Герцеговина-флор»! Мужчина?! — с деланным гневом восклицает Тулупов.

— Да! И очень страстный. Но с одним недостатком — подписка о невыезде. Прилетел — посетил — улетел. И все за несколько часов!

— Понятно, неверная! Евгенидзе?

— Он самый. Ешь виноград и рассказывай. Ты говорил с Корневым?

— И без обиняков! — отвечает Тулупов. — Сказал ему твердо: материал о Чистякове не пойдет.

— А он?

— Тоже твердо: «Материал будет опубликован». И демонстративно удалился.

— Вконец обнаглел!

Женщина напряженно думает. Наконец выдает решение:

— В поддержку письма ректора института надо организовать письма оттуда, где побывал этот ваш разбойник. И чтобы в них осуждались приемчики, которые он использует при сборе документов. Евгенидзе завтра же с удовольствием все это сделает. А Чистякову мы сейчас звякнем и тоже предметно объясним, что негодующие письма с мест — единственный выход из ситуации. Вот тебе и помощь Норову. И нам тоже...

В ТОТ ЖЕ вечер — дома у Корневых.

Наташа смотрит телевизор. Звук приглушен. Корнев — за письменным столом. Перечитывает написанное, вносит поправки, переклеивает куски текста. Зачеркивает заголовок «Игры на пляже». Ставит другой: «Пас. Храп. Втемную...» Снова зачеркивает.

— Перед твоим приходом звонил какой-то тип, — продолжая смотреть телевизор, говорит Наташа. — Требовал, чтобы ты отдал газету. Начал угрожать, я бросила трубку.

Корнев не отвечает.

— Между прочим, я вчера купила чешский сервиз, — говорит Наташа. — Ты слышишь?

Корнев не отвечает.

— Денег заняла. У тебя в этом месяце гонорар за книгу? Так, кажется?

— Это не имеет значения, — не отрываясь от бумаг, отвечает Корнев.

— «Не имеет»? А как же быть?

— Не знаю.

— А кто должен знать? Ты отец семейства или нет?

— Отец. Но не купчина первой гильдии, чтобы оплачивать любые прихоти своей благоверной.

— Лучше бы занялся реальным делом — защитил докторскую!

— Что, выгодней?

— Хотя бы!.. Посмотри вокруг: соседи один за другим переезжают в отдельные квартиры, а мы что же? До конца дней будем существовать в коммуналке? И в институ-

те ничего не светит, и на кооператив не в состоянии заработать! И к тому же еще один благороднейший жест — на, родное государство, получай родительский дом! Для государства — капля в море!

— Наташа, прошу тебя — прекрати.

— ...Нет, я понимаю, во имя чего ты работаешь! Но это же абсурд — все для дела и ни-че-го для семьи!

— Наташа, что с тобой сегодня?

— Вот и живи со своим делом, которое ты так любишь!

— Да, люблю! — твердо говорит Корнев.

— И люби! Пожалуйста! А мне наплевать на твои сногсшибательные фельетоны! Подумаешь, знаменитый работник прессы, кандидат наук, а живем хуже любого торгаша! Концы с концами еле свожу!

— Замолчи! — едва сдерживает себя Корнев.

Он быстро выходит из комнаты, хлопнув дверью. Идет на кухню. Распахивает окно. В доме напротив то там, то здесь гаснут окна. В дверях — Наташа. Подходит к мужу, кладет руку ему на плечо.

— Прости, — говорит она. — Может, это глупо... Но мне страшно, ты все дальше уходишь от меня. Стал невнимателен. Я все реже вижу тебя. Я скучаю...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ — Корнев в институте легкой промышленности, у проректора по научной части.

— Успехи нашего института по выполнению хоздоговорной научной тематики, скажу без ложной скромности, впечатляющи, — увлеченно рассказывает проректор. — Из года в год растут объемы осваиваемых средств, расширяется количество наших сотрудников, участвующих в хоздоговорных работах. Как видите, мы делаем все возможное для научно-технического прогресса.

— И высока экономическая эффективность от внедрения научных разработок? — спрашивает Корнев.

— Очень! — восклицает проректор. — На каждый рубль вложенных в науку средств отдача достигает как минимум восемь-десять рублей.

— С вашего позволения, — говорит Корнев, — мне бы хотелось поближе познакомиться со спецификой проведения научных работ по хоздоговорам.

— Это можно! — отвечает проректор. — Я сведу вас с начальником нашего научно-исследовательского сектора Тоцким. Он все объяснит поподробней.

ПО КОРИДОРУ института идут Корнев и Тоцкий.

— Начнем с кафедр? — спрашивает Тоцкий.

— Пожалуй, с документов, — отвечает Корнев.

— Тогда пойдемте в наш сектор. — Войдя в кабинет, извлек из стола папку, предложил корреспонденту:—Пожалуйста, копии платежных ведомостей, как вы просили. А вот списки совместителей и почасовиков...

— Спасибо.

— Остальное будет готово чуть позже.

— Я вот смотрю документацию, — размышляет Корнев, — убеждаюсь: денежные средства, отпускаемые на выполнение хоздоговорной тематики, огромные. На одну работу запланировано израсходовать сто тысяч рублей, на другую — двести, а на третью — более трехсот тысяч...

— Верно, деньги немалые.

— Это ж сколько людей надо, чтобы освоить такие суммы! — изумляется Корнев.

— Были бы крошки, а мышки будут! — улыбается Тоцкий.

— Да вы никак юморист?

Входит проректор.

— Ну как, Валерий Иванович? — улыбается он. — Идет работа?

— Подвигается, Герман Леонидович, — улыбается Корнев.

— Да вы напрасно так углубляетесь!.. — склонившись над столом, за которым сидит Корнев, продолжает проректор. — Не забивайте голову мелочами. Главное — конечный результат! А в хоздоговорных научно-исследовательских работах — это реальный экономический эффект от внедрения в народное хозяйство полученных выводов и рекомендаций. Вот главный показатель отдачи науки!

— Вы правы, — произносит Корнев.

— И у нас есть чем гордиться! — заключает проректор, обернувшись к Тоцкому: — Вы показывали Валерию Ивановичу официальные бумаги, подтверждающие реальный экономический эффект?

— Пока не дошли руки...

— Давайте папку! — велит проректор. — Валерий Иванович должен все знать, всем располагать!

Тоцкий подает папку.

— Обратите внимание, Валерий Иванович, — говорит проректор, раскрывая папку. — Вот документ, подтверж-

дающий экономический эффект в десять миллионов рублей. Кстати, подписанный начальником главка Министерства легкой промышленности Логуновым.

— Да, — замечает Корнев, — это серьезный документ.

— Еще акт на пять миллионов рублей, — перелистывает бумаги проректор. — Затем — на три, на два. Ну, и так далее...

ПРАВОВОЙ институт. У ректора — председатель профкома Гусев и Воинов.

— Итак, — обращается Норов к Гусеву, — что есть по фактам?

— Работаем, Виктор Ильич...

Ректор нервно барабанит пальцами по столу. Телефонный звонок.

— Норов! — говорит ректор в трубку. — Корнев потребовал копию нашего письма? Нужны дополнительные факты. Сделаем, как обещано, Иван Гордеевич. — Кладет трубку. Говорит сразу двоим:

— Слышали? Председатель горкома профсоюза Птицын теребит. Редакция тоже ждет. А у нас по нулю? Так что же выходит? Я один за всех работаю?

— Извините, Виктор Ильич, — обидчиво произносит Воинов. — Но дело только во времени. Вот, к примеру, любопытная деталь выявилась. Оказывается, у Корнева два диплома о высшем образовании. И что примечательно: второй диплом он получил... через полтора года после первого! Ломоносову такое было бы не под силу. Тут, извините, и ежу понятно: один из дипломов — туфта, липа.

— Это уже кое-что, — оживляется Норов. — Действуйте. И крайне оперативно.

МИНИСТЕРСТВО легкой промышленности. Корнев останавливается у двери с табличкой «Начальник планово-экономического управления Минлегпрома Власов Д. А.», входит.

— Простите, Демьян Алексеевич, — представившись, говорит Корнев. — Один вопрос. Как повлияли на министерские показатели десять миллионов рублей реального экономического эффекта, полученные от внедрения хоздоговорных разработок института легкой промышленности?

— Впервые о таком эффекте слышу! — отвечает Власов. — Никаких данных об этих десяти миллионах у нас нет. Если надо, можем дать справку.

— Хотелось бы, — говорит Корнев.

...Дверь с табличкой «Начальник финансового управления Минлегпрома Федоров В. А.». Корнев входит.

— ...И в финансовом управлении, — говорит Федоров Корневу, — данные о фактической прибыли от внедрения разработок по хоздоговорам с этим вузом отсутствуют. А нужную вам справку сейчас получите.

— А можете ли вы сказать, — спрашивает Корнев, — какие суммы государственных средств потрачены на финансирование хоздоговорных работ, выполняемых этим институтом?

— С точностью до копейки! — следует ответ. — А кстати, откуда взялась эта цифра — десять миллионов рублей? Кто вам ее назвал?

— Проректор института легкой промышленности.

— На основании чего? Не сказал?

— Есть документ за подписью начальника главка Логунова. — Корнев достает из «дипломата» бумагу, показывает ее. — Вот копия этого документа.

— Все понятно. Логунов по совместительству ведет занятия в этом институте. Вот и подмахнул!

— А мы сейчас проверим... — Корнев извлекает из «дипломата» бумажку. — Верно. В списке институтских совместителей значится и Логунов.

...Корнев открывает дверь с табличкой «Начальник технического управления Минлегпрома Логунов К. Т.».

— Проректор института легкой промышленности, — говорит Корнев, подавая бумагу Логунову, — дал мне копию вот этого документа, подписанного вами.

— Да, — подтверждает Логунов, взяв документ, — это моя подпись.

— Хотелось бы знать, как в министерстве распорядились нежданно-негаданно привалившими десятью миллионами рублей?

— А никак! — говорит Логунов. — Видите ли, работа не закончена по вине института, и об экономической эффективности, естественно, говорить рано.

— Напишите, пожалуйста, об этом на копии.

— Охотно! — произносит Логунов и берет авторучку.

— Там, внизу где-нибудь, — подсказывает Корнев, — если вас не затруднит.

Логунов размашисто пишет. Вдруг отрывает взгляд от бумаги, растерянно смотрит на Корнева.

— А зачем это?.. — срывающимся голосом спрашивает он, и тут же его лицо белеет.

КОРНЕВ выходит из здания министерства. Подходит к телефону-автомату, набирает номер.

— Герман Леонидович?

— Да! — слышен голос проректора института легкой промышленности.

— Это Корнев.

— Слушаю вас, Валерий Иванович!

— Начальник главка Логунов не подтверждает экономический эффект в сумме десяти миллионов рублей.

— Не подтверждает? — удивленно переспрашивает проректор.

— Да.

— Не может быть!

— Точно.

— Ну, если так... Тогда возьмите у нас другие примеры.

ОБЪЕДИНЕНИЕ Росшвейпром. Корнев в кабинете главного бухгалтера. Показывает копию документа:

— Гляньте, Иван Иванович.

— Абсолютный нуль! Фикция! — прочитав, восклицает главный бухгалтер.

— И никаких трех миллионов? — спрашивает Корнев.

— Вообще никакого экономического эффекта!

— А как же тогда руководитель вашего объединения подписал акт?

— Вы меня не выдадите? — лукаво улыбается главный бухгалтер. — Не засветите?

— Помощников в подобном деле я не выдаю, — улыбаясь, отвечает Корнев.

— Тогда слушайте... Жена Гусарова — доцент института легкой промышленности. Вот он и подкармливает ее кафедру по хоздоговору. Да еще, как видите, выдает «липовый» акт об эффективности.

— Спасибо за информацию.

— Только, пожалуйста, не подводите меня! Прошу вас! Мне до пенсии полгода осталось.

У ТУЛУПОВА. Корнев напомнил:

— Мне была обещана копия институтского письма, Александр Федорович.

— Было такое, — небрежно отвечает тот. — Но, понимаете ли, уважаемый Валерий Иванович, тут вот какая загвоздка. Данное письмо являет собою служебную переписку между инстанциями. Прочитать его вы смогли, а насчет копии — уж извините. Не положено.

— Уважаемый Александр Федорович, я эту «загвоздку», как вы изволите выразиться, предвидел. Для начала вопрос: указы Президиума Верховного Совета СССР для вас руководство к действию?

— Само собой. А в чем дело-то?

— Если так, позвольте огласить выдержку из Указа Президиума Верховного Совета СССР. Читаю: «Установить, что государственные и общественные предприятия, учреждения и организации выдают по заявлениям граждан копии документов, исходящих от этих предприятий, учреждений и организаций, если такие копии необходимы для решения вопросов, касающихся прав и законных интересов обратившихся к ним граждан... В таком же порядке предприятия, учреждения и организации могут выдавать копии имеющихся у них документов, исходящих от других предприятий, учреждений и организаций, от которых получить непосредственно копии этих документов затруднительно или невозможно... Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. Андропов. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Ментешашвили. Москва, Кремль, 4.08.1983 г. № 9779-X».

— ...Очень интересно, — не скрывая растерянности, произносит Тулупов. — Я не знал... Разрешите взглянуть?

Корнев кладет ему на стол «Ведомости Верховного Совета СССР».

ВЕЧЕР, комната Корневых. Наташа укладывает вещи в чемоданы. Подходит к шкафу, снимает с плечиков плащ, запихивает в чемодан, закрывает его. Входит Корнев.

— А Маринка где?

— У мамы осталась.

— Ты знаешь, я сегодня так устал! День выдался напряженный...

— Валерий, — перебивает Наташа. — Я ухожу... Совсем...

— Что?! — поражен Корнев. — Что ты придумала? Когда?

— Давно. И потом — какое это имеет значение!

— Может, все-таки объяснишь...

— Дело в том, что я тебя, Корнев, не люблю. И ты сам виноват!

— Постой, Наталья! Когда мы решили быть вместе, ты что говорила?! Обещала стать мне опорой! И мои убеждения тебя не смущали. А сейчас?! Так легко, так спокойно говоришь: «Я тебя не люблю!»

— Если считаешь, что виновата я, пусть будет так. Я просто баба и хочу нормальной жизни. Мне все надоело, я больше не в силах все это выносить — постоянные тревоги, переживания. Ни минуты покоя. Дальше жить так не могу! Не смогла!

— Что ж... ...Но Маринку я не отдам.

Корнев бесцельно бродит по опустевшей комнате. Машинально приподнимает на столе салфетку — под ней приготовленный для него ужин. Не раздеваясь, ложится на тахту. Закрывает глаза.

...Бесконечно длинный коридор. Разом распахиваются двери бесчисленных кабинетов. Из них выплывают какие-то фигуры. Они приближаются к Корневу, и он начинает узнавать лица. Вот Чистяков медленно помешивает ложечкой чай в стакане, рядом Норов с переходящим знаменем, на котором слова: «За победу в соревновании!», Герман Леонидович на ходу пишет что-то в блокноте, вырывает листки и раздает направо и налево, Тулупов в соболиной шубе, наброшенной на голое тело, нижнюю часть которого прикрывает фанерным чемоданчиком. А дальше, в толпе, — еще и еще какие-то тени.

— А где Медовников? Где Медовников? — слышатся голоса.

— Он канул! — отвечает некто в черных очках.

— Это он его доконал! — грозно указывает на Корнева Чистяков.

И гулко звучит чей-то бас:

— Послушай, Корнев, вот уже сколько лет ты в

борьбе. Рискуешь всем, может, и жизнью. А какой в этом смысл? Ответь!

— А какой смысл вам нужен? — спрашивает Корнев.

— Меняется ли что-либо после твоих фельетонов?

— Да, меняется! И многое! Только вы не меняетесь. Но я и не стараюсь для вас. Я и жизнью рискую, чтобы ни на мгновение самому не стать таким, как вы. Чтобы оставаться Человеком!

...Оглушительный звон. Коридор мгновенно пустеет. Корнев открывает глаза, звонки продолжаются. Он снимает трубку.

— Слушаю.

— Последний раз прошу, — раздается голос Плинтуса. — Отдай газету с пляжа!

Корнев кладет трубку.

ДАЧА Тулуповых.

— Спасибо, Нинуся, все было вкусно, — встает из-за стола Тулупов. — Сегодня, очевидно, может заявиться главный, и я должен быть в редакции пораньше.

— Так ты, котик, утверждаешь мою прибросочку для Михаила Борисыча?

— Утверждаю. Хотя веранду я бы так не обставлял. И во сколько эти работы обойдутся?

— Тысяч пять, если по госрасценкам, но Михаил Борисыч чего-нибудь придумает, и придется платить пустяки.

Услышав шум подъехавшей машины, Нина Самойловна выглядывает в окно.

— Он! — женщина всплескивает руками.

Выбегает. Появляется вместе с Чистяковым, оживленно продолжая разговор:

— Это удивительно, Михаил Борисович! Не успеваем о вас вспомнить, как вы тут же или звоните, или предстаете самолично. Просто телепатия, право же...

— Доброе утро, Александр Федорович, — натянуто улыбаясь, произносит гость с порога.

— Здравствуйте! Приятно видеть вас в нашем загородном поместье.

— Ах, какое там поместье! — щебечет Нина Самойловна. — Так, скромная хижина. И только с вашей по-

мощью, Михаил Борисович, с вашим отменным вкусом она может...

— Хорошо, что застал вас, Александр Федорович, — обрывает Чистяков Нину Самойловну. — Вот какое дело. Вчера к концу дня мне позвонил Корнев и зачитал, как он выразился, гранки. Объяснил, что это надо для уточнения кое-каких деталей.

— Какие гранки?! — недоумевает Тулупов.

— Гранки фельетона! Я был поражен, в каком виде он меня разрисовал! И, признаться, крайне удивлен: ведь вы категорически заверили, что никакого фельетона не будет!

— И сейчас могу заверить, Михаил Борисович! Только через мой труп!

— Здесь какое-то недоразумение, — вмешивается Нина Самойловна. — Александр! Немедленно разберись! Этого интригана надо унять! А вы успокойтесь, Михаил Борисович!

— Хорошенькое дело — «успокойтесь»! — теряет самообладание Чистяков. — А вы знаете, что в этих гранках есть очень прозрачный намек на то, куда и как уплывает экспериментальная мебель с выставок?

— Боже мой! Какой негодяй! Какой подлец!.. — растерянно смотрит на мужа Нина Самойловна.

— Оставьте, мадам, свои стоны! — грубо говорит Чистяков. — Я, как последний идиот, организую вам письма с мест против этого разбойника пера, а он беспрепятственно творит свое гнусное дело! И когда я обращаюсь к вам за помощью, меня утешают заверениями. А достойнейший Александр Федорович предлагает мне свой труп! На кой он мне сдался, если этот Корнев легко перешагивает через живых!

Чистяков гневно бросает на стол пачку писем, идет к дверям. Оборачивается:

— Запомните! Если фельетон все же выпорхнет, вам тоже не поздоровится!

КАБИНЕТ Матвеева. Входит Корнев.

— Легок на помине! — радостно встречает его Матвеев. — Открой-ка, друг, свой дипломатический сундук и выкладывай «Коррозию». Главный сегодня будет. Пойдем сразу к нему.

Корнев открывает «дипломат», кладет перед Матвеевым газету с фельетоном «Коррозия».

— Как? Уже напечатал?.. — произносит Матвеев. — Досадно! Очень досадно, что не у нас. Хотя рад за тебя... Ну, теперь жди от Тулупова грозы!

— Не думаю, — говорит Корнев. — Полагаю, у него хватит ума промолчать.

В дверях — Щербаненко.

— Ребята, здорово! — растерянно улыбается он. — Смотрю, табличка со знакомой фамилией, а тут — почти вся наша студенческая ячейка. Но я-то, собственно, к тебе, Валерий.

— Слушаю, — говорит Корнев.

— Ты, возможно, догадываешься, с чем я пришел?

— В какой-то мере.

— Валерий, я все понимаю, — волнуется Щербаненко. — И преклоняюсь перед твоими принципами. Короче, ты знаешь, как я к тебе отношусь... Но сейчас я в критической ситуации.

— Точнее?

— Скажу без обиняков. Как старому другу. Если ты опубликуешь фельетон о нашем институте, считай, я повергнут!

— Откуда такой пессимизм?

— А оттуда, Валерий! После твоей публикации скандал разразится! Он заденет и меня.

— Какие же у тебя в связи с возникшей ситуацией конструктивные предложения?

— Найти другой институт. Какая тебе разница, кого сечь?

— Щербаненко, ты убежденный атеист? — спрашивает Корнев.

— А как же иначе?

— И атеизм на высоком научном уровне студентам читаешь?

— Разумеется.

— Так вот скажу тебе, Щербаненко: побойся бога!

Щербаненко молча уходит.

— ...Ну, что скажешь о нашем «красавце-здоровяке»? — спрашивает Корнев Матвеева.

— Жестковато ты с ним все-таки...

— А ты что, хочешь, чтобы я расчувствовался и ублажил его за счет государства?

В ПРАВОВОМ институте. В кабинет ректора поспешно входит Воинов.

— Важнейшая информация, Виктор Ильич! — возбужденно сообщает он. — Вчера от Корнева ушла жена!

— Развал семьи? — оживляется Норов. — Это серьезно! Рассказывайте, Аркадий Семенович!

— Сегодня, знаете ли, звякнул Корневым. Подходит соседка. Прошу: будьте добры Наталью Александровну. А она говорит: Наталья Александровна вчера съехала, с вещичками, к матери, и больше тут не живет. Жаль, говорю, она мне очень нужна. «А вы что — по службе?» Подтверждаю — по службе. «Минуточку, у меня адрес ее мамаши записан». И продиктовала.

— Аркадий Семенович, голубчик, бросайте все дела и немедленно туда.

— Помчался, Виктор Ильич.

Воинов уходит. Норов набирает номер телефона.

— Александр Федорович? Доброе утро, Норов. Важнейшая информация. Вчера от Корнева ушла супруга... Да, судя по всему, развал семьи. Буду информировать дальше.

В РЕДАКЦИИ. Корнев в приемной Тулупова.

— Мне должны были подготовить копию письма, — обращается он к секретарше.

— Александр Федорович ничего мне об этом не говорил, — отвечает секретарша. — Подождите, когда закончится редколлегия.

Корнев выходит. Сталкивается с Анатолием.

— Привет, старина! — обнимает Корнева. — Есть анекдот! Сержант милиции, сидя за рулем, командует новичку: «Посмотри, как работает мигалка». Тот встал перед машиной и говорит: «Работает — не работает, работает — не работает...» Здóрово? — хохочет.

— Остроумно, — посмеивается Корнев. — У нашего брата тоже так бывает. Сути явления не усечем, стоим перед ним и констатируем: «Работает — не работает...»

— Точно! Я и не подумал! — произносит Анатолий. — Слушай, старина! Что происходит? Прочитал в секретариате твой фельетон о картежниках — классно сделано! Почему не ставят?

Корнев разводит руками.

— Опять в потасовке? — догадывается Анатолий.

— В какой-то мере.

— Слушай, старина! Учись у Моти Сатановского! Наш Мотя вот уже полвека, не выходя из своего кабинета, бе-

рет готовые документы — акты ревизий, приговоры, постановления комитета народного контроля и расписывает по ним веселый фельетончик! И при этом все довольны. Мотя полностью застрахован — опровержений не бывает. Газете — тоже спокойно живется. А видимость критики — налицо.

— Я, старина, не Сатановский, — говорит Корнев. — И никогда им не буду.

— Тогда есть другой способ безбедного бытия в журналистике, — весело продолжает Анатолий. — К примеру, у тебя пропали в химчистке джинсы. Подвергай эту химчистку принципиальной критике — получишь гонорар, а химчистка с лихвой компенсирует тебе потерю. Тебе ремонтируют квартиру и делают это некачественно. Труби во все трубы о безобразиях в комунальных службах, и к тебе, поверь, придут и сделают все в лучшем виде. Словом, старина, не проходи мимо того, что лично тебя касается, и ты весь век будешь кормиться, шагая этим укатанным путем.

Из конференц-зала выходят, толпясь, сотрудники редакции.

— О... совет аксакалов закончился, — бросает Анатолий. — Бегу подписывать командировку.

К Корневу спешит Матвеев:

— Есть серьезные новости.

Берет Корнева под руку, идут по коридору.

— Только что на редколлегии Тулупов поставил вопрос о невозможности использовать тебя в газете, — сообщает Матвеев.

— На каком основании?

— «Оснований» у него — полный короб. Начал с фельетона о Чистякове. Дескать, это ЧП! Материал готовился по нашему заданию, а появился в другой газете. Дальше завел речь о твоих якобы неэтичных методах при сборе документов. При этом размахивал какими-то письмами. Затем снова упомянул об этой дурацкой информации из твоего института... Ну, и, наконец... Ты извини, но я должен об этом сказать... Тулупов сообщил, будто вчера от тебя ушла жена. И весь этот букет, заметь, он поторопился представить на редколлегии до появления главного.

— И что решили мудрейшие аксакалы? — невозмутимо спрашивает Корнев.

— Они ничего не решили. А я заявил прямо: оставляю

за собой право довести до сведения главного редактора свои соображения о причинах, которые заставляют вас, Александр Федорович, компрометировать Корнева!

— Ну, трибун! Разошелся! — Корнев пожимает руку Матвееву.

НА ЛЕСТНИЧНОЙ площадке. Прикрыв спиной входную дверь, Наташа беседует с Воиновым.

— ...А что вас, собственно, интересует? — настороженно спрашивает она.

— Видите ли, — объясняет Воинов, — Валерий Иванович — наш товарищ, член нашего сплоченного коллектива, профорг. И вдруг мы узнаем...

— С ним что-то случилось?! — испуганно восклицает Наташа.

— Нет, нет! Успокойтесь, Наталья Александровна. Ничего не случилось. Я совсем по другому поводу, — нервничает Воинов.

— По какому же? — снова настораживается Наташа.

— ...Понимаете ли, мы крайне обеспокоены тем, что произошло...

— Да что же произошло?!

— А то, что вы здесь, Наталья Александровна, а он некоторым образом там.

Воинов неопределенным жестом тычет в сторону.

— Но вам-то какое дело?..

— Ну как же... Семья, так сказать, очаг, первичная ячейка... И когда она рушится, наш святой долг, наша прямая обязанность разобраться, помочь, поправить. Ведь не секрет, Наталья Александровна, чаще всего основной причиной этой драмы является, извините, супруг. Больше того — порочные связи, измены. И в случае необходимости мы готовы...

— Ах, вот оно что! — взрывается Наташа. — А ну катись отсюда! Катись, гнида несчастная! С лестницы спущу!

Входит в квартиру, захлопывает за собой дверь.

РЕДАКЦИЯ. В кабинете главного редактора — Тулупов, Матвеев, Корнев.

— ...Теперь дальше, — наседает Корнев на Тулупова. — Коль вы затронули вопросы профессиональной этики, то должен сказать: считаю, мягко говоря, в высшей мере неэтичным, когда один из руководителей газе-

ты — имею в виду вас, товарищ Тулупов, — пытается любыми способами воспрепятствовать публикации критического материала о должностном лице, допустившем вопиющую бесхозяйственность. Причем главный удар направлен не против сути материала, его фактической основы, а против автора, чтобы сбить его с ног, опорочить и нейтрализовать.

Тулупов напряженно слушает.

— Вы упрекнули меня еще в том, что я не поставил вас в известность, в какой газете фельетон о Чистякове появится. Так вот, скажу откровенно: информировать вас на сей счет я считал опрометчивым. Я не был уверен в принципиальности ваших последующих действий. И вообще у меня складывается впечатление, Кирилл Антонович, — обращается Корнев к главному редактору, — что ваш первый заместитель нередко выступает в довольно странной роли: на манер лоббиста он защищает интересы тех лиц, которых газета намерена подвергнуть справедливой критике.

— В конце концов, что тут происходит?! — вскакивая, выкрикивает Тулупов. — По какому праву!..

— Спокойней! — жестко обрывает его главный. — Вас выслушали? Теперь извольте выслушать других.

— И все же методы, которыми пользуется Корнев при сборе материалов, не те! — возмущается Тулупов.

— Точнее? — требует главный.

— Надо верить людям, а Корнев под каждое слово набирает ворох документов! Он словно бы заранее сомневается в честности, в порядочности своих собеседников!

— Ну, это вы явно передергиваете, Александр Федорович, — сердито морщится главный. — Проблемы, которые Корнев поднимает в своих выступлениях, настолько злободневны, взрывоопасны, затрагивают такие инстанции, что ему нельзя ни на секунду расслабляться. Он, как сапер, не имеет права на ошибку. Он должен понимать, что в любой момент, по любому из своих фельетонов следует, если понадобится, быть готовым представить предельно аргументированное, неопровержимое по фактам объяснение. Истину надо уметь не только высветить перед обществом, но и профессионально отстоять. И мы не раз убеждались, что Корнев именно так и работает.

— И все же, — не сдержавшись, выкрикивает Тулупов, — категорически заявляю! Недопустимо по частным

фактам делать далеко идущие выводы, бросать тень на заслуженных, уважаемых руководителей!

— Кто имеется в виду? — сухо спрашивает главный.

— Да хотя бы тот же заместитель министра Чистяков!

— Закон един для всех! — вставая, подытоживает главный.

Тулупов выскакивает из кабинета. Матвеев и Корнев встают, собираясь уйти.

— Задержитесь, вояки, — говорит им главный. — Честное слово, на неделю вас оставишь — и уже баталии.

— Так за правду же воюем, Кирилл Антонович, — облегченно улыбается Матвеев.

— Это верно. Без правды не житье, а вытье, как говорится. — Главный достает из кармана пиджака расческу, тщательно расчесывает усы. — Нет, с этим надо кончать, — в раздумье, словно бы про себя, говорит. — Ведь ежели повсеместно внедрить тулуповщину, все наше Отечество надо поделить на сусеки. Мол, этот областной центр не тронь — там я родился, тот колхоз не критикуй — там мой дядя председателем, к тому горздраву не подходи — попортишь моей жене, врачихе, карьеру... Этак далеко можно зайти! Очень!.. — Главный прячет расческу в карман, обращается к Корневу: — Ваш фельетон о картежниках я ставлю в номер. И вот что, Валерий Иванович, хотелось бы видеть вас штатным спецкором нашей газеты.

— Назревшее предложение, Кирилл Антонович, — поддерживает Матвеев.

— А что ваш друг отмалчивается? — улыбается главный.

— Берусь его уговорить! Непременно уговорю! — посмеиваясь, обещает Матвеев.

ВЕЧЕРОМ того же дня Нина Самойловна встречает в прихожей своей квартиры гостей: Шестопала в элегантном белоснежном костюме, с черной тростью в руке и Гундоса, выглядевшего на этот раз тоже довольно респектабельно.

— Олег Матвеевич! Какая радость! Боже, как вы смотритесь! — восторгается Нина Самойловна, бережно принимая от Шестопала трость.

— Ах, какая изящная вещица! И как она подчеркивает ваш великолепный костюм!

— Позвольте засвидетельствовать, — говорит Шестопал, целуя руку Нины Самойловны. — Вы, как всегда, прелестны. Мой референт Кессарийский, — представляет Шестопал Гундоса. — Эльдар Сидорович.

Гундос кланяется.

— Прошу! — приглашает Нина Самойловна в гостиную.

— Извините, — любезно улыбается Шестопал. — У Эльдара Сидоровича — срочные дела. Прошу, оставьте нас на пару минут.

— Ах, извините! — говорит Нина Самойловна, уходит.

— Теперь слушай, Гундос, — тихо говорит Шестопал. — Пока я здесь, кровь из носу, но отлови этого подонка... как его там?

— Плинтус.

— ...И доставь ко мне в гостиницу. Если с Корневым хоть что-нибудь случится, вам эта газетка с пляжа дорого обойдется. Кстати, сколько там было намалевано?

— Двадцать три куска.

— И вы, сволочи, из-за такой мелочовки нарушили мой приказ?.. Иди, «референт», и без Плинтуса не появляйся.

Гундос исчезает. Шестопал входит в гостиную.

В передней звонок.

— Извините, дорогой! — бросает Нина Самойловна Возвращается вместе с Щербаненко. В руках у нее какая-то подарочная коробка.

— Знакомьтесь. Доктор философских наук Щербаненко...

— Олег Матвеевич, — представляется Шестопал.

Нина Самойловна открывает коробку, вынимает затейливый флакон, нюхает.

— Какой аромат!.. Так что вас привело к нам, Константин Петрович? Не стесняйтесь, рассказывайте. Олег Матвеевич для нас с Александром Федоровичем больше, чем друг.

— Нина Самойловна, я в двух словах, — говорит Щербаненко. — Мне вот-вот должны дать профессора, и вдруг в наш институт нагрянул...

— Корнев! — догадывается Нина Самойловна.

— Он! Перевернул все вверх дном, сами понимаете — обнаружил. В том числе и на нашем факультете. Естественно, я бросился к нему в редакцию. Ведь мы с ним в студенческую пору в одной комнате бедствовали! Думал, поймет...

— А он вас выгнал?

— Ну, не буквально... Однако, если теперь появится его фельетон...

— Профессора вы не получите? Так? — спрашивает Нина Самойловна.

— Вы опять угадали! — отвечает Щербаненко. — Надежда только на вас!

— Философ! — неожиданно вмешивается Шестопал. — Сколько стоит твой французский тройной одеколон?

— Простите, духи! — оскорбленно поправляет Щербаненко.

— Ну, так сколько?

— Если перевести на наши деньги, рублей, пожалуй, двести, — обескураженно отвечает Щербаненко.

— Вот тебе, философ, пятьсот рублей, — сует ему купюры в кармашек пиджака Шестопал. — И не вводи в соблазн порядочных людей!

Дружески обняв ошеломленного Щербаненко за плечи, Шестопал уводит его из гостиной. В передней хлопает дверь. Шестопал возвращается.

— Нина, — укоризненно говорит Шестопал, — я всегда считал тебя умницей, но сейчас не узнаю. Чем вы тут занимаетесь? Каким крестиком вышиваете? С какими слизняками якшаетесь? И все это против Корнева? Глупо! Примитивно! Ты знаешь, я разбираюсь в человечках. Вот тут у меня в кармане не один десяток мужичков. Именитые, солидные на вид, влиятельные. Да я их всех вместе отдам за одного Корнева! Это таран, танк, масштабная личность! И нужно быть полным идиотом, чтобы делать из него не союзника, а врага. Поразмысли, Нина. И подскажи своему дураку, как действовать. Корнев должен быть с нами. А теперь проводи.

Нина Самойловна идет с Шестопалом в переднюю, подает трость.

— Да, чуть не забыл. Возьми на обзаведение, — говорит Шестопал, вручая Нине Самойловне пачку купюр. — Остальное доставит мой референт.

ПОЗДНИЙ вечер того же дня. В сквере, что напротив редакции, мается Плинтус. Из подъезда выходит Корнев с «дипломатом» в руке, спускается по каменным ступенькам, идет к остановке. Садится в подошедший автобус. Плинтус бросается к нанятому им заранее такси, которое тут же устремляется за автобусом. У метро Корнев

выходит. Плывущий вниз эскалатор. На верхних ступеньках — Плинтус. Корнев входит в вагон. В соседний ныряет Плинтус. Плывущий вверх эскалатор. На нижних ступеньках — Плинтус. Корнев выходит из метро, идет по плохо освещенной улице. Его догоняет Плинтус.

— Эй, корреспондент! Последний разговор! — угрожающе произносит Плинтус, пытаясь вырвать у Корнева «дипломат». Между ними завязывается борьба. Корнев явно одолевает Плинтуса. Вдруг чувствует пронзительную боль в боку. Фары приближающейся машины. Плинтус убегает.

НОЧЬ. Приемный покой больницы. Матвеев и Анатолий.

— Он выживет, Толя? — спрашивает Матвеев.

— Не только выживет, но и напишет об этом! — успокаивает Матвеева Анатолий.

В приемном покое появляется Наташа. Увидев Матвеева и Анатолия, отворачивается, рыдает.

— Успокойтесь, — говорит ей Анатолий. — Все будет хорошо. Нож скользнул по ребрам. Повезло.

— На этот раз... — заливается слезами Наташа. — Я знала, что это случится! Знала! Уговорите его бросить фельетоны! Он вас послушает! Уговорите!..

— Не просите об этом, — говорит Анатолий. — Валерий — человек долга, и ничто его не изменит.

— А вы тоже человек долга? Почему же вы таких фельетонов не пишете?!

ГОСТИНИЦА. Номер люкс. Перед Шестопалом — Гундос и Плинтус.

— ...И что? Вот эта мокрица подняла руку на нашу прессу?! — люто щурится Шестопал. — Это она пытается затормозить необратимые процессы?! Паша! Врежь ему как следует! Напомни о демократии!

Гундос с яростью набрасывается на Плинтуса. Тот молча принимает удары. Падает на ковер.

— Паша, остановись! — приказывает Шестопал. — Подними этого отщепенца! И переведи ему: через час духу его не должно быть в столице нашей Родины — Москве. Приведи его в товарный вид и отправь на вокзал.

Гундос выволакивает Плинтуса в ванную.

БОЛЬНИЧНАЯ палата. Подложив под спину и голову подушки, Корнев что-то пишет в блокноте. Рядом, на тумбочке, приоткрытый «дипломат». Осторожно постучав в дверь, входит Тулупов в белом халате, наброшенном на плечи. В руках — пакет, из которого торчат бананы.

— Вот пришел... Проведать... с витаминами. — Тулупов подходит к тумбочке, топчется около нее, затем кладет пакет на подоконник. Мнется.

— Пришли — так садитесь, Александр Федорович, — разряжает неловкую ситуацию Корнев.

Тулупов присаживается на стул рядом с постелью Корнева.

— Вот что, Валерий Иванович, — вздохнув, решительно говорит он. — Пришел груз с души снять. Объясниться начистоту. Если позволите, конечно. Скажу прямо: вел я себя по отношению к вам далеко не лучшим образом. И в общем-то, если уж на полную откровенность, ваши упреки в мой адрес принимаю полностью. И приношу искренние извинения.

— Ну, что уж так казниться, Александр Федорович, — произнес Корнев.

— Нет, нет, Валерий Иванович! Я готов повторить все это и в редакции, публично! Но вы должны понять, вам-то в нынешних условиях себя переламывать нет нужды. Как шли раньше, так и сейчас идите, по тем же ориентирам. А каково таким, как я? Трудно отказываться от всего, к чему привыкли, приросли! Но другого выхода нет: не переборешь себя, считай, оказался в обозе... Ну да ладно! Я ведь к вам и по делу пришел. Есть масштабная тема.

— Какая?

— Собственно, речь о крупном хозяйственнике, очень крупном и сильном. Талантливом руководителе, который давно уже у себя реализовал все, о чем сейчас только начинают говорить. И полный хозрасчет, и самофинансирование, и самоокупаемость. А какие конфликты вокруг него вскипают! С какой бескомпромиссностью он отстаивает свою позицию!.. Простите, Валерий Иванович, — спохватывается Тулупов. — Я вас не утомил?

— А кто таков этот ваш хозяйственник? — интересуется Корнев.

— Шестопал его фамилия. Да я потом, когда явитесь в редакцию, все вам о нем расскажу. Ну как? Договорились?..

В палату входит Лена Синицына в белом халате. Увидев ее, Тулупов торопливо встает.

— Не буду вас больше утруждать. Выздоравливайте побыстрее, Валерий Иванович!

Тулупов уходит.

— Как вы, Лена, чудесно загорели! — улыбается Корнев.

— Вы-то как чувствуете себя, Валерий Иванович? — взволнованно спрашивает Лена.

— Все нормально, — отвечает Корнев. — Как с вашим дипломом?

— С дипломом? — растерянно переспрашивает Лена. — При чем тут диплом! Мы все за вас так переживаем...

— А я вот что вам, Леночка, предлагаю. Давайте не переживать. Давайте-ка лучше поговорим по существу. Садитесь и спрашивайте, как говорится, по теме. Лучшей-то возможности не будет.

— Ой, Валерий Иванович! Как же так? В больнице?

— Садитесь! — командует Корнев.

Лена послушно присаживается на табуретку.

— Вообще-то, Валерий Иванович, вопросов, как всегда, уйма... Ой! — спохватывается вдруг Лена. — Совсем забыла. Вам же письмо от Дмитрия Васильевича. Ну, от того, что на пляже.

Корнев берет конверт. Разрывая его, спрашивает:

— Значит, он все-таки нашелся, этот шеф-повар?

— На следующий день, когда вы улетели.

Корнев читает письмо, складывает его. Некоторое время лежит молча. Затем тянется к «дипломату», прячет письмо и достает ключи.

— Лена, у меня к вам просьба. Вот ключи. Желтенький — от входной двери в квартиру, где я живу. А белый — от нашей комнаты. Когда войдете в коридор, она слева. В комнате увидите платяной шкаф. Там висит синий костюм-тройка. Снимите его. В боковом ящике возьмите белую сорочку. Еще галстук. Заверните все это и как можно быстрее ко мне.

КАБИНЕТ Матвеева. В дверях — Корнев. Синий костюм несколько свободен.

— Валерий? Ты? — вскакивает Матвеев. — Врач сказал — пробудешь еще как минимум неделю... Да на тебе лица нет!.. А я, кстати, собирался в больницу. Из При-

волжска пришла телеграмма. Тебя приглашают на торжественное открытие детской библиотеки в доме, который ты подарил городу.

Усаживает Корнева в кресло.

Тот достает из «дипломата» письмо, поясняет:

— От Дмитрия.

— От Димки Родина? — удивляется Матвеев.

— Послушай, что пишет: «Приезжай! Из игры выхожу. Хотя и понимаю, что вход в нее стоит рубль, а выход — сто. Однако пренебрегаю любыми последствиями. Остерегайся Шестопала! Его финансовые и карательные возможности безграничны! Его люди во всех сферах — от ментовки до изящной словесности. Это все могу подтвердить документами. Обнимаю. Охрану тебе обеспечить не могу. Последняя надежда на тебя и всевышнего. Твой Дмитрий...»

— Тут что-то очень серьезное, — тревожно говорит Матвеев. — Похоже на сигнал бедствия.

— Я должен немедленно лететь к нему.

— В таком состоянии?

— Раз я уже здесь, незачем об этом.

— Что ж... Понимаю. — Матвеев идет к двери. — Зайду к главному. Жди.

Уходит.

Корнев набирает номер телефона.

— Алло! Аэропорт? Мне отдел перевозок... Николай Геннадиевич? Наконец-то. Добрый день. Корнев. Через два часа я буду в аэропорту. Крайне необходимо ваше содействие... Вот и прекрасно.

Кладет трубку. Входит Матвеев:

— Командировку оформляют.

Корнев достает из «дипломата» блокнот, передает Матвееву.

— Здесь, Женя, фельетон «Трясут, как грушу». О хоздоговорной вузовской науке. Извини, что от руки. Перепечатать было негде.

— Ну, Корнев, даешь! — восклицает Матвеев, перелистывая блокнот.

— Документы под «грушу». — Корнев кладет на стол папку, набитую бумагами.

— Между прочим, есть новость, — говорит Матвеев. — Только что на планерке произошла сенсация: Тулупов заявил, что якобы принес тебе извинения...

— Не якобы, а точно.

— ...И покаялся, что пошел на поводу у интриганов из твоего института.

— Время поджимает, Женя, — Корнев встает.

— Погоди. Дальше — интересней. Вчера меня пригласили в КПК, и там я лицезрел твоего бульдога.

— Кого?

— Твоего ректора. Надо было видеть, как он вывертывался, юлил. А когда выяснилось, что ты учился сразу в двух институтах параллельно, Норов стал похож на инфузорию под туфелькой.

— Неплохой заголовок, — усмехнулся Корнев. — Пойдем.

— И еще информация, — говорит Матвеев, пряча блокнот и папку в ящик стола. — Выплыла одна справочка по давней истории с Медовниковым. Оказывается, Тулупов тебя все-таки подзаложил тогда. Высказал частное «товарищеское» мнение, что ты склонен не замечать наши огромнейшие достижения, а склонен...

— Я, Женя, склонен не опоздать на самолет, — говорит Корнев.

— Да, насчет Плинтуса, — провожает его к дверям Матвеев. — На него объявлен всесоюзный розыск.

— Уже знаю. От следователя.

Выходят из кабинета.

АЭРОПОРТ. Из такси выскакивают Наташа и Марина. Вот они появляются на втором этаже среди провожающих.

— Смотри, Марина! Вон наш папа! Видишь? — сквозь слезы улыбается Наташа, показывает на самолет, у трапа которого толпятся пассажиры. — Видишь?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УТРО. Одна из напряженных автомагистралей Североборска. Час «пик». На проезжей части встречные потоки быстро мчащихся машин. У светофора на обочине среди других стоит Корнев. На противоположной стороне дороги у светофора — Дмитрий Родин с желтым портфелем в левой руке. Увидев Корнева, он импульсивно поднимает правую руку, как бы приветствуя его. Но тут же, бросив взгляд по сторонам, ее опускает... С нетерпением посматривая на светофор, Родин ждет, когда появится

зеленый свет. Наконец движущийся транспорт резко затормаживает у светофоров. Родин быстро идет в сторону Корнева.

Неожиданно с места срывается мотоцикл и летит Родину наперерез. Плинтус, который сидит сзади на мотоцикле, на ходу выхватывает у Родина портфель и стреляет в него в упор из автомата. На бешеной скорости мотоцикл уносится прочь.

КОРНЕВ в кабинете начальника Североборского УВД.

— Извините, — говорит полковник и нажимает кнопку селектора. — Узнайте, где Шестопал! — смотрит на Корнева. — Совершено тяжкое преступление. Как мне кажется, это по вашей теме.

— Да, — говорит Корнев.

— Убитый гражданин Родин был заместителем председателя старательской золотодобывающей артели. Я сейчас дал команду найти председателя этого кооператива — Шестопала...

На селекторе загорается лампочка. Начальник УВД, не глядя, привычным, заученным движением нажимает на кнопку.

— Товарищ полковник! Шестопал в Москве.

— Впрочем, впрочем... — продолжает начальник УВД. — В этой артели не все благополучно. Не так давно работала бригада из Москвы, возглавляемая следователем по особо важным делам Игнатюком. Был произведен обыск, изъяты бухгалтерские документы. Но вот что странно, я вам скажу: бригада была неожиданно отозвана. А впоследствии стало известно, что Игнатюк уволен из органов прокуратуры. Вот так-то...

КОРНЕВ и Ольга Родина сидят друг против друга за журнальным столиком.

— ...Он ждал вас. Очень, очень ждал! У меня как-то все путается в голове... — Ольга потерла лоб рукой. — Да, ждал... Должен был сегодня на субботник ехать. На центральную базу, рядом с нашим Североборском...

Встает, подходит к письменному столу, выдвигает ящик, достает зеленую папку. Гость машинально развязывает узел, открывает папку и читает верхний документ, листает другие бумаги. Закрывает папку, напряженно смотрит на Ольгу:

— Простите меня, но я должен вас покинуть...

В ТО ЖЕ УТРО на базе золотодобывающей артели «Заря» к машинам, стоящим возле конторы, подошли инженер Казарновский и журналист Носков. В багажник черной «Волги» водитель укладывает ящики и свертки.

— Все это вам! — указывая взглядом на поклажу, говорит Казарновский. — Минуточку, сейчас еще поднесут ящик с финским пивом и кое-что из закуси.

— Ну зачем вы?.. Просто неудобно!

— Нет, нет! Вы уж не отказывайтесь... Думаю, вам понравятся наши презенты. Все сделано по указанию Олега Матвеевича Шестопала.

— Что ж, спасибо... Спасибо!

— В самолет водитель погрузит... А в Москве у трапа вас встретят наши люди и доставят домой.

— Еще раз благодарю!

— Читали мы в вашем еженедельнике воспоминания Олега Матвеевича о популярном поэте... Очень всем понравилась публикация... Как тепло и проникновенно написано!.. У нашего Олега Матвеевича ко всему еще, оказывается, и писательский талант...

— А теперь ждите в ближайшем номере еженедельника и мой очерк о вашей замечательной артели и ее блестящем будущем. Здесь у вас мне надо было лишь уточнить кое-какие детали... — подает руку Казарновскому.

ТАКСИ миновало последние дома Североборска. На заднем сиденье — Корнев.

— Еще минут двадцать ехать... — глядя на Корнева в зеркало, говорит шофер. — Вот как раз навстречу идет старательская «Волга».

Показался массивный забор и причудливые крыши строений.

— Вот и база! — буркнул шофер, словно был недоволен молчаливостью Корнева.

— Сбросьте скорость. Потише... — Корнев прильнул к левому окну. — Проедем еще метров четыреста от базы, меня высадите. А сами развернетесь и проедете километр в сторону города. Там меня ждите.

Ворота базы распахнуты. Корнев окидывает взглядом территорию и безошибочно угадывает здание, где находится контора. Подойдя к дальнему торцу строения, он, довольный собой, хмыкает... Сбоку от входа блестит вывеска из нержавейки: «Правление старательской артели

«Заря». Корнев толкает обитую красным сафьяном дверь и двигается по коридору. Большинство кабинетов заперты. В том числе и председателя артели Шестопала. За дверью главного бухгалтера слышатся голоса. Подумав полсекунды, Корнев входит в комнату. Пожилой человек с начальственной осанкой и двое молодых мужчин воззрились на Корнева.

— Что вам угодно? — брезгливо оттопырив нижнюю губу, произносит пожилой.

— Я журналист из Москвы. Корнев. Готовлю материалы о субботнике, который проводится в вашем регионе. Побывал уже на многих предприятиях...

— Я занят! Готовлю квартальный отчет... — не отрывая глаз от бумаг, проговорил пожилой.

Широко распахивается дверь, и в комнату входит Казарновский:

— Что здесь происходит?

Человек, про которого Корнев подумал, что он главный бухгалтер, вызывающе молчит.

Казарновский в упор глядит на одного из молодых мужчин. Тот как по команде выпаливает:

— Корреспондент из столицы...

— Минуточку, минуточку! — вклинивается в разговор Корнев. — Я еще сам себя в состоянии представить. Я действительно журналист из Москвы...

— А я Казарновский. Исполняю обязанности, что-то вроде главного инженера.

— У меня задание: подготовить материал о старательских артелях. Провожу предварительную рекогносцировку.

Казарновский мельком смотрит на главбуха и вздыхает:

— Вот что, молодые мои друзья-экономисты! Расскажите нашему гостю о славной истории «Зари»...

И Казарновский выходит из кабинета.

— Присаживайтесь поближе к нам! — обращается к Корневу один из экономистов. — Обстоятельного экскурса в прошлое нашей артели мы делать не будем. Лучше дадим вам копию посланий — буквально мольбы руководства «Зари» в вышестоящие инстанции. Нас замучили проверками. Никто не верит, что возможна такая высокая производительность. Совсем недавно у нас работала бригада следователей во главе с Игнатюком. Естественно,

ничего не нашли. Документация у нас ювелирная. Комар носа не подточит...

...Корнев незаметно бросает взгляд на часы: они беседуют сорок минут. Открывается дверь, и на пороге вновь Казарновский:

— Пора и на свежий воздух! Он у нас, между прочим, целебный. Проведем небольшую экскурсию.

КОРНЕВ и Казарновский приближаются к строению, похожему на ангар. Приезжий заметил, как на него с острым любопытством взглянул здоровенный старатель, похожий на массивный сейф.

— Заходите! — приоткрывает дверь в воротах главный инженер. Он щелкает выключателем, загораются лампы дневного света. — Вот это, сами видите, БелАЗ, дальше — бульдозеры японской ведущей фирмы «Комацу», американские — «Катерпиллер»... Опять же западногерманские грейдеры... Впечатляет?.. Ну, двинем, дальше. Вон там ремонтные мастерские, модерновая лесопилка... Правее — литейка с кузницей, склад горючего со стопроцентной безопасностью... А теперь отправимся в оранжерею! Мы под нее отвели три гектара скупой, непритязательной северной земли. Что растет там, увидите сами.

Внутри стеклянного дворца парит. Глаз радует буйство красок.

— Помидоры, огурцы, розы, тюльпаны, патиссоны... кабачки... — продолжает Казарновский. — Вот нехитрый ассортимент нашего подсобного хозяйства. За оранжереей небольшая свиноферма, голов на триста... Мясная беркширская порода. Сала — сантиметр, а остальное — бекон... Пойдемте на склад дефицита!

Корнев и Казарновский шагают по диагонали от оранжереи к бурому приземистому зданию.

— Ах ты, мать честная, пломба!.. Не смертельно... Сорвем!.. — Резким движением хозяин этого богатства рассекает проволоку, достает связку ключей, находит нужный и вставляет в замочную скважину, поворачивает и отодвигает дверь на роликах в сторону.

Внутри помещения горит свет. Прохладно.

— Поддерживаем определенную температуру, — говорит гид Корнева. — Ведь у нас здесь меха, дубленки... Партия голландских мужских коллекционных костюмов. Кстати, не угодно ли? Хорошо смотрится...

— Нет, знаете...

— Все понятно! С этим познакомились. В продуктовый

склад не веду. Но поверьте, там деликатесы на любой вкус... Вот что такое демократия и самоуправление!.. Такова у нас забота о простых тружениках. Да, забыл вам в конторе показать наш вычислительный центр с ЭВМ четвертого поколения. Так, так... А вот видите, — показывает рукой, — жилые здания, гостиница, бассейны, сауна... Ну, а теперь позвольте проявить наше традиционное северное гостеприимство. В банкетном зале вас ждет скатерть-самобранка. Заодно ознакомитесь с самодеятельным творчеством наших рабочих: живопись, чеканка и прочее.

— Спасибо, спасибо... Увы, не могу! Знаете, поджимает время...

— Ясно. Время — деньги! Издавна известно. Тогда прошу! — И Казарновский делает широкий жест, указывая на три «Волги» и угрюмо застывший вездеход. — Домчат, куда прикажете.

— Не хочу терять формы. Время, оно, конечно, всегда в цене. Однако журналиста ноги кормят. Я пешочком и на попутных...

— Ну что ж, был рад познакомиться! Окажетесь в наших краях снова, прошу любить и жаловать!

Когда Корнев открыл дверцу такси, с изумлением услышал голос:

— Эй, вьюнош!

Корнев обернулся. На него надвигался человек, похожий на сейф:

— Ты, я слышал, шевелюшки зарабатываешь так, что ничего тяжелее ручки не поднимаешь.

— Это близко к истине.

— Тогда слушай, друг! — североборский геркулес одет, несмотря на жару, в телогрейку, ватные брюки и кирзачи не меньше чем сорок шестого размера. — Все писаки и менты — мои кенты, как говорят в народе... Я работал в этой артели. Но стал на дыбы, и меня вышвырнули. А вкалываем мы — не приведи господь! И хоть бог не фрайер, но о нас забыл. По шестнадцать, а то и все двадцать часов в день в болотной слякоти ишачим да чифирем пробавляемся. Спим вповалку на нарах в землянках... Редко кто из пришлых держится больше сезона. А раз так, чего их жалеть, в хоромы определять... Летом и под кустом хорошо. А не нравится — катись к чертям!.. На больничные нам ходить не разрешается. Болеешь — болей на здоровье. А за проболевшие дни отсте-

гивают для начальства... Ну а начальство и витаминчики потребляет, и часть овощей барыгают в городе... Дубленками подмазывают нужных людей. На ЭВМ какую-то левую мастырку варнакают... А сколько бугры домов настроили для себя на каждой базе! Годами пустуют дома для Шестопала да присосавшихся его прихвостней. Как приедут, кино крутят с голыми бабами, музыку заводят... Шестопал со своей Зойкой все по югам пузо греют. Мы его и не видим... А как только появляется, шибко любит гостей принимать. То космонавта заманит, то артиста... Таких влиятельных знакомых, грят, у Шестопала в Москве тыщи. На всех в стране управу имеет. Рейган о нем знает, сенаторы и фирмачи в счет не идут... Как приедет Шестопал, то генералы к нему на прием норовят, то начальники крупные на черных «Волгах» подкатывают. В это время не пикни. Нос не сунь — отвадят враз. Пашка Гундос — мент, выгнанный за помощь блатным из Московской уголовки, как цепной пес: все знает, видит, подглядывает и Шестопалу докладывает. За это ему выходит благодать, каждый год в кассе артели сколько хош тыщ отвешивает, да еще с барского стола откалывается... У Шестопала везде свои расставлены!.. Короче, сплошь вурдалаки, упыри — кровопийцы... Готовые денно и нощно сосать кровь из живых и мертвых!

— Но есть же еще министерское производственное объединение, куда входит артель и которое обязано контролировать? — говорит Корнев: этот «приблатненный» работяга его явно заинтересовал.

— Думаешь, Шестопалом руководит это объединение?.. Ан, нет! Шестопал сам руководит этим объединением. Вон бывший директор объединения Яшка Орликов погнался снять Шестопала, а оказался где?.. В Монголии промышляет, чтоб неповадно было!.. Шестопал, говорят, и к нынешнему директору объединения Митьке Колдобину давно приглядывался. Тот хотел поначалу в артель к Шестопалу главным инженером определиться. А Шестопал выждал и директорством его пожаловал. Каженный год кусков десять ему отстегивает. А чтоб не шибко брыкался в вожжах, любовницу ему справил, Лизку. Она счас при Митьке в объединении работает. Разрешил Шестопал Митьке банькой пользоваться... Вот Митька в рабочее время все и норовит в баньку с любовницей... Вместо заседаний прошвыривается... Замучили свово шофера Гришку: то сигареты Лизке, то винцо... А Митька охоч

до артельных денег. Мало того, что все тащит для себя да любовницы, еще сына алкаша в артель определил и племяна из Сибири... Ни хрена не делают, а деньгу отдай. Да не одни они такие! На работе не видим, а в ведомости, в конце сезона, их полно. Переводов на пошту большой список дают...

— Но если вы все это так хорошо знаете, — прерывает Корнев, — то почему не боретесь?..

— Бороться против Шестопала?.. Битое дело! Не верю я нашему правосудию. Правду у нас не сыщешь! Милашевич через свово друга из союзной прокуратуры Пекунова все равно никого в обиду не даст. Свалили Игнатюка с его следственной группой и других свалют. А нам, мелким сошкам, жить надо... Хотя, признаюсь, где-то в душе надеюсь: раз, думаю, корреспондент появился, значит, может, дадут гадам по зубам и нам, трудягам, глядь, легче станет...

— Кто такой Милашевич? — спрашивает Корнев.

— Он заместитель Шестопала в артели, а еще где-то на югах ведает банькой-сауной...

— Что, и так бывает?

— Все бывает!.. А наши сбеговки... Ну, собрания кооперативные — один смех! Пускают по рукам чистые листы, и мы на них свои подписи ставим. Потом их прикладывают к тем бумагам, которые наверх готовят наши баре — руководители... А уж шоссеек мы оставили по стране — будь здоров сколько! Так что с хвалеными автодорогами меня не проведешь. Из подрядов на эти дороги Шестопал тоже золото делает. Денег — уйма, а никаких изыскательских работ. Полотно закатывается за грейдером по живому грунту. Щебеночной подушки почти нигде нет... Дренажных хреновин и подавно... Сплошная туфта. Зато в отчетах ажур полный. Считай, миллионы с государства, с народа сорвали... А теперь я тебе скажу шепотом, на всякий случай... Те шесть человек, с которыми начинал мыть золото Шестопал, уже давно в гробах отдыхают. А еще сегодня его заместитель ковырнулся... Сплошная мокруха! Вот такие сказки среди копачей-старателей ходят... Ну, гуляй, родной!.. В общем, оставлю я тебе по случаю адресок — заходи, коли охота, погутарим...

Хлопнула дверца машины. Старатель засеменил с дороги в сторону.

ГОСТИНАЯ московской квартиры Шестопала. У стены на огромной тахте возлежат Олег Матвеевич и полуобнаженная Зоя. Шестопал внезапно отодвигает Зою и тянется к телефонной трубке:

— Алло!.. Я!.. Срочно на дальних участках подчистить охотничьи боеприпасы!.. Все!

На мгновение задумавшись, снова набирает номер. Редко называет абонента по имени.

— Ты? Узнаю... Скажи Андрею, чтобы взял между кроватями в спальне внизу сверток. Пусть поднимет крышечку... И привезет мне лично. Никому не перепоручать! Эдит приезжает из Брюсселя послезавтра... «Пасеки» в Краснодарском крае законсервировать. Если остался «мед», реализовать по прежним каналам. Только не через себя. Через кого-то...

Кладет трубку и тут же берет ее снова:

— Благовещенск?.. Свяжись с Амуром! Дмитрий задымил.. Пусть очистят «погреба» и всю «сметану» вывезут в Москву. Да там немного осталось. Около двадцати кило.

— Зачем тебе сметана? — улыбаясь, спрашивает Зоя. — Ты же ее не ешь!

— Ты ошибаешься, дружочек! Эту «сметану» могут переварить немногие. Я, ну и еще Рокфеллер, Ротшильд, Оппенгеймер... Подожди, Зоечка, мне еще надо позвонить на Урал. — Набирает номер. — Осиновка! Юзов? Видео и кассеты с девочками убери сам подальше. Две коробки в моем кабинете, перевязанные бечевкой, — тоже... Да не важно, что там!.. Если узнают, что там, то не знаю, где мы будем. Делай, что я тебе говорю!.. Труднее всего с «камешками». Это на твою ответственность и Матроса... В мастерской — все вылизать! Оборудования чтобы сегодня не было! Может быть, отвезти на делянку к Бороде. И еще предупреди подружек, чтобы держали язык за зубами. Наверняка будут допросы...

Отодвигает телефонный аппарат. Раскрывает записную книжку и решительно берет трубку.

— Североборск?.. Алло!.. Североборск?.. — снова набирает номер. — Ненавижу этот город на вечной мерзлоте! Всегда паршивая связь... Североборск?.. Слушай! Возьми вездеход и сегодня же вывези бухгалтерские документы, изъятые Игнатюком... С Михайловым договорено... Кто Михайлов? Ну, в исполкоме! В исполкоме!.. Всю эту макулатуру сжечь! Жги где хочешь. Но чтобы к утру все

было исполнено!.. Кстати, как вы встретили журналиста из еженедельника?.. А телевизионщики все сняли?.. Ну и прекрасно!.. На прием средств не жалеть!

Шестопал кладет трубку. Зоя его обнимает.

— Ты знаешь, этот Корнев меня интригует...

— Чем же?

— Ну вот ты, Олежек, для меня — человек, если можно так сказать, за пределами денег... Потому и показался необычным...

— А Корнев?

— В нем чувствуется какая-то гигантская концентрация духа, мысли... Что твои миллионы блекнут...

— Зоечка, а ты не так глупа, а?

— Ты боишься Корнева?..,

— Не боюсь, но учитывать должен...

— Ты встречался с ним?

— Видел на расстоянии.

— А я встречусь!

— Серьезно? — удивляется Шестопал.

— Но, естественно, не как твоя лазутчица! — смеется Зоя.

— Надеюсь, и не как предательница?

— Мой повелитель, разве можно так обо мне подумать?

Раздался телефонный звонок.

— Ты где? — говорит в трубку Олег Матвеевич. — Поднимись!

Кладет трубку и обращается к Зое:

— Открой черный ход! Иди в ванную...

Зоя исчезает, и вскоре в дверях появляется Гундос с желтым портфелем.

— Ну что, Паша? — Шестопал идет ему навстречу, принимает портфель.

— Это его сумка! — говорит Гундос.

— А сам он? — спрашивает Шестопал, возясь с замком.

— Верняк! Говорят, весь в дырках!

— Проверь в морге!

— Как всегда...

Шестопал поднимает над тахтой портфель, вываливает его содержимое и лихорадочно перебирает бумаги.

— Подлючий рот, тут одни копии! — рычит Шестопал.

— Обжухал покойник...

— Мне нужны оригиналы документов... И только оригиналы!

— Понял! — говорит Паша.

Телефонный звонок. Шестопал берет трубку.

— Да, — говорит он в трубку. — Да, да, я! Я!.. А кто может быть тут еще, кроме меня?.. Говори мало и быстро. Я занят. Что? Когда забрали?.. И что? С поличным?.. Можешь подняться...

Шестопал кладет трубку и бросает взгляд на Гундоса:

— Ты еще здесь?

— Ухожу, — говорит Гундос, направляясь к двери.

— Без бумаг не появляйся! — бросает Шестопал и идет вслед за ним.

Шестопал возвращается в гостиную с женой.

— Ну что, опять подзалетел твой любимчик? — спрашивает Шестопал.

— Он и твой сын, — парирует жена.

— И что же у него нашли?

— На этот раз наркотики.

— Он совсем оборзел! Даю ему пятьсот рублей в месяц. Купил кооператив... Новенькая «Волга»... А ему все не то!

— Я только что от следователя... — говорит жена.

— Фамилия следователя?

— Маслюков.

— Хорошо... Я скажу, чтобы занялись этим... Но передай сынуле, что мне надоели его финты.

— А как же будет с университетом? Маслюков уже запросил характеристику с факультета.

— С деканом сегодня поговорят. Это не проблема!

— Я никогда не вмешиваюсь в твои дела... — произносит жена. — Но скажи: как там с газетой?..

— С какой?

— В которой фельетон...

— Какой фельетон?

— О картежниках...

— А при чем тут я?

— Ну как же! Там явный намек...

— У тебя все вопросы? — резко говорит Шестопал.

— Но что может быть после публикации?..

— Оставь эту заботу мне! — обрывает жену Шестопал.

В дверях неожиданно появляется полуобнаженная Зоя.

— Извините, — произносит Зоя и удаляется.

— Скажи... — глядя вслед Зое, произносит жена. —

Это верно, что она с третьего курса института культуры? И что родители ее весьма влиятельные и обеспеченные?..

— Да, да! — бросает Шестопал. — Все верно.

Жена встает и направляется к двери:

— Я пошла! И еще просьба к тебе... Пожалуйста, не перегружай сердце... Хотя она очень мила...

Жена уходит. Телефонный звонок. Шестопал берет трубку:

— О, Валентин!.. Привет!.. Ты откуда? Из Бразилии?.. Уже здесь. Поздравляю с возвращением!.. Что?.. Да у меня как всегда... Накал страшенный!. А тут еще мой наследник очередной фортель выкинул.. Да нет! Спасибо. Сам разберусь... И когда ты сможешь?.. Прекрасно! Я к тебе сейчас подъеду!

Шестопал кладет трубку и кричит:

— Зоя!

Обнаженная Зоя появляется в двери и, улыбаясь, говорит:

— Что, повелитель? Какие трудности?

— К семи я еду к другу. Ты его не знаешь. Он поэт-многостаночник. И поэт, и прозаик, и режиссер, и актер, и любимец женщин... В общем, истинный человек эпохи Возрождения, местный Леонардо да Винчи. А по сути, он — фигляр, клоун, начинавший еще в шестидесятые годы чтением стишков с эстрады... Так вот, организуй пикантную подружку и ждите нас здесь.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ вечером Корнев возвращается в Москву. В опустевшей комнате его встречает Аникин.

— Ах, Валерий Иванович, — говорит Аникин, — какая у вас жена! Приятная, обходительная... Она тут приходила в ваше отсутствие... Убралась, обед сготовила... А дочь Маринка — такая умница!..

Корнев берет со стола записку и читает: «Папа! Очень соскучилась...»

— Я буду поздно, Михаил Иванович, — обращается Корнев к Аникину. — Так что меня не ждите — отдыхайте!

— Я подожду... Но у вас-то, Валерий Иванович, все нормально?..

— Вполне! — произносит Корнев и уходит.

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР в отделе редакции. Матвеев напряженно листает кипу бумаг. Глянув на Корнева, говорит:

— Да, печальная история приключилась...

— Сразили наповал!

— Жаль Родина... Откуда они могли узнать о том, что он вышел на нас?

— Это не столь важно! Элементарно. Дело техники...

— Ты прав, сейчас надо сгруппироваться на этих родинских и прочих документах, которые ты привез. — Матвеев прихлопывает ладонью лежащие перед ним бумаги. — В конечном итоге они должны вскрыть мотивы преступления. Идем к главному!..

КОРНЕВ и Матвеев у главного редактора Кулешова. Кирилл Антонович протягивает папку Матвееву:

— Хорошо! Срочно готовьте публикацию. Круг информированных в редакции людей не расширять. Контроль над материалом на всех стадиях: правку, если что потребуется вписать, разъяснить, — будет осуществлять Матвеев. Ведь вы, Валерий Иванович, не сможете постоянно находиться в редакции. По-моему, даже целесообразно подключить Матвеева в качестве соавтора... Вы, Валерий Иванович, не возражаете?

— Да нет, естественно. Дело общее, и битву в одиночку не выиграешь. Один в поле воин, но не всегда победитель!

— Мудрено, но по существу верно, — говорит главный. — По коням! Хотя, на мой взгляд, Валерий Иванович должен еще посетить и министра, и представителей правоохранительных органов... А Матвеев, как наметили, держит круговую оборону в редакции. Желаю успеха! И себе тоже... Да, Валерий Иванович, не забудьте о здоровье!

— Мне поликлиника путает карты, — замечает Корнев. — Вот и завтра с утра часа полтора потеряю...

Корнев и Матвеев выходят из кабинета главного редактора.

— Женя, у меня к тебе просьба, — говорит Корнев.

— Слушаю.

— Я отлично представляю, к чему и к кому на этот раз прикоснулся... Но рисковать дочерью не могу. Срочно достань путевки для Маринки и Натальи куда-нибудь в пансионат на юг. И уговори Наталью незамедлительно взять отпуск.

— Все сделаю.

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР в поселке Перепелкино. Дача поэта Валентина Григоренко. Он сидит в кресле и разговаривает по телефону:

— Нина Самойловна, рад вас приветствовать!.. Да. Приехал вчера. Я бы сказал, что жарковато... Должен вас обрадовать: ваши акции, как переводчицы, весьма котируются в Южной Америке. Доказательство тому — приезд издателя из Бразилии, Айзека ди Когэна. Жаждет встречи с вами. Целую корзину заманчивых предложений вам привез. Подумайте, когда и где вам удобно встретиться. Всего вам доброго! До скорого свидания!..

В этот момент в комнату входит Шестопал:

— Ты похож на Жана Маре!

— Видимо, я плохо сегодня выгляжу... — смеется Григоренко.

— Времени у нас в обрез. Ждет Зоя... Перейдем от тела к делу! Пришла пора задействовать резерв главного командования. Вот, Валентин, письмецо, которое надо послать за твоей подписью в недосягаемые выси. — Шестопал вынимает из папки кипу бумаг и протягивает их Валентину.

Тот углубляется в чтение.

— Ты не сомневайся! — продолжает Шестопал. — Текст составлен как надо. Писал тоже член Союза... Есть у меня такие на подхвате. Ну, может, с меньшей славой, чем у тебя, но по-своему человек примечательный. Еще тот юридический крючкотвор!..

— Олег Матвеевич! Ты что, сидел? — спрашивает поэт.

— Было дело. Пострадал за любовь к поэзии. За Есенина...

— Не слабо. А это крепко: «Покойный поэт...»

— Подожди! Подожди, Валентин!.. Вот тебе маленький презент: моя статья о нем в еженедельнике. — Шестопал кладет перед Григоренко журнал.

— А фотографировал-то вас с поэтом я! — говорит Валентин. — Молодцы! И подпись набрали: «Фото В. Григоренко»... Ну ладно, продолжим чтение... Как я уже сказал, это крепко...

Валентин торжественно зачитывает:

— «Покойный поэт намеревался создать прозаическое произведение о своем верном друге Олеге Матвеевиче Шестопале — личности энергичной, гражданственной, истинном лидере, мужественном человеке, обогнавшем

свое время, первопроходце, идущем неторенными дорогами прогресса!» — Валентин переходит на трагический тон. — «В настоящее время подвижническая деятельность Шестопала О. М. находится под угрозой. Создана атмосфера подозрительности...» Ну что ж! С удовольвием и безоглядно подписываю...

— Вот еще приложим письмо старателей с их подписями... — говорит Шестопал. — А теперь отправимся к Зое. «Мерседес» у ворот!..

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ утром Корнев в кабинете помощника министра.

— У министра, — говорит помощник, — незапланированная встреча. Но минут через двадцать он вас примет, Валерий Иванович. Если хотите знать мое мнение о старательских артелях, то вот тут все о них!.. — открывает резким движением сейф, набитый бумагами. — Приказы, приговоры, акты ревизий, обвинительные заключения...

Помощник министра выкладывает документы на стол. Корнев внимательно их просматривает.

— И что же вы думаете об артелях? — не отрывая глаз от бумаг, спрашивает Корнев.

— Да ведь задумка поначалу была совсем иная, чем то, к чему вся деятельность этих кооперативов после свелась!..

— И какая же перспектива?.. — Корнев смотрит на помощника министра и снова склоняется над документами.

— Государственная добыча имеет тенденцию постоянного спада... Предпочтение отдается старательской, а она достигает в отдельные годы до пятидесяти процентов всей золотодобычи в стране. По устаревшей технологии, с низким процентом извлечения металла. Потери при старательских способах составляют по артелям до тридцати пяти процентов... В настоящее же время, при переходе на систему самоокупаемости, планируется увеличение добычи в основном за счет отработки мелких месторождений. И поэтому снова предпочтение будет отдано тем же старателям, а не предприятиям государственным. Руководители артелей, как я уж сказал, в большинстве своем скомпрометировавшие себя в прошлом люди. Вот такая-то перспектива!

— Но если вам все так хорошо известно...

— При бывшем министре нельзя было перечить, что-

либо менять в сложившемся механизме возбранялось, — перебивает помощник министра. — По старательским артелям он все передоверил своему заместителю — Пупко.

— А при нынешнем хозяине?

— Пусть он сам выскажет вам свою точку зрения на сей счет...

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ утром, когда «Волга» подкатывала к пирсу, Григоренко обернулся, к сидящим сзади Нине Самойловне и Айзеку ди Когэну. Улыбаясь, он проговорил:

— Без ложной скромности скажу, что ни перед чем в жизни я не испытываю трепета. А с почтительным благоговением отношусь к отлаженным мастерской рукой механизмам. К таким феноменам человеческого разума, как двигатель, мотор... — Резкие черты лица поэта разгладились на мгновение, и оно явило собой верх благодушия. — Когда я прикасаюсь к переключателю скоростей, ощущаю себя если не богом, то, по крайней мере, пророком. Я как бы включаюсь в созидательную деятельность. Я становлюсь Магометом, который говорил горе: сдвинься, — и она приходила в движение. А я еще, мало того, оседлал эту гору. Разве не уникально то, что человек приводит в движение неодушевленный предмет. Для меня мотор — это символ жизни. И каждый человек отличается мощностью как бы вставленного в него мотора. Имея сильный двигатель, человек едет куда угодно, преодолевая любые препятствия... Действие ради действия — мое кредо. А нравственность, мораль, совесть, почва, корни, история — это все сантименты для девиц из благородного пансиона.

— Да, вы правы, Валентин! — говорит Когэн. — Энергичность — это одна из граней таланта...

— Позвольте вам возразить!.. — восклицает Григоренко. — Энергия — это и есть талант в чистом виде. Даже, может быть, высшее проявление энергичности — тождественно гениальности, избранности, величию человека. Я как бы несусь по осевой между добром и злом... Между прочим, обратите внимание на движок, которым оснащен мой катер! Кстати, форсированный двигатель моей «Волги», надеюсь, не доставил вам неприятности?

— О, нет, Валентин! — отозвалась Нина Самойловна.

В полутора метрах от края пирса автомобиль застыл — реакция хорошо отлаженной машины на капризы хозяина была безотказной.

Григоренко прыгнул в ожидавший их катер, подал руку Нине Самойловне и помог ей сойти вниз. Когэн с неожиданной для своей грузной фигуры легкостью спрыгнул на палубу.

— Уважаемые гости! — сказал поэт. — Я понимаю, что дело —есть дело. Поэтому оставляю вас одних. Каюткомпания к вашим услугам! А у меня здесь обязанности капитанские... Да и штурманские... И стюардские в придачу... Между прочим, конструкция моего судна соответствует чертежам, по которым было изготовлено плавсредство Никиты Сергеевича Хрущева. И теми же людьми, и из тех же материалов... Дубовые панели из коньячных бочек. Поэтому в каюте, естественно, постоянно ощущаешь незримое присутствие светила. Ведь виноград — это сконцентрированное солнце.

Григоренко направляется к штурвалу. А Нина Самойловна и Когэн спускаются в каюту, интерьер которой напоминал скорее будуар куртизанки, чем аскетическую обитель моряка.

— Господин Когэн! — говорит Нина Самойловна. — На каком языке будем изъясняться? На английском, любом из романских, русском?

— Я бы с удовольствием, как уроженец Вильнюса, покинувший его в тридцатых годах, поговорил на польском или литовском... Но предпочитаю язык данной среды обитания, то есть русский.

— Хорошо!

— Сначала о прикрытии... Я привез сборник прозы ведущих латиноамериканских писателей. Договорился через ВААП с московским издательством, что именно вы будете переводчиком... Как мой русский?

— Ничего, прилично! Только несколько напряженный, будто читаете выученный текст.

— Учту. Книгу ставят в план очередного года. У вас будет повод переписываться со мной. Через полгода организую вам вызов в Боготу, месяца на два, на три... В зависимости от состояния дел здесь. Кстати, вы сможете встретиться со своим дальним родственником. При желании с вашей стороны, конечно. Я сейчас подумал, что ваш Григоренко — это типичный человек будущего. Такой тип людей мы целенаправленно должны созидать. Едва ли это не главная стратегическая задача. Учитывая наиважнейшее веяние времени — человеческий фактор,

мы лепим особей, живущих в духовном вакууме. А контроль над энергией и сознанием масс осуществляем мы. Вот главный фронт борьбы!.. Нина Самойловна, извините мое теоретизирование, но я не погружен в местные условия, а напичкан изысканиями задействованных нами исследовательских групп разного характера. Как то: экономических, социологических, искусствоведческих, психологических, генетических и прочее, прочее, прочее... Может, как блестящий практик, вы воспринимаете мои слова с известной дозой иронии... И все же они обозначают некую перспективу, некое направление главного удара. Кое-какие труды в этом направлении, видеолекции, прочитанные весьма авторитетными учеными, я привез с собой. Но об этом чуть позже... Весь этот материал вы сможете использовать в вашем салоне для приманки интеллектуалов. Вроде Григоренко и прочих. Пусть подкинут вопрос общественности, заодно высшим эшелонам власти, к примеру, о «несчастных» турках-месхетинцах, поволжских немцах... Итак, главное — контроль над сознанием!.. В этой связи обратите серьезное внимание на повсеместно возникающие дискуссионные клубы и неформальные объединения. Они не должны оказаться вне сферы нашего влияния. Наши люди должны вступать в эти общества, завоевывать в них выгодные позиции. И в конечном счете определять их идейную и нравственную направленность... Все высшесказанное — это стратегия. А тактика сегодняшнего дня: глобальная дестабилизация всех устоев аборигенного существования. А теперь перейдем к конкретике, — выдохнул Когэн.

— Дела идут хорошо, — произнесла вдохновенно Нина Самойловна. — Правда, меня несколько беспокоит Шестопал. И даже два момента нашей деятельности. Постоянные визиты следственных бригад в артель, шкурнические замашки самого Олега Матвеевича. Он стал брать подряды на строительные работы и крепко запутался в финансах.

— Ну что ж... Эту проблему решить не сложно. Мы можем устранить его. Переправить за границу и обеспечить там условия. Счет в швейцарском банке, вилла на Гавайских островах. Это послужит стимулом для других. Кстати, личные накопления, а они у него немалые, как я думаю, он может оставить для нашего дела здесь. Компенсируем... Возможен иной выход. Шестопал остается в прежнем качестве, действуя более осторожно и неукосни-

тельно подчиняясь вам, что ему будет вменено в обязанность.

Нина Самойловна сняла очки, прижала тяжелые, чуть припухшие веки большим и указательным пальцами и, взглянув на Когэна, решительно заявила:

— Пусть я существо слабое, женщина, однако больше склонна к третьему варианту. Все же дивиденды у Шестопала приличные, со многими нулями... Да и каналов через него немало проходит. Но исподволь, с вашего разрешения, буду готовить ему замену. А если вдруг неожиданно придется осуществить один из двух названных раньше вариантов, вы скажите, с кем держать связь.

— С этим покончено! — объявил Когэн. — А теперь о возможных практических шагах по дестабилизации у вас.

— Организационно мы готовы приступить к эффективным акциям в масштабе страны с учетом настроения варварского народа в процессе так называемой демократизации.

— Замечательно! У вас были какие-нибудь попытки?

— Да.

— Это потребовало больших затрат?

— Покамест никаких.

— Извините, что есть слово «покамест»?

— Это означает: до сегодняшнего дня.

— Удивительно! Как вам удалось? На Западе сказали бы: акция без лишних затрат.

— У нас говорят: инстинкт выживания!

— Нельзя ли поконкретнее?

— В одном случае наши люди подговорили рабочих цеха сборки на заполярном заводе целую смену не приступать к работе... И позаботились, чтобы об их забастовке узнали на смежных предприятиях. В другом — принудили работника электростанции в Нечерноземье организовать аварию. В третьем, обработав водителей автобусов, удалось парализовать жизнь в небольшом уральском городе.

— Неплохо, неплохо! — отозвался Когэн.

— Но это лишь проба сил, — обнадежила женщина-функционер.

— Хотелось бы услышать, Нина Самойловна, еще о том, что предпринимается вами в науке. Ведь на нее в наше время делается основная ставка. Вы меня поняли?

— Не обижайтесь за разъяснения! Во всяком случае,

не сидели сложа руки. Можно сказать, контролируем ситуацию. Еще в пятидесятые годы наши теоретики тщательно отработали методику реализации принципа: деньги на науку, как вода в песок. Иными словами, деньги сполна выбираются учеными из государственной казны и почти никакой отдачи. А отчитываются за них наши люди фиктивными бумагами о якобы имеющемся экономическом эффекте.

— Эта акция не прошла бы в условиях цивилизованного государства!

— В том-то и дело, — улыбнулась Нина Самойловна, — что здесь фальшивка прижилась надолго, превратившись в некий молох, пожирающий миллиарды. Больше того: часть этих средств умело направлялась в наш фонд — на демонтаж всей системы.

— Похвально! — изумился Когэн. — Но время идет. А наш уважаемый капитан и штурман, возможно, уже волнуется. Итак, двести килограммов груза я привез лично, остальное вам доставят партиями. Ну а банковские билеты получите в условленном месте после завершения моей поездки.

Раздается стук в дверь.

— Войдите! — отозвался первым Когэн. Ему уже надоедала развязная болтовня симпатичной дамы. В ее словах он замечал похвальбу собственными успехами, это было предосудительно в политике.

— Нам осталось двадцать минут ходу! — предупредил вошедший Григоренко. — Кофе будем пить на берегу. Пляж не хуже, чем под Рио-де-Жанейро!

— Да, да!.. — Когэн нырнул сухонькой ручкой в свою сумку. — Предлагаю мой кофе. А то из советского вытягивают кофеин, как, впрочем, из всего нынешнего бюджета государства.

Григоренко помедлил для приличия и элегантно принял банку с яркими этикетками из рук заморского единомышленника. Собственный дар аборигена показался гостю слишком ничтожным, чтобы быть принятым как компенсация за прогулку, и Когэн высказал комплимент даме:

— Достойнейшая Нинон! Я испытываю к вам безмерную симпатию! Поражаюсь результатом вашей деятельности! В этой связи на память приходит искусство жрецов древности, обладавших способностью манипулировать сознанием целой толпы. Оцепененные под воздей-

ствием посулов, аборигены готовы были принести в жертву самих себя.

— Да, я тоже часто вспоминаю о тех временах. Какая истинная поэзия заключена в деяниях жрецов!

— Вы — истинный поэт, Нина Самойловна! — Когэн возвел руки, говоря: — А разве вся шестопаловская структура или, скажем, хоздоговорная наука — не есть ли тот же жреческий фантом, чудище, демон? Мы с вами, Нина Самойловна, жрецы-поэты! Один фонд для обеспечения кадров чего стоит! Пусть обреченные на бездумное повиновение копошатся вечно в болотной хляби! То есть их судьба! Кстати, как сложилась жизнь стипендиатов фонда: Пупко, Цутарьяна, Бликина?..

— Пупко уже замминистра. Цутарьян, как экономист, взлетел так высоко, что и пяток не видно... А Бликин — кто о нем не слыхал, разве лишь тугой на ухо медведь. Все в мире рукоплещут его таланту живописца. Известен он и философскими концепциями разрушительного свойства.

— Ничего не скажешь — красиво! Мы вели Пупко к нынешним вершинам от ворот лагеря, где он сидел за оскорбления в адрес Советов.

— Закаленный боевик! — согласилась Нина Самойловна.

— Наверняка он будет полезен и мне, — скромно сознался гость. — И последнее. Я привез памятку для молодых конформистов. Самых удачливых из них будем готовить к вступлению в нашу конфессию. Среди них, несомненно, окажутся будущие жрецы...

Когэн, порывшись в дорожной сумке, ткнул в руки Нине Самойловне несколько сшитых листков. Нина Самойловна водрузила пенсне на переносицу и склонила голову к рукописи.

— Что-то на манер ликбеза... — пояснил Когэн. — Не столь усложненно для начала, но смысл нашего движения и конечная цель обозначены...

— Да, улавливаю! — ответила Нина Самойловна. — Кое-какие формулировки согревают мне сердце... Спасибо вашим коллегам, поработали славно!..

— Мама мия! — улыбаясь, произнес Когэн. — Гот зай данк!.. Наконец-то я заслужил вашу похвалу...

— Внимание! Земля! — раздался где-то над их головами ликующий голос капитана. Корабль приставал к причалу.

КОРНЕВ в кабинете министра.

— Это хорошо, что пресса обратила свой взор на старательские артели! — Министр первым начал разговор. — Я занял это кресло недавно. Но уже успел сделать тревожащий вывод: подзапустили этот вид промысла... Коллеги говорят: упустили вожжи. А я думаю: никогда их как следует и не держали в руках. Сам бог этим разнузданным артелям не указ. Здесь вспоминают: лет пять тому назад министерство послало рекомендательное письмо в объединение о том, чтобы переизбрали председателя «Зари». Но артель, послушная воле вожака и его прихвостней, проголосовала за Шестопала... Непотопляемый лидер старательства... «Заря» — восьмая артель, где его избирают единогласно. Где неприкосновенна кооперативная собственность, там процветают всякие дельцы, жулье, прохиндеи. На ином и клейма негде поставить... Все собираемся основательно заняться, но так и не собрались. Чувствую, защитники свободного предпринимательства и в аппарате министерства есть.

Входит Пупко.

— Извините, Федор Сергеевич! — говорит он. — Вы заняты?

— По твоей части! — отвечает министр и жестом руки представляет его Корневу: — Корреспондент. Петр Данилович... Любите...

Министр назвал фамилию корреспондента. И Валерий тут же начал задавать вопросы:

— Хотелось бы услышать и ваше мнение.

Пупко подхватил на полуслове:

— Мое мнение относительно кооперативных объединений всегда было, есть и будет однозначным: золотодобывающие артели — полезны и выгодны государству: отлажен механизм самоокупаемости... Прибавка драгоценного металла в казну... Такого же мнения придерживается в своих трудах и виднейший экономист Цутарьян. Он считает подобные артели ростками будущего...

ИЗ ПОДЪЕЗДА жилого дома выходят Наташа с Маринкой. Заметив их, таксист притормаживает машину. Наташа не садится в такси и останавливает частные «Жигули».

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД в Москве. По главной аллее идут Игнатюк и Корнев.

— Вот те материалы, — говорит Игнатюк, вручая Корневу папку, — которые я обещал вам передать.

— Спасибо.

— В течение последних лет, — продолжает Игнатюк, — я возглавлял следственную бригаду. Занимались организованной преступностью в золотодобывающей отрасли.

— Что можете об этом сказать? — спрашивает Корнев.

— Прежде всего, широкий размах хищений! Как правило, в среднем по каждой артели свыше пяти миллионов рублей в год. Хорошо продуманная и отлаженная система, так просто за руку не схватишь. Хотя круг заправил преступного синдиката в принципе нам известен. Выйдя на прямые контакты с зарубежом, достают лучшую технику и оборудование. А если говорить о порядках в так называемых кооперативах, их просто нет. Беззаконие, произвол, надругательство над человеческим достоинством рядового старателя. Естественно, люди молчат: кто куплен, кто боится «перышка» в бок... И такое случается. Трудно сказать, сколько золота оседает в карманах доморощенных воротил!.. Короче, многослойная коррупция. Появились филиалы в центре и на местах.

— Ну а министерство?

— Есть там несколько «темных фигур», в частности, зам. министра Пупко, а еще раньше начальником отдела старательской добычи работал Казарновский... Ставка обоих была на уголовников вроде Шестопала.

— Простите, а что произошло с возглавляемой вами следственной бригадой?

— Бригаду разогнали, а нас подвергли травле...

— И когда это случилось?

— Как только установили, что по указанию председателя артели «Заря» Шестопала его заместитель Милашевич разнес согласно списку взятки высокопоставленным должностным лицам... Денежки, скажу вам, аховые...

— Милашевич, насколько мне известно, уже на свободе?

— Едва в бригаде сыграли «отбой», Милашевича освободили из-под стражи и прекратили уголовное преследование.

— Если не секрет, что вы намерены предпринять?

— Я обратился к Генеральному прокурору с просьбой войти с предложением в Президиум Верховного Совета СССР о создании специальной следственной комиссии для

наиболее агрессивных добытчиков драгоценного металла. Ведь то, что творится ныне в старательском кодле, по моему личному убеждению, имеет не только экономический расклад, но и политический. И вот еще что... Я и мои коллеги не исключаем, что всем этим спектаклем по новой добыче золота дирижируют специалисты с Запада.

КЛАДБИЩЕ. Возложив цветы, Шестопал и Эдит на мгновение замерли у могилы. Затем, склонив головы, побрели к калитке.

— Олег, — говорит Эдит, — я все, конечно, сделаю, как ты просишь... Но ситуация весьма серьезная... А мы ведь не так часто встречаемся, чтобы я тебе могла помочь...

— Не торопись реализовать материал, который я тебе передал. Там компрометирующая информация о высокопоставленных лицах — сильных мира сего, она долго еще не устареет... Опубликуй, когда до тебя дойдут вести, что со мной худо обошлись.

— Понятно! Но сейчас у меня важный разговор. Я приоткрою еще одну шторку. Не одна решила, позволили старшие. В данном случае я лишь выполняю поручение. Надеюсь, Тулупова ты знаешь? Заместителя главного редактора газеты? И с женой его встречался?

— Нинка? — Шестопал делает удивленным лицо.

— Да, Нина Самойловна! С сего момента она твой патрон.

— Эта баба? Кусочница? Лахудра?

— Олег, успокойся! Это приказ!

КОРНЕВ открывает «дипломат» и, вынув толстую папку, кладет ее на стол перед Матвеевым.

— Документы о золотодобытчиках. А вот текст, фельетон.

— Уже готов материал?

— В какой-то мере... Заголовок, как всегда, условный: «Верхом на демократии».

— Насчет заголовка — пусть ломает голову главный...

ГОСТИНАЯ квартиры Шестопала. Сидя в кресле, Олег Матвеевич просматривает газеты. Входит Гундос.

— Ну что, Паша, раздобыл? — спрашивает Шестопал.

— Оригиналы документов у Корнева.

Телефонный звонок.

— Да! — отзывается Шестопал. — Кто, кто?.. Милашевич? Не узнал по голосу!.. Богатым будешь... Откуда звонишь?.. Ты еще в еженедельнике?.. Набрали материал Носкова?.. Вези!.. Без звонка, с черного хода... Жду! — кладет трубку и пристально смотрит на Гундоса. — Опередили, значит, тебя, фантомас?

— Жена Родина призналась... — с дрожью в голосе произносит Гундос.

— У-у, ворона!

Хватает за лацканы пиджака. Но ему помешал звонок.

— Мигом в ванную! И затаись, как мышь.

Шестопал идет в переднюю и возвращается оттуда вместе с женой Тулупова.

— Нина Самойловна! Позвольте еще раз выразить восторг и благодарность за визит! — Шестопал жестом руки указывает на кресло. — Прошу!

— О нет, Олег Матвеевич! Благодарю. Я по пути... И всего лишь на минутку.

— Жаль...

— У нас еще будет повод для встречи и обстоятельной беседы...

— Всегда готов!

— У вас в артели с недавнего времени работает Казарновский...

— Есть такой, Нина Самойловна.

— Вы его держите на базе в Североборске...

— Мы его вот-вот на правлении утвердим главным инженером.

Несколько секунд длится молчание визитерши.

— Не надо Казарновского слишком привязывать к Североборску. Он человек эрудированный, ему нужен некоторый простор... Вы меня поняли?

— Почему бы и не понять, если дела того требуют? — в голосе Шестопала остатки былой игривости.

— Вот именно! — подхватывает Нина Самойловна, вставая. — Мне он нужен здесь. А теперь проводите меня!

Удаляется.

— Бестия! — гневно восклицает Шестопал ей вслед. — Роет под меня... Несомненно!.. А Казарновского готовит на подмену... Не выйдет у тебя, сучье вымя, ничего путного!.. Не быть Казарновскому председателем артели... Да и Корнева с документами надо как-то нейтрализовать! Эй, Гундос! — громко кричит. — Ну-ка, сюда быстро!

Появится Казарновский, тут же свяжись с Уткиным. Надо, чтобы этот новоявленный «фаворит» попал к нему в контору, а дальше посмотрим... Да, сделай так, чтобы арест Казарновского стал известен Корневу.

Гундос открывает записную книжку.

— Без записей, осел, запомнить не можешь?

Входит Милашевич:

— Олег Матвеевич, вас приглашают на завтра в телевизионную студию на просмотр фильма о старателях.

— Молодцы!.. — говорит Шестопал. — Оперативно!

— А вот верстка материала Носкова, целиком вам посвященного.

— О'кэй! — восклицает шеф, беря в руки оттиски статьи.

Шестопал, едва заглянув в гранки, откинулся на спинку кресла, изрек Милашевичу:

— Будем сносить Корнева, если не отдаст бумаги Родина. Видит бог, я не хотел его трогать, но парень совсем неконтактен. Такие масштабы и правым, и левым. Гундос у него еще по картишкам проходил.

— С чего начнем? — Милашевич встал со стула.

— Звони писаке и скажи, что располагаешь документами о крупных злоупотреблениях властью. Корнев не может не клюнуть на это... Не в его характере!.. Вручишь ему хотя бы на минуту папку. Пусть лишь прикоснется к ней... А остальное дело техники. Ловкость рук.

Милашевич тут же подходит к телефону:

— Валерий Иванович? Вас беспокоит инженер Козлов... Да, Козлов Петр Захарович. Я располагаю документами о чудовищных злоупотреблениях. Не могу по телефону. Прошу встречи. Назначьте время, я подъеду...

— Превосходно, дружище! — говорит Шестопал, пододвигает к себе телефон и набирает номер. — Уткин?.. К тебе выезжает Милашевич. Подробности, как говорят, при встрече. А от меня привет и просьба. Если наш друг Казарновский окажется слишком болтливым на допросах... надо кончать. Ни в коем случае не допускай, чтобы он что-то выложил Корневу. Этот писака не упустит случая встретиться с ним. Понял?

Шестопал бросает трубку на рычаги.

— Я вот еще о чем думаю, а не задействовать ли нам ту девочку?

— Какую? — с готовностью спрашивает молчавший Гундос.

— Которая на пляже была и с Дмитрием, и с Корневым... Она ведь, кажется, из редакции?..

— Превосходная мысль, Олег Матвеевич!

— Слушай, Гундос, компрометирующую картинку в два смычка... С Дмитрием и Корневым...

— Материал для фотомонтажа у нас есть — высший класс!

— Вот и лепи!

ТЕМНО-ВИШНЕВЫЕ «Жигули» мчат по Садовому кольцу. За рулем Нина Самойловна. На заднем сиденье — Казарновский.

— Будете у Пупко, — говорит Нина Самойловна не оборачиваясь, глядя вперед, — он вас оставит одного в своем кабинете. Ну и даст кое-что прочесть.

— Ясно!

— Моя просьба: никаких копий! Мне нужно знать ваше мнение.

— Понял.

— Литературу для распространения среди наших получите завтра к вечеру.

— Не скрою, Нина Самойловна, у меня возникает опасение. Каждое из ваших поручений требует профессиональных навыков. Я же, как говорится, не учен конспирации.

— Миленький, я все понимаю. Разве я готовилась шнырять по подворотням? Приходится! По-женски вас умоляю: будьте всегда осмотрительны. Помните: вы очень нужны мне...

— Спасибо! — тихо отозвался инженер.

— В ближайшее время ситуация должна измениться, — продолжает наставлять женщина. — Мы не будем так, как сейчас, тебя эксплуатировать. А пока по известному каналу ускорь переправу «Новой Библии» Бликина в Вену. Это наша программа. Ее должны знать друзья.

ЛЕНУ прямо у подъезда ее дома встретил щеголеватый юноша — протянул ей конверт.

— Это вам! И еще просили передать: если Корнев решится публиковать северные материалы, содержимое конверта будет разослано по адресам...

Юноша, сделав ручкой, кинулся за угол дома. Увидев фотографию, пораженная Лена подбежала к телефону-автомату:

— Валерий Иванович! Это я — Лена... Мне только что вручили порнографическую мерзокартинку. Сами понимаете... Вы... Дмитрий Васильевич... Что мне делать?

— До нашей публикации ничего не предпринимать!

КАЗАРНОВСКИЙ в кабинете Пупко.

— Извините, — вставая из-за стола, говорит Пупко. — Вынужден вас оставить. Совещание у министра. Думаю, что не надолго...

— Я подожду в приемной.

— Нет, нет! Лучше здесь. Моего секретаря не будет два часа.

Пупко уходит, закрывает за собой дверь. Щелкает замок. Казарновский подходит к столу и начинает тщательно просматривать папки с документами...

КОРНЕВ в редакции спрашивает Матвеева:

— Материал о золотодобытчиках набрали?

— Уже есть верстка.

— Надо еще раз все факты сверить с документами.

— Звонил какой-то мужик, — говорит Матвеев, — и просил тебе передать: милиция взяла Казарновского с наркотиками...

— Ну и комедия!

В СЛЕДСТВЕННОМ изоляторе Корнев беседует с Казарновским. Рядом стоит Уткин. Входит конвойный и обращается к Уткину:

— Вас Пекунов к телефону требует.

— Извините, служба! — говорит, уходя, Уткин.

Едва дверь за следователем закрылась, Казарновский сказал приглушенным голосом журналисту:

— Послушайте! Умоляю вас! Переведите меня отсюда... Сегодня... В этом здании повсюду глаза и уши Шестопала! Я многое знаю об этой мафии... И Шестопал — совсем не Шестопал, и Пупко — оборотень... А жена вашего Тулупова и вовсе! Эх, раскройте глаза наконец! Вы охотник на малую сошку! А налимы ходят косяками вне подозрения! Пробудитесь же наконец!

Быстро входит Уткин.

— Дело серьезное, — произносит Корнев, потупясь. — Очень серьезное!..

РЕДАКЦИОННЫЙ ОТДЕЛ Матвеева.

— Послушай, Валерий! Тут еще место в верстке есть. Можно было бы добавить пару-тройку фактов о том, как Шестопал раздает взятки должностным лицам.

— В материале, пожалуй, всего уже предостаточно!

— Но я заглянул еще раз в документы...

— Посмотрим... Только знай, Женя: у нас промашки в этой публикации не должно быть!

— Само собой!..

КОРНЕВ выходит из здания редакции и направляется в сквер, расположеный напротив. Видит на крайней скамейке мужчину в красной рубашке и с красной папкой на коленях.

— Простите, вы товарищ Козлов? — спрашивает Корнев.

— Да! — вскакивает Милашевич. — Инженер Козлов Петр Захарович. Очень рад, Валерий Иванович, встрече...

— О чем вы хотели рассказать?

— Понимаете ли, Валерий Иванович, я сейчас без работы... — торопливо говорит Милашевич. — Давно без работы... И я прошу вас помочь!.. Очень прошу. Для меня это вопрос жизни!.. Вот, посмотрите, — протягивает папку. — Здесь все написано. Можете хотя бы бегло глянуть, и вы все поймете...

— По телефону вы говорили о серьезных злоупотреблениях... Теперь оказывается, что вы безработный.

— Но ведь все связано! — парирует Милашевич. — Я собрал компромат на начальство, оно — на меня. У нас кому больше всех достается? Крайнему... Я бы в суд мог обратиться, но с такими документами, вы взгляните только, хотя бы глазком, скажут: где взял, откуда...

— Ничего не пойму! — восклицает Корнев. — Если трудоустройство для вас главное, то вы, видимо, не по адресу обратились. — Что-то настораживало его в суетливости этого человека, и он, так пока и не взяв папку в руки, раздумывал, как поступить. — Вот что! Вы, видимо, не по адресу обратились. Пройдемте в редакцию, я попрошу кого-либо из товарищей разобраться с вашей работой. Вон бюро пропусков. Идемте, вам выпишут пропуск!.. А говорить о злоупотреблениях пока, может быть, и нужда отпадет, а?..

— Но я не взял паспорт... — замялся Милашевич.

— Ничего! Я уж, так и быть, поручусь за вас.

Корнев идет к редакционному подъезду. А Милашевич, отстав шага на три, бросает ему вслед:

— В следующий раз, Валерий Иванович!.. Я завтра позвоню...

Корнев оглядывается. Милашевич, мелькнув красной рубахой, скрылся в подошедшем троллейбусе.

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ Матвеев звонит Корневу:

— Номер подписан! Поздравляю! Знаешь, в последний момент я вставил два таких вкусненьких фактика... Пальчики оближешь! Как ты их не использовал?

— Какие же? — Корнев насторожился.

— Шестопал дает взятку Пекунову, чтобы тот замял уголовное дело против сына... И еще — упомянул Коровина, зятя Пупко, которому «Заря», с ведома Шестопала, отвалила за красивые глазки почти полмиллиона рублей.

— Именно этого нельзя было делать... Дело дрянь! Ты можешь остановить номер?

— Но почему?

— Нельзя, — чеканил Корнев, — говорить о взятках и хищениях, опираясь лишь на свидетельские показания.

— Мы что, подзалетели?..

— Пекунов, Коровин, а может, и Шестопал... подадут на нас в суд за клевету.

— Но мне показалось это бесспорным... Может, ты преувеличиваешь? — с надеждой спросил Матвеев. И добавил: — Машину уже не остановишь...

— Тогда готовься к защите. Ничего другого нам не остается...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ утром в Перепелкине. Дача поэта Григоренко. Вокруг стола сидят: Шестопал, Гундос, Милашевич, Уткин. В комнату входит хозяин дачи.

— Синьоры! — говорит он. — Юридически я невежда. Так что беру на себя, как всегда, обслуживание: чай, кофе, напитки. Что угодно?..

— Гони все подряд, разберемся! — цедит Шестопал.

Открывается дверь, на пороге мрачный Носков.

— О, летописец новых времен! — восклицает Гундос.

— Слетел мой материал об артели!.. — в волнении произносит Носков.

— Я так и знал! — Олег Матвеевич смотрит на Григоренко. — Ну, неси, что там готово?

— Прочитав эту газетенку, — Носков разворачивает номер газеты с фельетоном Корнева и Матвеева, — наш главный тут же распорядился выдрать мой очерк из подписанного к печати номера. Я, конечно, попробую тиснуть в другом месте... Но при такой «бомбе» и в столь престижном издании — кислород на время везде перекроют... — разводит руками незадачливый репортер.

— Что на телевидении? — обрывает его Шестопал.

— Звонил. Фильм снят с программы. Человек, с которым я имею дело, пообещал: доживем, мол, до понедельника. Если доживем...

— Ну и ладненько! — подвел итог Шестопал. — Меньше славы — меньше завистников. — Подумал немного. — Ты, Носков, езжай домой и не отходи от телефона. Почисти пока свой репортаж. Мою фамилию вымарай. Сделай акцент на работягах. Смысл такой: джек-лондоновские первопроходцы, полторы тысячи сильных крепких мужчин в тяжелейших северных условиях проявляют новую, невиданную инициативу...

Носков уходит.

Уткин внимательно читает оставленную Носковым газету, подчеркивает отдельные строки.

— Ба! Да тут липой пахнет. Взгляни!

Газета перекочевывает к Шестопалу.

— Стратегический замысел таков, — входит в роль ученый юрист. — Надо вовлечь противника в судебные разбирательства по поводу их незрелого выступления. В нашем распоряжении два спорных эпизода... В случае успеха деятельность Корнева и компании будет квалифицирована как клеветническая. Возможен перевод гражданского дела в уголовное... Хотя это и чрезвычайно сложно, но с помощью такого аса, как Пекунов, и вашего скромного участия — вполне реально.

— Здорово подсек нас Корнев! — не слушая Уткина, говорит Шестопал. — Непонятно только, зачем подставился Матвеев. Наше счастье, что среди фактов проскочили два ляпа. Главное: поймать за язык! А там можно такую бучу затеять, не поймешь, кто вверху, кто внизу. Выиграть процесс и отлучить от журналистики эту вонючку — Матвеева и, разумеется, Корнева.

ВЕЧЕРОМ того же дня Шестопал и Гундос идут по набережной Москвы-реки.

— В Карелию я не надолго... — говорит Шестопал. — Размещу артель, получу для нее фронт работ и сразу же отправляюсь в Прибалтику... Буду вести переговоры с председателем рыболовецкого колхоза... Им нужен человек по закупке техники за рубежом: суда, оборудование для консервного заводика и прочее, прочее... Сам понимаешь, частые заграничные поездки, контакты старые и новые...

— Звонил Уткин... Говорит, что Казарновский покончил с собой в камере следственного изолятора...

— Какая утрата!.. Как же это случилось?

— Ночью... Разорвал на себе рубашку и... того. Уткин говорит, что не выдержал тяжести предъявленных обвинений о торговле наркотиками...

— Вот так получается, Гундос, живешь с человеком рядом, а не знаешь, чем он дышит, чем живет...

В ТОТ ЖЕ ЧАС Корнев у помощника министра.

— Вы уверены, что по факту передачи взятки Пекунову военной прокуратурой ведется расследование? — спрашивает Корнев.

— Абсолютно. Вот подтверждение... — помощник министра подает бумагу Корневу.

— Ясно! Мне нужна копия... Это будет основанием для приостановления гражданского дела.

— Пожалуйста. Это мой долг!

УТРОМ следующего дня. Квартира Тулуповых. Нина Самойловна, готовая к выходу, стоит в прихожей у зеркала, раскрывает свою сумку, достает помаду и подкрашивает губы. Затем стремительно идет к ванной комнате, смотрит в зеркало, в котором отражается лицо бреющегося Тулупова. Зло говорит:

— Опростоволосился! Пригрел гадюку — Корнева... Какой же ты ничтожный ублюдок, если ты, первый замглавного, не знал о готовящемся материале!.. Не мужик, а жижа!..

Тулупов прикрывает глаза рукой и слышит цокот каблучков, стук входной двери... Опускает руку, всматривается в свое лицо, выключает электробритву. Неторопливо причесывается. Смотрит на полку под зеркалом, заглядывает в шкафчик... Ничего не находит. Идет в гос-

тиную, потом в спальню жены. На туалетном столике перебирает склянки, тюбики... Разглядывает этикетки...

— Говорила: купит крем... Где же он?

Видит: в секретере торчат ключи. У него вытягивается лицо.

— Вот дебилка, ключи забыла!.. Интересно, не сунула ли крем туда механически! — Открывает дверцу, видит шкатулку, вертит перед глазами, пытается открыть...

Неожиданно от днища отделяется планка и на пол разлетаются листы бумаги. Тулупов наклоняется поднимает листок, другой, третий.

— Устав партии новых идей... Методы борьбы и проникновения в руководящие органы... Боже мой! Я даже не подозревал! Это же... черт возьми... измена. Продажная тварь! Иуда в юбке! Сволочь... Всю жизнь в одно мгновение растоптала!

Он подходит к столу и берет чистый лист бумаги, пишет.

РЕДАКЦИЯ. Кабинет Матвеева. Входит Корнев.

— Только что, — говорит Матвеев, — я от души посмеялся... Звонит Коровин и возмущается: судья его иск не принимает, говорит, в газете указаны другие инициалы...

— Ты и это перепутал?

— В том-то и дело!

— Ну, ты, Женя, даешь!

— Согласись: на этот раз ошибка в газете нам на пользу!

— Смех смехом, а я срочно должен отправляться в Крымск. Позвонил оттуда замполит горотдела милиции: в возбуждении уголовного дела против Шестопала отказано.

— Сейчас, Валерий, я напечатаю тебе поручение и подпишу у главного...

КВАРТИРА Тулуповых. Входит Нина Самойловна. Устремляется в свою комнату. Увидев на полу шкатулку с пустым тайником, застывает на пороге, сжимает ладонями виски:

— Все одно к одному! И с Казарновским, и это...

Резко поворачивается и энергичным твердым шагом идет в гостиную к телефону. На ходу берет со стола записку мужа, пробегает ее глазами и снимает телефонную трубку... Тут же резко бросает ее. Выскакивает на

улицу, осматривается и направляется к телефонной будке. Набирает номер.

— Петр, не предпринимай никаких шагов... Просто работай!..

Еще номер:

— Наши контакты заморозь... Да, да! Надо отлежаться!..

Продолжает вертеть диск:

— Олег, законсервируй все! Неважная метеосводка...

ПО УЛИЦЕ идет Тулупов. Подходит к дому Корнева. Входит в подъезд. Из темноты возникают три человека. Один из них Плинтус. Он сует Тулупову в лицо удостоверение:

— Уголовный розыск. Ваши документы?

Тулупов предъявляет какой-то документ. Плинтус кладет его себе в карман:

— Вы задерживаетесь для окончательного установления вашей личности!

На Тулупова надевают наручники. Растерянный Тулупов не может сказать ни слова.

К подъезду подкатывают две черные «Волги». В одну из них вталкивают Тулупова. Прохожие приостанавливаются, глядя на происходящее... Машины резко срываются с места.

КОРНЕВ выходит из здания Симферопольского аэропорта. К нему приближается мужчина в черном костюме.

— Валерий Иванович? — спрашивает он Корнева.

— В какой-то мере.

— Рад встрече! — мужчина в черном подает руку Корневу. — Чубиков Степан Афанасьевич — замполит горотдела милиции Крымска... Я на «Жигулях»... Вон с краю стоят синие!...

— Ну вы, наверное, в курсе, — уже в машине рассказывает замполит, — что совсем недавно, перед вашей публикацией, из дома интересующего вас лица был вывезен тайник...

— Впервые слышу.

— Это случилось накануне приезда из Брюсселя некой Эдит — вдовы усопшего поэта, ближайшего друга Григоренко и Шестопала.

— А как тут Шестопал объявился?

— Сейчас всем этим углубленно занимается партко-

миссия при горкоме. Председатель — Самсонов Иван Николаевич. Уже установлено: кто ходатайствовал о выделении участка в закрытой для строительства зоне, кто осуществил прописку, из чьих материалов возводился дом... Самсонов обо всем расскажет подробнее...

— А почему не возбудили уголовное дело по факту фальсификации документов для получения Шестопалом удостоверения участника Великой Отечественной войны?

— Тут произошло следующее... — Чубиков переключает скорость. — Первым о фельетоне узнал городской прокурор. С утра позвонил нам и потребовал подготовить материалы. Мы связались с горвоенкомом и получили все необходимое. Вечером начальник следственного отдела милиции отправился с документами к прокурору, чтобы получить санкцию на обыск. И вдруг прокурор из ванной как рявкнет ему: «На каком основании возбуждаете дело? Нас обвинят в своеволии...» Все, естественно, застопорилось...

— А вы интересовались законностью приобретения материалов для дома Шестопала?

— По сути, нет. Оперуполномоченный ОБХСС посетил Шестопала и стал задавать ему вопросы... А тот вынул из кармана пижамы три сберегательные книжки и наугад раскрыл одну из них. Там значилось девятьсот тысяч рублей... Капитан стушевался и ушел...

КОРНЕВ в кабинете прокурора Крымска.

— Да, я слышал о фельетоне, — говорит прокурор. — Но, к сожалению, его не читал...

— А мне и в горотделе милиции, и в горвоенкомате сказали, что вы первым прочли фельетон и приняли решение возбудить уголовное дело против Шестопала. Но вечером того же дня почему-то дали отбой.

— Ах, вот как они информируют прессу!.. Тогда я приглашу своего заместителя... — нажимает кнопку селектора. Когда появился заместитель, произнес: — Ты слышишь, как преподносят корреспонденту в горотделе милиции и в горвоенкомате позицию прокуратуры?! Будто я сначала был за возбуждение дела против Шестопала, а потом дал отбой... Я с ними сейчас разберусь!

— Через полчаса я к вам зайду, — вставая, произносит Корнев.

— Да, конечно! К этому времени мы решим...

КОРНЕВ у председателя парткомиссии при горкоме партии.

— В справках, которые я вам даю, вы все увидите... — говорит Самсонов. — Весь механизм. Как, пользуясь бесконтрольностью и попустительством должностных лиц, Шестопал, будучи прописанным в Москве в четырехкомнатной квартире, приобрел за сто тысяч домовладение в Крымске. Впоследствии здесь постоянно прописался. А затем снес старую постройку и возвел новый жилой дом, сарай-гараж, баню, бассейн... А помог Шестопалу все это провернуть в кратчайший срок бывший начальник архитектурно-планировочного управления нашего горисполкома Милашевич. Сейчас Милашевич числится в шестопаловской артели заместителем председателя... и по совместительству — директором сауны на кавказском побережье...

В КОРИДОРЕ городской прокуратуры Корнев встречается с заместителем прокурора Иволгиным.

— Простите, прокурор у себя? — спрашивает Корнев.

— Нет.

— Разве?

— Пять минут, как уехал...

— Но мы же условились...

— Ничего не сказал.

Иволгин пропускает Корнева в свой кабинет.

— Странно...

— Ничем не могу помочь...

— Но почему «ничем»? — Корнев улыбается. — Вы же в данный момент действующий зампрокурора? При служебных функциях?

— При служебных...

— Тогда, при желании, можете дать справку для редакции газеты о том, что на сегодняшний день уголовное дело против Шестопала не возбуждено.

— Я так и знал, что окажусь козлом отпущения!.. — в сердцах восклицает Иволгин. — Вы настаиваете?

— Прошу.

— Что ж, пожалуйста... — тот берет чистый бланк, пишет на нем и отдает Корневу.

— А теперь, если не возражаете, давайте проясним ситуацию с прокурором... Вы можете набрать номер?

— Какой?

— Ну, хотя бы его домашний... Время предобеденное... Где ему еще быть?

Зампрокурора пододвигает к себе аппарат, крутит диск и передает трубку Корневу.

— Алло! — говорит Корнев. — Извините, что отрываю от очага...

— Это корреспондент? — слышится голос прокурора.

— Он самый!.. Пришел в прокуратуру, как условились, а вас нет...

— А я не возражаю против возбуждения уголовного дела!..

— Но за чем же остановка?

— Пусть зам... Передайте, пожалуйста, трубку...

Переговорив, Иволгин кладет трубку и некоторое время сидит молча.

— Ну что ж, ладно! — наконец произносит он. — А вы мне отдадите обратно справку, которую я только что написал?

— Конечно! — Корнев вынимает из «дипломата» листок и кладет на стол.

Иволгин нажимает на клавишу переговорного устройства:

— Слушай!.. Возьми два бланка постановления о возбуждении уголовного дела и зайди ко мне...

— Пусть три бланка берет...

— Вам нужна копия постановления?

— Да.

Зампрокурора снова нажимает на клавишу переговорного устройства.

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ АЭРОПОРТ. Корнев среди пассажиров, идущих на посадку к трапу отлетающего самолета. Во главе встречного потока пассажиров, прибывших из Москвы, бодро шагает Носков.

НОСКОВ в кабинете прокурора Крымска.

— Мне утром сообщили, что вы должны к нам прибыть... — говорит прокурор.

— Но уголовное дело, оказывается, уже возбуждено!

— Это не я!.. Это мой заместитель. Я сейчас же выясню, на каком основании...

У ВХОДА в редакционный подъезд Корнева останавливает броско одетый в вельветовый зеленый костюм и в

красном, с пальмами, галстуке тот самый человек-сейф, с которым познакомился Корнев в артели «Заря».

— А, старый знакомый! — восклицает Корнев. — При полном параде...

— Когда едем на Большую землю, прибарахляемся... Счел возможным нанести вам визит. Едва выловил!.. Никогда не был стукачом... Но гражданские чувства не дают ни сна, ни отдыха измученной душе... Показания мои такие. Карелия и дорожные работы — это маскировка... Все дороги, которые будет прокладывать еще одна шестопаловская артель, ведут к карьеру... Стоит измениться ситуации в пользу артели, и она снова превратится в золотодобывающую... По слухам, шеф строит себе вторую линию обороны, логовище мастерит в Прибалтике. Собирается напрямую за бугром барышничать с буржуями...

Корнев и его старый знакомый пересекают наискосок улицу, входят в сквер и садятся на скамейку.

ПЕРВОЕ, что бросилось в глаза вернувшемуся в редакцию Корневу, — стол Матвеева, заваленный телеграммами и письмами.

— Видишь, Валерий, сколько откликов на материал о золотодобытчиках! Из отдела писем принесут еще... О, тут из твоего родного Приволжска городскую газету прислали! — разворачивает газету и читает: — «Библиотека на улице Фрунзе»... Это о тебе. И смотри, что сказано в заключение: «...От имени многих горожан хочется поблагодарить нашего земляка Валерия Ивановича Корнева, который ныне живет в Москве, за подарок — дом для библиотеки».

Отдает газету Корневу.

Открывается дверь, появляется Лена с бумажным мешком в руках.

— Я Евгения Власовича уже поздравила... — говорит она. — И вас поздравляю, Валерий Иванович!.. Столько откликов за такой короткий срок еще не было.

— Не суетись, Лена! — произносит Матвеев. — Высыпай все на стол.

Корнев помогает Лене поднять мешок. На столе вырастает гора писем.

— Я побежала!.. — говорит Лена. — Надо разбирать остальные письма...

— Знаешь, Валерий, давай рационально будем рабо-

тать с письмами. Тебе, конечно, не терпится их посмотреть, да и я их еще толком не видел... Читай вслух подряд, будем готовить полосу откликов. Кстати, то, что ты мне из Крымска рассказал по телефону, — весомо!

В комнату входит главный редактор:

— Вот хорошо, застал обоих соавторов!.. Валерий Иванович, как съездили?

— Привез копию документа о возбуждении уголовного дела...

— И у меня кое-что есть! В правительстве назначена рабочая комиссия по проверке фактов, приведенных в фельетоне. Однако есть и противники нашей точки зрения — прагматики. Они считают: пусть Шестопал со своими наемниками сдают государству хоть двадцать процентов добытого золота... Пусть маленькая синичка в руках, чем недосягаемый красавец журавль в небе!.. Как дела с полосой откликов?

— Выдадим через час-два! — говорит Матвеев.

— Вот два письма из тех, которые пришли на мое имя... Их тоже надо бы на полосу...

Главный редактор уходит.

УТРЕННЯЯ Москва. У подземного перехода на Ленинградском проспекте к Гундосу подходит возбужденный Плинтус.

— Все получилось в лучшем виде, Паша! — приглушенным голосом произносит Плинтус — с чувством выполненного долга, подкрепленного зловещим сверканием золотой коронки и нервным блеском глаз. — Вспыхнул, как факел!

— Остальные где?

— Как условились... Встречусь с ними сегодня вечером во Владимире.

— А ксивы Тулупа?

— Со мной! — Плинтус достает из кармана газетный сверток и передает его Гундосу.

— А теперь уматывай, чтобы и духу твоего в столице не было! Ты же еще не отмытый... В розыске!

— Да, Паша! Получены сведения...

— Какие?

— Супружница Корнева с дочкой вроде в Евпатории.

В ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ дома Корнев, явно спеша, накинул на плечи пиджак и, подхватив «дипломат», предваритель-

но побросав туда какие-то бумаги, устремляется к выходу. У распахнутой двери его останавливает продолжительный звонок междугородной. Резко захлопнув дверь, раздраженный Корнев возвращается и берет трубку.

— Папа, это я, Марина! — слышен голос дочери. — Ты меня слышишь?.. Звоним из автомата. По дороге на пляж...

— Слышу!.. Слышу, Мариночка!.. Как у вас, припекает? Жалко, что не могу с тобой побултыхаться...

— Море хорошее... Плохо, что нет тебя. Я очень скучаю. Папа, может, тебе удастся вырваться? Хотя бы на денек, на два?.. Мама купила панамки. И тебе тоже. Красивые, польские...

— Мариночка, доченька, самому страшно хочется, но не могу, дорогая!.. Не могу, очень занят. До свидания, дорогая! Побереги маму.

НА ЦВЕТНОМ БУЛЬВАРЕ у кинотеатра «Мир» останавливаются белые «Жигули» восьмой модели. За рулем сидит Гундос. На заднем сиденье — Шестопал.

— А где сейчас Плинтус с таежной братией? — бросив взгляд на часы, спрашивает Шестопал.

— Думаю, что уже за пределами Москвы... — отвечает Гундос, выключая двигатель.

— А что ты там начал было вещать о Носкове? — напомнил дружку Шестопал, напряженно всматриваясь в подъезжающие автомашины.

— Вчера позвонил... В приложении к еженедельнику вышла книжонка Корнева.

— О чем речь? О нас?..

— Нет. Не о нас... Но гонорар получит приличный...

— А что тебе до его гонорара?

— Есть реальный шанс сделать его взяткодателем... Носков выпрашивает у него взаймы. И Корнева накрывают с поличным, как взяткодателя...

— Дело говоришь! Свяжи Носкова с Уткиным! Пусть проработают детали.

— Кстати, новость: жена Корнева с дочерью в Евпатории!..

— Без моей команды пока ничего не предпринимать!

— Само собой...

— Ага, едет! — обрывает Шестопал Гундоса, увидев в подъехавшей «Волге»-такси Нину Самойловну. — Давай документы Тулупа!..

Получив сверток, Шестопал выходит из «Жигулей» навстречу Нине Самойловне.

Перейдя дорогу, они идут по центральной аллее бульвара.

— Вот его документы! — говорит Шестопал, передавая газетный сверток Нине Самойловне.

— Больше ничего не было?

— Нет.

Нина Самойловна на ходу разворачивает сверток. Рассматривает редакционное удостоверение, партийный билет, паспорт... Обнаруживает два рубля, аккуратно подоткнутые под внутреннюю обложку паспорта, — дневной финансовый рацион ее супруга. Раньше, когда он еще не был первым заместителем главного редактора газеты, ему ежедневно выдавалось лишь один рубль двадцать копеек.

— Немножко пахнут бензином... — произносит Шестопал.

— А в чем дело?

— Пришлось сделать факел.

— А по-другому нельзя было? Фантазии не хватает? Вы же со своим дружком Родиным обошлись и без этого...

— Зато сейчас никаких следов!.. И концы в воду...

— Как это «в воду»?

— Дача сгорела, и он вместе с ней.

— Ну, тогда и это сожги! — Нина Самойловна возвращает Шестопалу все бумаги. — Пусть все в воду...

— О'кэй!

— Впрочем, дай паспорт.

Нина Самойловна извлекает из паспорта две рублевые бумажки и кладет себе в сумочку.

— Меня интересует еще один вопрос... — говорит Нина Самойловна. — Удалось предотвратить его встречу с Корневым?

— Похоже, да!

— Что значит «похоже», Олег Матвеевич?

— Нина Самойловна, выслушайте!.. Тулупова перехватили в подъезде дома Корнева и увезли...

— А до этого?

— Похоже, нет.

— Опять «похоже»?! — сквозь зубы шепчет Нина Самойловна.

— Но вы ж сообщили не сразу! Да и время на организацию нужно... Потом, ведь он мог и позвонить...

— Ладно! К этому еще вернемся. В его клинической карточке немедленно должна появиться запись за прошлый год невропатолога или даже психиатра, что он был предрасположен к самоубийству. И чтоб комар носу не подточил!

— Я уже распорядился!

— Да, вероятность того, что Корнев в какой-то мере мог быть посвящен Тулуповым, все же остается... Хотим мы этого или не хотим, проблему нам нужно решать. Но решать грамотно, спокойно... Промашки быть не должно. Если выдергивать занозу, вероятность успеха должна быть стопроцентной. Вообще все это нужно будет серьезно обсудить. Но сейчас уже ясно. Вы и я эту проблему не решим. Надо использовать все наши возможности. Пригодятся и Норов, и Носков, и Цутарьян... И, конечно же, Пупко, Уткин, Григоренко, Бликин... Но Тенгиза с его головорезами и близко не подпускать к Корневу. Особенно этого... Как его?.. С ножичком?.. Наличник?.. Косяк?..

— Плинтус, — уточняет Шестопал.

— Да, Плинтуса!.. Неуправляемых, подобно ему, не должно быть! Корнев должен умереть морально, профессионально... Это сильнее, нежели физически!

— Есть! Принимается!.. Хочу только посоветоваться, Нина Самойловна: не пофантазировать ли насчет дочурки Корнева?

— Олег Матвеевич, неужели успеваете и телевизор посмотреть? Не под впечатлением ли вы «Спрута»?.. А вообще-то продумать можно... Только самому. Без шаблона и сицилианских стереотипов!

— У нас своя голова на плечах! И мы не лыком шиты. Организую как надо!

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
Товарищ

«ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ»

СЕГОДНЯ мы знакомим читателей журнала с заслуженным художником РСФСР Иваном Дмитриевичем Архиповым. Публикуемые работы посвящены подвигу русского воинства во время Отечественной войны 1812 года.

Высшим проявлением массового героизма и самоотверженности явилось Бородинское сражение, 177-ю годовщину которого мы отмечаем в сентябре этого года. Это были «события исполинские, прикосновенные к судьбе рода человеческого» — так охарактеризовал их современник и участник войны Сергей Глинка.

Истинные масштабы того, что совершил русский народ в 1812 году, были столь велики, что оказали огромное влияние на исторические судьбы России и Европы. Мы и сейчас не перестаем восхищаться и гордиться беспримерным мужест-

вом наших предков, и не угасает интерес к этой странице нашей истории.

В 1953 году, через два года после окончания института имени Сурикова, молодой график Иван Архипов выставляет первую крупную работу — серию рисунков, посвященных М. И. Кутузову. Она и задает тон всей последующей работе художника.

В 1973 году издательство «Детская литература» выпускает отдельной книгой знаменитое лермонтовское «Бородино». Большую часть этой книги занимают прекрасные цветные иллюстрации, выполненные И. Д. Архиповым.

В 1977 году И. Д. Архипов заканчивает серию рисунков «Бородинская битва», которые приобретает Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.

Еще один графический цикл под названием «Героический 1812 год» создан в 1983 году и сейчас находится в фондах музея-панорамы «Бородинская битва». Как мы видим, публикуемые работы отнюдь не случайны для этого мастера — большого знатока этой темы. По его рисункам можно изучать костюмы, вооружение и экипировку представителей различных родов войск. Ведь каждый полк имел не только свою форму, но и отдельную цветовую гамму мундиров, киверов, знамен, штандартов, знаков отличия. В 1987 году, когда отмечалась 175-летняя годовщина Бородинского сражения, издательство

«Мысль» выпустило подарочное юбилейное издание «Бородино 1812», где были представлены такие выдающиеся художники, как Доу, Рубо, Верещагин. Были здесь помещены и репродукции семи работ художника Архипова.

Всмотритесь повнимательней в работы И. Д. Архипова, и вы увидите крепость классического рисунка, выразительность движения каждой фигуры и человеческих масс, точный отбор деталей и характерную для Архипова обобщенность, придающую его работам необыкновенную значительность и монументальность. Они могут быть многократно увеличены и нисколько не проиграют в своей художественности, достоинстве. Его работы можно рассматривать с любого расстояния, и всегда зрителю найдется работа для ума и глаз. Но вспомните, сколько современных художников можно смотреть только издалека...

Цвет в работах художника Архипова всегда локален и контрастен. Нет живописной дробности отдельных фрагментов, все подчинено общей идее произведения, его напряженности и драматизму. Удивительно смело работает мастер черным цветом, который является то мощным рисующим контуром, то превращается в активное цветовое пятно, то становится фоном, выявляя яркость других цветов.

Любимое цветовое сочетание Архипова — красный, черный, белый. Оно традиционно для русской

книжной графики, и он активно использует эту традицию в современном осмыслении.

И. Д. Архипов много и плодотворно работает в книжной графике, сочетая в себе и летописца, и тонкого лирика. Им созданы иллюстрации к произведениям Н. Некрасова, А. Кольцова, И. Козлова.

И все же героико-патриотическая тема преобладает в творчестве художника. Проиллюстрированы древнерусские повести «За землю Русскую», «Рассказы начальной русской летописи», былины о Садко, Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и других героях.

Большой знаток русской истории и архитектуры, И. Д. Архипов много лет работает над серией цветных рисунков и линогравюр, посвященных русским городам — Киеву, Новгороду, Москве, Суздалю, селу Коломенскому и др.

Художник, посвятивший свое творчество героическому в истории русского народа, сам является истинным патриотом и подвижником. Член Комиссии по охране памятников истории и культуры при Союзе художников РСФСР, он неумолим и энергичен в нелегкой борьбе за сохранение и восстановление памятников старины, за экологическую чистоту наших городов и сел. Пожелаем ему успехов в его благородной и необходимой всем нам деятельности.

Г. КОМАРОВ

Рисунки И. Д. Архипова

ЗНАК ДОБРЫЙ — РАДУГА

ТОГДА, в сорок третьем, смотреть этот фильм было страшно... Повесть Ванды Василевской «Радуга» с беспощадной правдой поведала о зверствах фашистов, и с такой же беспощадной правдой Марк Донской снял по ней одноименный фильм.

Вспоминая о работе над фильмом, Марк Семенович писал:

«Многое дали мне поездки на фронт, когда я увидел первые освобожденные от немцев селения Подмосковья, разговаривал с людьми, которые жили на временно оккупированной территории...

Вышедшая из землянки крестьянка Мария Тимофеевна говорила, сложив руки на груди и глядя мне прямо в глаза, вероятно, чтобы видеть, доходят ли до меня ее простые слова: «Ты, очевидно, не знаешь, что такое фашисты. Вот я потеряла много своих родных, осталась у меня одна дочка. Дома у меня нет; почтальон носит мне письма от сыновей с фронта в землянку, потому что я вырыла ее на том месте, где был мой дом. Так вот, скажу тебе — я дождусь дня, когда фашист к себе будет возвращаться не так, как сюда пришел. Он будет жалкий, голодный, холодный, бояться станет на людей смотреть. Как волк, станет озираться...» Впоследствии эта мысль легла в основу одного из главных эпизодов фильма...»

МНОГИЕ кадры и сейчас — перед глазами...

Женщина с ведрами идет к проруби... Сворачивает с тропинки, опускается на колени

перед юношей, почти занесенным снегом:

— Сынок...

Она не плачет. Сухие губы шепчут это одно-единственное слово. Сухие глаза с мукой вглядываются в родное лицо, ставшее уже черным, в рану на виске, в сведенные судорогой пальцы... Да, это ее сын, красноармеец, погибший здесь, когда гитлеровцы неожиданно ворвались в село. Забрать его отсюда, похоронить нельзя: сын вмерз в снег, сросся с ледяной коркой... Конечно, эти свидания Феодосии с сыном — тайна, такого гитлеровцы не прощают... Кроме всего, в ее хате остановился начальник гарнизона капитан Курт Вернер с любовницей из местных,— поэтому тяжко Феодосии, просто невыносимо...

Впрочем, тяжко всем односельчанам... Однако все же самая трудная доля выпала Олене Костюк: партизанка, она вернулась из отряда под родную крышу, чтобы спокойно родить ребенка, и, выданная старостой, стоит теперь на допросе:

— Где скрывается отряд?

— Не знаю.

— С какой стороны пришла в деревню?

— Не помню...

Раздетая Олена брошена в холодный сарай. Ночью солдаты раз за разом выволакивают ее на мороз, гонят вдоль села... Но вот очередная попытка прервана, женщина падает на вязанку соломы, давшую минутный приют, и вдруг слышит за стеной сарая шепот:

— Тетка Олена, я вам хлеба принес...

И тут же — выстрел, а за ним — предсмертный крик.

Так погиб Мишка, сын Малючихи... Потрясенная мать выкрала труп сынишки из-под носа врага, приволокла в хату, и потом мы видим страшные похороны, мать и малолетние ее дети опускают Мишу в могилу, вырытую тут же, в сенях...

Разъяренные исчезновением трупа «преступника» (к тому ж никто из крестьян не сдает хлеб!), оккупанты срочно принимают меры. Созывается собрание. Несколько человек объявляются заложниками. Староста Гаплик зачитывает: «Если в течение трех дней виновники не будут найдены, если в течение трех дней не начнется поставка хлеба, заложники будут повешены...»

ОЛЕНА кричала, и этот крик слышало все село... Гитлеровцы в открытых дверях сарая хохотали, забавляясь тем, что вот так, на морозе, рожает «большевистская баба»...

И все-таки ребеночек на свет явился...

Снова допрос у Вернера...

— Сын или дочка?

— Сын.

— Вчера ночью тебе хотели передать хлеба. Кто это был?

— Не знаю.

— Где сейчас партизанский отряд?

— Не знаю.

— По какой дороге ты пришла в село?

— Не помню...

Вернер вырвал из ее рук ребенка, поднял пистолет:

— Ну, покажи, кто ты, большевистская стерва или мать?

— Я мать.

— Значит, скажешь, где они?

— Нет.

Грянул выстрел, прямо в маленькое личико...

— Увести ее и кончить.

А потом — еще один допрос, на льду, у проруби, и жуткие истязания перед окончательной казнью...

ОЧЕНЬ ТРУДНО было смотреть эти кадры, но есть в фильме и другие сцены, которые прида-

Наталья Ужвий в роли Олены Костюк.

вали силы, от которых дышалось легче: суровый суд односельчан над предателем-старостой; расправа с любовницей Вернера; помощь, несмотря на всю опасность, раненым красноармейцам...

Земля горела под ногами фашистов. Сама природа предрекала их гибель...

В стылом небе вдруг расцвела радуга... Вернер поражен:

— Радуга зимой!!

Феодосия тоже пристально смотрела в небо. Увидев это, гитлеровец обращается к ней:

— Говорят, радуга — доброе предзнаменование!

— Да, да, говорят, радуга — доброе предзнаменование,— тихо отвечает старая крестьянка, не спуская полных надежды глаз с сияющего видения...

Так образ радуги вырос в фильме до символа надежды, символа грядущего освобождения...

И ЧАС возмездия пробил. В село врываются передовые части Красной Армии. Гитлеровцы бегут. Те, кто не пал, сраженный красноармейской пулей, окружены на площади. Одного из фашистских палачей крестьянка Горпина требует прикончить немедленно. И тут вперед выходит Феодосия:

— Покончить его хочешь! Легкой смертью, а! Минута-две, и кончено!.. Нет, ты дай ему посмотреть, как их армия назад покатится, как они будут подыхать с голоду. Как из-за кустика, из каждого лесочка будут выскакивать на них люди с вилами, с топорами! Как будут подыхать во рвах, и никто им капли воды не подаст. Дай же ты ему дождаться, чтобы он собственную жизнь проклял, чтобы от него родные дети отреклись!.. Пусть молит смерть, чтобы она подошла, а она не придет, пусть даже смерть отвернется от фашистской падали!..

КАК ПЕРЕПЛЕТАЛИСЬ в те дни искусство и жизнь, сколь нерасторжимы были чувства героев фильма и их создателей...

Только один факт. Елена Тяпкина, исполнявшая роль Феодосии, получила с фронта похоронку на сына. Режиссер, понимая ее горе, решил в тот день съемку отменить, но актриса сквозь слезы сказала: «Нет, я буду сниматься... Ведь этой картиной мы тоже воюем...» Именно в тот день был запечатлен эпизод: мать у тела убитого сына...

В этом фильме, снятом оператором Борисом Монастырским, собрался отличный актерский коллектив (Анна Лисянская, Нина Алисова, Ганс Клеринг, Николай Братерский, Алексей Дунайский), но особенно хочется выделить Наталью Ужвий, которая в роли Олены Костюк создала образ силы поистине трагедийной. А в общем-то героем картины стало все село — каждый его житель, каждая хата.

В ЯНВАРЕ сорок четвертого появился приказ Политуправления: всем войскам, частям и подразделениям смотреть «Радугу»...

Тысячи писем со словами благодарности со всех фронтов спешили в адрес создателей фильма. Пришла телеграмма и от президента США Франклина Рузвельта: «В воскресенье в Белом доме смотрели присланный из России фильм «Радуга». Я пригласил профессора Чарлза Болена переводить нам, но мы поняли картину и без перевода. Она будет показана американскому народу в подобающем ей величии...»

И еще один отклик. В сорок пятом, побывав на премьере «Радуги» в Риме, Джузеппе де Сантис писал: «Всем, кто будет читать эти строки, мне хочется крикнуть: «Спешите смотреть «Радугу»!... Это подлинно поэтическое произведение, шедевр, какой редко встречается...»

Вот на какой пьедестал замечательный итальянский режиссер поднял эту кинотрагедию о страданиях и подвиге непокоренного народа.

Лев СИДОРОВСКИЙ

...СТАРЫЕ ходики на стене ритмично отсчитывали время. Часы были настолько древние, что разобрать названия фирмы или имя часовых дел мастера на полустершемся циферблате не было никакой возможности. Тем не менее сей измерительный прибор (так именуют часы профессионалы) четко делал свое дело — не забывай только подтягивать гирю. Хоть на руке у меня современная «Электроника», но этот ветеран стал чем-то вроде семейного друга...

Какая же эпоха лежит между простой настенной механикой и электронным блоком памяти?

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Проблема отсчета времени всегда занимала умы людей. Неизвестно, какими часами пользовался французский драматург Пьер Огюстен Бомарше, песочными или солнечными, но представьте себе, именно он изобрел анкер — ту самую деталь, которая и по сей день является непременной во всех механических часах.

Да, «часовая проблема» интересна и своей историей, и перспективой на будущее. Вполне закономерно, что соответствующей информацией располагает НПО «Часпром», объединяющее около полутора десятков предприятий страны.

Начнем с небольшого экскурса в прошлое. Несколько веков назад в России не существовало даже артелей часовых дел мастеров. Изготовлением приборов времени занимались кустари, народные умельцы. Удивительно, но факт: еще в XV веке они построили башенные часы. В XVIII веке русский самородок Кулибин создал уникальные часы в виде золотого яйца с боем: они отмечали час, получас и четверть часа, да еще под музыку танцевали фигурки. А изобретатель Волосков, в том же веке, сделал астрономические часы, которые показывали не только время, но и месяцы, положение на небосклоне Солнца, Луны и даже звезд. Нельзя не вспомнить и династию часовых дел мастеров Бронниковых из Вятки. Они прославились своими знаменитыми карманными часами, в которых все детали, вплоть до спирали, были изготовлены из дерева.

В историческом разделе ассортиментного кабинета НПО «Часпром» есть именно такие часы, и нам представилась редкая возможность подержать их в руках, внимательно рассмотреть механизм уникального творения. Не стоит и говорить о крышках, украшенных замысловатой резьбой,— поражает сам механизм! Впечатление такое, что деревянные зубчатые колесики-шестеренки изготовлены на самом современном прецизионном станке. А спираль баланса — тончайшая пружинка в несколько витков, определяющая точность хода,— вообще загадка. Каким образом мастер сделал ее из дерева? Чудо, да и только. Вполне естественно, что подобные изделия могли быть достоянием лишь избранных, весьма имущих... Часов было мало, и каждый мастер старался придать им индивидуальность. Часы отличались не только формой, но и «содержанием», «нутром» — в той мере, в какой хватало выдумки, изобретательности, просто, наконец, умения мастера.

Часы на любой вкус...

В середине XIX века в селе Шарапово Звенигородского уезда Московской губернии объединилась группа кустарей — тогда-то и началось промышленное производство часов. Заработала небольшая фабрика по выпуску часов-ходиков. В то же время в Петербурге был начат выпуск хронометров и палубных часов для морского флота.

В 1900 году настала новая эра в часовом деле. Министерством финансов было открыто учебное заведение с пятигодичным сроком обучения, с двумя отделениями: механико-оптическим и часовым. А через пять лет профессор Н. Б. Завадский организовал особое часовое отделение — часовую школу. Научный подход к изготовлению столь престижных механизмов, какими являются часы, немедленно дал свои результаты. Уже в 1909 году на международной выставке в Петербурге знатоки любовались изделиями учеников часовой школы. Что и говорить, русские умельцы получили всемирное признание!.. Но сказалось все же отсталое техническое оснащение. Из-за того-то в Москве, Петербурге и других городах стали открываться мастерские по сборке часов из деталей фирм «П. Буре», «Г. Мозер», «Менгендорф». Тут отчасти свою роль сыграла и кос-

Старейший сотрудник объединения, мастер — «Золотые руки» А. Н. Ильин (с л е в а) и его ученик А. Стародубцев, бригадир сборочного участка.

ность чиновников, не веривших в силы русских мастеров, которые, по их мнению, вообще едва ли могут сделать что-либо путное... Только после Великого Октября, в начале тридцатых годов, когда заработали 1-й и 2-й Московские часовые заводы, быстрыми темпами стало развиваться промышленное производство часов. Пришло время, когда наша страна стала одним из ведущих производителей часов в мире.

Войдя первый раз в ассортиментный кабинет НПО «Часпром», буквально столбенеешь, разбегаются глаза. Не сразу определишь, к какому стенду подойти. Вопрос «Неужели все это существует в одном экземпляре?» просто неуместен. Большинство моделей либо выпускалось, либо выпускается серийно различными заводами страны. Есть, правда, очень небольшое количество несерийной продукции, но она, как говорится, погоды не делает. Есть и часы, изготовленные в нескольких экземплярах и по тем или иным причинам не попавшие в серию, либо наоборот — только готовятся к массовому выпуску и проходят пока технические испытания. Здесь собрано и собирается настоящее и будущее нашей часовой промышленности.

Техник 1-й категории Галина Винокурова.

В отделе автоматизированного проектирования: Александр Хренин, Виктор Миленин и Иван Филиппов.

Предоставим слово заместителю директора НПО «Часпром» по науке Борису Леонидовичу Рудякову.

— Сейчас мы выбрали несколько направлений в развитии часовой промышленности. Основное из них — производство кварцевых часов. Их признал весь мир, такие часы соответствуют уровню мирового технического развития. Правда, мы несколько отстали в этой области, но эта отсталость, как ни парадоксально, обусловлена отнюдь не качеством наших изделий, их охотно покупают за рубежом. Беда в отсутствии, как говорят, сервисных услуг. Например, проблема батареек. Не всегда и не везде можно найти у нас необходимый элемент, а без него часы — не часы... Да и качество батареек оставляет желать много лучшего. Завоевать доверие покупателей — первоочередная задача, и решить ее мы рассчитываем следующим образом: выпустить новое поколение кварцевых часов со сроком автономности от 5 до 7 лет, безусловно, с очень высокой надежностью. Задача непростая, поскольку основные детали изделий остаются те же, используются такие же материалы. Теперь все зависит от конструкторских решений. Трудно, но — выполнимо.

А как с внешним оформлением? Как известно, часы имеют двоякую функцию. С одной стороны, это — прибор времени, с другой — элемент украшения, особенно женские часы. Вот в этом отношении у нас не все благополучно. До сих пор не освоен ряд новых технологий внешней отделки, без которой часы теряют привлекательность.

Одна из задач, которую предстоит решить,— создание пластмассо-

вых механизмов. Они дешевле, а при их автоматической сборке повышаются качество и производительность, снижается себестоимость изделий. Хотя и здесь не все так просто... И вот почему. При ручной сборке мастер может что-то подточить, подкрутить и худо-бедно собрать. Автомат же деталь либо принимает, либо нет. Вот и боятся заводчане, что при автоматизации может увеличиться количество брака. Но думаю, что это препятствие удастся преодолеть. Иначе не удовлетворим потребительского спроса. В современном мире мода на часы меняется довольно быстро. Относил человек часы два года и хочет купить новые, более модные.

Есть еще так называемые приборы коллективного пользования. Это отнюдь не те часы, которые установлены на городских улицах. Современное сбалансированное производство должно работать в едином временном масштабе. Для пояснения можно привести в качестве примера полеты самолетов или спутников. Их движение, независимо от их места нахождения, фиксируется в едином времени. Иначе возникнет путаница. То же самое в промышленности, особенно там, где технологический процесс рассчитан по секундам,— тут единое время крайне необходимо. Сейчас существует сеть радиопередающих станций, которые на разных частотах регулярно передают сигналы точного времени. И мы создаем такие приборы, которые позволят построить единую систему времени страны. И здесь возникает ряд проблем, весьма трудных для нас. В частности, создание специальных микросхем с большой степенью интеграции. Нас «держит» электронная промышленность: соответствующих микросхем она не производит. Создавать же приборы на существующих схемах не имеет смысла: слишком велики будут габариты и мала надежность.

Разрабатываем мы и системы автоматизированного проектирования и производства изделий (САПР/ГАП). Мы хотим добиться таких результатов, чтобы заводской конструктор средней квалификации, применяя ЭВМ и нашу методологию, мог в кратчайший срок разработать новую модель часов и быстро внедрить ее в производство. Порой приходят предложения от западных фирм такого содержания: «Дайте нам через полгода продукцию с такими-то параметрами. Но именно через полгода, иначе она потеряет свою актуальность». Тут мы и заходим в тупик. Пока разработаем, пока внед-

ПАНОРАМА

КООПЕРАТИВ ПАЛЕОНТОЛОГОВ. Несколько лет назад американские палеонтологи нашли в Кении скелет женского человекообразного существа, возраст которого определен сенсационной цифрой — 3 миллиона лет. Ученые смогли восстановить внешний облик обезьяны и дали ей кличку Люси. Под этим именем она и вошла в учебники естественной истории.

Ведущему сотруднику американского Института по проблемам происхождения человека Дональду Джоухенсону оказалось мало мировой славы. Он вознамерился еще и подработать на открытии. Вместе с двумя молодыми помощниками он организовал своеобразный кооператив, который начал выпускать резиновые куклы, изображающие Люси, а также ее супруга Лоркана и их троих детей — Лонога, Лифи и Лобана.

Члены семейства наших далеких предков из Африки станут и героями приключенческой серии комиксов. Конечно, такое мероприятие в известной степени будет служить популяризации истории человека. Жаль только, что в основе его лежит явная корысть.

рим... А при помощи САПР/ГАП каждый завод сможет не только быстро «просчитать» изделие, но и так же быстро его внедрить.

Хотелось бы сказать несколько слов о механических часах. Бывают такие случаи, когда наше отставание идет нам на пользу. Мы продолжаем выпускать большое количество механических часов. Оказалось, на мировом рынке спрос на них велик. Есть такие регионы мира, где трудно приобрести элементы питания. А так как выпуск недорогих механических часов в мире сократился, мы заполняем рынок нашей продукцией...

СЕГОДНЯ в мире выпускается около 550 миллионов штук часов в год. Это механические и кварцевые наручные мужские и женские часы, настенные и настольные, будильники, различные технические приборы времени — секундомеры, реле, таймеры, автомобильные часы и т. д. Продукция часовой промышленности Советского Союза пользуется стабильным спросом на мировом рынке. Мы находимся в первой пятерке ведущих мировых производителей бытовых часов. Ежегодно страна экспортирует около 20 миллионов штук более чем в 80 стран. Сегодня иностранные фирмы просят нас продавать часов как можно больше, причем по очень неплохой цене. Казалось бы, надо увеличивать экспорт, получать валюту, часовая промышленность готова к этому. Но вот парадокс! Нам ограничили объем экспортных поставок, ссылаясь на нехватку часов на внутреннем рынке. А ведь у Минторга СССР имеется на складах солидный запас часов, мода на которые ой как быстротечна.

Сегодня хозрасчет в нашей стране набирает силу. Но его возможности в полной мере можно будет использовать только тогда, когда предприятия получат реальную самостоятельность. В НПО «Часпром» подумывают о создании межотраслевого государственного объединения, которое позволит им самим координировать всю научно-производственную и экономическую деятельность, в полной мере использовать возможности широкого рынка. Полная самостоятельность объединения даст возможность ему уверенно идти в ногу со временем.

О. ЛОБАНОВА.
Фото А. ЕГОРОВА.

ПАНОРАМА

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЗАГС. В Японии, где компьютеризованные механизмы все шире проникают в быт, вскоре появится человекообразный робот для регистрации браков. В наш век стремительных ритмов он проведет всю работу оперативно и без бюрократических вопросов, справок и анкет. Достаточно будет открыть дверцу на груди робота, опустить несколько монет, а затем нажатием клавиш и кнопок задать программу на все стадии официальной регистрации. Автомат выполнит роль чиновника, нотариуса, фотографа и секретаря, выдающего готовые документы с печатями и даже факсимильными подписями и архивными шифрами.

Опрос молодых людей показал, что они воспользуются услугами робота охотнее, чем муниципальных контор. Ведь в любом случае веселая свадьба не отменяется, отпадает лишь общение с крючкотворами.

Новый робот по желанию и по дополнительной программе может стать для новобрачных еще и священником, произносящим слова благословения и пожелания счастья новой семье. Правда, для этого потребуется пара лишних монет.

ОДНАЖДЫ довелось мне побывать близ промышленного подмосковного райцентра Шатуры, в местечке с угрюмым названием Чертовищи. Ландшафт явно не шишкинский. Гнилые, вывороченные с корнем пни, гигантские, затянутые бурой жижей воронки. Вокруг них ни кустика, ни травинки — сплошная суглинистая плешь. Только в полукилометре начиналось мелкое редколесье, постепенно переходящее в лес. Что же обесплодило землю?

АЛЬТЕРНАТИВА

Был здесь, рассказали мне, луг что надо — на укосы щедрый, с кудрявой рощицей посредине. Но геологи разведали здесь торф. Богатство, конечно, несомненное. И для энергетики, и для химии, и для сельского хозяйства... Залежи начали разрабатывать по принципу «Даешь быстрей!». Мощные гидромониторы смыли плодородный покров вместе с рощицей, добытчики вымыли «бурое золото» и оставили после себя обезображенную землю. Свыше 220 тысяч гектаров таких «чертовищ» оставлено в Подмосковье, Ивановской и Калининской областях. Спрашивается, есть ли разумная альтернатива подобному варварству?

Прошлым летом комсомольцы Шатурской ТЭЦ пригласили меня на свою «голубую ферму» — так они называют подсобное рыболовное хозяйство. И вот ведь совпадение! Дорога привела почти к таким же Чертовищам. Но... глаз радовала солнечная рябь прудов с явно живой водой: по берегам зеленели сочные луговины, к ним вплотную, вытеснив рахитичные осинки, подступал молодой крепкоствольный лес.

Шеф хозяйства механик ТЭЦ Сергей Морозов сообщил, что мысль о создании «голубой фермы» родилась при встрече молодежи их предприятия с учеными НИИ прудового рыбного хозяйства, экспериментальная база которого расположена в Шатурском районе. Ихтиологи рассказали, как можно возрождать мертвые зоны, оставшиеся на месте торфоразработок. Работы не требуют значительных денежных средств и затрат труда, специальной техники, окупаются быстро, приносят солидную прибыль. Из года в год будет наращивать свои мощности живой завод рыбоводства. Разве это не благородный труд для патриотов своего края?

— Мы не раз побывали на опытной базе института,— продолжил Сергей Морозов,— детально со всем познакомились, убедились: работа нам по силам, это выгодно и нужно. Вот и решили — быть молодежной стройке.

От себя замечу: с первых же дней стройка стала кооперированной. Научное руководство взяли на себя молодые специалисты НИИ. Поскольку карьеры захватывали часть территории подшефного кол-

хоза, план создания «голубой фермы» горячо поддержали и руководство, и комсомольцы-сельчане, активно включившиеся в строительство. Все делалось на паевых началах — впоследствии они легли в основу распределения доходов с рыбоводства.

Техникой «голубой фермы» ведают механики ТЭЦ Юрий Котляр и Константин Лапин, содержанием рыбного стада — зоотехник колхоза Петр Шуляк, научный руководитель молодежного хозяйства, кандидат биологических наук Николай Постников.

Для разведения запустили в водоемы гибрид карпа и амурского сазана. Этот вид хорошо размножается в местных условиях, дает наибольшие привесы. Привесы убедительные: восемь и более центнеров рыбы с каждого гектара водных угодий, что значительно выше отдачи с гектара в обычном животноводстве. Солидный доход получает колхоз, вкусные блюда из свежей рыбы не сходят со столов работников ТЭЦ и НИИ, исчезло мертвое пятно на территории района. Значит, есть пути к разумному, хозяйскому восстановлению экологического баланса в природе.

В Воскресенском районе Московской области задействовано производственное объединение по добыче фосфоритов. Необходимость изготовления сырья для экологически чистого, в отличие от нитратов, удобрения — фосфатной муки, думаю, не вызывает сомнений. Но в районе большой химии, каким является Воскресенский, всяких пустошей, котлованов и терриконов предостаточно. Не останутся ли после добычи фосфоритов новые голые площади? Опасение вполне обоснованное. Поэтому горняки ПО «Фосфат» площади под карьеры, образно выражаясь, берут взаймы: снял слой плодородной почвы — верни ее в таком же состоянии землепользователю. Возможности есть. Еще перед началом разработок геологи выяснили, что под фосфоритами залегают пласты так называемых глауконитовых песков — почвы с окислами фосфора. Глаукониты содержат мощный заряд плодородия, позволяющий повышать урожайность. Так что свой долг природе горняки могут вернуть с лихвой. Правда, работы побольше.

При мне подготовку карьера вела комсомольско-молодежная бригада Андрея Никанорова. Механизаторы гладко выровняли бульдозерами бугристую поверхность выработок. После планировки, как сообщил Андрей, они покроют карьер полуметровым слоем глауконита. Затем участок будет возвращен земледельцам совхоза «Лесной», на угодьях которого добывают фосфориты.

Мнение директора совхоза В. Басова: «Рекультивация, которую производит объединение, нас устраивает полностью. Получаем площади без прежних куртин и кустарников, урожайность повышается».

Но горняки не ограничиваются возвращением взятых «взаймы» земель. На территории Виноградарского мехлесхоза, где добывали фосфориты, комсомольцы объединения помогли в посадке саженцев. На обогащенной почве хорошо прижились, пошли в рост молодые ели, а раньше здесь на заболотье росли кустарники да чахлые осинки. «Красавец будет лес!» — убежден директор хозяйства И. Комаров.

Инициатива молодых горняков идет дальше. В зоне действия объединения есть несколько мелких деревень. Поднять соцбытсектор местным жителям не по силам. Комсомольцы и молодежь ПО «Фосфат» начали там строительство клуба, коллектив объединения предложил поссовету провести в деревни газ, водопровод, развернуть строительство каменных коттеджей для арендаторов.

— Вроде бы доброе дело делаем, нужную работу выполняем,

а от нас требуют приостановить ее,— не без горечи сообщил мне бригадир А. Никаноров.— По причине ничем не обоснованных слухов...

Действительно, нездоровая обстановка возникла вокруг работы ПО «Фосфат». Дескать, горняки губят природу, пашни и луга, сводят лес. Правда, тот, кто практически сталкивается с деятельностью объединения, кто видел ее результаты, тот решительно выступает против облыжных обвинений.

Удивительно, что в число не видевших, но слышавших входят отдельные должностные лица района и области. От совета самим побывать на месте, убедиться в правоте или ошибочности своих мнений они отмахиваются, как от назойливой мухи: «Хоть не были, но и без того знаем». Вот так на пути решения проблем экологии города и села часто вязкой преградой встают бюрократизм, ведомственное равнодушие.

Приведу пример. Коллектив Рязанского областного центра НТТМ «Интеграл» предложил местным предприятиям спроектировать системы очистных сооружений, соответствующие современным требованиям науки и техники. Более того, предлагалась помощь в организации и руководстве работами: молодые специалисты центра через обком и райкомы комсомола договорились с молодежью предприя-

ПАНОРАМА

НУ, КРАСНАЯ ШАПОЧКА, ПОГОДИ! «Тот факт, что книга напечатана, еще не означает, что ее можно читать!» — заявили власти штата Северная Каролина (США) и приказали изъять из библиотек знаменитую сказку про Красную Шапочку. Запрет аргументирован юридически — за пропаганду насилия среди малолетних читателей. И это произошло в наши дни, когда на экранах американских телевизоров картины насилия следуют одна за другой днем и ночью.

Пути американской цензурной практики действительно неисповедимы. В штате Вирджиния запрещена к постановке трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта». За что! Представьте себе, за безнравственность. В то же время в этом штате в любой табачной лавочке можно приобрести порнографические видеофильмы.

Власти нескольких южных штатов США ведут «священную войну» с книгами Чарлза Дарвина. Они не рекомендованы ни для школ, ни для институтов. Не помогают ни решения Верховного суда, ни протесты Национальной академии наук. «Нельзя, да и только!» — твердят мракобесы.

Можно напомнить, что эта борьба с Дарвином идет в США более 60 лет и конца ей не видно. Только в этом году Верховный суд заседал несколько раз, разбирая жалобы преподавателей, которых жестоко наказали за лекции по теории эволюции Дарвина.

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ. За столетия своей практики английские моряки выработали специфический жаргон. Достоинство его состоит в том, что в коротких словах и фразах заключено много деловой информации. Это очень важно, когда в критической ситуации в открытом море необходимо передать команду или совет за считанные секунды.

Английские лингвисты долгое время как бы не замечали сложившийся язык «морских волков». Но в наши дни они его проанализировали и официально признали, уразу-

тий о сооружении объектов методами комсомольско-молодежных строек.

Не прилив энтузиазма — настоятельная необходимость вынуждает к немедленной реконструкции давно устаревших, аварийных систем. Здоровью горожан угрожает смог, отдельные микрорайоны объявлены экологически небезопасными, речки, протекающие в Рязани и ее округе, насыщены ядовитыми отходами предприятий и отравляют прибрежные угодья хозяйств далеко за пределами города. В этом отношении переплетаются нужды горожан и сельчан. Но предложения центра НТТМ, хотя они были неоднократны, настойчивы, не получили ответа.

— Ведомствам спокойней платить штрафы, чем затевать беспокойное дело реконструкции очистных сооружений,— отметил в беседе со мной руководитель «Интеграла» Николай Софронов.— Не встретив понимания у администрации предприятий, выходим со своими предложениями в городской и областной Советы народных депутатов. У них теперь достаточно власти и прав для преодоления «самостийности» ведомств. Поддержку общественности, молодежи мы получили и уверены, что намеченного добьемся.

Ю. ГУРЬЕВ

ПАНОРАМА

мев, наконец, его несомненную пользу. Более того, в Оксфорде выпущен первый словарь, который будет иметь не только научное, но и сугубо практическое значение — станет учебным пособием в морских училищах. Предсказывают, что словарь жаргонных слов будет полезным и для других стран, ибо уже 36 коротких английских терминов из словаря моряков и докеров стали международными.

ВО СКОЛЬКО ОБХОДИТСЯ КРИК БОССА! Американские фирмы установили для себя правило, согласно которому держать в аппарате начальника, позволяющего себе кричать на подчиненных, крайне невыгодно.

Как нельзя лучше подтверждает это случай, происшедший недавно в компании «Пасифик Белл». Молодой оператор вычислительного центра, получив крикливый нагоняй от босса, вернулся в лабораторию и в состоянии нервного стресса неправильно соединил аппаратуру. В результате в цепи оборудования произошло короткое замыкание, и оно сгорело. Ущерб составил около 10 миллионов долларов. Конфликтная комиссия не признала оператора виновным. Более того, врачебная помощь ему была оказана за счет фирмы.

Как подсчитали американские газеты, медицинские компенсации за стрессовые состояния рядовых сотрудников за год достигают в стране 200 миллионов долларов. Поэтому на предприятиях сейчас создаются кабинеты психологической разгрузки, специальные комиссии начальничков с плохим характером переводят на работу с неодушевленными предметами.

Газеты ядовито подметили и другой факт. США, как оказалось, отстают от Японии не только в области прикладной электроники, но и в умении подбирать руководителей, в искусстве создавать на предприятиях благоприятный психологический климат. Этими тонкими проблемами в Стране восходящего солнца занимаются гораздо шире, чем в Америке.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ НАЧДИВ

Героическая гибель в сентябре 1919 года талантливого полководца героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева в свое время глубоко тронула сердца многих. Не одно поколение писателей, поэтов, художников, работников кино обращалось к образу легендарного начдива. О нем созданы песни, поэмы, романы, картины, скульптурные памятники, киноленты. В разных уголках Отечества народ бережно хранит память о замечательном начдиве, его доблестных бойцах. Среди многих стоит вспомнить одно священное мемориальное место — удивительный ансабль в городе Куйбышеве — памятник В. И. Чапаеву и его боевым товарищам. Его создателям М. Г. Манизеру, И. Ландбергу удалось ярко воплотить легендарный облик начдива, чья фигура символизирует горячий порыв, веру в революционное дело. Композиционно слаженно смотрятся командир с саблей в руке, увлекающий людей в атаку, комиссар, матрос, старый партизан, волжский грузчик... Все вместе создают слитое ощущение порыва, устремленности, веры в успех победы над врагом. Вот почему никогда не пустует эта площадь, идут сюда люди, чтобы возложить цветы, поклониться памяти героев.

Триумфально прошли по странам и континентам роман «Чапаев» Дмитрия Фурманова и одноименный фильм режиссеров Сергея и Георгия Васильевых, вобравшие в себя мощь нового революционного искусства. Миллионам людей весьма близким оказался основной пафос книги и киноленты о воспитании революцией нового человека. Выраженная весьма разными средствами идея революционного переустройства жизни нашла удивительное единодушие в восприятии зрителями и читателями не только нашей страны, но и всего мира.

Сегодня как никогда остро осознаешь причину жизненной силы творений Фурманова и С. и Г. Васильевых. Ведь их судьбы сродни героям революции и гражданской войны. С первых дней революции находился в Смольном Сергей Васильев. Был связистом, выполнял различные поручения, видел тех, кто делал революцию, сам сражался в их рядах. Немало пришлось пережить и на фронтах гражданской. Не менее яркой была биография и Георгия Васильева, участвовавшего в боях с контрреволюцией.

Из окопов первой мировой пришел в революцию Дмитрий Фурманов. Летом горячего восемнадцатого года вступил в ряды большевиков. Рядом с М. В. Фрунзе работал в партийных и советских органах Иваново-Вознесенска. «Революция сразу поставила меня на ноги» — эти

слова из его дневника многое проясняют в облике Фурманова-политработника. В начале 1919 года с отрядом иваново-вознесенских рабочих он отправляется на колчаковский фронт. Дневники зримо передают боевые будни политкомиссара 25-й Чапаевской дивизии. В них незабываемые дни работы с Василием Ивановичем Чапаевым. Его имя наводило ужас на врага. В массах начдив пользовался особым уважением. «Натура самобытная, могучая и красивая» — вот одна из записей. Наряду с этим комиссар подмечал такие черты: «Политически мало сознателен», «заметна охота побахвалиться». Вот почему меж ними бывали минуты и полного согласия, и взаимного «охлаждения».

У Фурманова рождалось желание рассказать о своем боевом товарище. Однако книгу о Чапаеве пришлось отложить на некоторое время. Д. А. Фурманов направляется в мятежный Туркестан, а затем ведет партийно-политическую работу на Кубани. Только где бы он ни был, он всегда помнил дорогой образ начдива, последние минуты прощания с ним. Трудно было примириться с вестью о гибели товарища по оружию.

Уже работая в Москве, он вплотную приступает к желанной книге о Чапаеве. Большую поддержку писатель получил от старых членов партии, в частности, П. Н. Лепешинского. Дневниковые страницы говорят о мучительных раздумьях, как сделать образ главного героя, о принципах решения художественной задачи: «... дать ли Чапая действительно с мелочами, со всей человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую?.. Склоняюсь больше к первому...»

Свое детище он создавал на одном дыхании, отбросив все прочие дела. К началу января 1923 года рукопись была в основном завершена. После сдачи рукописи в издательство Истпарта потянулись томительные дни ожидания. Надо сказать, роман был выпущен весьма оперативно. Весной того же года он попал в руки читателей.

За короткий срок «Чапаев» выдержал несколько изданий. «Известия» писали, что «Чапаев» должен стать настольной книгой нашей молодежи. Такой успех поначалу поразил даже автора. Все это казалось ему случайным. «Но успех был прочный, долгий»,— скажет критик Вяч. Полонский. Это подтверждали и оценки М. Горького, А. Серафимовича, М. Ольминского. Об этом же говорилось и на страницах журнала «30 дней»: «Успех его книг был огромный... Стало быть, широкий народный читатель его понял и полюбил...»

Перечитывая волнующие страницы романа, и сегодня не можешь не удивляться дару автора. Ведь, по сути, это первая крупная его вещь. На прочной документально-художественной основе писателю удалось воссоздать удивительно ценный образ человека изумительной храбрости, природного ума. В Чапаеве воплощен подлинно русский национальный характер. Удачей следует признать введение в ткань романа комиссара Федора Клычкова, позволившее Фурманову существенно расширить панораму видения сложной революционной действительности. Колоритная личность Василия Ивановича в этом случае получает новое освещение, как образ собирательный, типизированный.

Д. Фурманову блестяще удалось показать правду исторической личности. Объективное и субъективное здесь слились воедино. Не скрывая своего восхищения, автор рисует героя натурой страстной, увлекающейся, порой совершающей непростительные ошибки. И это, думается, придает особую достоверность характеру Василия Ивановича.

Жизнеутверждающая сила Чапаева в его связи с массой. «Попробовали бы разобрать, кто у них тут начальник, кто подчиненный! Даже намеков нет: обращение одинаково стильное, манеры одинаково резкие, речь самобытная, колоритная, насыщенная ядреной степной

простотой. Одна семья!» И вместе с тем отношение к командиру было «особенное». Поистине, «как бы вольно при Чапаеве ни держались, как бы ни шумели, ни ругались шестиэтажно: лишь соприкоснутся — картинка меняется вмиг. Так любили и так уважали».

В бою и быту он неотделим от революционной массы. Это ему удалось соединить людей для борьбы с врагом. Пусть тут еще много партизанщины, но есть у бойцов вера, что «если Чапаев с нами», то, значит, «беды не будет». Под воздействием Федора Клычкова он учится постигать законы революционной дисциплины, преодолевает дух анархии, партизанщины. «Все, решительно все прикидывал и выверял Чапаев, но и советовался с боевыми товарищами. Кутякова, Вихоря, Шмаина он просит высказывать свои соображения о предстоящем бое». А было время, он говорил: «Плюнуть и забыть. Теперь слушайте, что я стану приказывать». Мы видим, как в нелегкой борьбе с собой В. И. Чапаев становится подлинным руководителем масс.

Разумеется, постановщики фильма «Чапаев» С. и Г. Васильевы не могли пройти мимо опыта Д. А. Фурманова. Взяв за основу его книгу, они новаторски воплотили свое представление о человеке, рожденном революцией. Сотни встреч с чапаевцами, тысячи проб. Удачен был выбор талантливого артиста Б. А. Бабочкина на главную роль. «Я вырос в тех местах, где гремела слава Чапаева»,— вспоминал актер. Блестяще воплотить образ любимого народом героя ему помогли глубокое знание жизни, напряженная работа и большой талант. Образ Чапаева в исполнении Б. А. Бабочкина стал подлинной вершиной творчества этого мастера кино. Ему удалось воплотить сложный характер из народа, глубоко обобщенный и одновременно ярко индивидуальный. В. И. Чапаев предстал перед зрителями необычайно цельной личностью, с противоречиями в характере. Кинолента показывала динамику его личности...

Картину Васильевых смотрела вся страна. Она перешагнула рубежи нашего Отечества. Тиражированная многократно, она попадала в самые глухие уголки нашей страны и других континентов. Есть у Ю. Фучика строки о том, как смотрели «Чапаева» в далекой горной Киргизии. «Вечером, когда стемнело и на высоком небосклоне зажглись звезды... шестьдесят рабочих, их жены и дети расселись на земле и смотрели «Чапаева». На другой день киргизские чабаны согнали свои стада с окрестных гор и присоединились к зрителям. Неделю гостила кинопередвижка среди юрт, показывала все важнейшие фильмы, а «Чапаева» два раза — таково было общее требование».

Естественно, сегодня задаешься вопросом: чем берет за душу этот фильм? Причин тому немало. Это и новые принципы режиссуры, монтажа, построения мизансцен, нетрафаретное использование выразительных средств киноискусства. И все-таки главное, разумеется, творческий порыв режиссеров и актеров как можно ярче воссоздать облик людей героической эпохи. Картина захватывает с самого начала — с броского эпизода лихой тройки, несущейся прямо на зрителей. И до конца не отпускает ощущение, что и сам ты в этой чапаевской гуще. Прав М. Горький, который писал, что судьба героя — это главное, что рождает интерес к произведению: «С первой минуты зритель взволнован: кто победит? Чапаевцы с ясным соколом Василием Ивановичем во главе или черное воронье, возглавляемое белым полковником!»

Роман Д. Фурманова и фильм «Чапаев» заняли прочное место в нашей духовной жизни.

Н. МУРАДЫМОВ

АХ, МОДА, МОДА...

ДАВНО известно: любой наряд, даже самый красивый, если он выпущен массовым тиражом, теряет свою прелесть в глазах женщины. Женщине, конечно же, всегда хочется быть одетой и нестандартно, и неповторимо, и при этом модно. И тут представительницам прекрасного пола приходят на помощь творцы самых разнообразных нарядов — художники-модельеры.

У кого вы хотели бы одеваться? Если задать такой вопрос женщинам, одни назовут знаменитого Пьера Кардена, другие предпочтут не менее знаменитого Вячеслава Зайцева. И ничего удивительного в этом нет. Каждый из двух известных всему миру модельеров имеет свой, только ему присущий стиль. К тому же создаваемые ими модели «тиражируются» малыми сериями, а иные существуют вообще в единственном экземпляре.

Отдавая должное искусству и Кардена и Зайцева, я на вопрос: «У кого хотели бы одеваться?», отвечу категорически: «у Марии Саблиной».

Молодой художник-модельер Мария Саблина не имеет пока той громкой славы, которой окружены узаконенные короли Ее Величества Моды. Но ведь и Карден и Зайцев не сразу стали знаменитыми... Сегодня Саблина известна главным образом в узком кругу специалистов да тем немногим счастливцам, кому удалось приобрести ее модели в Художественном салоне.

Биография Марии Саблиной укладывается в несколько строк. Закончила Московскую среднюю художественную школу при институте имени В. И. Сурикова, затем — художественно-технологический факультет Московского технологического института. Дипломную работу делала под руководством Вячеслава Зайцева. Молодая выпускница оказалась не только талантливой, но и везучей. После института начала работать в только что созданном зайцевском Доме моды. У Зайцева Саблина, по ее признанию, прошла великолепную школу. Знания и опыт, которые она получила за восемь лет работы в Доме моды, позволили ей выработать свой стиль, свое творческое кредо.

Большое значение для нее имела поездка по линии ООН в Республику Афганистан: ей поручили создать эскизы костюмов для фольклорных ансамблей по персидским мотивам. Задание было интересным и ответственным. Мария работала с большим увлечением и создала оригинальные эскизы, отразившие в полной мере романтику Востока. Зарубежные специалисты,

познакомившись с ее работами, были просто ошеломлены: они не предполагали, что советские модельеры могут создать нечто подобное на мировом уровне... Ответственность молодого художника повышалась тем более, что фольклорные модели, созданные по ее эскизам, предназначались для продажи на международном рынке. Саблина с честью справилась с заданием.

НАРОДНОЕ искусство — это тот неисчерпаемый источник, к которому всегда обращается художник, черпая в нем новые для себя идеи.

Мария Саблина стремится дать фольклорной основе современную интерпретацию, не имитировать, а передать сущность народного костюма, это, если хотите, фантазия на тему фольклора.

— За годы учебы и поездок в этнографические экспедиции, за годы работы в Доме моды,— говорит Мария,— я поняла, что художник должен постоянно обращаться к фольклору. Есть сейчас фольклорный бум или нет его, неважно,— подспудно фольклорное начало всегда присутствует как форма, как ритмы или цветовые нагрузки. Фольклор дает возможность постоянно заимствовать декоративные, стилевые, формообразующие приемы.

Большинство моделей, создаваемых в Доме моды, идут, как правило, в коллекцию, а Мария Саблина хочет видеть

Художники-модельеры Мария Саблина (слева) и Юлия Андрианова обсуждают новый эскиз модели.

Эту модель Марии Саблиной увидят за океаном — в Канаде.

Эскизы моделей Марии Саблиной.

свои модели «в носке». Ее мечта — создать небольшой коллектив единомышленников, в котором все должно быть подчинено одной идее — идее творчества.

Сегодня гиганты легкой промышленности, обремененные валом и планом, к тому же крайне неповоротливые, не могут удовлетворить потребности покупателей в разнообразной и не массовой одежде. Впрочем, их ли это задача?

Реально помочь представительницам прекрасного пола обрести свой стиль, найти свою индивидуальность смогут лишь небольшие коллективы, способные перестраиваться в кратчайший срок. Пусть это будут фабрички, салоны, авторские ателье, над которыми не довлеют ГОСТы, нормы выработки, художественные советы — эти последние своими рекомендациями порой доводят новую разработку художника до такого состояния, что утвержденная модель не имеет ничего общего с первоначальным оригиналом.

— Художнику - модельеру недостаточно создать ту или иную оригинальную модель,— считает Мария Саблина,— надо, чтобы она гармонично вписывалась в среду обитания современного человека. И здесь, пожалуй, без тесного сотрудничества с дизайнерами не обойтись. Некоторое время тому назад в молодежной секции МОСХа существовал дизайн-театр, давший позже толчок к созданию Театра моды. До сих пор помню, какой большой интерес у зрителей вызвало наше театрализованное представление, в котором органично слились туалеты манекенщиц, мебель, приборы,— все было продумано до мелочей. Жаль, позже театр этот как-то заглох, может быть, у организаторов не хватило энтузиазма.

Мария Саблина создает весьма модные, но (при этом!) носимые вещи. Она считает, что надо найти особую идею-изюминку и воплотить ее в нескольких моделях — в пяти-шести вариантах, используя при этом разные ткани, другую отделку, иной цвет. И тогда женщине никогда не грозит встреча с «двойником»...

Быть элегантной — задача не из легких. Если вы, предположим, к вашему наряду «достали» подходящие туфли, смогли заказать соответствую-

щую шляпку, но не смогли подобрать сумку, считайте, что ваш имидж не состоялся. В планах Саблиной — облегчить участь и щ у щ и х. Она считает, что задача авторских салонов или ателье — одеть женщину с головы до ног. В таком салоне будут слиты воедино усилия модельеров по костюму, головным уборам, кожгалантерее, бижутерии, по ювелирным украшениям. Мечты, мечты, мечты...

Ну а пока молодой художник-модельер успешно использует свой талант в создании костюмов для фольклорных и эстрадных коллективов, а когда позволяет время — создает модные изделия для Художественного салона.

В ПОСЛЕДНИЕ годы за рубежом заметно усилился интерес к искусству советских модельеров. Не так давно итальянская фирма «Ла Риношенте» закупила у нас несколько эскизов моделей одежды. Проявляет интерес к сотрудничеству посредническая американская фирма «Александр». Русский стиль становится на Западе все популярней. Многие работы Саблиной заинтересовали специалистов Австрии и Австралии.

Все меняется в нашем быстротекущем мире. И хочется надеяться, что в недалеком будущем у нашей женщины появится возможность иметь собственного художника-модельера. Кому-то по душе придется стиль Людмилы Надточий, кто-то предпочтет модели Юлии Андриановой. Ну а мне, повторю, больше нравятся работы Марии Саблиной.

О. САНИНА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

БЛИЖЕ К ДЕЛУ! Движение «зеленых» против загрязнения окружающей среды охватило весь мир. Однако протест во многих случаях носит, так сказать, эмоциональный или публицистический характер. «А почему бы протестующим не выполнять какую-либо определенную работу!» — такой вопрос в чехословацком городе Нови Ичин задали себе молодые сторонники экологической стабильности. Так родилось движение по созданию биокордонов — зеленых насаждений на пустырях, вдоль дорог и на вырубках.

Были созданы бригады из школьников, студентов, молодых рабочих, которые минувшей весной высадили около 10 тысяч саженцев деревьев и кустов. Тем самым положено началу лесному поясу вокруг города — его зеленым легким.

Следующие из намеченных операций этих бригад — уборка мусора в старых лесопарках и проведение бесед среди населения по проблемам экологии. Разумеется, намечено не митинговать, а призывать широкие круги людей к активным действиям в защиту природы.

КОНСЕРВИРОВАННАЯ ЛИРИКА. Стихи молодой поэтессы из Гамбурга Састрид Фюрстенау не имели успеха ни в газетах, ни в журналах. Не могла она найти издателя и для отдельной книги.

Но у поэтессы оказался другой талант — упорство, помноженное на изобретательность. За собственные средства она напечатала тонкую брошюрку с 77 лирическими стихотворениями и оказалась потом даже в некотором барыше. Сборник был раскуплен очень быстро, ибо первые стихи продавались... внутри консервных банок с надписью «Про любовь».

К сожалению, отзывов литературных критиков о вкусе новых консервов поэтесса не дождалась.

«Придется придумать еще что-либо оригинальное»,— пообещала она и готовит к изданию второй сборник стихов.

КОГДА ЦВЕТУТ РОМАШКИ

— Ромашка-а-а-а! Ромашка-а-а-а! Ау!

Костя опрометью пустился перелеском, перескакивая через рытвины и канавы.

— Ромашка-а-а-а, где ты? — кричал мальчишка. И вмиг остановился.— Ты здесь...

И было непонятно: вопрос это или констатация факта.

— Я здесь,— нараспев прошептала Ромашка, откинув со лба пшеничные прядки волос. Девочка улыбнулась доверчиво. И Косте показалось, что в этот момент все вокруг заулыбалось: и поле, и лес, и такое ласковое солнышко. Ромашка медленно поднялась с корточек и сказала:

— Костя, вот оно какое, оказывается, настоящее земное чудо. Вот оно какое! — окинув взглядом серебристых глаз высокие сочные травы, восхищенно воскликнула девочка.— А я думала, что об этом только в книжках пишут.

Она упала в траву, вытянулась, блаженно сцепила за головой ладони и промолвила едва слышно:

— Хочу, чтобы было так всегда. Всегда! Ты слышишь? Вот это небо, вот это солнце, эти птицы, эта опушка...

Костя посмотрел в Ромашкины глаза и замер: вместо радости в них было недоумение, испуг, тревога.

—Знаешь, Костя, о чем я сейчас думаю? — девочка обернулась к удивленному Косте: — Я думаю о том, что вот сейчас мне очень радостно и одновременно грустно. А почему так? Почему?

Костя, недоуменно пожав плечами, растерянно произнес:

— Не знаю, Ромашка.

— А я знаю! Ты слышишь? Знаю! Мне кажется, я поняла это вчера. Ты читал когда-нибудь Бунина?

— Нет, мы его не проходили,—смущенно признался Костя. И, приободрившись, добавил:— А, кроме программы, я читаю только фантастику.

— А ты почитай. Я вчера вечером рылась в книжном шкафу и отыскала тоненькую книжечку. В ней было всего несколько рассказов. И я их прочитала на одном дыхании. Ты знаешь, мне кажется, что мне открылся целый мир, неведомый раньше, мир удивительный и бесконечный. И знаешь ли, я вдруг почувствовала, что становлюсь совсем иной, чем была прежде. Когда я читала их, мне хотелось радоваться и плакать одновременно. Ты не улыбайся, пожалуйста! Я, может быть, странно сейчас гово-

рю, но мне очень хочется рассказать тебе об этом. Там в одном рассказе девушка говорит, что женщина должна иметь легкое дыхание. Этот рассказ мне очень понравился, я даже плакала, когда дочитала до конца. Но только, знаешь ли, я не поняла, что значит иметь легкое дыхание?

Костя все это время настороженно прислушивался к Ромашкиным словам и все более удивлялся. Сегодня Ромашка действительно была другой. А когда она задала ему этот неожиданный вопрос, он окончательно смутился, но тут же вдруг выпалил:

— Это значит, это значит... Это значит, Ромашка,— обретая в себе решительность, помедлил он,— оно должно быть такое, как у тебя.— И совсем уже убежденно добавил: — У тебя, Ромашка, самое легкое дыхание!

От неожиданного Костиного ответа девочка приоткрыла свои пухлые губки, уставилась на Костю так, словно никогда его не видела, быстро-быстро заморгала своими длинными черными ресницами, странно сочетающимися со светло-русыми прядями волос, о чем-то на мгновение задумалась, вскочила, оставив после себя островок помятой травы, и опрометью кинулась через ромашковую луговину, да так быстро, что ошарашенный Костя не сразу сообразил, почему вдруг Ромашкины голые пятки в открытых сандалетах сверкают уже далеко впереди. Опомнившись, мальчишка ринулся за ней, а в голове будто молоточками отстукивали всего два слова:

«Легкое дыхание, легкое дыхание, легкое дыхание...»

О. РУСЕЦКАЯ

ПАНОРАМА

КТО ВИНОВАТ! В Малайзии принят новый закон, направленный против нарушения супружеской верности женами. Судя по всему, законодатели нашли серьезный повод к принятию этой государственной меры. В печати эта новость широко обсуждалась и была одобрена. Не вызвал возражений высокий уровень денежных штрафов и сроков принудительных работ. Отмечено и то, что закон не обошелся без житейской мудрости.

Суть нового постановления состоит в следующем. Уличенная в неверности первый раз жена прощается, а всю финансовую ответственность за ее проступок несет любовник. Во второй раз заключение с привлечением к тяжелой работе грозит женщине, а вот ее третий проступок целиком падает на ответственность мужа. В ее постоянной ветрености признается виновником он сам, как плохой наставник.

ГДЕ ЖЕ ЛОГИКА! Национальный законодательный совет Филиппин принял декрет, запрещающий курить в общественных местах. Уже к исходу первой недели его действия к властям Манилы поступил отчаянный протест от... директоров тюрем!

Теперь за курение на стадионах, в кинотеатрах и кафе полагается от пяти до семи дней заключения. Филиппинцы, особенно молодые, не были подготовлены к крутому постановлению. И все тюрьмы быстро переполнились. Не помогает даже снижение срока до трех дней. Журналистам удалось посетить камеру, где вместо четырех человек содержится дюжина студентов. Молодые люди заявили, что строгий закон принят, а реклама сигарет продолжается. На многих улицах красуются плакаты с лихими ковбоями, курящими модные сигареты. Популярные артисты дымят на экранах телевизоров. Более того, в телевизионные репортажи попадают законодатели с сигаретами, трубками, сигарами. Где же логика! Разве экран телевизора — не общественное место!

Модель, созданная Марией Саблиной (репортаж «Ах, мода, мода...» читайте на стр. 153). Фото А. ГЕОРГИЕВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Вадим ЦЕКОВ

В СХВАТКЕ

Окончание. Начало на стр. 29.

— Да, постарайся, Олег Матвеевич!.. С Тулуповым, земля ему пухом, у вас вроде все удалось... Должно получиться и здесь. А вообще готовьтесь к более серьезным делам. По сравнению с которыми Родин, Тулуп и детишки — это мелочь. Займись основательнее боевиками Тенгиза. Вооружение, экипировка и удовлетворение всех их потребностей за тобой тоже!

— Все будет сделано, Нина Самойловна!

— Мы расстаемся. Скоро встретимся. Тебя оповестят.

— Понял.

Шестопал быстро идет к своим «Жигулям»-восьмерке. Нина Самойловна переходит дорогу, поднимает руку и пытается поймать машину.

СЕРЫЙ «МОСКВИЧ»-фургон с Ниной Самойловной, свернув на Петровский бульвар и проследовав по улицам и переулкам старой Москвы, по Садовому кольцу, устремляется в сторону Зубовской площади. На улице Чайковского, перед тем как нырнуть под Калининский проспект, водитель фургона, бросив взгляд на американское посольство, говорит:

— Как еду мимо этого здания, всегда думаю: чего им нужно?.. Большой дом в центре Москвы, на хорошем месте... Хотя по их отношению к нам надо было загнать за Можай... Вчера соседи хоронили Лешку — афганца. На американской ловушке попался. Мина в виде книги... Открыл, а она и ахнула!.. Знают, сволочи, на чем нас

ловить: на книгах, детских игрушках, глобусах, готовальнях... Нет бы в открытом бою! Посмотрел бы я на этих зарвавшихся скотов... А Лешка ж ведь был парень! Никогда даже мухи не обидел... Комсомолец, активист... Все говорил: «Мы за мир!.. За дружбу!» А они ему книжку с бомбой, и душа в рай!..

Нина Самойловна, кивая головой под монотонный речитатив водителя, про себя изрекает:

«Быдло ты, быдло!.. Крути свою баранку и загибайся на бесконечном пути строительства коммунизма! И Лешкам твоим туда же дорога, пропади они пропадом!..»

— А вы серьезная женщина! — продолжает водитель. — И чувствуется, энергичная!.. Из таких хорошие руководители-хозяева получаются. Может, и вы какой-нибудь кооператив открыли? Сейчас все открывают, кто пошустрее! И название кооператива, видно, вам под стать, красивое?

Нина Самойловна загадочно улыбается и думает: «Да, красивое! Партия новых идей!»

— А что? — восклицает водитель. — Разгадал я вас? Правда?

«Вот зараза такая!.. — бросив взгляд на водителя, думает Нина Самойловна. — Сшибает в рабочее время трояки на бутылку... Вроде у него и идейности на ломаный грош, а смотри как... Ведь жизнь же положит за коммунистов!..»

Миновав магазин «Руслан», фургон ныряет в переулок, ведущий к Плющихе, и въезжает во двор большого дома.

Нина Самойловна входит в подъезд и поднимается на лифте к квартире Григоренко. На ее звонок дверь открывает сам поэт.

— Я на минуту, Валентин! — говорит Нина Самойловна. — Позвони Бликину: пусть устроит вернисаж для узкого круга. Список приглашаемых от его имени завезет Милашевич.

— Я сделаю все как нужно. Но, Ниночка!.. На тебе лица нет... Что случилось?

— Случилось серьезное... Об этом будет отдельный разговор. С этим связана смерть Александра Федоровича...

— Как, он умер?

— Да, трагически. Сейчас не надо... Для нас, для всех в настоящее время большую опасность представляет Корнев. Не исключено, что фельетон «Верхом на демокра-

тии», где речь идет и о тебе, всего лишь — эпизод... Верхушка айсберга из того, что он знает о нас и нашей организации. Корнева нужно душить! И душить немедленно! В переносном смысле, конечно. И если это можно назвать казнью, то эта казнь должна быть гражданской. Твоя роль тут будет не последней. Подумай, кого еще можно подключить. И, конечно, втемную! Не забудь выпады Корнева против твоего усопшего друга поэта-барда... А ведь нам удалось повернуть общественное мнение к его персоне. Теперь же толпу его почитателей надо направить на этого фантомаса от журналистики.

— Ниночка, успокойся... Ты же знаешь, для тебя я сделаю все!

— Валечка! Не для меня. А для нас, для всех, для наших идей!

— Давно усек, Ниночка!

— И еще один вопрос, не связанный с предстоящей встречей у Бликина... Но этот вопрос архиважен. Даже, можно сказать, на сегодня он носит программный характер. С кондачка к нему не подступайся. Все тщательно обдумай и взвесь. В то же время не тяни. Хорошо яичко к Христову дню. Я изложу несколько аспектов... Ну, ты мальчик умный, сам додумай... Появятся и другие... Стержнем твоей деятельности должно стать разоблачение сталинизма. Темы и вариации должны быть такими, чтобы затемнить весь их путь до пятидесятых годов. Все были великомучениками... Бездумное стадо баранов. Лишь бы клок травы, остальное — до лампочки. Грязь, кругом грязь!.. А первыми жертвами должны значиться наши люди. Подай идею, другие назовут имена... Неплохо бы подключить в компанию окраины. Пусть свара разрастается, вспыхивает черным огнем. Вспомни крымских татар, немцев Поволжья и других, кто там попал в темницы? Кроме того, обрати внимание читателей на попытку отдельных ревнителей своей расы возрождать славянское самосознание. Клейми новоявленных русофилов, обвиняй в шовинизме, антисемитизме. Поступай всегда осмысленно, тонко... Чтобы не сразу разобрались, о чем речь... Чего надумали: вернуть старым московским улицам прежние названия?.. Не допустим этого!.. Пусть больше будет улиц Парковых. Высоковольтных ...и меньше Охотных рядов, Остоженок, Солянок, Варварок, Маросеек... А вести дело к тому, чтобы внушить этому быдлу мысли только о животе... главное, что пожрать и где по-

спать... Внушить простолюдину мысль о безысходности, беспросветности и обреченности этого строя. И когда эти «гегемоны» созреют и поймут, что дальше идти некуда, мы подскажем им дорогу. Ухватил?.. Ты всегда был умница!.. А теперь просьба к тебе, как к поэту... У нас сейчас есть возможность заполучить в свое распоряжение еще один популярный журнал. Главного редактора надо взять с периферии... Нужен человек, который не был бы сильно засвечен в нашей борьбе. И вообще надо использовать перестройку для того, чтобы открыть дверь новым людям.

— У меня сколько угодно вариантов! — восклицает Григоренко. — Могу предложить из Ленинграда, Харькова, Риги, Омска, Одессы...

— Да, да! — соглашается Нина Самойловна и, подумав, добавляет: — Разведай на Украине. Там, кажется, твой переводчик...

— Курай?!

— Да-да, Курай. Он самый.

— Какой он переводчик! Обыкновенная ханыга. Он мне с каждого рубля полтинник должен...

— Вот именно, Курай!.. Не мелочись, Валюша. Учти, с этого дня теперь ты ему будешь должен. С рубля — полтинничек.

— Да я... Я десяток таких могу дать, что слова никто не скажет. Каждый картинка — заглядение. На Нобелевскую премию двигать можно...

— Все, Валя! Кончаем обсуждать. Значит, переговоры с Кураем берешь на себя. Выезжаешь завтра.

— Это что, приказ? В наши дела уже вмешиваются?

— Я всегда удивлялась, почему ваши поэты так глупы и примитивны. Аргентина приказов не дает. Запомни это. Аргентина — советует. А вот докладывать о выполнении будем через Канаду. Тут ты все правильно понял, Валечка! Адью! Встретимся после твоего возвращения... С Кураем. Все-таки я хочу прощупать его хоть немного... До встречи!..

Нина Самойловна направляется, но вдруг останавливается и вновь обращается к Григоренко:

— И еще, Валечка... Чуть не забыла!.. Меня к тебе подвез один «гегемон»-левак... Правда, надо отдать ему должное — патриот. Это качество, между прочим, характерно для быдла... Он навеял мысли... Ты отредактируй... Я выскажусь тезисно. Поищи, дружок, среди своих дра-

матургов-мастеров историко-революционной тематики... И пусть они быстренько нацарапают пьеску-другую, лейтмотивом которых должны пройти, как минимум, две идеи. Одна: большевики умыкнули власть в семнадцатом году только потому, что их вожди менее щепетильны в средствах оболванивания массы и более изощренны в лозунгах, которыми они оперативно и решительно затыкали рот Ивановым, Сидоровым, Петровым... «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Мир — народам!..» И вторая идея. В результате этой свары под названием «революция» на арену выпущен Хам.

— Нина Самойловна, вы, наверное, имеете в виду «наш любимый народ»?

— Да.

— Мы подумаем, Нина Самойловна, как это упаковать композиционно.

— Сейчас можно собрать на сцене всех вместе: вождей красных и вождей белых... И социалистов, и меньшевиков с эсерами и кадетами... Можно добавить депутатов Думы, подбросить туда международных шпионов... Ну и чекистов для расправы.

Григоренко уже морщился: не много ли за один заезд? Попытался возразить.

— Не подставим под удар критики наших драматургов? Начнут улюлюкать, мол, в жизни такого не было. К примеру, Александр Федорович Керенский, скажем, о Бухарине не слышал...

— Успокойся, дружок! Нас — легион! Дружно ответим: это искусство! А творец имеет право на вымысел, на полет фантазии... Дерзай. Будь здоров! Я побежала...

МИЛАШЕВИЧ встречает Нину Самойловну в магазине «Союзпечать» у Центрального Дома туристов.

— Мой муж ушел в небытие, — печально сообщает Нина Самойловна. — Ситуация складывается непростая. Нужно ее осмыслить и обсудить... Есть одна просьба. Сделай так, чтоб в случае расследования пожара на нашей даче следователь бы оказался из наших...

— Понял, Нина Самойловна!

— Теперь главное... Бликин устраивает вернисаж и приглашает «семейный круг». Записывай: Шестопал, Григоренко, Цутарьян, Пупко, Уткин, Носков, Норов...

— Норов — из правового?

— Да.

— Хорошо. Свяжусь.

— Щербаненко.

— Не знаю такого.

— Это доктор наук, философ... С ним приду я.

— Нина Самойловна, дипломатов не позовем на этот раз?

— Ни в коем случае! Ситуация — в пору ложиться на грунт. Не то опричники из «Детского мира» рассекут нас вмиг!

— А столпов правосудия?

— Тоже не беспокой! Возьмешь их на себя. Детали обговорим. Уткин, Пекунов и прочие в Москве?

— Если надо, будут в Москве. Было бы ради чего. При серьезной обстановке пешек я никогда не подключаю. Задействуем резерв. А ученый мир?.. Героев космоса?.. Журналистов и т. п.? Приглашать?

— Нет, нет! Только тех, кого назвала. В общем, нужен «семейный круг»... Кстати говоря, тебе надо поменять амплуа. И как можно быстрее! Свое банное хозяйство на юге передай надежному человеку. А сам перебирайся сюда. В бассейне у Парка культуры, где я иногда бываю с приятельницей, образовалась вакансия. Удержать ее долго не смогу. Не морщись, дорогой. Черноморье от тебя не уйдет! Но в данный момент ты нужнее здесь с должностью директора бассейна у Москвы-реки...

— А хозяин салона в курсе?

— Знает, знает! — улыбается Нина Самойловна. — А если не знает, то узнает... За полчаса до нашего появления.

— Программа ясна!.. Но мне хотелось бы детальней обсудить мое перемещение в Москву. Как быть с Шестопалом? Помимо известной южной точки, я еще записан в «Заре» в качестве его зама.

Слегка вскинув брови, Нина Самойловна изрекла:

— Похоже, «Заря» прикажет долго жить. Берите курс на Москву!.. А сейчас нам надо обсудить более важные заботы. Тебе, наверное, известно: до самой смерти Казарновский, помимо других дел, являлся казначеем Партии Новых Идей. Сам понимаешь, нам не безразлично, кто будет осуществлять эту функцию теперь. Тем более что есть серьезное опасение: этот фантомас Корнев что-то пронюхал о нас и, возможно, начнет рыть землю, чтобы добраться до корней... Но мы еще поборемся с нахалом.

Об этом пойдет разговор у Бликина. Теперь о казначействе! У меня две кандидатуры для обсуждения: Норов и Пупко. Оба прошли Норильск. Оба испытали на себе ужасы сталинизма, закалились, нашли дорогу к нам. Если Норов лишь обосновал старательство с юридической точки зрения, то Пупко нашел этой идее воплощение. Пупко возвращает нас в золотой век.

— Нина Самойловна, я согласен с вашей оценкой ситуации. И все же лучше передать кассу Норову. Пупко занимает слишком большой государственный пост. Он немало сделал для того, чтобы обескровить экономику страны, однако корабль, хоть и с сильным креном, все еще на плаву. А хорош он будет лишь тогда, когда пойдет ко дну. И никто уже его не поднимет! Норов нами явно недогружен. Сбор средств ему вполне по силам.

— Пожалуй, на нем и остановимся. А с документами в Вену пошлем, пожалуй, Носкова... Пусть осваивается с новой ролью.

ХИМКИ. У института культуры останавливаются «Жигули». За рулем Шестопал. Рядом — Зоя.

— Ну, и как у тебя с Корневым? — закуривая, говорит Шестопал. — Встречалась?

— Не могу поймать... Звоню-звоню в редакцию — все мимо!

— За тобой заехать?

— Не надо. Возьму тачку...

САЛОН квартиры-мастерской художника Бликина. Входят Милашевич и Носков.

— Знакомься, Илюша! — говорит Милашевич. — Это Эдик. Из популярнейшего ныне еженедельника. Звезда печати, телевидения, радио... В глобальнокосмическом масштабе! Спроси Эдика: может, он тебе скажет, когда его все-таки закинут на околоземную орбиту друзья-академики и космонавты? На рекламу для них поработал отменно! Пора бы им оглянуться на своих друзей!

— Рад! — произносит Бликин, пожимая руку Носкова. — Присаживайтесь! Наша встреча могла бы не состояться, если бы ты, Сережа, позвонил чуть позже. Я уже намыливался ехать на Кропоткинскую... Но поездка отменена. Я к вашим услугам!

— Твоя «Русь» готова? — спрашивает Милашевич Бликина, бросая взгляд на вход в мастерскую.

— Готова! Можешь взглянуть...

— Вот и повод собраться нам всем! — говорит Милашевич, направляясь в мастерскую.

— Ну что ж: вернисаж так вернисаж!

— Кстати, — Милашевич остановился у дверей, — у тебя там есть телефон? Надо бы срочно позвонить...

— За ширмой, Сережа!

Бликин вручает Носкову сверток в плотной бумаге:

— Вот это надо передать!

— Извини, — произносит Носков, принимая сверток, — но я привык знать, что везу...

— Изволь. Цель этой работы в раскрытии смысла жизни как таковой. Современная наука и марксистско-ленинская философия не дают ответа на извечный вопрос человечества. А мы проливаем свет на эту проблему. Поэтому я считаю сей труд Новой Библией. Мы вручим людям новую веру, озарим их сознание новым светом, вооружим их новыми идеями. Но предстоит тяжелая и жестокая борьба со старыми взглядами на природу человека. Мы должны прежде всего покончить с коммунистической заразой. Она как раковая опухоль поразила невежественные народы. Ведь сам Маркс признавал, что проанализировал только небольшой отрезок человеческой истории, и поэтому вся его теория псевдонаучна. Он же сам не знал, как развивались общественные отношения за тысячи лет до нашей эры. Идея коммунизма остается призрачной, а значит, нереальной. Не было и не может быть равенства между людьми. Каждому заранее предопределено место на Земле. Интеллектуалы должны заниматься умственным трудом, военные — сражаться, коммерсанты — торговать, ремесленники — производить, крестьяне — кормить своих ближних, а слуги — обеспечивать удобства.

— Но ведь так можно прийти и к евгенике, а этой теории симпатизировал Гитлер! — прервал рассуждения новоявленного творца Носков.

— Гитлеру не откажешь в прозорливости! — нашелся Бликин. — Он первый увидел опасность коммунизма. Однако избрал не тот путь. Вообще говоря, он слишком рано появился на свет. Его время наступает лишь сейчас... Неважно, как обозначить теорию. Если евгеника вписывается в мою систему, я за евгенику!

— И все же, что главное в этом труде?

— Эдмунд Бэрк говорил как-то: изложение содержа-

ния книги дает не более верное представление о ней, чем скелет умершей красавицы о ее внешности при жизни. Постараюсь ответить. Главное в нашем учении— объяснение причин тупика, в котором оказался социализм — детище Ленина. Так вот, небезызвестный вам Шестопал на практике доказывает то, к чему мы призываем с академиком Цутарьяном. Его артели — наш полигон!.. После прихода к власти такие люди, как Олег Матвеевич, окажутся способными возглавить экономику обновленного государства.

Откровениям Бликина помешал возвратившийся из мастерской Милашевич.

— Бликин, не берусь судить о Репине, но Глазунова ты, по-моему, переплюнул!.. Полотно захватывает напрочь. Там у тебя истинная Русь! Там русскими пахнет!

— Спасибо, Сережа!.. Надеюсь, скоро проветрим помещение! Иностранцы уже прицениваются... А мы вот вспомнили об Олеге Матвеевиче Шестопале...

— Да — это голова! — подхватил Милашевич. — И мошна в придачу! Может, покрепче Рокфеллера! А душа какая широкая. Всяк, кто пригодится, — получи... Разумеется, из наших. Дружина Шестопала пашет не только в диких степях Забайкалья... На ниве искусства, радио, телевидения... Чего стоил покойный бард со своей Эдит!.. Так что, Эдуард, знал бы о размахе нашего шефа твой собрат по перу, Корнев, призадумался бы: против какой силищи идет?

Бликин, бросив взгляд на сверток, сказал Носкову:

— А это дело не терпит! Компаньоны оттуда подстегивают, волнуются... Адресок — внутри.

— Надежность должна быть на уровне ста одного процента, — напомнил новоявленному курьеру Милашевич.

РЕДАКЦИОННЫЙ БУФЕТ. За столом — Корнев и Матвеев.

— Заезжал к Уткину, — говорит Корнев. — Еще одна аудиенция по поводу розыска Плинтуса. Но вопрос не о нем... Уткин обронил фразу относительно Александра Федоровича... Якобы все идет к тому, говорит он, что Тулупов самоубийца...

— Чушь какая-то! — восклицает Матвеев. — Впрочем, от этого Уткина чего можно ждать! Над всеми, кто с ним соприкасается или к кому прикасается, нависает

дамоклов меч. Кстати, Валерий Иванович, ты над этим задумайся...

— Брось, Женя! Дай спокойно поесть. Воспоминания об Уткине не способствуют пищеварению.

К столу стремительно подходит Игнатюк:

— Извините... Наконец-то разыскал вас... Приятного аппетита!.. Можно мне присесть с вами? Я относительно иска Шестопала в суд против газеты. Думаю, что хоть я и отстранен от дел, все же смогу быть полезен в качестве свидетеля на судебном процессе. Материалы знаю. Действующие лица уже набили оскомину. Мое участие в процессе должно произвести впечатление не только на судей, но и на Пекунова, Коровина, Шестопала...

— Это по-партийному... — говорит Матвеев.

— Я теперь беспартийный, — глухо роняет Игнатюк.

— Тогда честно, по-товарищески... Тем более, вы знаете все слабости нашей позиции. В основном из-за моей юридической бестолковости...

— Брось себя казнить, Женя! — прерывает Матвеева Корнев. — Правда все равно должна восторжествовать! Ты же видишь... Тем более мы не одни...

ФРУНЗЕНСКАЯ набережная Москвы-реки. Большой кирпичный дом. Облокотившись на гранитный выступ набережной, напротив подъезда, где квартира Носкова, скучает Гундос. Увидев приближающегося журналиста со свертком, Гундос быстро подходит к нему. Взяв Носкова под руку, идет с ним вдоль парапета.

— Эдик, сколько Корневу причитается за опус, изданный у вас? — спрашивает Гундос.

— Не меньше двух тысяч...

— Очень хорошо!.. Тебе надо попросить взаймы у Корнева один кусок!.. Затем свяжись с Уткиным. Он все объяснит. С Олегом Матвеевичем согласовано.

— Есть осложнения... Недавно в сибирской газете я тиснул материальчик, для Корнева неприятный, по золотым делам... Ну да ладно... Я думаю, получится!..

НИНА САМОЙЛОВНА и Курай сидят в кооперативном кафе «НИЛ», что на улице Готвальда в Москве.

— И все же, уважаемая Нина Самойловна, все же... Для чего я вам нужен? — спрашивает Курай.

Нина Самойловна приветливо улыбается, покачивая головой, она — вся внимание.

— Я, безусловно, понимаю общую нашу задачу, цель. Но я — какой-никакой, а писатель, и мне надо точно знать сверхзадачу, чтобы быть свободным в выборе средств и методов. Достаточно свободным...

— Разумеется, вы здесь не затем, чтобы переводить стишки Григоренко. Работы будет столько, что маэстро забудет о собственных стихах. — Она слегка польстила ему.

— Тогда...

— Малышка, какой ты нетерпеливый!.. — Она положила свою ладонь на его чуть подрагивающие пальцы, прижимая их к столу. — Объявишь свою маленькую гражданскую войну... С тебя этого ой как будет достаточно.

— Нина Самойловна, в республике есть люди, которые обещают мне успех на выборах...

— Это наши люди. Но баллотироваться по Киеву вы не должны. Мы найдем вам для депутатства гарантированное местечко.

— Ну что ж, — пошутил Курай, — в Верховном Совете я согласен быть даже местечковым депутатом.

— Как знать!.. — мечтательно улыбнулась Нина Самойловна. — Через несколько лет я хотела бы видеть вас депутатом Европейского парламента. Потом лучшим редактором мира. Потом — все остальное...

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. Из здания редакции выходят Матвеев и Корнев, продолжая разговор.

— Порой у меня появляется такое ощущение, Женя, — говорит Корнев, — что все эти события порождены не отдельными энтузиастами зла, а объединены неким замыслом и профессионально скоординированы...

— Ты просто подустал, Валерий. Работаешь на износ, не отдыхаешь...

— Да нет, Евгений! Ты же сам просматриваешь здесь логику сцепления одного с другим. На нас с тобой давят, Димку убили... Тулуп, Казарновский... Не выходят из памяти сумбурные откровенья о какой-то подпольной организации... Но это же сказал не мальчишка, играющий в братья-разбойники?

— Не усугубляй, Валерий! В черную полосу заступили. Рано или поздно выкарабкаемся. За нами все честные люди.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день утром. Салон квартиры-мастерской Бликина. Из двери, ведущей в мастерскую, оживленно разговаривая, выходят Пупко, Шестопал, Норов, Цутарьян, Милашевич, Носков, Бликин, Григоренко.

— Ну что, милый Бликин! — восклицает Цутарьян. — Это откровенье!.. Какое неожиданное композиционное решение! Как мастерски переданы экспрессия истины, обусловленность страсти! Тебе удалось схватить предкульминационный момент. Короче, всеобщая энтропия духа!

— Я потрясен! — твердит Цутарьяну Пупко, стоя у окна... — Жаль, что напрочь забыл, что такое энтропия... Мне ближе другие, более понятные вещи: золото, кимберлитовая трубка.

— Без сомнения, полотно будет экспонироваться в Лувре! — доносится из глубины мастерской. Все узнают голос Носкова. — Такие произведения появляются раз в триста лет! Вы, сударь, вдохновили меня на немедленные действия! Беру на себя обязательства сделать так, чтобы об этом шедевре современной живописи узнали повсюду. И, как учит диалектика, от чувственного восприятия вашего шедевра все благородные ценители искусства должны прийти к пониманию идей, заложенных в нем. Картина зовет к действию. Мы должны помочь людям выйти из мрака неизвестности.

— Шумите, витийствуйте, друзья, — подал голос все время молчавший Шестопал. — Однако прошу не забывать, первый разглядел искру гениальности у нашего кумира ваш покорный слуга!

— Браво, Олег Матвеевич, — тут же выкрикнул Носков.

Бликин поулыбался, откашлялся и, потирая руки, заявил:

— Теперь я признаюсь, господа, что послужило импульсом к созданию «Руси»!

— Мысли великих... занимательны! — тут же прокомментировал его слова Цутарьян.

Бликин извлек из бокового кармана пиджака зелененькую книжку, раскрыл ее и хриплым голосом, с подвыванием, как истинные эстрадники, пропел:

Стану завтра я красивым
вроде синего огня, —
чтобы гадина-Россия
засмотрелась на меня...

Стану завтра я красивым,
изгибаясь и моля:
— Подойди ко мне, Россия, —
толстогубая моя!

Чтоб, рыдая от удачи,
на последнее «не трожь»...
под сосок ее горячий
до упора вдвинуть нож.

— Кредо! — обобщил дальше Цутарьян. — Кто выдал?

— К его счастью, автор далеко отсюда и в безопасности, — объяснил Бликин. — А познакомил меня с сим гениальным поэтическим творением сей муж!

Живописец указал пальцем на Валентина.

— Автор стихотворения, — скромно заявил Григоренко, — мой ученик. К сожалению, разошлись судьбы.

— Не сказал бы, не сказал бы, — возразили из толпы, обступившей устроителя вернисажа.

— Наши кооператоры издали? — спрашивает Цутарьян, протягивая к сборничку руку.

— Возможно, переиздадут! А честь открытия принадлежит...

Цутарьян уже завладел забавной книжицей, заглянул на заглавную страницу:

— «Скопус». Антология поэзии и прозы. Библиотека — Алия. 1979 год. Молодцы израильтяне!..

— Позволю себе заметить, — вставляет Носков, — что наши товарищи-единомышленники здесь, на местах, тоже без дела не сидят... Мотя Сатановский, например, придумал изумительный анекдот о результативности нынешней перестройки. И анекдот этот под смех и аплодисменты зрителей звучит уже с арены цирка на проспекте Вернадского... Сам слышал!

— Ну-ка, ну-ка? — восклицает Шестопал.

— Раньше, говорит конферансье, — продолжает Носков, — люди работали: тя-ап... ля-ап... А теперь, при перестройке, работают с ускорением: тяп-ляп-тяп-ляп-тяп-ляп...

— Ничего не скажешь, остроумно! — хохочет Цутарьян.

— Мотя Сатановский выдал на-гора и такую вещицу... — продолжает Носков. — На одно из предприятий прибыла авторитетная комиссия на предмет выяснения того, как перестраиваются руководящие кадры... Спраши-

вают директора: сколько, мол, будет дважды два? Директор, не задумываясь: «Двадцать!» Члены комиссии в недоумении переглянулись. Директор понял, что слишком загнул, и тут же уточнил: «Десять!» Члены комиссии опять переглянулись... «Пять!» — уверенно произнес директор. «Ну, это уж слишком близко к правде!..» — осуждающе проговорил председатель комиссии.

— Тонкая бестия! — сказал по адресу дежурного фельетониста в официозе Цутарьян. — Надо при случае кое-кому вверху пересказать этот анекдот... Вообще говоря, таких намеков и полунамеков в шутливой форме надо побольше в ход пускать!..

— А что касается формы, — вставляет Бликин, — художественных приемов, использованных в моей «Руси», то здесь, как вы обратили внимание, много шагаловского.

Все прошли в небольшую комнату, где был накрыт стол.

— Любезные братья, — Милашевич похлопал в ладоши, когда гости сели, — поговорим о Корневе. О его нейтрализации! Жду ваших предложений.

— Мое мнение однозначно! — заявляет Норов. — Надо посильнее ударить по Корневу — и все в редакции разбегутся. Все погрязли в «самоварах», «капустниках» — болтовне... Один главный там еще пока шебуршится. Да два-три несдающихся возле Корнева...

— А почему ты так пренебрежительно о главном? — спрашивает Милашевич. — Шебуршится, барахтается... Противника надо уважать. Из-за легковесной оценки сил другой стороны многие битвы проигрывались...

— Но и переоценивать нельзя! — заспорил Норов. — Это деморализует... Есть неплохой анекдот. Я слышал его в виде тоста... Одним правителем был объявлен конкурс на самый оригинальный подарок. И победителем оказался тот, кто в очень необычной форме показал и активность правителя, и безликость его окружения.

— Давай, Норов, выкладывай! — поторопил оратора Шестопал.

— Тост без бокала вина не произносится! Но коль Олег Матвеевич просит, сделаем исключение... В качестве подарка правителю внесли большое блюдо с горой вареных красных раков, от которых шел пар... Но самое интересное, что раки шевелились как живые. Правитель был вне себя от восторга! После трапезы, улучив момент,

он поинтересовался: «Как это удалось заставить вареных шевелиться?» Ему открыли секрет... Внутри кучи вареных раков был посажен живой, энергичные движения которого передавались вареным собратьям... Тост звучит так: «Выпьем же за повелителя, который своей энергией заставляет шевелиться даже самых вареных своих подданных!»

Все смеются.

— А применительно к нашей компании, — продолжает Норов, — тост можно перефразировать так: «Подымем же бокалы за достойнейшего Милашевича, стараниями которого мы оказались здесь, у нашего дорогого Бликина!»

Милашевич выломился из застолья с протестом:

— Объектом тоста меня выбрали зря, — нестрого заметил он. — Живой рак больше напоминает Корнева. И по энергии, и по хватке... А вареные больше похожи на твою, Норов, кондейку — под названием «заочный правовой институт»...

— Позволили себе быть несправедливым к кузнице юридических кадров! — деланно обижается Норов.

— Шучу, шучу! — успокаивает Милашевич. — Но все же какой будет ваш вклад, уважаемый ректор, в благородное дело блокировки Корнева?

— В вузе, —с готовностью объясняет Норов, — мы затаскаем Корнева по мелочовке...

— Со своей стороны, — произносит Пупко, — я гарантирую, что министерство направит в газету и в директивные органы аргументированное опровержение фельетона «Верхом на демократии» с убедительным доказательством несостоятельности этого выступления. Нападки на старателей подрывают основу валютного цеха... Это я без всякой натяжки...

— По своей епархии, — вступает в разговор Цутарьян, — я выдам справку с конкретными цифрами. И переговорю с коллегами из Госплана и Комитета по науке, чтобы они сделали то же самое... Вы знаете, я только что из Европы. Там, между прочим, обратили внимание на фельетон. С большим трудом, однако, удалось переубедить коллег не ввязываться в полемику насчет добычи золота в Союзе, поскольку лишние разговоры и вообще лишнее внимание к проблемам нашего бюджета...

— Что касается меня, — объявил Носков, — в контакте с прокуратурой готовлю мероприятие, чтобы Кор-

нев предстал перед широкой общественностью обыкновенным взяткодателем... Со всеми последствиями...

— А что скажет представитель изящной словесности? — обращается Милашевич к Григоренко.

— У меня персональное задание от Нины Самойловны, — парировал поэт.

— Пардон! — быстро отступил Милашевич. — Больше вопросов нет.

— Я хочу проинформировать, — говорит Шестопал, — что на предстоящих судебных разбирательствах по нашему иску против газеты все необходимое предусмотрено. Надеяться редакции не на что. Иск мы выиграем. Ситуацию я вполне контролирую, хотя это стоит денег.

— У меня еще два слова!.. — поправляя галстук на огромном животе, произносит Цутарьян. —Я, конечно, согласен с использованием по отношению к Корневу метода «либерального террора»... Но делать это надо профессионально, не вызывать ненужной реакции... Стратегически важно не допустить консолидацию, не породить в толпе протеста чересчур грубыми действиями.

— Важны идейные приманки! — вставляет свое слово живописец, отложив вилку, обмахнув бороду салфеткой. — Люди пойдут за нами, если поймут, что мы зовем к достатку в каждой семье... Самая надежная власть — это власть кошелька в собственном кармане. В опоре на толпу мы сомнем другую сторону, находящуюся у власти. Задача эта облегчается сама собою, если противник заразится либерализмом, демократией, гласностью и ради этого поступится своей мощью. Тут-то и должно сработать торжество нашей мысли: распущенные бразды правления тотчас же по закону бытия подхватываются новой рукой. А куда править, мы знаем.

— Значит, перестройка нам на руку? — лукаво улыбнулся, взглянув на Бликина, Шестопал.

— Вы шутите, мой дорогой! — восклицает живописец. — Конечно же, нет! Дай-то еще бог овладеть ситуацией! Придя к власти, мы сами перестроим что нам надо. На развалинах нынешнего строя создадим новую аристократию — денежную. Администраторы же, избираемые нами из публики в зависимости от их рабских способностей, не будут лицами, приготовленными для управления. И потому они легко сделаются пешками в нашей игре, в руках наших ученых и гениальных советчиков, специа-

листов, воспитанных с раннего детства для управления миром.

— Как близки мы к цели нашего движения? — поинтересовался Григоренко.

— Сегодня могу сообщить, друзья мои, — продолжал в том же тоне Бликин, — что цель уже в нескольких шагах от нас! Подготовлены арены, на которых вот-вот разыграются смуты... Еще немного, и беспорядки появятся сначала на окраинах, затем перекинутся в центр... Злоупотребления же властью должностных лиц окончательно подготовят все учреждения к падению, и все полетит вверх ногами под воздействием стихии толпы. Мы должны призывать совершенствовать социализм, максимально используя демократические элементы капитализма, свободное предпринимательство, что всегда привлекает людей.

— Все это так! — подтвердил слова живописца внимательно слушавший Цутарьян. — Лозунг старый, но работающий безотказно: «Чем хуже — тем лучше!» Ущербность экономики объективно работает на нас и отталкивает массы от существующего режима. Придя к власти, мы аргументированно свалим всю ответственность за развал хозяйственного механизма на низвергнутых правителей и полностью вычеркнем их из народной памяти... Но сейчас по-прежнему надо делать все возможное, чтобы в экономике процветала чехарда... Электроэнергия из Прибалтики перекачивалась в Сибирь, а оттуда навстречу неслись бесконечные поезда с углем и нефтью для прибалтийских электростанций. Чтобы строились ненужные металлургические комбинаты в регионах, где нет никакого сырья... Чтобы памятники бесхозяйственности поглощали остатки скудных средств... Короче, пусть семидесятилетняя кляча в последний раз рванет в гору к лучезарной конюшне — коммунизму, окончательно надорвется и позорно сдохнет. То есть, уважаемый герр Бликин, финал будет таким же, как и в вашем шедевре, который мы имели счастье только что лицезреть!..

— Весьма лестное сопоставление! — произнес Бликин, склонив голову в сторону говорящего.

— Кто выскажется о вожаках будущего общества, — подбросил вопросик Пупко.

— Нам надо способствовать, — первым заговорил вошедший во вкус наставничества Бликин, — выдвижению на руководящие должности людей, у которых в прошлом

есть какое-нибудь не раскрытое темное дело. Они будут верными исполнителями наших предписаний из боязни разоблачений и из свойственного всякому человеку, достигшему власти, стремления удержать за собой привилегии. Мы вычеркнем из памяти людей все факты прежних веков, которые нам нежелательны, оставив из них только те, которые подчеркивают заблуждение наших предтеч.

Входит Нина Самойловна с Щербаненко. Поздоровавшись с компанией кивком головы, направляется в мастерскую хозяина дома. Бликин тут же прекращает застольную беседу и идет к ним. Остальные сопровождают даму почтительным взглядом.

У двери в мастерскую Норов оттирает Щербаненко плечом.

— Пардон! Извольте взнос!

— Со мной четыре тысячи, — виновато говорит Щербаненко, доставая сверток из кармана и вручая казначею. — Еще тысячу доставлю завтра...

— Надеюсь, вы представляете, какие блага сулит вам вступление в наш союз?

— Да. Но я хотел бы спросить...

— О чем?

— Рад бы узнать: кто есть кто из присутствующих?

— О, я вижу вам надо побыстрее осваиваться в новой роли. Если, конечно, вы не такой простак, каким прикидываетесь.

— Нет, я серьезно! И при чем здесь «простак»? Меня оскорбляет это слово в применении к человеку. Да и бесцеремонность... Может, я тоже хочу взглянуть на шедевр. А вы, извините, действуете плечом.

— Советую вам не переносить сомнительные стереотипы философского мышления на новую почву.

— Ну хорошо! А что мне здесь позволительно?

— Пока только слушаться и исполнять.

Из мастерской выходит Нина Самойловна. Вслед за ней — остальные.

— А теперь, Илюша, я пройду с Милашевичем и Шестопалом в твой кабинет. Ты же занимайся гостями...

Щербаненко так и остался стоять у порога.

В РОСКОШНОМ кабинете Бликина сидят Нина Самойловна, Милашевич и Шестопал.

— Ну вот, «малый Совнарком», считай, что в сборе! — объявила, чему-то радуясь, Нина Самойловна. — Если не возражаете, я сразу к делу. Сегодня закончила работу правительственная комиссия по публикации Корнева. Не исключено, что будет специальное постановление на сей счет. А пока вот вам копия справки госкомиссии. Размножьте ее и проработайте во всех наших звеньях... Там много чего сказано!.. Даже то, что Шестопал не воевал и что его фамилия — краденая. Вот так, — дама по-кошачьи фыркнула. Пупко свистнул и произнес:

— Н-да!

— Слушайте выводы, — продолжала шефским голосом дама. — Необходимо усилить контакт с западными средствами массовой информации и соотнести их выступления с нашими. Не исключено: сведения о нашей организации могли просочиться и стать достоянием властей. По предварительным данным, чем-либо компрометирующим нас они не располагают. Но могут напасть на след... Итак, никакого самиздата, никаких автографов нашей деятельности... До особого распоряжения. Разве что наш друг Григоренко законспирирован надежно.

— Да, — обрадовался Шестопал. — Валентин поможет мне выйти с передачей на телеэкран. Все подготовлено.

— А я и не говорила, что мы должны прекратить всякую деятельность. Легальные каналы остаются. В том числе — телевидение.

— Хотел похвалиться, — вполголоса сказал, не сводя глаз с дамы-шефа, — а заодно получить одобрение: вполне оправдала себя акция, связанная с антиалкогольной кампанией. Наши «медоносные фабрики» переключены на производство коньячного спирта. Чистый доход исчисляется миллионами.

— Браво, Олег Матвеевич! Не упускайте инициативы. Можно сверлить дырочки в пиджаке под ротшильдовскую медаль...

— Нина Самойловна, вы — гениальная женщина! — восклицает Милашевич, откидываясь в кресле. — Ясность мысли, четкость формулировок... И все это при вашей обаятельности!.. Вам, как будущей императрице, недостает своего Малюты Скуратова! И если бы позволили...

— Позволяю, Сереженька! — тут же откликнулась Нина Самойловна и повела глазом на Шестопала. — Держитесь готового премьер-министра. Придет время,

Олежек в Малюты произведет! А пока твой фронт — культура. Главные битвы разворачиваются здесь. Если угодно, будь Скуратовым на этом поприще! — жестко заканчивает разговор с Милашевичем дама.

Однако новоявленный министр успел спросить мать-настоятельницу, пока она переключалась на разговор с Шестопалом.

— Извините... Ваше мнение о музее Высоцкого?

— Славы ему — сколько угодно! Лишь бы не Шаляпину, Исаковскому там... и кому другому, из ихних.

Шестопал с привычной для него практичностью делового человека отгородил широкой спиной Милашевича от наставницы. Ему явно мозолил глаза торчащий у входа Щербаненко.

— А с этим как?

— Сначала — на побегушках... А когда приучите брать пищу с рук, можно давать задание и посерьезнее, — рассудила Нина Самойловна. — А вообще лучше не разрушать сложившейся вокруг Щербаненко структуры. Помогите ему войти в состав Высшей аттестационной комиссии.

— Да. У меня есть кое-какие задумки насчет его.

— Используйте Щербаненко как хотите. Но при одном условии. Это не должно помешать ему войти в состав Высшей аттестационной комиссии и решать там перспективные задачи по формированию нашего интеллектуального потенциала. Чтобы ни одна диссертация без контроля не проходила!

— Нина Самойловна! — говорит Милашевич. — Я, как министр культуры, предлагаю провести подготовку к изъятию и уничтожению исторических ценностей народа — архивов, библиотек, картинных галерей, царских дворцов и тому подобное. Пора перерубить и последние корни, связывающие с прошлым! Но сделать это надо не так расхлябанно, как это получилось у наших предшественников. За полвека они не смогли даже развалить жалкие церквушки!

— Браво, министр культуры! — восклицает Нина Самойловна. — Это уже действительно в духе Малюты Скуратова!.. Не забудь, голубчик, про Михайловское и Ясную Поляну...

В ХОЛЛЕ редакции Носков подходит к сидящим за столиком Корневу и Лене.

— Имею честь!.. — обращается к ним Носков. — Надеюсь, вы все государственные проблемы обсуждаете? Или молодежь перенимает поучительный опыт?

— Извините, Валерий Иванович, — говорит Лена, беря со стола папку. — Я учту замечания и позвоню вам, если вы разрешите...

— Мне ваш диплом нравится! — заключает Корнев. — Узнайте на кафедре, кто будет рецензентом.

Лена уходит. Носков присаживается к столу.

В КАБИНЕТ Матвеева входит Анатолий.

— Ой, что делается!.. Рядом, в холле, с нашим Корневым чуть не лобызается небезызвестный пресс-атташе златодобытчиков... сибарит Носков!

— Брось фантазировать!

— Неужели это и есть жизнь во всем многообразии ее проявлений? Я думал, Корнев даже разговаривать с ним не будет, не то что рядом сидеть. Руку подал!..

— А ты что имеешь против Носкова?

— Я просто знаю, как он у нас в подворотне валялся. Он же алкаш бывший. Да у нас говорили, что он из «гадюшника» и от «безрукого» не вылезал.

— Откуда, откуда?

— «Гадюшник» в Столешниках, на углу, в подвале. А «безрукий» в Кривоколенном раньше был. Теперь закрыт... Пивко да водочка... Кто-то же его подобрал, отмыл...

— Старичок, — усмехнулся одобрительно Матвеев, — а у тебя хватка есть! Глаз цепкий...

В ГОСТИНОЙ Нины Самойловны сидит Уткин.

— Нина Самойловна, — говорит он, — мне нужно соблюсти формальность и допросить вас по уголовному делу, возбужденному по факту гибели вашего покойного мужа.

— Я подпишу нужные протоколы.

— Самоубийство Тулупова мною доказано. Вопросов у прокуратуры нет.

— Хорошо. А что может знать, на ваш взгляд, Корнев по делам Тулупова и Казарновского?

— С Казарновским я на минуту оставил их наедине... За это время при всем желании нельзя было сказать что-то серьезное. Ну а знал бы он что-то о вашем супруге,

наверняка стал бы уточнять, спрашивать... Я бы это почувствовал. Причин для беспокойства не вижу. У меня есть нюх, поверьте...

В КАБИНЕТ Матвеева входит Корнев.

— Секретничаешь с Носковым? — спрашивает Матвеев.

— Да вот, заявился...

— С чем?

— Денег просит!

— Денег?..

— Узнал о гонораре за книжку, мол, ты богат, поздравляю, не одолжишь ли?

— Вот так номер!..

— Мне кажется, это какая-то приманка. Хотя логичнее было бы, если он сам предложил мне взаймы...

— Но и так бывает: поиздержится человек, а ты его сразу на мушку.

— Да, если не верить людям, скоро сами себя бояться будем.

Посмотрев на часы, Матвеев включает телевизор. На экране Носков берет интервью у Пупко.

— Скажите, — спрашивает Носков, — как вы относитесь к расхожим слухам, что золотодобывающая артель в состоянии утаить часть добычи, обмануть государство. Или это все предания старины глубокой?..

— Сегодня такое исключено! — важно отвечает Пупко. — Такого не может быть, потому что просто не может быть!

— Вот так, — продолжает Носков. — Я верю, что заместитель министра знает, о чем говорит. Хотя несколько дней тому назад один из ответственных работников сказал мне: «Ну что же, мы коммунизм артелями теперь будем строить?» А почему бы и не артелями?.. Только надо дать по рукам тем, кто в печати пытается дискредитировать труд артельщиков: золотодобытчиков. У них адски трудная работа и, естественно, высокие заработки.

— Труд золотодобытчиков, — вставляет Пупко, — достоин высокой поэтизации...

— Именно! — соглашается Носков. — Поэтизации, а не легкомысленного или завистливого фельетонного зубоскальства...

— И ты этому подонку дашь взаймы! — восклицает Матвеев.

— А что?! Если золотодобытчики его не обласкали, то он хоть и дурак, но честный парень!..

— ...Можно с полной уверенностью сказать, — продолжал с экрана телевизора Носков, — что золотодобывающие артели обогнали время... Ведь мы только сейчас переводим промышленность на полный хозрасчет, самофинансирование... Не проще ли расширить, сделать всеобщим достоянием опыт старательской работы?..

Телефонный звонок. Матвеев берет трубку:

— Да, смотрим... Хорошо. После передачи — сразу к вам...

— Главный? — спрашивает Корнев. Матвеев кивает.

— Слушаю вас, Петр Данилович, — все еще звучит с экрана телевизора голос Носкова, обращенный к Пупко, — и вырисовывается емкий образ идеального хозрасчетного предприятия. Именно то, к чему мы должны стремиться сегодня, в период революционной перестройки...

— Как модель — да! — подтверждает Пупко.

У ВХОДА в народный суд Шестопал останавливает Игнатюка:

— Вот видишь, ты против меня... Пытался упечь в каталажку!.. А мне достаточно было только пальцем шевельнуть, и ты превратился из старшего следователя по особо важным делам в нарушителя соцзаконности, демократии... Ты пошел против нашей перестройки! И теперь идешь... Имей в виду, я готовлю показания, какими недозволенными методами ты выбивал нужные тебе признания из Милашевича и меня... Сначала это прозвучит по радио, по телевидению, пройдет в газетах, журналах, а потом окажется в суде... Так что подумай, в чью пользу будешь свидетельствовать!..

Игнатюк с презрением смотрит на Шестопала и решительно входит в здание суда.

В КАБИНЕТЕ Матвеева по телефону говорит Корнев:

— Это сведения точные?.. И когда я получу подтверждающие документы?.. Прекрасно!.. Встретимся в редакции...

Входит Матвеев с версткой в руке:

— Вот твой фельетон, его ставят в номер. Посмотри!

— Уникальная информация — по прямому проводу! — улыбаясь, говорит Корнев, беря полосу. — Наш современный экономический оракул и поборник радикальной перестройки хозяйственного механизма, иначе говоря, доморощенный Адам Смит — академик Цутарьян, оказывается, начинал карьеру в шестопаловской артели на Колыме... Куплен с потрохами...

— Не может этого быть!

— Завтра поступят документы!

В КАБИНЕТЕ главного редактора газеты — Нина Самойловна. На ней изысканная шляпка с коротенькой черной вуалью.

— Еще раз примите мои самые искренние соболезнования... — говорит Кулешов.

Опечаленная вдова скорбно склоняет голову.

— Извините, — произносит она. — Не совсем удобно... и все же, нельзя ли еще оформить какую-либо материальную помощь?

— Изыщем! Сейчас позову председателя профкома.

— Мне хотелось бы отвлечься, забыться... — Нина Самойловна подносит платочек к глазам. — Я готова уехать куда угодно на время. В любую здравницу... Сейчас очень тяжело... И ничего, если путевка будет не соцстраховская, а за полную стоимость... Только не в «Планерное»!.. Там много знакомых покойного Александра Федоровича по работе.

Входит Корнев с версткой в руке.

— Прошу извинить! — говорит он. — Кирилл Антонович, я внес правку. Завизируйте, пожалуйста!

Корнев кладет верстку перед главным редактором. Нина Самойловна мельком прочитывает заголовок: «О чем умолчал замминистра Пупко?..»

ИЗ ПОДЪЕЗДА редакции выходит Матвеев. К нему приближается Гундос в элегантном сером костюме.

— Евгений Власович, я представляю службу... — произносит Гундос и показывает удостоверение.

— Слушаю вас!

— Извините, вас тут многие знают... Поэтому, если не возражаете, сядем в машину и проедем куда-нибудь в

сторонку... Может быть, в парк стадиона «Динамо»... Я вас отвлеку ненадолго.

Садясь в машину, Гундос поднимает трубку радиотелефона:

— Передайте Иванову: пусть совещание перенесет на час позже. Но чтобы все явились обязательно!

В КАБИНЕТЕ Матвеева Корнев разговаривает по телефону с Носковым.

— Я вас очень прошу! — слышен голос Носкова. — В бухгалтерии выплачивают гонорар...

— Хорошо.

Входит Матвеев.

— Любопытная только что встреча была! — восторженно говорит он.

— С кем?

— С одним службистом... Он прежде всего сообщил мне, что ему поручено обеспечить нашу с тобой безопасность... Весьма информирован, предупредителен... Интересовался нашими отношениями с прокуратурой, Министерством внутренних дел... Детально расспрашивал о том, какими мы располагаем дополнительными материалами о золотодобывающих артелях, собираемся ли еще выступать и какие у нас источники информации... Несколько раз заводил речь об убийствах среди старателей, спрашивал, знаем ли мы что-нибудь об организаторах и исполнителях. Допытывался, кто из прокуратуры и МВД мешает нам. В общем, произвел впечатление.

— Ну что ж... — улыбается Корнев. — Это неплохо, что кто-то еще заботится о нас, кроме главного редактора!

— Он меня несколько раз предупредил: на эту тему нигде, ни с кем не распространяться...

— А меня все теребит Носков!

— Все о деньгах?

— Именно.

КАЛИНИНСКИЙ проспект. В магазине «Юпитер» Носков рассматривает красочную фотовитрину. К нему подходит Пупко:

— Здравствуй, Эдуард!

— День добрый! — говорит Носков. — Это большая удача. Не придется подыматься на шестнадцатый этаж. Не терплю скоростных лифтов...

Приподняв левой рукой «атташе-кейс», Пупко продолжает:

— Здесь все, о чем мы говорили и в удобном виде для использования. Вечером, как водится, позвоните, чтобы я был спокоен.

КОРНЕВ и Матвеев выходят из здания редакции.

— Пойдем, я встречусь на минутку с Носковым... — говорит Корнев. — Он должен меня ждать в сквере. И сразу — в столовую.

— И сколько ты Носкову даешь?

— Сколько просит — столько и получит.

— О!.. — вполголоса восклицает Матвеев. — Посмотри вон влево! В машине тот службист...

— Ничего себе «службист»! — бледнеет Корнев. — Это же шестопаловский прихвостень — Гундос!

— Гундос? — в крайней степени растерянности переспрашивает Матвеев. — Да ты что?..

— Ладно! — обрывает Корнев. — Не падай в обморок! Потом поговорим...

Корнев и Матвеев пересекают дорогу и входят в сквер. Со скамейки поднимается Носков и, улыбаясь, идет им навстречу.

Корнев достает конверт из бокового кармана пиджака и передает Носкову.

В одно мгновенье их окружают несколько мужчин в штатском.

— Вы задержаны! — резко говорит один из них, обращаясь к Корневу и Носкову, показывая удостоверение и забрав конверт у Носкова.

— На каком основании? — спокойно спрашивает Корнев.

— За передачу взятки.

— Какой?

— А вот этой! — восклицает старший группы захвата, вскрывает конверт, извлекает бумагу и... смотрит недоуменно. — Что это?.. Квитанция о перечисленном гонораре? — читает: — «В Детский фонд имени Ленина»...

— В какой-то мере... — усмехается Корнев.

— Извините... — растерянно лепечет руководитель группы. — Извините великодушно! Произошло недоразумение. Нас неправильно информировали...

— Не стоит, — произносит Корнев. — И на старуху бывает проруха.

Потрясенный Матвеев стоит не шелохнувшись.

В КАБИНЕТЕ Уткина сидит Носков.

— Значит, Корнев нас обошел... — произносит Уткин.

— Как видите...

— Говорят, еще одна книжка выходит в вашей редакции?

— Стоит в плане.

— Ну ладно... Хоть по мелочам досадим ему. Зам. главного редактора еженедельника по-прежнему Жабин?

— Он.

— Наберите его номер!

— Он сейчас дома. Как обычно, придуривается больным...

— Набирайте домашний...

Носков пододвигает к себе телефон, набирает номер и передает трубку Уткину.

— Владимир Гургенович? — говорит Уткин.

— Да-а!.. Он самый... — звучит слащавый голос Жабина. — Слушаю!

— Как говорят у нас в Белоруссии, вы уже пять лет, как должны быть на пенсии...

— Кто это говорит?

— Немного информированный о ваших проделках — сотрудник прокуратуры. Помните уголовное дело, которое было прикрыто в печальный для нашей страны застойный период?.. Так вот есть мнение восстановить социальную справедливость...

— Что вам надо от меня? — изменившимся голосом спрашивает Жабин.

— Для начала не печатать Корнева. И пока можете спать спокойно...

У СТОЙКИ бара беседует Матвеев и Щербаненко.

— Женя, не сочти меня назойливым. Я тебя настоятельно прошу: поговори с Валерием... Вы с ним близкие друзья. Контакт полный... Нас, однокашников, осталось чуть... Димка погиб...

— Но чем, чем я могу помочь?

— После корневского фельетона о нашем институте легкой промышленности ректор отложил представление меня на звание профессора...

— И какова моя роль в этом может быть?

— Поговори с Валерием!.. Достаточно одного его звонка ректору.

— Костя! Ты действительно потерял ощущение реальности. Ты просишь меня нагнуть Корнева. Насколько я знаю его, этого никому не удавалось. А к тому же я не убежден, что должен это делать.

ПАМЯТНИК А. Н. Островскому у Малого театра. На автостоянку, ближе к ЦУМу, подъезжает на такси Эдит. Минуту спустя у самого памятника припарковывается машина с желтым номером. К машине подходит Носков. Открывает дверцу автомашины и садится рядом с водителем. Через боковое стекло видно, как Носков раскрывает свой «атташе-кейс» и передает папку сидящему за рулем мужчине. Тот быстро прячет ее между сиденьями. Затем достает из внутреннего кармана пиджака запечатанный конверт и отдает Носкову.

В этот момент перед машиной застывает, взвизгнув тормозами, «Волга», лишив ее возможности тронуться с места.

Откуда-то появившийся молодой человек с видеокамерой снимает происходящее.

С двух сторон к «Жигулям» быстро подходит группа крепких мужчин. Открываются дверцы и слышен голос:

— Господин Айхенбаум?.. Гражданин Носков?.. Прошу предъявить документы! Следуйте за мной. Захватите вещички. Все, все возьмите! И то, что между спинками.

Айхенбаума и Носкова подводят к стоящим рядом двум автомашинам. Каждый из них усаживается на заднее сиденье вместе с сопровождающими.

Кавалькада быстро набирает скорость и скрывается за углом Малого театра. И только тогда Эдит выходит из такси и направляется к телефону-автомату у ЦУМа.

КОРНЕВ в кабинете Жабина.

— Продолжение вашего опуса печатать не будем... — говорит Жабин, пряча глаза.

— Что же произошло? — спрашивает Корнев. — Что изменилось за короткое время? От вас был звонок: «Засылаем в набор!..»

— Собирался... Да передумал... У вас в материале порой теряется чувство меры. Узнаваемость персонажей доходит до неприличия... Ну, вот Пекунов... Ну, скажите,

скажите, кого имеете в виду?.. И не врите мне, не виляйте!.. Я-то знаю кого!..

— Если знаете, к чему этот разговор?

— Так вы и меня ненароком вставите в рассказ или басню.

Корнев пожимает плечами.

— Вот видите!.. Буквочку в фамилии смените и готов персонаж...

— Можно сменить и две...

— Ко всему, в вашем сочинении нету темы... Пропала стержневая мысль! О чем пишете? Главный герой — уже куда-то исчез... На смену пришли другие, это не для нашего издания... Решение редколлегии... Со всеми посоветовался.

— Долго пришлось советоваться? — Корнев уже открыто иронизирует.

— Долго — недолго, решение принято. Вместо вашего опуса заслали другую рукопись, чтобы не сорвать график. Как говорит ваш большой друг из Белоруссии: кому попадья, а кому попова дочка!.. Не вешайте носа, дружочек! Авось другая рукопись получится лучше. А сейчас на прощанье анекдотец. Остроумнейший! Пальчики оближете!.. Польский пан решил жениться... Подобрал себе юную панянку и устроил пышное застолье. А к полуночи новобрачные отправились в опочивальню...

— Извините, уважаемый Владимир Гургенович, — вставая, говорит Корнев, — я не могу доставить себе удовольствие еще раз выслушать ваш замечательный рассказ. Ждут дела!

Корнев берет рукопись и уходит.

— Голубчик, ну что же вы так? — привстав, взывает ему вслед Жабин. — Мы же с вами всегда так хорошо расставались.

ПУПКО и Шестопал сидят за столиком в «Арагви». Почти опустошена бутылка коньяка. Беспрерывно курят.

— Олег, черт возьми, ты сам понимаешь... — взволнованно говорит Пупко... — Носков долго не продержится... Его чуть прижми, и он потечет...

— Я все выяснил. Пока подходов никаких. Брала его не прокуратура, а контора глубокого бурения. И потому ситуация с Носковым не такая, как с Казарновским... Здесь все намного опаснее для нас...

— Олег, думай, думай! Речь, сам понимаешь, не о портфеле, не о кресле...

— Знаю, Петр! — перебивает Шестопал. — Ставка — наши головы!

Пупко берет бутылку, наливает себе и тянется к рюмке Шестопала.

— Мне не надо! — говорит Шестопал и смотрит на часы. — Сегодня мне полагается быть в форме...

ЛЕНА в кабинете зам. главного редактора еженедельника Жабина.

— Ну, что я вам скажу, сударушка! — слащаво произносит он. — Как говаривал ваш большой друг из Белоруссии, вы не без искры... Вот ваш диплом и рецензия. Я поставил «отлично».

— Спасибо! — произносит Лена.

— Хотя, доложу вам, милочка вы моя, далеко не все, о чем вы глаголите в своем дипломном манускрипте, может быть принято на веру. В отдельных местах просто фантазируете!..

— Например?

— Ну, вот вы утверждаете, что настоящий фельетонист, отправляясь по заданию редакции на юг в разгар курортного сезона, не станет обременять себя командировочными... Где такое встречали, голубушка? Этажом выше — популярный журнал с претензиями на сатиру и сомнительный юмор. Так вот, любой из известных мне его сотрудников не только сполна выгребает командировочные, но и не откажет себе в удовольствии поощрить себя за счет критикуемых. Оставляя обобранным надежду, что не все потеряно... Да и корреспондента какой газеты или журнала можно вытащить в период командировки из-под пальмы и оторвать от ласкового теплого моря?

— Такой настоящий фельетонист — Корнев!

— Вы его, пардон, фетишируете!

— Нисколько. Какие еще замечания?

— Теперь о принципе «одного дня». С вечера, мол, приехал — следующим вечером уехал... Да сплошь и рядом неделями сидят спецкоры, а материала так и не осилят. Не все так просто в этом мире, душечка! Таких журналистов нет потому, что быть не может.

— Таков журналист Корнев! И принцип «одного дня» в его привычке.

— А какой наш журналист захочет жить и действовать по предлагаемому вами алгоритму: одно выступление идет в номер, другое — готовится, еще несколько заданий в работе? Увольте, матушка! Это же что-то противоестественное! Творческая личность не выдержит такого режима и месяц!

— В этом режиме Корнев живет годы.

— Да вы никак влюблены в Валерия Ивановича, прелестница! — похотливо взирая на Лену, хихикает Жабин и перебирает пухлыми пальчиками пуговицы на животе.

— Мне можно идти? — спрашивает девушка.

— Ласточка моя, послушайте-ка анекдотец. Преизряднейший!.. Польский пан решил жениться... Подобрал он себе, значит, юную панянку и устроил пышное застолье. А к полуночи, весталочка моя, новобрачные отправились... Пардон, пардон! Дальше не для вас!.. — задыхаясь от смеха, с трудом произносит Жабин.

— Извините, — с достоинством говорит Лена и, взяв папку с дипломом, направляется к выходу.

— А моя рецензия? — кричит ей вслед Жабин. — Вы же не получили отзыв!

БАССЕЙН на набережной Москвы-реки. В комнату отдыха при сауне входит в халате Милашевич. За ним одетый в костюм-тройку Цутарьян.

— По Носкову я использовал практически все свои возможности... И пока ничего! — встревоженно говорит Цутарьян на ходу. — Боюсь, что моя активность в этом направлении не останется незамеченной.

— Как действовать дальше, получишь указание!

Врывается взъерошенный Бликин:

— Ну как?.. Ну что?

— Никаких подробностей... — отвечает Милашевич.

— Какой прокол! Это провал!.. Моя рукопись!.. Я как предчувствовал...

В КАБИНЕТЕ Кулешова — помощник министра.

— Я выполняю поручение министра. Вот его письмо, в котором полностью поддерживается своевременность и правильность выступления газеты. В отношении же замминистра Пупко начато служебное расследование.

ПЛОЩАДЬ Маяковского. Перед красным светофором тормозит Шестопал. Рядом останавливаются «Жигули» Игнатюка.

Шестопал замечает Игнатюка, резко опускает стекло на правой дверце и кричит с издевкой:

— Ну, так чья взяла, отставник без пенсии?

— Преждевременно торжествуете, артельщик!.. Впереди городской суд!

Машина Игнатюка рывком выходит вперед.

МАТВЕЕВ приходит домой к Корневу.

— Можно? — смущенно спрашивает Матвеев с порога.

— Можно.

— Да я не надолго...

— Пусть не надолго, заходи.

— Я перестаю понимать иногда, что происходит вокруг. Хочу жить достойно, с пользой для общества, а пробую действовать — не получается... Чего-то недопонимаю?..

Матвеев достает из портфеля бутылку вина.

— Ты же не пьешь! — удивляется Корнев.

— Прости. Давай разберемся... Пойми меня, я уже больше не могу держать в себе... Встреча со «служивым» — Гундосом меня окончательно выбила!.

НОМЕР 340 в гостинице «Бега». Гундос, положив телефонную трубку, плюхается в кресло, несколько минут молчит, раскачиваясь взад-вперед.

— Надо принимать решение!.. Что мы имеем? Носков завалился... Я связан с ним напрямую... Шестопал под колпаком, как минимум... Пупко на прицеле.. Да, другого выхода нет. Надо мотать!.. — Гундос резко встает. — Да, пора в бега из «Бегов»!

КОРНЕВ и Матвеев у главного редактора газеты.

— Вышло постановление правительства по старательским артелям, — говорит Кулешов. — Ставим в номер. В этом же номере дадим и официальный ответ министра...

ГОСТИНИЦА «Москва». В номер люкс Зоя вводит пьяного Шестопала.

— Олежек, ты совсем не держишься на ногах!

— Я? Никогда!. — Шестопал резко выпрямляется, отстраняясь от Зои, и заваливается на тахту.

— Ну вот и прекрасно!.. Отдохни... Отдохни, родненький!.. Ты много выпил и устал.

— Я не ус-та-ал! — отмахивается Шестопал.

— Мне лучше видно... Устал, мой дорогой!

— Ничего ты не знаешь!

— Ну ладно, ладно... Ничего!

— Что ты видишь? Что ты можешь знать?.. Думаешь, кто я? — произносит Шестопал, глядя в потолок.

— Знаю, милый! Ты — Шестопал Олег Матвеевич. На юге у тебя есть жена... Есть и сын — будущий журналист...

— Правильно, девонька! И про жену... И про сына... И что он будет журналистом.. Если не станет наркоманом. А про меня ты ничего не знаешь!.. Если б знала, кто есть я на самом деле... — Шестопал вздыхает и в изнеможении закрывает глаза.

Недоумевающая Зоя смотрит на него. Таким загадочным Олега Матвеевича она еще не видела.

АЭРОПОРТ Шереметьево-2. Взволнованная Эдит стоит перед сержантом-пограничником, внимательно изучающим ее документы.

«Неужели им стало известно, что я здесь под чужим именем? — бьет набатом навязчивая мысль. — Опознают и задержат!..»

Еще немного, и все может закончиться обмороком: ноги ватные, в ушах противный тоннельный гул, руки немеют... Не хватает воздуха. На лбу Эдит предательская испарина...

Из оцепенения ее выводит голос пограничника:

— Извините, мадам, как правильно ваше имя?

— Сюзанна Беккер, — отвечает Эдит в соответствии с записями в предъявленном ею документе.

— Счастливого полета, госпожа Беккер!

И когда документы в руках, радоваться уже нет сил.

...Войдя в салон самолета, Эдит в изнеможении опускается в кресло.

КОРИДОР редакции. Навстречу Корневу и Матвееву идет непривычно серьезный Анатолий.

— Ну что там новенького, любезный сэр, в мире анекдотов? — улыбаясь, спрашивает Корнев Анатолия.

— Какие там анекдоты! — парирует Анатолий. — Тут я такое услышал!.. Носкова арестовали, с поличным взяли... Ну и подонком же оказался!..

Подходит Лена:

— Валерий Иванович, вас к телефону! Какая-то студентка из института культуры...

— Наверное, та, что уже не раз звонила! — замечает Матвеев.

К КОЛХОЗНОЙ площади подъезжает на такси Нина Самойловна. Встречается с Григоренко. Что-то ему быстро говорит...

— Подробности при встрече! — лаконично заключает Нина Самойловна. — Время и место сообщит Милашевич.

Затем Нина Самойловна берет другую машину и едет по Садовому кольцу. У памятника Лермонтову короткий разговор с Милашевичем...

— Помимо того, что я тебе сказала, — жестко замечает Нина Самойловна, — все организационные моменты за тобой!

Взяв следующую автомашину, Нина Самойловна подъезжает к Курскому вокзалу. Там ее ждет Шестопал.

— Нина Самойловна, — говорит он, — у меня предложение: едем ко мне в ЖСК «Лебедь». Там поговорим без помех...

— Только быстрее!

РОСКОШНО отделанный зал при сауне бассейна у Москвы-реки. Изысканно сервированные столы. Среди приглашенных писателей, журналистов, ученых, космонавтов, зарубежных дипломатов — Нина Самойловна, Милашевич, Григоренко, Шестопал, Норов, Бликин, Уткин, Пупко, Щербаненко, Курай.

— Да, да! — восклицает Норов, улыбаясь своему собеседнику — западногерманскому фирмачу. — Вы правы. При хорошей отделке свиная кожа не уступает бычьей!..

— О, дорогой! — хохочет Нина Самойловна, спокойно глядя на космонавта со Звездой на груди. — Если вы меня очень любите, то у вас есть огромная возможность любить меня весьма очень!

— А кто это? — кивая в сторону Курая, спрашивает Пупко у Григоренко.

— Никто.

— Как — никто?

— Пока никто... Но будет.

— Не премьер, надеюсь?

— Бери выше. Он создаст крышу, которая обеспечит нашу безопасность.

— Ей-богу, не понял.

— Чудак! Он просто легализует наши идеи, нашу деятельность.

Кажется, никто из окружающих не заметил этого короткого обмена репликами, лишь Нина Самойловна беспокойно взглянула несколько раз на Григоренко, и он прикусил язык. Курай, не смущаясь, обнимая гостей, потягивал сквозь зубы виски «Белая лошадь».

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что там в Кремле новенького! — громко говорит Милашевич и включает японский телевизор.

На огромном экране панорама зала заседаний. На трибуне главный редактор газеты Кирилл Антонович Кулешов:

— Очевидно, многие знакомы с упомянутым здесь фельетоном о старательских золотодобывающих артелях, который был опубликован в нашей газете. Я прошу поручить изучение фактов, приведенных в публикации, Комитету партийного контроля при ЦК КПСС и Генеральному прокурору СССР.

Оторвав глаза от экрана, Нина Самойловна пристальным взглядом обводит присутствующих и останавливается на взмокшем лице Щербаненко. Тот нервно смотрит на часы.

— Профессор, вы рано смотрите на часы. Еще далеко не вечер! — твердо говорит Нина Самойловна и обращается ко всем еще громче: — Да, да, уважаемые! Еще не вечер! Вы что думаете: это бой, это схватка? Нет, это еще увертюра к схватке. Это лишь прелюдия. Пролог к настоящей схватке!

— Да, еще не вечер, достопочтеннейшая Нина Самойловна! Ваше здоровье! — Шестопал поднимает бокал и направляется к Нине Самойловне.

Звенят бокалы.

●

Йордан МИЛЕВ

БОГАТСТВО

* * *

На середине жизненной дороги,
одной ногою во вчерашнем дне,
другой...
То вечности приметы!
А итоги
былого подводимы только мной.

Но упрекну ль себя в просчете
старом,
все совершалось для того,
чтоб жил полней!
Неутихающим сердечным жаром
гори, венец терновый... Пламеней!

Круг бытия дробится на идею,
желанья, крылья птиц, курок и
цель.
И чем свободней я судьбой
владею —
тем реже вспоминаю о конце.

ПОД РОЖЕНОМ

Чей сон оберегает Рожен?
Лоза. Часовня. Монастырь.

Путь бытия, как ни тревожен,
покоем разольется вширь.

Мир праху...
Здесь одной могилы
на память вздыблен бугорок.
Для слез у всех найдутся силы,
мучительней тоски приток, —

пусть час тебе нелегкий дан,
но и тогда вчитайся тоже
в слова с плиты надгробной:
«Ян
Санданский...»
Помолчи, как должно.

И голос гордого героя
душа услышит в тот же миг:
— Кто свято пал на поле боя,
тот смертью смерть попрал, велик.

И будет он любим народом
и почитаем на земле,
напевом птиц кружась под сводом
небес,
белесых на заре.

БОГАТСТВО

Все-то мне принадлежат пустыни.
Мера лет,
которых нет в помине.
Звонких птиц кружу я в поднебесной сини.

Эверест я покорил однажды.
Мне знакомо эхо из времен былинных.
У меня зеленый взгляд равнины
на крестьян,
томимых голодом и жаждой.

Африканская саванна преподносит
мне лианы, баобабы, солнце в тонях...
Для прожитка остается после —

человечность,
                две моих ладони
и — грядущего прославленная осень!

Сколько выстрадал на свете —
                тем и свят,
кажется, что я давно богат.

Довелось делиться кровом, пищей...
Не менял я флага никогда.
Нет,
    никем я не причислен к нищим,
а что Крёзом не назвали — не беда.

ПРИСТАНИЩЕ СВОБОДЫ

Когда Болгарию Джахид Салех покинул,
спеша домой,
                в родную Палестину, —
не мог я знать,
                свинцовые синицы
не примутся ль клевать зеницы
и сердце юное,
                что так самозабвенно
пульсирует в борьбе за воздух во Вселенной;
сумеет ли живым,
                пройдя сквозь беды,
увидеть он зеленый свет победы —
под пальмами — в опустошенном мире.
И снова в бой,
                не изменяя лире,
уйти по добровольному решенью
не стать рабом
                и — смерть избрав мишенью.

И потому сказал я на прощанье:
— Вперед, мой брат!
                Поэт достоин величанья
не только за громкоголосье песен, —
коль путь от слез и от печали тесен,
перо и меч — в его руках;
                огнем и словом
он побеждает в промысле суровом!

Но если истомит тебя кручина
и отчий дом окажется в руинах, —
не уходи в себя,
а возвращайся
в пронизанную солнцем полдня чащу,
где у меня, под дружественным кровом,
найдешь пристанище Свободы снова.

ТЫ МЕНЯ УЧИЛА

Ты меня учила жить скромнее,
вразумляла, как владеть собой...

Одарен был ученик.
Светлея,
память лирикой цвела в любви такой.

Думаю теперь —
какой ценою
мне твое доверье оправдать!
Если затоскуется порою,
не корить же в том родную мать!

Ощущаю, как уловки и наветы
зла чужого
корчатся в душе,
ложь ярится...
Мама, мама, где ты? —
будущее радует уже.

Там кружатся в розовом свеченье,
в лепестках космических тела, —
в хоровод войду без принужденья
с девушками нашего села.

Вечность...
Не на шутку растревожась,
вглядываюсь в караван времен, —
ясно вижу
барабан без кожи
и замолкшей гайды *
слышу стон.

* Народный музыкальный инструмент типа волынки.

РАЛИЦЕ

Каникулы в деревне.
Снег и солнце.
Дымятся трубы,
летний дух — от печек.
Похрустывают под ногами
застуженных приступков плечи.
Скрип санок, хохот...
Где-то на задворках
визжит злосчастный поросенок под ножом.
В избытке, словом, радостей...
Но я
предсмертным хрипом словно обожжен.
Так о спасенье молят небеса.
И стонет детских лет моих сиротство.
И если что-то светлым пламенем забьется
в душе,
то это воля к жизни,
тебе и — всем принадлежащей жизни...
Даже
сосулькам под стрехой и светизне
морозного оконца,
за которым
в тепле все слушать бы и слушать сказки
о весне.

НАДЕЖДА

Сравним удел мой разве что с котлом.
Варюсь в своем соку
прилюдно и притом
во имя мировой,
высокой цели.

Не до смешков, мне больно в самом деле, —
измучен, на себя молюсь:
— Приливом сил обрадуй,
чтоб бедных вызволить из ада,
свободу возвратить в Гренаду,
в борьбе невольника спасти,
и, словно голову,
снести

опоры власти, —
и не ради трона,
а по велению слепого стона
войны и рабства...
Дай же новых сил
душе,
чтоб первым восходил
я по скалистому отрогу...

Два сердца у меня, ей-богу, —
одно в желаниях пылает,
другое тратит,
разъедает,
как моль, меня во сне...
На зорьке синей
страшусь,
что станет мир пустынней,
когда вдруг некий имярек
утратит совесть...
Словно грех,
осознаю, —
нет дней благочестивых,
раз в мире больше бедных, чем счастливых,
и это несмотря на кровь и пот.

Так вот,
непрост удел мой странный —
переживать
чужие раны.

ПРИГОВОР

Ну кто вы есть? —
волхвы либо мужчины-тени,
герои-себялюбцы,
без крыльев,
без узды...
Слепая ненависть ко мне —
плетенье
веревки,
служащей для измеренья
духовной высоты.

Качается.
Над глупыми башками
свисает петля,
точен адресат.
Минутку...
Кто другой —
не я, ранимый вами, —
решит,
к чему кого приговорят.

Бить подлость подлостью —
не мой удел.
Спокойно, сволочи,
еще не вечер.
Я не пошлю вас,
трусов,
на расстрел, —
великодушием
за все
отвечу.

ПАМЯТЬ

Кое что видал
на белом свете.
Правда, кажется,
нигде и не бывал...
В жмурки с памятью
играем,
точно дети.

Вот бедуин,
он мне давно известен.
Он зной, как воду, пьет — и благодать.
Как говорится,
бог не даст соврать, —
ведь это я!
И русла рек моих безводны от истока.
И Пальмой названа моя любовь,
зеленоока.

Взлетал песком,
развеянный ветрами;

имамом был —
и говорил стихами,
сурами Корана.
В коричневых лесах саванны
я чувствовал себя масаем *,
а на вершине поднебесной —
уподоблялся Гималаям.

Сейчас гощу я
в обезьяннем храме...
Буддисты кланяются мне,
как Далай Ламе,
мартышки радуются мне,
как принцу обезьянней крови
в славе.
Любой принять меня
хоть за кого угодно вправе, —
души не изменить и не подправить.
Прелестницы —
тайфуном красоты —
в семье дикарской.
Кораллы, жемчуг
в безднах нищеты
отыскиваю с дерзостью бунтарской, —
но чувствую, надоедает царство
жасмина,
сладкий аромат венков, —
слова какого-то страдальца
звенят в ушах:
— Стоят дворцы,
хоть сгинул шах
во мгле веков.

Не знаю сам,
где был я — здесь иль там.
Нигде и всюду,
близко ль, далеко.
Я стал как деревце,
легко
вздохнувшее,
чтоб звон цикад
земле передавался чудом.

---

* Масаи — народ в Кении и Танзании.

ДИНГО

Псина псиной,
ты, дикарка,
здесь в лесах имеешь власть.
Счастью прыткая товарка,
незлобиво скалишь пасть
в окруженье негров,
с детства —
без ошейника,
вольна...

Почему же ноет сердце,
словно в чем моя вина?
Жил сам-друг я с верным Динго...
Знали все его вокруг.
Динго
белым господином
в спину был застрелен вдруг.

Ибо бешеной собака
померещилась тому.

Как из-за пустого страха
пса не спас я,
не пойму.

Не рыдать же бесконечно!
Я теперь на все плюю.
«Нежность» — мелкое словечко,
неприкаянных люблю.

Не ропщу,
от жажды мучась.
Крепок я,
как сиенит.
С голодухи брюхо вспучит,
а мне кажется,
что сыт.

В гневе праведном, однако,
наглости не признаю
и считаю —
мне собака
ярость отдала свою.

ПУСТЫНЯ

Отныне впереди — пустыня.
Марево.
Миражи,
сотканные из надежд
и пальм,
зелеными перстами царапающих небеса,
нам возвратят былые словеса —
как финики
со сладко-горьковатым
от солнца близкого, наверно, ароматом.

Но сможешь ли догнать горячий ветер,
что на копытцах из песка
несется времени навстречу!
Ты озираешься тишком на дюны давних дней,
и утопаешь в них,
и празднуешь возможность
жить до сих пор насельником степей.
А подступающие годы
благодаришь еще сильней.

Отныне у меня в одно упрутся думы,
что нас безмолвие бессмысленное гробит...
Засим зови меня,
как хочешь, — Гоби
иль так —
куда красивей! —
Каракумы.

СЕРДЦЕ

Что́ в мире ты открыл такое,
друг,
что́ вызнал,
если говоришь без устали тревожно?
Прислушаюсь к тебе и, мнится, —
все возможно
сейчас,
да и потом —
за вереницей дней,
завороженных ритмикой рассказа.

Порой ты представляешься певцом
времен —
прошедших в будущем
или в былом грядущих,
вперяющих друг в друга вежды.
Зачастую
твой монолог
похож на запись в бортовом
журнале корабля,
держащего свой курс на мыс Доброй Надежды;
ты — как сейсмограф
взрывоопасных чувств
и беспощадных фраз...
Ты — сам себе судья
в миг оправдательного приговора к чуду.
И недаром
для пульса нет последнего удара...
Мотив один:
— Пребуду!

ЖИВАЯ БОГИНЯ

Каумари твое имя.
В храме, у окна, молчишь,
на мир взирая.
Ты — живая,
несравнима
с ветхой фреской вовсе,
с расписными
стенами,
украшенными Буддой
в окруженье множества божков.

Не берусь дарить века веков —
но блаженство счастья даже в будни
обещаю, —
дни земные святы
правом жизни,
помнящей свой срок.

Ублажают сердце ароматы,
синеват сандаловый дымок.

Знаешь ли, очнись,
сойди со трона,
стань обычной девушкой опять!
Я молюсь лишь солнцу небосклона,
на котором звезд не сосчитать.

НА БЕРЕГУ

Лето. Август.
Вновь трепещет в небе
солнце золотистою листвой.
Моря не переполняя, реки
пропадают в глубине морской.

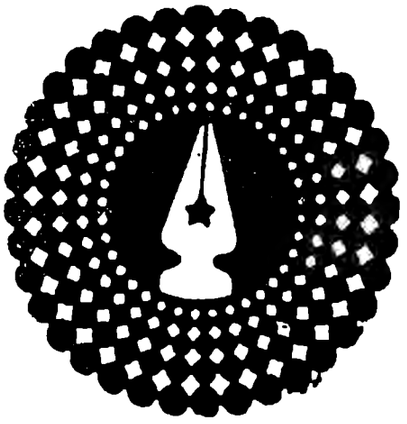
Истина старинная на крыльях
альбатросов мчит меня в зенит.
Отдышусь... Сверкая влажной пылью,
твой прибой,
двадцатый век,
шумит.

Побережие столетия...
Песчаный,
в раскаленных оползнях, предел.
Он местами заслезился странно,
он, разбитый бурями, просел.

В сердце потихоньку погружаясь,
как буек,
смятение растет.
В час прилива к рекам возвращаясь,
море в русла рек не попадет.

Волны, и песок,
и полдень краткой
жизни,
сотворившей ад и рай.
Век двадцатый,
ты раздвоен, как рогатка
мысли про потусторонний край.

Авторизованный перевод с болгарского
Сергея БОБКОВА



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий СМОЛИН

МОЛОДЫЕ КОРНИ ДЕРЖАВЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПУТИ

В село Щелканово Юхновского района Калужской области мне довелось попасть в самый разгар выборов по Смоленскому национально-территориальному округу № 27. В народные депутаты СССР баллотировалось два председателя. Один — Александр Александрович Николаев — председатель колхоза «45 лет Октября», другой — председатель московского кооператива «Техника» Артем Михайлович Тарасов. Оба миллионеры, но в разных смыслах. Чистая прибыль колхоза «45 лет Октября» в 1988 году составила 1 миллион 251 тысячу рублей. У кооператива «Техника» на зарплату четырех его членов было выписано 7 миллионов 280 тысяч рублей. Это данные из печати. Если сравнивать дальше, то обоим председателям чуть больше тридцати пяти лет. Судя по предвыборным платформам, оба кандидата хотели бы накормить страну и чтоб все советские люди были бы одеты, обуты, имели бы сносные пенсии по старости лет и крышу над головой. И еще. Если у Артема Тарасова положения платформы увлекали своей всеохватностью, напоминали по

форме резолюции высших форумов нашей власти, а поддерживали его, просто-таки проталкивали в депутаты, известные деятели искусства и науки (режиссер М. Захаров, артист А. Джигарханян, академики Е. П. Велихов и В. А. Тихонов), то у Александра Николаева все положения программы были гораздо приземленнее, а потому, может быть, ближе мыслям и сердцу простого человека.

Судите сами. В своей первой фразе предвыборной платформы А. А. Николаев словно бил в вечевой колокол: «Всенародно объявить о трагическом положении, сложившемся в зоне Российского Нечерноземья!» Он предлагал конкретные меры: «Для оздоровления экономики колхозов и совхозов списать с них все долги по кредитам банка, установить госзаказ на все виды сельскохозяйственной продукции по годам пятилетки в размере 70—75 процентов от среднего уровня двенадцатой пятилетки. Всю оставшуюся продукцию отдавать в распоряжение трудовых коллективов колхозов и совхозов. Отменить планирование «от достигнутого» и законодательно закрепить за трудовыми коллективами право самим регулировать свою деятельность».

Тогда, прочитав об А. А. Николаеве в агитлисте, я вспомнил объявление в «Комсомольской правде» года два-три назад: дескать, приезжайте к нам в Юхновский район те, кто хочет жить и трудиться на земле, особенно молодежь. На одной из встреч с кандидатами в депутаты СССР я подошел к Александру Александровичу и узнал: действительно, это он приглашал новоселов к себе, в Щелканово. Значит, не подвела меня профессиональная память.

— Работает у вас арендный подряд? — спросил я тогда молодого председателя колхоза.

— Уже второй год, — подтвердил он. — Мы как раз базовое хозяйство по внедрению.

...Уже приехав в Юхнов, хотел было зайти в редакцию районки, но увидел испорченный агитлист с фотоснимком А. А. Николаева: кто-то размашистой надписью предлагал голосовать за другого кандидата — и передумал. Решил в село Щелканово добираться «инкогнито из Москвы». Тем более что в областной газете «Знамя» (13.05.89) было помещено заявление кандидата А. А. Николаева, где он сообщал: «11 мая 1989 года я вместе с доверенным лицом А. Н. Жулькиным приехал в 23.30 в Смоленск для встречи с избирателями. Учитывая позднее время, машину оставил, как и все туристы, на стоянке перед гостиницей «Россия». Ночью нас дважды будили телефонные звонки провокационного содержания — отдать свой голос за другого кандидата, немедленно уехать из Смоленска... Нам пригрозили, что если не уедем, то пожалеем... Утром обнаружили, что наша машина повреждена: порезаны колеса, выведен из строя стеклоочиститель и т. д... Требую строгого соблюдения Закона о выборах народных депутатов в части создания всем кандидатам равных условий и возможностей». Лучше на попутной машине — так будет спокойнее, подумал я, а главное — кандидату не в ущерб.

«Голосовать» пришлось долго, пока шофер ЗИЛа не подобрал меня. Разговорились. Шофер-профессионал из юхновского ПМК посетовал на обилие «джигитов» из южных республик в городах и весях, а в особенности на местных дорогах Калужской области: чеченцы, ингуши, осетины, дагестанцы, азербайджанцы, армяне;

а недавно и турки-месхетинцы — кого здесь только нет сейчас, почти весь спектр национальной радуги Средней Азии и Кавказа. Причем в руках у переселенцев оказались наиболее доходные виды деятельности: кооперация, торговля, подрядное строительство на селе. На дорогах за рулем даже профессионалу стало небезопасно. Горячие джигиты как-то запросто нарушают правила движения: могут вдруг выехать из встречного потока, «не заметить» того или иного дорожного знака, напрочь игнорируют светофоры и иную сигнализацию.

— Не окажемся ли мы, русские, к 2000 году в своей России в меньшинстве? Как получилось, скажем, с коренным населением в Прибалтике. А новоявленные переселенцы дружно заскандируют на своих митингах: отдайте наш Калужский Карабах! — с сарказмом заметил молодой шофер.

Путь был недолгий, у одной из развилок он притормозил машину, с какой-то горечью в голосе бросил мне на прощание из кабины: «Прощайте, вон ваше Щелканово — где церковь!» — и, хлопнув дверцей, помчался дальше.

Я пошел в сторону села, размышляя о только что услышанном... Неужели так обезлюдело наше Российское Нечерноземье, что без переселенцев, уроженцев Средней Азии и Кавказа, не обойтись в исконно русских пределах? Настораживала позиция местного, а может, областного начальства по этому непростому вопросу, которую можно смело трактовать как создание режима наибольшего благоприятствования кому угодно, лишь бы не коренному населению.

Года два назад в той же Калужской области в поселке Барятино я оказался свидетелем характерного разговора. Только что назначенный председатель исполкома в местном универмаге, нисколько не смущаясь, заявил: дескать, русские — пьяницы и лентяи, а потому предпочитает ставить на ключевые посты в поселке и районе переселенцев из южных наших республик. Продавщицы молча выслушали его монолог, а когда он удалился, тихо стали возмущаться. Мол, не сегодня завтра этот председатель исполкома переберется в Калугу на тепленькое место, а «трудяги» со средней Азии и Кавказа, набив деньгами карманы, укатят обратно. Это в лучшем случае. А если останутся? Наверняка опутают сетями местное начальство по принципу: «ты — мне, я — тебе» — с южным размахом, и тогда можно приглашать для съемок калужского «Спрута 1, 2, 3...» известного итальянского режиссера.

Знаменательна в этом смысле статья в «Советской России» (30.04.89) «Хутор для солдата» с фотографией, на которой председатель колхоза «Заветы Ленина» В. Васильев и экономист Оленинского РАПО А. Румянцев приглашают на тверскую землю после демобилизации из СА солдат из Азербайджана и Чечено-Ингушетии. Статья в мажорных тонах, без намеков на социологический анализ или же какие-либо сомнения. А ведь и климат, и природные условия Российского Нечерноземья для южан непривычны, а порой вредны. Резко отличен уклад жизни тех же азербайджанцев или армян по отношению к русским. Веками жившие в Нагорном Карабахе в мире и согласии армяне и азербайджанцы нынче находятся в жесткой конфронтации. Наверняка А. Румянцев и В. Васильев не посоветовались с односельчанами, а действовали в старых командно-административных традициях. Может, сход решил бы иначе: поместить объявления в Прибалтийских республиках,

Молдавии, Средней Азии, на Кавказе и пригласить русских, белорусов, украинцев: мол, ждем вас, братья славяне, на малой родине, коль трудно вам жить там в непростых нынешних условиях. Конечно, не хочется думать, что сегодняшняя псевдоинтернационализация исконных земель России чей-то злонамеренный «проект века», идущий вслед опустошительной кампании «неперспективных деревень», успешно и с размахом воплощенной в жизнь с теоретической подачи академиков от экономики (А. Г. Аганбегяна и Т. И. Заславской), когда было уничтожено в РСФСР свыше 500 тысяч деревень и опустошены земли для последующего их наполнения. Но думать, кем и для чего поощряется это «окавказивание» России — приходится.

ФЕРМЕРЫ ИЗ ЩЕЛКАНОВА

У многих кандидатов, баллотировавшихся в депутаты СССР, включая академика А. Д. Сахарова, в предвыборных программах рефреном звучало: раздать землю всем, кто ее пожелает иметь. А кто ее, матушку, спрашивается, возьмет нынче?

Сколько раз мне приходилось встречать на поле или ферме молодых и немолодых механизаторов, которые трудились вроде бы честно, но нет-нет — и выпирало из них эдакое отстраненное отношение и к земле, и к своему труду на ней. Или еще хуже: наплевательски-равнодушное восприятие даже... результатов труда своего или коллег по хозяйству.

С такими невеселыми мыслями я ехал к арендаторам в колхоз «45 лет Октября». Тем более что на мартовском Пленуме ЦК КПСС (1989 г.) не прозвучало чего-то архинеобычного, еще не слышанного прежде в неоднократных выступлениях руководителей партии и государства.

Вопрос: «Быть или не быть?» — высказывался в публицистике, по телевидению, звучал в эфире. Настроенные радикальным образом требовали чуть ли не сплошного разгона колхозов и совхозов с передачей их земель, ферм, техники крестьянам в личное пользование. На манер «архангельского мужика» Николая Семеновича Сивкова: он-де и страну накормит, и зарубеж сельхозпродуктами завалит. Это шло от оторванности от крестьянства, от незнания сегодняшней деревни, ее уклада. Пропаганду сплошной фермеризации страны со стороны экономистов Н. П. Шмелева (Институт США и Канады) или Г. Х. Попова (главный редактор журнала «Вопросы экономики») можно понять. Не зная, а может, и не желая знать самобытность истории российского землепашества, русского современного крестьянства, они, по сути, следуют Н. И. Бухарину, пытавшемуся создать землю обетованную для неведомого ему народа, но сегодняшней целью ставят уже не «сияющие вершины коммунизма», а вполне реальные Соединенные Штаты, американский тип фермерства. Другие публицисты предлагают наперебой модели: шведскую, китайскую, венгерскую, голландскую, хотя названные страны — каждая! — шли своим национальным путем. Кстати, и в самих США идет неуклонный процесс разорения фермерского семейного хозяйства взамен укрупненному, многосемейному, правда, по иным, чисто американским причинам...

Получив краткие справочные данные об арендаторах в управ-

лении, заспешил на животноводческую семейную ферму Амелиных, где откармливались бычки. «Семейники» были местные, щелкановские. Отцы и дети.

Здание семейной фермы Амелиных архитектурными изысками или необычностью не отличалось от уже виденных мною. Снаружи беленное известью, под тесовой крышей — обычное строение. Изнутри же — традиционные серого цвета стены и потолок — давно эксплуатируемое помещение. Зато бетонный пол, а в особенности щитовой настил, где стояли бычки, блестит от чистоты, сверкает! Можно было свободно прогуляться по ферме не только в туфлях, но и в римских сандалиях и не запачкаться. Не это главное. Бычки! Какие, однако, красавцы! Таких симпатичных, ухоженных и упитанных животных я, признаться, да-авно не встречал, разве что в пионерские годы, когда посещал с классом ВДНХ. Зато насмотрелся в нашей нечерноземной полосе повсеместно на кашляющих, чихающих, больных чуть ли не с рождения туберкулезом и бруцеллезом бычков и телок, быков и коров. А вот эдаких... Ладно, эмоции в сторону. Итак, сто девяносто бычков-красавцев обслуживали «отцы и дети» Амелины, то есть «семейники»-арендаторы.

Арендный договор, заключенный ими на три года, предусматривал целостность комплекса всех работ: от посева фуражных культур до заготовки сена на собственных угодьях. Посудите сами. У них ферма на 190 бычков, два колесных трактора, сеялка и другие навесные механизмы и орудия труда. На пашне в 122 гектара посеяны однолетние (овес, горох) и многолетние травы, а 30 гектаров заняты под фуражные культуры (овес, ячмень), на приготовление комбикорма — посыпки. Бычки, нагуляв примерно 350 килограммов, сдаются на мясокомбинат. Расчет в конце года. Ну а каждый месяц выписывается аванс.

Амелины — «отцы и дети» — живут порознь, в разных домах, как и везде — дань времени. Молодые — хозяева у себя, старшие — у себя. А вместе они — хозяева на своей пашне и ферме. Работают, естественно, без роздыха, но в зависимости от занятости того или иного члена семьи подстраховывают друг друга на работе или дома. Тем более что с тремя детьми в двухкомнатной квартире Амелиным-младшим приходится прибегать к помощи дедушки и бабушки. В тот вечер, когда я был в гостях у Сергея, он нянчился с детьми (жена трудилась на ферме). Молодой папа крутился как умел. Лена и Алеша — погодки, 4 и 5 лет, вели себя дружно, принимаясь то за одну игру, то за другую. Ну а младшенькая, Аня, требовала к себе повышенного внимания, как это и должно быть в два с половиной года.

— Скорее бы подрастали, — кивнул Сергей на детей. — Тогда всем нам полегче было бы.

Если честно, то Амелиным трудно, очень трудно. Тяжело не только от физической работы, но и от того, что слишком поверхностны и неглубоки у них знания по агрономии, зоотехнике или экономике. Тут приходится наверстывать самим и с помощью специалистов колхоза. Но для хозяйства их нынешняя деятельность — прибыльна, и прибыль значительная. Разумеется, и Амелины внакладе не остаются. Ведь держать подсобное хозяйство, а главное — кормить всю эту армаду — это же проблема из проблем, да еще при таком недостатке рабочих рук в семейном звене. А тут выращенные сверхдоговорные излишки — твои...

Арендаторы Амелины — местные, щелкановские. Им, как говорится, сыром в масле кататься по родным проселкам. А те, кто приехал из дальней дали, по объявлению в «Комсомольской правде» и журнале «Крестьянка», они-то как живут-могут?

В позапрошлом году Владимир Лешков, отслужив армию, решил попытать житейское счастье «на западе», как в Сибири именуют европейскую часть России. Позже к нему в пай вступили родственники, Валентина и Альберт Шварты, тоже из его родной деревеньки Сухоной в Красноярском крае (из тех самых мест, что прекрасно описаны Виктором Астафьевым в его «Оде русскому огороду», «Последнем поклоне», «Царь-рыбе»).

Колхоз «45 лет Октября» заключил с Лешковым и Швартами договор на три года по аренде свинофермы и пашни, чтобы были свои корма. В прошлом году Владимир и Людмила Лешковы (Шварты приехали недавно) вдвоем сдали 60 тонн свинины вместо 40 оговоренных по аренде. Колхоз получил 132 тысячи рублей чистой прибыли, а фермеры-«семейники» Лешковы — 14 тысяч рублей зарплаты.

Когда мы подъехали на «Беларуси» с Владимиром Лешковым к его свиноферме и вышли из кабины, я как бы уловил незримый дух хозяина, который царил здесь. Это ощущалось в порядке вокруг помещения, в аккуратно сделанных выгонах и даже в том, с какой гордостью Владимир открывал замок и пригласил меня пройти внутрь. Главное же, что у хрюшек был реальный хозяин, а не колхоз вообще. Это было заметно в сытом спокойствии более чем 300 свиней.

Стратегия «семейников» здесь простая: 300—340 свиней в течение полугода доводятся до веса 116—117 килограммов каждой особи, а затем сдаются на мясо. И так далее. Вес, конечно же, имеет важное значение, так как известно, что после 110 килограммов корм уже окупается значительно хуже и хозяйству в убыток. Фермерам-арендаторам Лешковым и Швартам придана сельхозтехника и необходимые для землепашества агрегаты. Главное же, никакой управленческо-нажимной опеки со стороны руководства за их деятельностью, а в особенности бытовавшего еще недавно издевательского контроля по суточным привесам, которые доводили свиней до стресса, что отражалось на тех же привесах.

Коттедж Лешковых устроен на славу. Оригинальная планировка двухэтажной квартиры, обустроенной и обставленной по-городскому, с современной мебелью, цветным телевизором и удобствами: горячая и холодная вода, газ, телефон. Все это, конечно же, стирало пресловутые грани, но лишь там, где они и должны быть стерты: в быту. Квартира в таком двухэтажном коттедже на две семьи стоит 60 тысяч рублей. В договоре с арендаторами зафиксировано: 8—10 тысяч должны быть выплачены колхозу в течение 25 лет, а остальная сумма погашается полностью, если в течение двадцати лет арендатор зарекомендует себя старательным работником, справным хозяином. Ну а последнее должно быть само собой разумеющимся: «семейник»-арендатор трудится на себя.

В Щелканове Лешковы поставлены в такие же социально-бытовые условия, как и горожане: на льготных условиях получили квартиру, детей водят в садик и школу; недавно встали в очередь на личный автомобиль.

Это проистекает из твердого убеждения председателя колхоза А. А. Николаева:

— Ни аренда, ни какие другие формы землевладения не дадут положительного результата, если не будут уравнены в социальных условиях горожанин и сельский житель, — считает он. — Без комфортного жилья, нормальных человеческих удобств для взрослых и маленьких наши переселенцы, сорвав денежный куш, через год-три разбегутся по городам и поселкам.

Число желающих перебраться на постоянное место жительства и работы в село Щелканово огромно.

— В прошлом году к нам приехало более пятидесяти человек, — сказал экономист Н. Л. Берговской, — а писем-заявок в правлении что-то около шести тысяч.

Правление колхоза «45 лет Октября» предоставляет новоселам следующие льготы: на главу семьи безвозмездно выделяется 300 рублей плюс на каждого члена по 100 рублей; оплачивается проезд, провоз багажа, имущество, перевозимое в контейнере, суточные. Ну а главное — это гарантированная обеспеченность жильем по приезде. И другая помощь.

В июне прошлого года, воспользовавшись льготами переселенцев, в село Щелканово пожаловала семья Акимовых из Коми АССР. Ныне Владимир с женой и тремя ребятишками живут в прекрасном доме-усадьбе, выполненном по шведско-западногерманскому проекту (их в селе называют «пензенские дома»). Полная его стоимость — 47 тысяч рублей. Акимовым он достался на льготных условиях, как и другим новоселам.

Владимир водил меня по просторным, светлым комнатам, прекрасно отделанным обоями и прочими материалами, которые в Москве-то не сыщешь днем с огнем. Понятна была гордость хозяина. Здесь каждый будет чувствовать себя прежде всего культурным человеком, который не попрется в промасленной робе в горницу...

Одно только было не по душе Владимиру Акимову: излишняя геометричность в планировке улицы, где стояли дома-усадьбы, похожие один на другой как близнецы; раздражал стандарт в размещении подсобных помещений и огорода у него и соседей.

— Будто солдаты на плацу выстроились, — сказал он. — Только честь не отдают.

Хотя сетования Акимова — размышления, как говорится, на лестнице, но смысл в них огромный. Действительно, заметно невооруженным глазом, что над архитекторами и планировщиками, создающими дома в Щелканове, довлел Его Величество Стереотип. Ненужная на селе урбанизация, не так понятый пресловутый лозунг «стирания граней», набивший оскомину в городе геометризм застройки кварталов — все это здесь, на селе, больно резало глаз. А ведь «танцевать» надо от окружающей природы, от самой местности — она подскажет, какой и как дом лучше поставить — не по ранжиру, а по традиции — окнами к солнцу...

Владимир Акимов и еще трое мужчин заключили арендный договор на пять лет. Если Акимовы прибыли из Коми АССР, то Николай Титов и Дмитрий Белых с семьями — из Омской области, а Михаил Якусик — с Украины. Фермерам-арендаторам определили 410 гектаров пашни под пшеницу, ячмень и другие культуры; 40 гектаров — покосное разнотравье. Выдали чековую книжку, как и остальным «семейникам» — для учета затрат. В плане-дого-

воре исходили из средних показателей урожайности по конкретной культуре на том или ином колхозном поле. А за сверхплановую продукцию были предусмотрены дополнительные платы. Техники-«семейники» получили столько, сколько требовалось для всего комплекса работ: от вспашки, культивирования земли и внесения удобрений до укоса трав и комбайнирования зерновых культур.

Чтобы увидеть, как трудится полеводческое звено, мы с Владимиром на тракторе МТЗ-80 за полчаса добрались до полевого стана арендаторов, развернутого возле полузаброшенной «неперспективной» деревеньки Кудиново. Там, на околице села, стояла техника «семейников»: колесные трактора Т-150 и «Беларуси», сеялки, плуги, бороны, разные прицепные агрегаты и механизмы, необходимые для работы в поле. Комбайны «Нива» и «Енисей» были пока что в гараже.

— Одна только беда: гусеничный трактор приказал долго жить, — сокрушался Владимир Акимов. — А чтобы новый ДТ-75 получить, проще, наверное, ракету купить.

Крючкотворная и запутанная процедура заказов в получении сельхозтехники — настоящий тормоз в пополнении хозяйств страны новыми, а главное — позарез нужными машинами. Это в один голос говорят и спецы, и председатель А. А. Николаев.

Нынче селу, а в особенности селу средней части России с ее крутобокими полями, нужны недорогие, удобные, прочные машины, желательно малой мощности и малых размеров. Пока же сельчанам приходится довольствоваться такими чудовищами, как «Кировцы» и харьковские Т-150, которым под стать трудиться на просторах пустынь Каракумы или Сахары; чрезвычайный вред гумусу, плодородному слою.

Первая посевная у акимовского звена позади. Провели они ее — это и понятно — в предельно сжатые сроки. Где это было видано, если бы колхозные механизаторы (не арендаторы) стали трудиться по 14—18 часов в сутки на посевной? Да что они, богом, что ли, обиженные? А вот «семейники» дневали и ночевали в Кудинове, сами выбирая технологию и режим работы. Начинающие фермеры свою производительность труда поднимают за счет техники, собственных мускулов и увеличения границ рабочего дня. Конечно, неоценимые услуги в стратегии и тактике прошедшей посевной им оказывал главный агроном В. П. Красавин. В дальнейшем, надо полагать, когда фермерские знания акимовцев углубятся практикой, производительность свою они будут прибавлять не мускулами, а умом.

Мы с Владимиром Акимовым сходили в Кудиново, где члены его звена решили отремонтировать дом, чтобы перевезти жен и детей на лето, как на дачу.

— Места здесь — глянешь, сердце радуется, — сказал бригадир при виде столетних лип бывшего парка регулярной планировки. От самой усадьбы остался фундамент. Густо поросший травой, кустарником, он едва угадывался в зарослях орешника. Кое-где стояли полуразваленные здания подсобных служб из красного кирпича, замешанного на местных глинах. А от «неперспективной» деревеньки Кудиново остались три или четыре дома — это потери сегодняшнего мирного времени. Из крепко сшитой избы с мощным городским светильником на крыше вышел пожилой плотный старик в форменке лесника. Поздоровались.

— Не покусают пчелки-то нас? — полюбопытствовал Владимир,

указывая на два десятка ульев, стоявших метрах в тридцати. — Может, круг дадим, чтоб не тревожить понапрасну?

— Не бойсь, бригадир, пчелки у нас смирные, особливо к мирным людям, как вы, — заверил лесник. — Вот дачники — иное дело. Как на машинах прям к дому подъедут, тут держись, спуску не дадут. Зажалят!

— И собаку заводить не надо, — пошутил Владимир.

— Не скажи, — замахал рукой лесник. — Осенью, когда яблоки пойдут, дачники наглеют: чуть не с корнями деревья рвут, ломают без жалости. Совсем спасу от них нету, и пчелки не помогут. Как уж отгородиться от паломников-то? Забор бы поставить, такой садище возродили бы, всем на завидки!

— Возродим, дед, — убежденно проговорил Акимов. — Не сомневайся в этом.

Попрощавшись, мы свернули на заросшую аллею куда-то в глубь парка. Выбрались вновь на поля, поросшие изумрудной порослью яровых.

— Вовремя подкормили — ишь как прет! — похвалился бригадир.

Скоро мы подошли к полевому стану. Тут же подъехала голубая «Нива».

— Валерий Красавин, — представился главный агроном. — А это — Валентин Озолин, зоотехник.

Красавин уже старожил, третий год как в Щелканове, Озолин — только второй месяц, активно входит в работу. Первый — из Тюменской области, второй — из Красноярского края. Обоим тридцать — тридцать пять лет, не больше.

— У нас многие не старше возраста Христа, — серьезно сказал агроном. — Молодым легче новое двигать, проще народ наш раскрепощать от прошлых застойно-нажимных лет.

...Мы мчались в Щелканово на колхозной «Ниве». Валерий Красавин рассказал о себе, работе:

— Азарта и желания войти в курс всех тонкостей агрономии у ребят много. Вот-вот сами будут выбирать нужный режим работы, технологию. Кстати, я и сам не прочь, чтобы и меня сняли с оклада, а включили бы в арендные договоры и платили бы по конечному результату наших фермеров. И было бы по справедливости...

К августу в хозяйстве собираются закончить переход других участков на арендный подряд. И колхоз примет форму союза свободных кооператоров...

В подобном коллективе все ведущие специалисты будут кровно заинтересованы в низкой себестоимости продукции и, естественно, в увеличении ее количества и улучшении качества. Несомненно, щелкановским фермерам без специалистов не обойтись, хотя бы из-за крайней пестроты социального состава: рука об руку здесь трудятся и горожанин, и сельский житель — электрики, трактористы, учителя, комбайнеры, инженеры, каменщики. Можно ли так, с бухты барахты, доверить арендаторам землю, ферму, стадо, технику, наконец? Способны ли нынешние «семейники» обойтись без поводырей, блуждая в «синем тумане» своего непрофессионализма? Кто-нибудь из-за своей скупости откажется от спецов, от их участия в аренде, но тут же громко заявит о себе низкая отдача пашни или животноводства. Малограмотные фермеры или артели не прокормят ни страну, ни себя. В кратчайший срок обанк-

ротятся. Об этом же говорит богатая практика капиталистических стран. Там человеку без достаточно глубоких знаний в агрономии или зоотехнии не доверят вести фермерское дело.

Так что прав агроном В. П. Красавин, когда говорит, что свой кусок хлеба каждый специалист хозяйства должен зарабатывать, будучи включенным в систему арендных отношений. Его «товар» — это агротехнические, зоотехнические или экономические знания, умение прогнозировать, работать на перспективу и, конечно же, рисковать, но рисковать по-научному, а не вслепую, наобум. Сегодня стране, нашему обществу нужен дипломированный арендатор или сообщество фермеров-«семейников». Это, наверное, и есть социальный заказ по большому счету.

ЗЕМЛЯ БУДУЩЕГО

Председателю колхоза «45 лет Октября» не просто повезло со специалистами. Он собирал вокруг себя единомышленников. Из односельчан, из переселенцев. В этом его несомненная заслуга.

Александр Александрович Николаев пришел в сельское хозяйство, как и многие его сверстники, в восьмидесятые годы, на смену ныне уходящим на пенсию руководителям колхозов и совхозов, которые еще вчера возрождали порушенную войной страну. Долго шла аренда на село. С апреля 85-го до мартовского Пленума ЦК КПСС (1989 г.), Съезда народных депутатов, на котором прозвучало Обращение депутатов-аграрников о том, что дальнейшее промедление с положением дел на селе — смерти подобно! Ждали, может, те, кто держится «золотой середины». Но такие, как А. А. Николаев, не ждали, да и не могли ждать.

Сам он родом из калужской деревеньки Адамовки, что в Мосальском районе. С детства видел, как нищала и хирела его малая родина, как «неперспективные» деревни страшно и безжалостно безлюдели, пустели и погибали многие села вокруг. Может, потому недолго учительствовал Александр Николаев после окончания Пермского пединститута, читая сельским ребятам математику и физику. Отслужив в армии, в 1979 году вернулся в деревню. Ему доверили первую сельскую должность — секретарь парткома совхоза «Угра», который он помог вывести из отстающих в передовые. Уже здесь он повел себя решительно, оставил городскую квартиру, несмотря на то, что от Юхнова до центральной усадьбы было три километра, и переехал с семьей в деревенский дом.

— Людям хотел показать, что не на деньги или там карьеру польстился, а заодно с ними хочу покончить в родных местах с нищетой, бескультурьем, — так прокомментировал свой шаг сегодняшний А. А. Николаев.

Подняв совхоз «Угра», перешел председателем колхоза «45 лет Октября», задолжавшего на тот момент государству около 200 тысяч рублей. Картина медленной гибели села Щелканова была ужасна. Зарастали бурьяном постройки, безлюдели фермы, повальное пьянство вошло в привычку.

— Получилось почти по Достоевскому, — вспоминает А. А. Николаев и рассказывает: — Как бы ни входил или ни въезжал в Щелканово, церковь Владимирской Божьей Матери не минуешь. Полуободранный ее купол и звонница без колоколов и чудом со-

хранившиеся кресты — все это в былой величавости приветствовало каждого проходящего. Вроде бы церковь как церковь, с более или менее сохранившимися строениями, каких во множестве разбросано по округе, а как-то он шел и, засмотревшись, ахнул: «Господи, лепота-то какая!» И воинстину уверовал в гениальное утверждение Федора Михайловича, что «красота спасет мир». С тех пор деятельность свою поверял этой строчкой писателя.

Естественно, что в своей предвыборной программе он записал: «Особое внимание обратить на восстановление памятников национальной культуры и старины».

Щелкановцы осведомлены о попытках своего председателя реставрировать и вернуть к жизни постройки красавицы церкви.

Было приятно узнать, что, кроме собственно работы, А. А. Николаев интересуется и знает предреволюционную жизнь села Щелканова. Конечно, в основном по рассказам старожилов и скудным источникам, что разбросаны в слишком однобокой краеведческой литературе, где хроника того или иного города или деревни начиналась с 1917 года. Вот почему Александр Александрович завидует первому секретарю Рязанского обкома партии Л. И. Хитруну, которому доступны архивы области и особенно такие книги, как «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (издание 1860 года), по которой он изучает, чем занимались рязанцы сельчане сто лет назад. Оказалось — скотоводством! И, видимо, неспроста. А в той же Рязанщине в конце 50-х годов нашего столетия почти весь скот перерезали и принялись заниматься убыточным для этих мест зерноводством.

— Будет время, обязательно загляну в местные архивы, — пообещал А. А. Николаев. — За тысячи лет наши предки наверняка пришли к каким-то оптимальным направлениям в сельском хозяйстве для тамошних мест. Тем паче, что Рязанская область — рядом с Калужской.

Верно рассуждает председатель. До революции Щелканово значилось в богатых купеческих поселениях.

— Наделаю плетушек (корзин) — и в Щелканово. Деньги, конечно, матери отдавал, — вспоминает Егор Степанович Козлов, бывший житель соседнего села Ильинское. — Ярмарки были вплоть до 1969 года, потом закрылись, некому стало собираться — обезлюдели деревни.

Теперь-то мы знаем, почему в центре России вместо сельского многолюдья стала пустыня: воплотился в жизнь печально известный проект «неперспективные деревни», в котором, кроме всего прочего, вменялось увеличение продажи спиртного в укрупненных поселениях на 40 процентов. И стали пить те, кто пил мало или вовсе не пил. И вновь заработало провокационное утверждение недругов России, появляющееся в «нужные» времена, о чуть ли не генетической предрасположенности славян к пьянству, идущее с дохристианских времен.

— Когда пить-то было? — подтвердил мои размышления Егор Степанович. — Работали без разгиба, на солнце некогда посмотреть. Не курили мы и не пили — вот те крест!

Обрадовал я Козлова тем, что возобновились ярмарки в Щелканове. Почти что через 20 лет. И не без содействия нынешнего председателя колхоза А. А. Николаева.

На ниве просвещения и развлечения в селе работает Дом культуры. Три штатных работника и несколько подвижников из обще-

ственности пытаются увлечь щелкановскую молодежь не только спортивной деятельностью — футболом, вольной борьбой, но и своими силами поставили «Федота-стрельца» Л. Филатова, проводили вечера семейного отдыха, организовывали агитбригады. Это из традиционных мероприятий, к которым и претензий-то быть не может. Но вот к фронтальному наступлению американских видеофильмов ужасов и порнографии, которые сюда, как и всюду в стране, щедро поставляют кооператоры, можно и должно относиться только с осуждением. Во многих европейских странах государственные мужи бьют в набат по поводу опасной американизации молодежи, а следовательно денационализации культуры.

Ира Сигаева, заведующая жеремислинским клубом, порадовала известием: дескать, люди уже не ходят на рок-группы из района и области, надоело! Хороший знак. Может, от нынешнего перекорма поп-музыкой молодежь скорее повернется лицом к национальной культуре: музыке, танцам, театру? Дай-то бог...

Начальник планово-экономической службы колхоза Николай Лаврентьевич Берговской рассказал:

— В оснащение Дома культуры колхоз вложил 20 тысяч рублей. Есть видеосистема, но не работает, нет специалистов. Демонстрируются кинофильмы, зал на 350 мест. В общем, очаг культуры функционирует.

Николай Лаврентьевич проговорил это привычным тоном, как заученный урок, как необходимое, хотя и набившее оскомину. Мол, у нас в селе ваши «городские развлечения» имеются в полном наборе, не сомневайтесь.

Вот только нужны ли они в таком сером деревенско-городском ассортименте? Что-то, может быть, и необходимо: кинофильмы, выступления профессиональных артистов. Вне сомнения. Но прежде всего надо развивать формы клубной работы на местном материале — такие, как концерт мужчин села Щелканова на 8 Марта для всех женщин округи или тот же «Федот-стрелец».

На сегодня в Щелканове царит некий Вавилон: тут свои, местные, и переселенцы из Сибири, Средней Азии, Украины. Русские, украинцы, белорусы. Есть армяне, казахи, татары. Наверняка с собой они привезли частичку культурных ценностей того или иного края, республики. А тут арендный подряд, фермерство в самом начале его становления, работа без роздыха. Возможно, нужно подождать, пока в селе из переселенцев и местных сложится некая общность, соборность. Для этого нужны как внутренние движения, так и внешние. Так что энтузиазма больше пока сегодня в спорте. Как, например, в секции по вольной борьбе, которую ведет Фархад Захарбеков с щелкановскими ребятишками. Или же Виталий Ильюшин — свой специалист по футболу, он тренирует колхозную команду.

Щелкановский сельсовет курирует семнадцать больших и малых деревень. Нужен поиск среди односельчан, в архивах родного края, чтобы по крупицам воссоздать и взять с собой то из обрядов, игр, песенной культуры, что понятно и близко старым и новым щелкановцам. Председателю сельского Совета Анатолию Николаевичу Жулькову, как говорится, сейчас и карты в руки. Честно признаться, я с увлечением прочитал его «обращение ко всем избирателям Юхновского района» как доверенного лица А. А. Николаева во время предвыборной кампании. Судите сами:

«За века гений народа подарил Отечеству такие сокровища, ко-

торые не вместит ни один музей мира. И самое главное: это — земля будущего. Здесь все есть для расцвета края. А перспективы здесь такие, что несомненно увлекут инициативных, творчески мыслящих людей. Такие, как председатель колхоза А. А. Николаев, не только украшают нашу землю. Главное, что они работают по возрождению и дальнейшему подъему Российского Нечерноземья — этой национальной гордости страны.

Кажется, сама история определила этому краю судьбу славную, необычную, мужественную. И наш кандидат в народные депутаты СССР все силы, всю энергию готов отдать дальнейшему подъему нашего края, сегодняшнему воплощению его завтра».

За пять лет село Щелканово буквально возродилось из небытия. Двухэтажные коттеджи, особняки-усадьбы, профилакторий, оздоровительный комплекс, котельная с теплосетями, аптека, почта, хозяйственный магазин. В ближайшее время будут построены средняя школа и детский сад (прежние стали уже тесноваты); появится дом ветеранов, фельдшерско-акушерский пункт, еще двадцать коттеджей. Рентабельность хозяйства за эти годы возросла с 2 до 44 процентов. Чистая прибыль в 1988 году составила 1 миллион 251 тысячу рублей. На нужды сельского Совета за последние два с половиной года выделено около 50 тысяч рублей. Председатель А. А. Николаев всерьез взялся за исправление того урона, который нанесен русской деревне. Возрождается одна из таких погибающих деревень — «Астапова слобода». Там уже проложили асфальтовую дорогу, реконструируется ферма, строится детсад, медпункт, 10 коттеджей.

Не ошибусь, если скажу, что односельчане А. А. Николаева и многие избиратели, отдавшие свой голос за председателя колхоза, истинно болеющие за судьбу нашей страны люди, были обрадованы Обращением к 1-му съезду народных депутатов-аграрников, одним из 417 которых был и народный депутат СССР Александр Александрович Николаев. Суть Обращения сводилась к одному и главному: крестьянский труд должен быть престижным и уважаемым, а сам крестьянин — иметь право занять достойное положение в обществе. Так как дальнейшее угнетение крестьянина административно-командной системой воистину смерти подобно как для народа, так и для страны.

●

КТО У МОЛОДЕЖИ ОТНИМАЕТ НРАВСТВЕННОСТЬ?

В сентябре прошлого года мне довелось беседовать с руководителями и создателями «Взгляда», в том числе с ее главным редактором А. Пономаревым. Содержательной и поучительной оказалась беседа. Я спросил, какие качества хотела бы воспитать своими передачами редакция в молодом зрителе? И получил ответ, что главное — это воспитать в зрителе терпимость! «Но ведь терпимость терпимости рознь и это не повод показывать все подряд без принципиальной позиции», — возразил я. «Нет, нашему обществу так не хватает терпимости к иным, чем у нас, взглядам, не хватает терпимости к инакомыслию, это единственный путь создания новой атмосферы в стране, — услышал я в ответ. — Сейчас в нашей стране пересматривают Уголовный кодекс в сторону милосердия и большей гуманности...» И тут же без подвоха и перехода А. Пономарев спросил меня: «А вы знаете, сколько у нас в стране гомосексуалистов?» Я ответил, что приблизительно знаю. «У нас среди мужчин 25 процентов гомосексуалисты, и это — проблема», — ошарашил меня

Пономарев. «Но позвольте, — изумился я, — мировая статистика утверждает, что половых извращенцев всего 4—5 процентов, а не каждый четвертый, как вы говорите. Откуда такие данные?» Ответа не последовало. Так я и не понял, как же редакция «Взгляда» собирается гуманизировать отношение к извращенцам. На этом наша беседа и закончилась *.

Понятно было одно: просто так подобные разговоры не заводятся. Общественное мнение загодя формируется заинтересованными лицами и группами в духе вседозволенности и терпимости к явлениям жизни, которые традиционно в нашей стране стояли за гранью дозволенных, огражденные прежде всего моралью и нравственностью, а потом и законом. И вот сейчас, в период широкого и гласного обсуждения проекта нового Уголовного кодекса, общество подвергается массированным атакам со страниц печати сторонниками вседозволенности в такой стержневой для любой нации проблеме, как половая мораль, включающая в себя и отношение к гомосексуализму. «Давно изжили себя уголовно-правовые (вообще запретительные) меры борьбы с гомосексуализмом», — вещает со страниц «Аргументов и фактов» председатель секции социологии отклоняющегося поведения Ленинграда Я. Глинский. Ему вторит со страниц «Литгазеты» еще более маститый специалист, член Международной академии сексологических исследований И. Кон в пространной статье «Справедлива ли кара?». Вкратце их рассуждения сводятся к тому, что гомосексуалисты — это совершенно нормальные люди, так как — сие можно прочитать у специалистов — «ни по одному психологическому тесту отличить гомосексуалистов от остальных людей невозможно» (хотя это и не так). Гомосексуализм, по мнению его защитников, это не болезнь, а всего лишь «несколько другая сексуальная ориентация». «Наше общество должно (ни больше ни меньше! — **А. А.**) признать право на такое различие, как признано это и в абсолютном большинстве стран», — утверждает Кон. При этом авторы всех публикаций, «выжимая слезу», делают упор лишь на эмоционально-гуманистическую сторону проблемы защиты гомосексуализма и избегают ссылаться как специалисты (?!) на конкретные исследования и данные статистики, рассчитывая на то, что широкая публика мало знакома с этой грязной стороной человеческий ущербности. Но давайте посмотрим, как же характеризует гомосексуализм психиатрия и медицина.

Современная психиатрия утверждает, что агрессивность и преступления тесно связаны с гомосексуальностью, которые, в свою очередь, связаны с садизмом, из чего проистекает комплекс власти и комплекс избранности «голубых» (они считают, что у них благородная голубая кровь!). Сошлюсь на авторитет в этой области советского профессора А. Свядоща и его книгу «Женская сексопатология» (М., Медицина, 1974 г.). Специально избегаю цитировать о мужской ущербности, там картина еще более страшная. Вот некоторые цитаты из его книги: «Автором... было обследовано 96 женщин-гомосексуалисток. **Большинство из них отбывали наказание за уголовное преступление...»** (стр. 107). «Активные гомосексуалистки обнаруживали нередко в той или иной степени садистские наклонности». (стр. 110). «Из 39 пассивных гомосексуалисток

---

* С весны этого года А. Пономарев стал возглавлять молодежную редакцию ЦТ. — **Ред.**

36 когда-либо в прошлом жили гетеросексуальной (то есть нормальной) половой жизнью, причем половина из них была замужем, некоторые имели детей, но ни у одной из них брак не был счастливым» (стр. 115). «Среди гомосексуалистов 25 процентов когда-либо совершают попытки самоубийства, 3 процента кончают самоубийством, но около 60 процентов **не считают свое состояние противоестественным и не желают лечиться»** (стр. 160). Но это относится, в принципе, не только к самоубийствам, но и к убийствам. Это комплексы разрушения и саморазрушения. А психологическими корнями этого являются садизм и мазохизм, которые неразрывно связаны с гомосексом.

Так что же, нам надо быть более терпимыми к уголовщине и потенциальным убийцам? К этому будет призывать «Взгляд», Я. Глинский, И. Кон или их единомышленник Л. Загальский, сценарист фильма «Группа риска»? Последний, рассуждая на страницах «Огонька» (№ 49, 1988 г.) о проститутках, наркоманах и гомосексуалистах, призывает «гуманно встать с ними вровень (?! — **А. А.**), посмотреть им в глаза и попытаться понять, почему они такие... Во многих странах разрешены браки между гомосексуалистами, **усыновление детей** (подчеркнуто мной. — **А. А.**). Конечно, можно и по сей день говорить, что это гримасы капиталистического строя. Мы сейчас касаемся вопросов, к которым одноклеточная философия (то есть мнение всех НОРМАЛЬНЫХ людей. — **А. А.**) не подходит, нужен иной уровень понимания жизни (нас сейчас к этому призывают). И в этом отчасти должно проявиться новое мышление». Каков ниспровергатель? А каковы словесные украшения для достижения своих целей — «иной уровень понимания жизни», «новое мышление», «все призывают»? Может быть, нам недолго осталось ждать, и Молодежная редакция ЦТ решится показать нам, с «одноклеточной философией», такую «свадьбу» и «усыновление», и мы сможем прочитать об этом в «Литературной газете» и в «Огоньке»?

Прошлым летом был очень сочувственный сюжет о проститутках и гомосексуалистах в программе «Взгляд», который вызвал бурю протестов и негодования. Но что для «гуманистов» протесты этих противных до тошноты своей нормальностью обывателей!

Интересно, согласился бы Л. Загальский, призывающий встать с извращенцами вровень, то есть, по-видимому, подняться до их уровня (не опуститься же он нас призывает?), согласился бы он, чтобы самолетом, в котором он летел бы, или близлежащей атомной станцией, или ракетным комплексом управлял или хотя бы имел отношение к этому кто-нибудь из членов такой своеобразной «семьи», ну, например, «отец» — глава, или «мать», знай этот «гуманист» статистику саморазрушения (25 процентов) и разрушения (90 процентов) среди так горячо защищаемых им подопечных?

Подводя итоги прошлого года, всезнающая американская статистика сообщала, что Нью-Йорк прочно удерживает первое место среди городов мира по количеству убийств (около 2000 жертв!) и по числу гомосексуалистов. Причем количество убийств резко возросло по сравнению с предыдущими годами. К этому хотелось бы добавить, что и всемирным лидером по заболеваемости СПИДом также является Нью-Йорк, а самыми пораженными среди больных — гомосексуалисты. Это официальные данные.

В январе этого года из Франции пришло сообщение, что в полиции создано специальное мощное подразделение по борьбе с

проститутками обоих полов (мужчины в этой категории «профессионалов» составляют около 40 процентов), так как проститутки стали особой опасностью для общества не только как разносчики СПИДа, но и как та прослойка, что аккумулирует в себе наибольшее количество уголовных правонарушений. Видимо, чтобы в нашей стране смягчить законы к проституткам обоих полов и извращенцам, надо прежде создать институты защиты от них, иначе это будет опасным попустительством.

Сторонники либерализации половой морали призывают попросту разрушить защитительные меры, существующие в нашей стране и плохо-бедно, но ограждающие интересы **здоровых** и **нормальных** граждан от вакханалий половой распущенности и вседозволенности, которая царила и царит в «цивилизованных» странах, навязывая законодательные «чужебесия» и не предлагая ничего взамен, кроме комфортности существования для гомосексуалистов.

Кстати говоря, в зарубежной прессе мелькали сообщения о том, что очень влиятельные политические силы США и Западной Европы строятся по принципу гомосексуальности своих членов. Они-то и добились «свободы и равенства» для гомиков, используя могущество своих лоббистов в политических партиях и парламентах. Вспыхивающие время от времени политические скандалы в верхних эшелонах управления западных стран, связанные с разоблачениями любовных похождений властей предержащих в притонах и клубах гомосексуалистов, показывают, что, несмотря на «признанное право», не может человек «с другой сексуальной направленностью» занимать крупный пост в социальной структуре общества, несмотря на весь либерализм и терпимость законов. Достаточно вспомнить широко освещавшиеся нашей прессой скандалы с военным министром Великобритании Профьюмо, который был уличен в связях с извращенцами и в содержании своеобразных салонов. Он был вынужден из-за этого с позором уйти в отставку. А шумное дело одного из лидеров лейбористского правительства, который «погорел» на любовной связи с жокеем?.. Так что говорить о полном социальном и правовом равенстве этой своеобразной категории «здоровых» людей не приходится даже в таких «правовых» государствах, как Великобритания. Однако наши «гуманисты» и правоведы об этом помалкивают.

В области массовой культуры не без участия этих мощных кланов, построенных на половых интересах, мы стали свидетелями тотального захвата эстрады и телевидения потоком мужеподобных женщин и женственных мужчин или же нарочито бесполых существ-исполнителей. Вряд ли кто станет оспаривать это наблюдение, после того как у нас появилась возможность смотреть в огромных количествах выступления музыкальных групп всех жанров и направлений западного разлива, единых в одном: зрительный образ, ими создаваемый, построен на преднамеренной путанице половых признаков или же на двуполости. Отечественная молодежная эстрада от зарубежья не отстает. Мало кто из знатоков сможет назвать среди рок-звезд «нормального» мужчину или женственную женщину. Таких, похоже, уже не допускают на экран! Здесь уже не до шуток — это кумиры миллионов наших несчастных «тинэйджеров», оглушаемых и оглупляемых дорогостоящей, но и доходной индустрией развлечений.

В декабре 1988 года в ленинградской программе «Пятое колесо» было показано пространное интервью с Константином Райкиным

(он предстал на экране с густо накрашенными глазами) и режиссером Романом Виктюком, в котором они взахлеб расхваливали поставленный ими спектакль по пьесе Жана Жане «Служанка». В огромных кусках спектакля, показанных в программе, зрители увидели, что в пьесе основные женские роли играют мужчины, причем мужчины полуголые, но в юбках! И они — то раздеваются, то одеваются, то кутаются в боа, то трясут юбками в такт жеманным и сладострастным мелодиям песен французских шансонье. Ну и, конечно же, ничего, кроме слов восторга, о своем творении мы от Райкина и К° не услышали.

Здесь уместно немного рассказать, кто автор этой весьма странной, если не сказать больше, постановки. Жане — сын неизвестных родителей. Судя по его дальнейшей карьере, возможно, что он сын вора или проститутки. До 10 лет он воспитывался в доме призрения, а начиная с 10-летнего возраста сидел по тюрьмам всех стран Европы — как международный вор-рецидивист. Свою литературную карьеру в тюрьме и начал. В своих романах, пьесах и стихах Жане воспевает преступность и преступников, воров, проституток и гомосексуалистов, не скрывая, что и сам он гомо. В 1948 году его, как неисправимого рецидивиста, приговорили к пожизненному заключению. Но тут за него вступился целый ряд крупных французских писателей, в том числе певец гомосексуализма Андре Жид, декадент Сартр и авангардист Кокто. Они подали петицию президенту Франции, и в результате Жане помиловали.

Как видим, жизненный и «творческий» путь Ж. Жане весьма поучителен для того, чтобы задуматься, что же в действительности мешает обществу «встать с ними вровень». Не тот ли древний и верный инстинкт самосохранения, который вынуждает нормальное общество помещать сумасшедших в «психушки», чумных — в инфекционные боксы, уголовников — в тюрьмы, а кровь всех доноров проверять на СПИД и сифилис?..

Как бы не просмотреть того нравственного и морального вируса, который может заразить наше общество излишней терпимостью (вопреки нашим национальным и религиозным традициям) ко всему тому, что заимствуется в период упоительных и таких долгожданных контактов с окружающим миром. Если мы действительно созрели для того, чтобы смягчить и даже легализовать некоторые формы человеческой ущербности, то делать это надо, по-видимому, после широкого обсуждения не только сторонниками «гуманизации», но и всей широкой общественности.

Стоит подумать хотя бы о том, какова будет обстановка в частях Советской Армии, если гомосексуализм будет узаконен? Армия и без того переживает трудный период борьбы с «дедовщиной» и «землячеством». А какова станет действенность исправительных учреждений, которые и доныне в большой мере не отвечают своему предназначению, после послаблений к извращенцам, которые там и так «процветают»? Или что будет в пионерских и молодежных лагерях, где лица «с другой сексуальной ориентацией» смогут спокойно растлевать малолеток?

Сейчас на страницах печати ратуют за отмену смертной казни. Я также сторонник ее отмены. Но все критики почему-то не называют равной замены этой бесчеловечной меры, хотя таковой, несомненно, должно было бы стать пожизненное заключение. И уж если общество хочет быть истинно гуманным, то пора бы подумать о том, чтобы приравнять аборты к умышленному убий-

ству, а таких убийств у нас в стране в год совершается не менее двух миллионов. Думаю, что квалификацию аборта как убийства никто оспаривать не будет. Вот где простор для подлинного гуманизма и человеколюбия! Но молчит об этом вместе с председателем Советский детский фонд, больше занятый финансированием конкурсов красоты и политически доходных мероприятий. Если говорить о таких серьезных проблемах, как легализация проституции, разрешение браков между однополыми, снятие уголовного преследования за мужской гомосексуализм (ведь все, что не запрещено законом, будет разрешено), то эти вопросы следует решать путем проведения **всенародного референдума**, а не явочным порядком, как это сделали анонимные авторы проекта новой редакции Уголовного кодекса.

Только тогда, когда в нашей стране будет создана правовая и государственная система мер против посягательств на здоровье, жизнь и мораль **нормальных** людей, система мер против неизбежного зла, к которому нас, по сути, призывают быть терпимыми ретивые гуманисты, — только тогда, повторяю, можно будет избежать серьезных потерь, как это было после принятия непродуманных (или слишком «хорошо продуманных»?) законов по борьбе с пьянством или о кооперативном движении.

Широкое обсуждение в ходе всенародного референдума и вынесение решений по этим непростым и болезненным вопросам по его результатам — только в этом я вижу пути развития подлинной гласности и демократизации нашего общества.

А. АРХИПОВ,
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Считаем вопросы, поднятые в статье А. Архипова, важными. Решение их позволит укрепить устои морали и нравственности нашего общества. Мы полагаем, что мнения читателей, их предложения по затронутым проблемам будут особенно важны при обсуждении и принятии соответствующих законодательных актов в Верховном Совете СССР.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ: КАНУН И НАЧАЛО

1 СЕНТЯБРЯ — 50 ЛЕТ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последнее время в нашей стране и за рубежом появляется очень много публикаций, посвященных анализу причин возникновения второй мировой войны.

Накануне пятидесятой годовщины начала войны это вполне закономерно. Во-первых, человечество хочет до конца разобраться в причинах величайшей трагедии XX века, во-вторых, перестройка, вызвав небывалый интерес к истории нашей страны, позволяет еще раз, на основе впервые широко обнародованных документов, критически оценить тот особенный для страны и всего человечества исторический период, и, в-третьих, новое политическое мышление, которое предполагает приоритет политических средств решения всех международных противоречий и проблем, активизировало поиски путей предотвращения войны в современных условиях. В этом смысле анализ причин второй мировой войны и имевшихся возможностей остановить ее развязывание представляется исключительно плодотворным.

В большинстве материалов совершенно

обоснованно отмечается исключительная сложность предвоенной международной обстановки, которая трудно поддавалась оценке и практически исключала безошибочность действий дипломатии любого государства. В то же время появилось немало публикаций, в которых объективно существовавшие тогда противоречия и реальности игнорируются, многое, если не все, сводится к субъективному фактору.

Такие подходы к анализу причин второй мировой войны не приближают нас к истине, а приводят порой к прямо противоположным выводам. Таким, например, что предвоенная политика Сталина привела к войне, и другим, подобным этому.

В связи с этим хотелось бы еще раз обратиться к обстановке накануне войны, руководствуясь не эмоциями, а фактами.

Начало и середина 30-х годов характеризуются активизацией фашизма и приходом его к власти в Германии, Италии и чуть позже в Испании. Нет смысла подробно останавливаться на причинах быстрого роста и успехов фашизма: они достаточно исследованы. Подчеркнем лишь итог этого — фашизм стал силой, которая не только уничтожила прогрессивные и просто здоровые силы в своих странах, но и нацелилась на уничтожение человеческой цивилизации.

В 1936—1937 годах Германия, Япония и Италия создали «Антикоминтерновский пакт» — политический фашистский союз. В мае 1939 года Германией и Италией был подписан «Стальной пакт». Так политический союз стал военным. Это был один из первых практических совместных шагов фашизма к развязыванию войны. 10 августа 1939 года Япония дала согласие на присоединение к «Стальному пакту». Так создалась предпосылка для превращения будущей европейской войны в мировую.

Известно, что такому ходу развития событий способствовал позорный Мюнхенский сговор (конец сентября 1938 г.). О нем много написано. Общий вывод большинства историков мира таков: мюнхенская сделка подтолкнула Германию к достижению ее целей военными средствами — угрозой оружием и его использованием, ускорила превращение фашизма из политической силы в военную. Превращение политического «Антикоминтерновского пакта» в военный «Стальной пакт» — это следствие и прямой результат мюнхенского предательства. Исторический анализ показывает, что Мюнхен мог стать не детонатором второй мировой войны, синонимом не войны, а мира. Документы свидетельствуют, что Гитлер не решился бы выступить в одиночку против всей Европы из-за Судетской области. И если бы все-таки Гитлер выступил, то итоги этого, вероятнее всего, были бы следующими:

1) Германская армия (39 дивизий для вторжения) была бы разбита: боевая мощь чехословацкой армии (37 дивизий) с учетом 30 советских и 28 французских дивизий, готовых немедленно выступить на помощь Чехословакии, и их резерва была явно больше германской и (или)

2) Гитлер был бы отстранен от власти. Известно, что немецкие генералы тайно направили премьер-министру Великобритании Чемберлену послание, в котором говорилось: «Мы убеждены: если союзники торжественно заявят, что они готовы использовать силу, чтобы помешать Гитлеру захватить Чехословакию, фюрер откажется от своего замысла. Поэтому мы умоляем Великобританию

и Францию недвусмысленно объявить свою позицию, причем как можно скорее, так как вторжение в Чехословакию назначено на 28 сентября. Кроме того, союзники должны знать, что, если в самом невероятном случае Гитлер все-таки решится привести в исполнение свой план, мы готовы помешать ему всеми средствами и отстранить (разрядка моя. — **В. К.**) его от власти» *.

Таким образом, существовала реальная возможность остановить войну, но она была упущена. Гитлер был нужен Западу для борьбы с большевизмом и коммунизмом. Посол Великобритании в Берлине Гендерсон сообщал 6 октября 1938 г. министру иностранных дел Галифаксу к удовлетворению обоих: «...Мы сохранили Гитлера и его режим» **. Присоединение Судетской области (до 10 октября 1938 г.), последующий захват всей Чехословакии (15 марта 1939 г.) — это первый (далее разрядка моя. — **В. К.**) шаг «великого похода на Восток». И сделать его помогла политика Англии и Франции. Эта политика во многом объясняет тактику переговоров, которые под давлением народных масс Англия и Франция вынуждены были вести с СССР летом 1939 года, — неспешное обсуждение вопросов, постоянное согласование ответов с Парижем и Лондоном, недостаточно высокий уровень их делегаций без реальных полномочий и т. д. Еще на начальной стадии переговоров высокопоставленный деятель МИД Англии Л. Кольер высказал мнение, что английское правительство не желает переговоров с СССР, «а хочет дать Германии возможность развивать агрессию на Восток за счет России...» ***.

Итак, мы подошли к главному вопросу: что же было делать в этих условиях Советскому Союзу? С одной стороны, «Стальной пакт», направленный против нас и грозящий в ближайшем будущем ведением войны на два фронта — в Европе и на Дальнем Востоке, с другой — отказ Англии и Франции от действий против фашизма и подталкивание ими Германии к «походу на Восток». При этом на Востоке малая война уже шла: Япония в это время на Халхин-Голе проверяла СССР на крепость, репетировала войну большую, которая в случае удачной репетиции в определенных условиях могла стать реальной.

Ответ известен: СССР прервал переговоры с Англией и Францией и заключил с Германией 23 августа 1939 года Пакт о ненападении и позже — 29 сентября 1939 года — Договор о дружбе и границе.

Объясняя первый шаг, глава советской военной миссии К. Е. Ворошилов заявил: «Не потому прервались переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий» ****. Несмотря на некоторые неожиданности нравственно-политического плана второго договора, вправе ли мы

---

* Цит. по: Борисов Ю. Мюнхенский сговор. «Советская Россия», 28 сентября 1984 г., с. 4.

** Цит. по: Гоудера Карел. Если бы Бенеш не струсил?.. — «ЛГ», 5 октября 1988 г., с. 14.

*** Цит. по: Сиполс В. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 239.

**** Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Т. 2, с. 343—344.

считать договоры однозначно ошибочными, как это делают некоторые авторы? *.

Анализ обстановки показывает: нет, не вправе. Мы почему-то забываем, что речь шла о жизни и смерти России, Советского Союза. Помощи ждать было неоткуда. Нельзя забывать, что Англия и Франция еще раньше — 30 сентября и 6 декабря 1938 года соответственно — подписали с Германией декларации о ненападении. Надеяться можно было только на себя. Главная задача состояла в том, чтобы не дать разразиться войне в любой момент.

И что для истории «важнее»: чтобы СССР жил или чтобы о нем, пусть погибшем, хорошо вспоминали? Вопрос риторический.

Иногда приходится слышать и читать, будто договоры позволили Гитлеру напасть на Польшу, повернуть на Запад, захватить Францию и начать боевые действия, пусть и ограниченные, против Англии. Что можно ответить на это? Пакт о ненападении с Германией был заключен 23 августа, а уже 1 сентября Гитлер начал наступление на Польшу. Неужели можно серьезно считать, что за несколько дней можно подготовиться и решиться начать войну? К войне готовятся годы, непосредственная подготовка армии уже готовой к войне страны занимает месяцы. Документально подтверждено, что дата нападения на Польшу («не позднее 1 сентября») была назначена 3 апреля 1939 года, то есть почти за пять месяцев до советско-германского пакта о ненападении, уже 11 апреля Гитлер утвердил план «Вейс» — план нападения на Польшу. В том, что война после захвата Польши покатилась на Запад, есть определенная закономерность — Франция и Англия стали жертвой своей мюнхенской, антисоветской политики. У них была еще одна возможность остановить Гитлера, затушить вспыхнувший пожар войны, если бы они по-настоящему вступили в войну на стороне Польши, а не ограничились «бумажными пулями». Преимущества были на их стороне. Но они предпочли вновь уступить Гитлеру, фактически принеся в жертву Польшу, — ведь захват Польши был вторым шагом похода на Восток. Этот шаг для них был важнее всеобщего мира и жизни польского государства. В некотором смысле и Польша стала жертвой своей антисоветской политики — во время мюнхенского кризиса правительство Польши отказалось пропустить советские войска на помощь Чехословакии (если бы Чехословакия согласилась ее принять) и тем самым дало Англии и Франции один из мнимых доводов отвергнуть предложения СССР о коллективном отпоре агрессору, а в дальнейшем блокировало все контакты с СССР по вопросам борьбы с фашизмом, ориентируясь на Англию, которой Польша и была предана.

Но не стал ли жертвой договоров и СССР, ведь Германия договоры нарушила? Факты и логика говорят: нет, не стал. Если СССР подвергся нападению даже в условиях действия этих договоров, то без них нападение совершилось бы тем более и, вероятнее всего, раньше. Так что выигрыш двух лет подготовки к войне налицо. Надо ли объяснять, что значили тогда эти два года подготовки? В эти два года были проведены большие мероприятия, которые во многом обусловили Победу!

---

* См., например: Семиряга М. 23 августа 1939 г. — «ЛГ», № 40, 5 октября 1988 г.; Буков К., Самородов А. Правая рука. — «Московская правда», 6 апреля 1982 г., Грановский В., У истории нет вариантов. — «ЛГ», № 17, 26 апреля 1989 г.; Шубин А. Цена была чрезмерной. — Там же и др.

Во многих статьях высказывается мысль, что главными противоречиями того времени были межимпериалистические противоречия, прежде всего между Германией и англо-французским блоком, а не противоречия между империализмом и социализмом. Действительно, межимпериалистические противоречия в то время крайне обострились, внешние проявления этого как бы затмили коренное противоречие того периода. И все-таки именно глубинные противоречия эпохи определяли империалистическую политику! Признавая резкое обострение межимпериалистических противоречий, надо сделать следующий шаг в их анализе, а именно — оценить, какими путями они могли быть разрешены?

Одним из путей могло стать разрешение противоречий за счет СССР. Вся предвоенная политика Англии, Франции, да и США, направленная на провоцирование нападения Германии на Советский Союз, убедительно подтверждает, что этот путь считался главным. По планам «Барбаросса» и «Ост», разработанным Германией для войны с СССР, германские войска должны были дойти до Урала и остановиться. А что же дальше? Нельзя исключать, что наиболее агрессивные империалистические круги, не отрешившиеся от своей давней цели уничтожить первое социалистическое государство, могли добиваться проведения в жизнь плана раздела территории СССР. Если бы планы Гитлера были выполнены, то разделение могло бы произойти по географическому принципу, который уже опробовался в годы империалистической интервенции против Советской России: Дальний Восток и Забайкалье — Японии, Закавказье, Средняя Азия и часть Севера — Великобритании, часть Севера и Восток — Соединенным Штатам Америки.

Если бы Советскому Союзу не удалось расколоть единый империалистический лагерь, то нельзя исключать, что такая возможность могла превратиться в реальность. Возможность объединения против СССР заинтересованных империалистических государств реально существовала до лета 1940 года, когда Франция потерпела поражение от Германии. До этого времени создание единого империалистического фронта против нас было одной из самых опасных, если не самой опасной, вероятностью. И несколькими неожиданными (в этом суть! — В. К.) дипломатическими ходами — в том числе и главным образом заключением договоров — Советскому Союзу удалось расколоть империалистический мир. В итоге воевать на два фронта стал не СССР, а Германия. В этом уже были заложены семена нашей будущей Победы. (Здесь, думается, есть «информация к размышлению» любителям порассуждать о том, как Гитлер перехитрил Сталина.)

Безусловно, нельзя утверждать, что к тому времени были исчерпаны полностью все возможности договориться с Англией и Францией о создании единого антифашистского блока. Все прогрессивное человечество искренне сожалеет об этом*. Сейчас, видимо, вряд ли можно определить тот момент, до которого Советскому Союзу можно было вести переговоры. Тогда руководство СССР действовало по обстановке, что, наверное, отвечало здравому смыслу. И если СССР искренне стремился к заключению соглашения с Англией и Францией, то «у западных держав расчет был другой: поманить СССР обещанием союза и помешать тем самым заключению предложенного нам пакта о ненападении, лишить нас

* Подробнее об этом см.: Чубарьян О. В преддверии второй мировой войны. — «Коммунист», 1988, № 14, с. 102—112.

возможности лучше подготовиться к неизбежному нападению гитлеровской Германии на СССР» *.

Осуждая Сталина за его ошибки и преступления, не следует переносить это, так сказать, «автоматически», на всю политику СССР. Анализ предвоенной политики нужен и важен, но не такой тенденциозный, как это делает, например, профессор М. И. Семиряга, обвиняя СССР в национальном эгоизме («продление мирного состояния только для себя»), объявляя заключение договора от 23 августа 1939 года «просчетом советского руководства» **.

Какую же альтернативу договорам видит М. Семиряга? «Вполне возможно применительно к августовским дням 1939 года представить себе иной путь развития событий: Советский Союз отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней — и одновременно терпеливо, но упорно добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией. Даже если бы оно и не было заключено немедленно, то все равно угроза его, как дамоклов меч, висела бы над агрессором и удерживало его от немедленных авантюр. А любая затяжка в такой обстановке была бы нам на пользу (? — В. К.)» ***.

Ну, что ж, в свете вышеприведенных слов М. С. Горбачева остается только пощадить профессорские седины уважаемого М. Семиряги.

Думается, что факты, если их рассматривать объективно, говорят о другом. Эффективной альтернативы заключению этого договора тогда не было. Этого вывода придерживаются многие советские ученые — историки и философы ****. Да, заключенный договор имел некоторые негативные последствия (как говорится, «всем мил не будешь»), он не остановил войну. Но договор и не мог этого сделать: вся история войны убедительно свидетельствует, что никакими «бумагами» войну не остановить, если агрессивная политика ее выпестовала и сделала неизбежной. И если «исходить именно из результата», на чем настаивает М. И. Семиряга, то стратегический результат определяется не тем, что договор войну не остановил (после Мюнхена и при последующей политике Англии и Франции она и не могла быть остановлена, а СССР в одиночку сделать этого тем более не мог), а тем, что договоры — это наша дипломатическая победа, кирпичик великой Победы.

Конечно, далась она нелегко, миллионы советских людей отдали за нее свои жизни. Огромные жертвы (особая тема!) определялись многими факторами, но главным было то, что борьба с фашизмом была самой беспощадной в истории человечества — не на жизнь, а на смерть.

30 марта 1941 года Гитлер заявил: «Речь идет о борьбе на уничтожение... Война будет резко отличаться (разрядка моя. — В. К.) от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего». «Развивая» эту мысль, Гитлер добавлял: «Мы обязаны истреблять население... Нам придется развить

* Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. 1917—1987. — М., Политиздат, 1987, с. 24.

** «ЛГ», № 40, 5 октября 1988 г.

*** Там же.

**** См., например: Орлов А., Тюшкевич С. Пакт 1939 года: альтернативы не было. — «ЛГ», № 43, 20 октября 1988 г.; Ежов В. Антигитлеровская коалиция до войны? Возможности и реальности. — «ЛГ», № 17, 26 апреля 1989 г.; Рыбкин Е. Мировоззрение и военная история. — «Военно-исторический журнал», 1989, № 3, с. 48—58 и др.

технику истребления (разрядка моя. — В. К.) населения...» *. Во исполнение этих указаний Гитлера, 13 мая 1941 года германское правительство утвердило директиву «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых мероприятиях войск». Она «узаконила» слова Гитлера: «Германские солдаты, виновные в нарушении международного права, наказываться не будут» **.

Поэтому вопрос стоял так: быть или не быть Советскому Союзу, всей мировой цивилизации.

Факты убедительно свидетельствуют, что СССР, решая вопросы безопасности страны, приоритет отдавал коллективным способам обеспечения мира. И нет вины СССР в том, что этот путь Англией и Францией накануне войны был отвергнут. Опасность войны в капиталистическом окружении выдвигала на передний план необходимость проведения не совсем дипломатически «привлекательных» и «красивых» мероприятий, какими и были заключенные с Германией договоры. Но они были вынужденными и жизненно необходимыми. Не видеть этого может только тот, кто не хочет этого видеть, кто фактически безучастен к судьбе своей страны и своего народа.

Война величайшей трагедией вошла в жизнь нескольких поколений, поэтому вопрос о ее причинах и виновниках развязывания не может рассматриваться абстрактно, без учета отношения народа к войне. Это, по крайней мере, безнравственно, а в некотором смысле и кощунственно. Наш народ под руководством партии в тот переломный период развития человечества вел справедливейшую, священную войну вовсе не ради «исправления ошибок» Сталина, а за свою Родину, отстаивал интересы всего человечества, всей цивилизации, которую фашистская чума намеревалась отбросить назад. И в этой войне победил!

Такое великое и правое дело по плечу только народу, духовно освобожденному, обладающему внутренней свободой, каким был и остался советский народ, а вовсе не народу-«рабу», каким его именуют некоторые «рыцари» пера и кисти...

Никогда не думал, что когда-нибудь придется доказывать, что вторая мировая война была развязана не по вине СССР, и писать в защиту нашей великой Победы, которой хотят лишить наш народ. И вовсе не потому, что на Западе не было желающих это сделать (такие попытки не прекращаются до сих пор), а потому что эти попытки, то ли по недопониманию (хочется верить, что это так), то ли сознательно, делаются отдельными неблагодарными согражданами (но соотечественниками ли?). Но можно не сомневаться, что советские люди понимают и поймут, где искреннее желание разобраться в таком сложнейшем явлении, как вторая мировая война, в том числе и в наших просчетах, а где оскорбительная околонаучная возня.

Вячеслав КРУГЛОВ,
кандидат военных наук,
подполковник,
г. Москва

---

* Цит. по: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. — 3-е изд., испр. и доп. — М., Воениздат, 1984, с. 30.

** Там же, с. 32.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УЧИТЫВАЯ ОПЫТ ПРОШЛОГО

Из писем в редакцию

Азеф проявлял изумительный талант лицемера и играл свою роль в совершенстве.

Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Париж, 1911, с. 41

НАСЛЕДНИКИ АЗЕФА

Московские и ленинградские газеты и журналы рассказали о суде над провокатором А. Норинским, пытавшимся вызвать репрессии против «Памяти» и тех, кого отождествляют с «Памятью». Авторы публикаций отмечают взаимодействие с ним главного редактора журнала «Знамя» Г. Бакланова, который размножил фальшивку огромным журнальным тиражом. Создается, однако, впечатление, будто неудавшаяся провокация — их личная затея, случайная уловка двоих. В действительности она — закономерность, своеобразное общественное явление, о чем свидетельствуют как давние, так и совсем свежие факты. Вряд ли стоит вспоминать классический пример с Азефом, проникшим в партию эсеров, — пример этот хрестоматийный. Полезнее поговорить о наследниках провокатора.

Теперь у нас много пишут о жестоко-

стях Сталина и его окружения. К сожалению, мало встречается сообщений о том, что предшествовало этим жестокостям и кто был их инициатором. Не претендуя на обстоятельный показ деятельности таких людей, коротко скажу хотя бы об одном. Тем более что совершенное им подстрекательство помогает понять некоторые странные события сегодня.

Тесть Н. И. Бухарина, ныне мало кому известный Михаил Залманович Лурье (Юрий Ларин) шестьдесят лет назад издал книгу «Евреи и антисемитизм в СССР». Не знаю, как теперь, а до недавнего времени она была надежно спрятана в спецфондах и потому оставалась неизвестной. А скрывать ее были основания, потому что автор в числе прочего писал:

«Надо, чтобы масса подозрительно настраивалась против каждого, кто будет проявлять своим поведением, выражениями и разговорами сочувствие антисемитизму. Надо, чтобы в таком человеке масса видела или тайного контрреволюционера, сознательно старающегося развалить рабочие ряды, или такого темного человека, который по своей темноте стал игрушкой (передаточным рупором) тайных монархических организаций. Надо широкое распространение сознания, что нельзя быть в других отношениях «хорошим парнем», а в отношении еврейского вопроса антисемитом. Надо, чтобы такой «хороший парень» на общем собрании рабочих был разоблачен, как вольное или невольное орудие контрреволюции. Задача передовых рабочих и крестьян — содействовать тому, чтобы в сознании широких рабочих масс слово «антисемит» приобрело то же значение, что и слово «контрреволюционер» (Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.—Л., 1929, с. 257).

Надо так надо — оно и приобрело такое значение. Потому Ю. Ларин требовал расстреливать «контрреволюционеров» (там же, с. 259). Причем имел в виду не какие-то отдельные случаи, а в подлинном смысле слова ставил государственную задачу. Она выглядела так: «Усиление репрессий против всякого антисемитизма по партийной линии, а по линии судебного преследования за антисемитизм всех вообще повинных в нем должностных лиц (в частности, удаление их из аппарата при чистке и после нее) и за все вообще проявления антисемитизма со стороны интеллигенции и членов враждебных классов — такова вторая линия» (там же, с. 283).

По этой «линии», например, были объявлены «контрреволюционерами» учащиеся школы ФЗУ «Ревтруд» в Тамбове, которые учинили ругань и драку со своим сверстником — мальчишкой еврейской национальности. Если такой же конфликт происходил между русскими и белорусами, то никто и не думал о какой-то национальной вражде. А тут еврейский журнал «Трибуна» восклицал: «За чистоту ленинской национальной политики. Антисемитизму — беспощадный отпор»; «Великорусский шовинизм — родной брат антисемитизма и местного шовинизма. Антисемитизм был и остается оружием классового врага» («Трибуна», 1932, № 29—30, с. 20).

Уже в этом случае нетрудно обнаружить закономерность. Так, сперва вырабатывается механизм, скомпонованный из нравственных и гуманистических принципов и скрепленный идеей интернационализма. Этот механизм не требует обслуживания со стороны его конструкторов — он включается и действует самостоятельно,

перемалывая кого угодно — членов партии и беспартийных, почтенных ветеранов и юных фэзэушников, которые годятся для исполнения незавидной роли «антисемитов». У общественности, таким образом, воспитывается почтение к тем, кто якобы страдает от «антисемитизма», и презрение к каждому, кто из среды окружающих ничем не выделяет «страдальцев».

Разумеется, в 20—30-е годы было много всяких «линий», а не только связанных с «антисемитизмом». По ним-то и пошло дальнейшее развитие. Страна умылась кровью.

И вот сегодня оказывается, что М. З. Лурье, призывавший начинать репрессии еще в 1929 году, был вполне «хорошим парнем». Из журнала «Огонек» мы узнаем, что его почитали как популярнейшего деятеля и умницу, что он «стоял у колыбели советской экономической политики», а «прекрасные ларинские глаза, казалось, и во тьме светились» («Огонек», 1987, № 48, с. 27). Правда, В. И. Ленин справедливо считал, что «опасность от него величайшая» (Ленин В. И. ПСС, т. 52, с. 80), но и теперь, как видим, эта оценка игнорируется.

Ленинградский провокатор А. Норинский — прямой последователь того «хорошего парня» с прекрасными глазами. Как и тот в 20-е годы, он, конечно, не один. Потому проследим ту неразрывную линию, по которой движутся к своей цели многоопытные провокаторы.

Вспомним события двадцатилетней давности. В 1968 году на политической арене Чехословакии подвизался Эдуард Гольдштюккер, отлично игравший роль члена ЦК КПЧ и председателя Союза чехословацких писателей. Однажды он выступил в паре с каким-то неизвестным мошенником. Братиславская «Правда» за 10 ноября 1970 года об этом писала:

«В июне 1968 года Гольдштюккер снова использовал свои способности провокатора, которые приобрел в пятидесятые годы, и опубликовал анонимное письмо антисемитского, погромного характера с целью разжигания националистической истерии. В письме содержалась угроза физической расправы с ним как евреем, за то, что он участвует в процессе «демократизации». Гольдштюккер... опубликовал полный текст того грязного антисемитского письма со своим комментарием, переполненным «благородным гневом», в «Руде право», органе ЦК КПЧ, под заголовком «Внимание, граждане!». В своем ответе несложными манипуляциями Гольдштюккер выдает взгляды мнимого анонима за отражение взглядов всех тех коммунистов, которых беспокоила деятельность антисоциалистических сил вроде Гольдштюккера и которых в то время называли консерваторами...»

Очень похоже, не правда ли? И в пражской «Руде право», и в московском «Знамени» операцию проводят писатель и мошенник. Каждый раз за антисемитской фальшивкой следует «благородный гнев», преследуется одна и та же цель — опорочить патриотические силы, вызвать против них репрессии. Разные только результаты. Пражские затейники добились временного успеха, наши отечественные плюхнулись в лужу.

Работа, однако, не прекращается. Тут как раз приходится учесть, что теперь в нашей стране создаются еврейские культурные общества, которые налаживают связи с Израилем, подавляют критику сионизма, выводят из подполья до этого тайные организации. Особенно активно такая работа ведется в Прибал-

тике. Потому еще одна пара — тоже писатель и неизвестный мошенник — провернули уже известную нам операцию в Риге. Снова удалось раздуть мнимый антисемитизм, опять был изображен «благородный гнев». Впрочем, судите сами.

17 августа 1988 года в газете «Советская молодежь» со статьей «Заглянем в телефонную книгу» выступил писатель М. Эдидович. Поначалу он пожаловался читателям на то, как бессовестно его обманули — пригласили, мол, посетить еврейский музей и выставку еврейского искусства. Вроде бы по простоте душевной он сперва даже поверил, а потом спохватился и вспомнил, что ничего подобного в Риге нет. Вот если заглянуть в старую телефонную книгу, то сразу обнаружишь, какая в буржуазной Латвии была красота — в справочнике значится уйма всяких еврейских организаций. А в нынешнем справочнике? Только кладбище и синагога. Правда, обнадеживает недавно созданное Латвийское общество еврейской культуры, участие в котором доставляет много приятных хлопот: надо изучать иврит и идиш, зубрить святую Тору, общаться с Израилем, готовить общесоюзный еврейский съезд...

Чувствуете, читатель, как трудно М. Эдидовичу и его коллегам из Общества? Им позарез помощь нужна. А это уже давно испытано, и делается проще простого. Как и на какого-нибудь Гольдштюккера, на них надевается терновый венец страдальцев за самое разнесчастное в мире меньшинство. Если говорить практически, нужна провокационная фальшивка, после чего дело пойдет как по маслу. Сразу последуют и сочувствие, и поддержка, и радиопередача «Свободы», и озабоченность конгресса, и резолюция кнессета... Потому рижская «Советская молодежь» спешно сплела такой «венец» — опубликовала сердитую статью «Заглянем в Уголовный кодекс». Гвоздем статьи стала процитированная здесь и выделенная полужирным шрифтом антисемитская фальшивка за подписью Ю. Андерсон. Притворившись латышской женщиной Юлией, причем злобной антисемиткой, неизвестный провокатор написал про евреев черт-те что: они, мол, и такие, и сякие, и разэдакие. Пригрозил даже выселением: «Есть же у нас Еврейская автономная республика с БирИбиджаном (орфография сохранена); вот и учитесь там, на своем языке, создавайте там музеи, культурные центры, школы...» Такой ужас трудно даже представить — из Риги в Биробиджан!..

Словом, получилось по всем давно усвоенным правилам: и злобно, и грубо, и глупо, и не шибко грамотно. Вообще, каждая такая фальшивка обязательно должна быть малограмотной, что всегда отмечается словами «орфография сохранена». Тут, как видите, не область, а республика, не Биро-, а БирИбиджан. Это чтобы посильнее уязвить «антисемитов», показать, какие они глупцы, а себя выставить образованными умниками, пусть даже на одну букву лучше остального «дурачья».

Продолжая эту простенькую игру, газета пригрозила латышам Уголовным кодексом: «Достаточно лишь заявления М. Эдидовича, чтобы возбудить против Ю. Андерсон уголовное дело!» («Советская молодежь», 15.03.1988). Вот так-то, и не меньше! А затем, пользуясь в качестве повода той же фальшивкой, со страниц газеты С. Зильберг и В. Кричевский гневно спросили: «В чем ты обвиняешь евреев?» Тут они воспользовались аргументами, которые выставляются в каждом подобном случае. Авторы порассуж-

дали о национализме, поиздевались над «утробным антисемитизмом», перечислили имена знаменитых евреев, упомянули, как это принято, количество евреев — Героев Советского Союза, погоревали по поводу преследования «еврейской культуры», обвинили нашу державу в «государственном антисемитизме». Между прочим, такие стереотипы повторяются всюду и давно. Ну и, конечно, уличили советских авторов в «фашизме»: «Научные изыскания Т. Кичко, В. Бегуна, Е. Евсеева, В. Бовша, В. Большакова и им подобных заняли бы достойное место в библиотеке доктора Геббельса...» («Советская молодежь», 29.10.1988).

Это ли не манеры «хитрого рынка»? Ведь ни один подлинный интеллигент не станет бездоказательно отправлять в фашистскую библиотеку произведения совсем непохожих авторов. Посудите сами. Например, В. Бегун и Е. Евсеев давно привыкли к сионистской грязи и клевете («фашисты», «утробные антисемиты», «недоучки» и пр.), и каждый выпад против нас показывает, что мы работаем не напрасно. Но к чему здесь В. Большаков? Свою книгу о сионизме он издал в 1972 году, потом взялся за другие темы, например, «Пружины польского кризиса», а теперь находится в Париже и работает корреспондентом «Правды». К чему давно умерший Т. Кичко? Его книга об иудаизме незнакома латышам — она вышла в 1963 году на украинском языке тиражом двенадцать тысяч экземпляров и является редкостью даже на Украине. К чему вдруг к «утробным антисемитам» причислен В. Бовш, который занимается футурологией, но отнюдь не критикой сионизма или иудаизма? Не иначе, кем-то дана команда и его смешать с грязью. По меркам 1929 года, скроенным красивым и умным Лариным-Лурье, таких «антисемитов» называли «контрреволюционерами» и расстреливали.

Теперь тоже хочется взяться за дело. Нынче «контрреволюционер» переосмыслен в «антиперестроечника». Используются и другие ярлыки: «шовинист», «сталинист», «член «Памяти», «фашист», а также, разумеется, «антисемит». В Риге уже угрожают — провокационная фальшивка есть, надобно только заявление М. Эдидовича. Ту же цель преследует рижанин З. Кац — «ходатайствовать перед Генеральным прокурором СССР о возбуждении уголовного дела против сегодняшней черной сотни — общества «Память» («Ригас Балсс», 5.12.1988). Переданную ими эстафету в Москве подхватывает Е. Евтушенко: «Пора принимать самые строгие нравственные и судебные меры к таким, например, оскорбительным выражениям и словечкам, как «русская свинья», «хохландия», «все грузины — торгаши», «жид», «армяшка», «чучмек». А эти слова мы, к ужасу нашему, слышим иногда от детей. Великодержавный шовинизм и вместе с тем узкоэгоистические национализмы, перечеркивающие гигантский позитивный вклад русского народа в мировую историю, одинаково относятся к низкой общественной культуре» («Советская культура», 11.03.1989).

Все здесь верно у Е. Евтушенко: и осуждение оскорбительных словечек, и порицание национализма и шовинизма, и констатация низкой культуры в обществе. Действительно, что это за культура, если сам поэт тут же называет советское общество «цербероидным», то есть «собакоподобным», рассуждает о какой-то «цербеpизированной демократии» в нашей стране и т. п.? О какой культуре может идти речь, если он требует судить человека за

одно только слово, пусть даже оно оскорбительное и неприличное? Судили ведь уже за слова, так что хватит... К тому же из этих словечек не делают проблемы ни русские, ни украинцы, ни грузины или армяне. А что касается слова «жид», то и за него не стоит угрожать судом — ведь если оно негативно звучит у нас, то у поляков, литовцев, чехов и словаков является вполне литературным. Да и негоже поэту, уподобляясь рижанину З. Кацу, столь легкомысленно хвататься за Уголовный кодекс.

Но давайте все же представим себе, что в руководящих кругах желание Е. Евтушенко и З. Каца признали разумным, приняли соответствующий закон, согласно которому каждый, кто произносит любое из тех нехороших словечек, попадает под суд. Каждому объявляют приговор, мотивируя его необходимостью дальнейшего укрепления нерушимой дружбы народов. Много судеб будет сломано, ведь у нас, как верно сказал и показал Е. Евтушенко, общественная культура невысока. По прошествии десяти лет мы спохватимся и начнем перестройку. Будут опубликованы страшные цифры репрессированных за одно только слово — за то, например, что меня, белоруса, назвали «бульбой». Пресса дружно станет осуждать не З. Каца или Е. Евтушенко, а законодателей. В это же время, когда пресса разъярится в связи с ошибками в борьбе со сквернословием, в пяти областях страны исчезнет соль, в десяти городах — спички, там не станет стирального порошка, тут — мыла и так далее. И вот тогда-то в центральных изданиях опубликуют свои хитроумные статьи малограмотный историк, суетливый писатель и лукавый экономист, которые потребуют прекратить социалистический эксперимент и вернуться к капитализму времен Адама Смита. Многие в обществе, изнуренные репрессиями и дефицитом, поддержат троицу, а те, что возразят им и попытаются доискаться истины, будут названы «антиперестроечниками» и «антисемитами». О первоначальной провокации никто даже и не вспомнит.

Тут я смоделировал возможный исход, реальность которого нетрудно понять любому, кто осмысливает наш исторический опыт. В этой модели провокация представляет собой лишь мелкий пусковой механизм, вызывающий в конечном итоге крупное социальное потрясение. Иначе говоря, человека не пугает пламя спички, но становится страшным вызванный этим пламенем пожар нашего жилища. Стало быть, к провокации следует относиться точно так же, как и к возможности поджога.

А у нас, к сожалению, ее расценивают или как пустяковую шалость, или мелкое хулиганство, а то и «личное мнение», которое обязательно должно быть высказано, иначе рухнет с трудом воздвигаемая демократия и прахом пойдет плюрализм. Вот, например, в «Советской культуре» (2.04.1988) читатели Б. Шейндлин и А. Хорош с умнейшим видом высказывают свое «личное мнение» о том, будто «безнаказанность идеологов пресловутой «Памяти» сыграла не последнюю роль в сумгаитских и других националистических проявлениях». Странно! Ведь «Память» к событиям в Сумгаите имеет такое же отношение, как и в Новой Каледонии. Почему же работники «Советской культуры» не выбросили провокационную писульку в корзину, а поместили на газетной полосе?

Рассуждая о космополитизме и национализме и имея в виду русских, живущих за пределами России, П. Карп в «Книжном

обозрении» (14.04.1989) делает неслыханное заявление: «Эти люди, называя себя интернационалистами, не желают оказать минимальное уважение народу, среди которого поселились». Клеветническим выпадом, если он случается в общественном транспорте или на улице, можно и пренебречь — ну что поделаешь, есть же невоспитанные и некультурные люди... А тут имеются в виду 24 миллиона граждан! Так что тут самое настоящее разжигание национализма, возбуждение антирусской вражды. Потому-то сразу после прочтения этой провокационной статьи работникам редакции следовало вернуть ее П. Карпу и, особо не извиняясь за отказ, сухо попрощаться с ним. А в «Книжном обозрении» поступили вполне услужливо — опубликовали статью под рубрикой «актуальная тема».

Читаю я такие публикации и в который раз с тревогой размышляю о том, что в нашем обществе наблюдается какое-то нравственное оскудение, что-то такое, что приходится назвать моральной ущербностью иных людей. Как бы об этом сказать... Вот представьте себе, что к вам в комнату вошел неизвестный, харкнул, плюнул на пол и размазал плевок своим грязным сапогом. Что в этом случае предпримете вы? Вы, пожалуй, не станете заводить разговор по вопросам этикета, а попросту выставите хама за дверь. Как же еще иначе? Совсем иное дело, когда плюют в лицо целому народу. В этом случае плевок расценивается как «актуальная тема» или же «точка зрения», которую надобно с почтением выслушать.

Как это ни удивительно, писатель А. Битов, например, устроил пакость дружественной арабской нации, причем сморозил ее так, что и другими словами пересказать невозможно («Литературная газета», 12.04.1989, с. 6). Подобная писанина встречается лишь на стенах привокзальных туалетов, а на страницах еженедельника она ошеломляет. И вот в редакции «Литературной газеты», совсем не задумываясь о последствиях, а возможно и продумав их, пособили А. Битову вскарабкаться на газетную страницу. Естественно, провокация немедленно сработала. Корреспондент кувейтской газеты «Аль-Ватан» А. Аль-Нуман заявил, что «такие неприличные слова в адрес лидера египетской революции не позволяли себе даже его заклятые враги — Голда Меир, Моше Даян, Бегин» («Литературная газета», 19.04.1989, с. 7). Разумеется, редакции пришлось извиниться, но ведь то, что написано пером, не вырубишь топором.

Когда такие непристойности обнаруживаются, то людям, затеявшим провокацию, впору от стыда сквозь землю провалиться. Так нет же, ходят с гордо поднятой головой! С поучениями выступают! Изображают грязную возню шуршанием ангельских крыльев. Даже — о чудеса! — создают икону с ликом провокатора.

Загляните, пожалуйста, на 28—31-ю страницы «Огонька» № 9 за 1989 год. Там Д. Губин, посадив перед собой А. Норинского в качестве натурщика, создает эту икону — преподносит миллионам читателей очерк «Интервью с антигероем».

Мною уже сказано, что Норинский, желая вызвать репрессии против «Памяти», рассылал повсеместно провокационные письма от ее имени, на чем и попался — получил в ленинградском суде полтора года условно. И вот журнал «Огонек» с нежностью возлагает на его чело нимб святости. Оказывается, он защищал евреев, как родную мать, — «с моей стороны это была самооборона».

Так журнал облагораживает провокацию. Он, следовательно, не уголовник, а благородный интеллигент, поборник истины, подлинный энциклопедист. Пишет он «уместно и толково», говорит «убедительно, страстно, интересно», сочиняет «всякие миниатюры», ненавидит антисемитизм, заботится о русском народе, знает Пушкина, Грибоедова, Библию и даже произведения Блаватской, интересуется изобразительным искусством, тибетской математикой и медициной, уважает академика Лихачева, читает Нагорную проповедь и даже подчеркивает, что... «преступления против нашей морали и Конституции должны пресекаться особенно строго»...

Ладно, не буду больше перечислять достоинства Норинского по «Огоньку». Лучше напомню уместную здесь мысль о том, что даже черт цитирует иногда священное писание.

И вот когда в «Правде» (19.11.1988) и в «Комсомольской правде» (24.11.1988) появились сообщения о провокаторе и о том, что журнал «Знамя» воспроизвел факсимиле его подметного письма, я отправился в библиотеку, чтобы сверить с тем факсимиле полученную мною из Ленинграда грязную кляузу. Без какой-либо экспертизы стало ясно, что она одна из «миниатюр» Норинского. В общем-то прямой пересказ ее не пропустит в печать никакая цензура, но две фразы процитировать можно. Этот «моралист» пишет, что я — «недобитый фашист и гитлеровец, такой же кандидат наук, как комментатор Бовин — балерун»; он также высказывает пожелание: «Чтоб ты сдох в 1989 году» *. Что касается меня, то я, наоборот, желаю ему крепкого здоровья и надеюсь, что он, как провокатор высокого класса, окажет еще не одну медвежью услугу своим единомышленникам и хозяевам. Ведь наглость всегда была и остается родной сестрой глупости.

Все эти истории поучительны для общества. Обобщающий анализ и краткий обзор их позволяет выявить некоторые закономерности.

Мы, например, сегодня часто говорим о том, что нынешнее осложнение национальных отношений есть результат прошлого, когда назревшие вопросы оставались нерешенными и лишь теперь всплыли на поверхность. Верно, конечно! Но давайте не будем превращать эту справедливую мысль в прокрустово ложе и укладывать в него все то, что хотя бы в малейшей степени напоминает национальный вопрос. Да, старые грехи есть, но ведь и новейшие появились. Практика показывает, что некоторые люди создают национальные проблемы на пустом месте, разжигают страсти там, где они вполне спокойны, провоцируют конфликты в то время, когда их нетрудно избежать.

Провокация в сфере национальных отношений не появится или же сразу лопнет, как мыльный пузырь, там, где не найдет сочувствия и поддержки. А поддержать ее могут в двух случаях: сознательно, когда помощник провокатора прикидывается потом святою простотой, и неосознанно, когда умная мысль, сущая чепуха и откровенное поджигательство одинаково расматриваются как «актуальная тема» или «точка зрения». Судя по всему, у нас

---

* Мы не утверждаем, что смерть В. Бегуна 18 июня с. г. является прямым следствием «пожелания» Норинского. Многочисленные рубцы на сердце покойного — это, по свидетельству академика Ф. Г. Углова, следы той неистовой травли, которой подвергался мужественный ученый в последнее время. — **Прим. ред.**

до сих пор остается путаница в этом деликатном деле, хотя пора бы уже научиться отличать неразумных овец от настырных и злобных козлищ.

Отношение к провокации встречается самое различное. В одном случае, как это произошло с делом Норинского, ее рассматривают как уголовное преступление, в другом она расценивается как право писателя на литературный прием и личное мнение, в третьем может оказаться простым письмом в редакцию, каких случается много. Каждый раз, однако, следует научиться видеть в ней преступный замысел, хамство, «поджог». По последствиям она неизмеримо опаснее и хуже недельного отсутствия в каком-либо городе стирального порошка, что привлекает внимание общественности гораздо больше, чем безответственные разглагольствования по национальному вопросу.

Провокации всегда предшествуют ложь, инсинуации, клевета. Затем приходит исполнитель — он, в чем нетрудно убедиться, нередко оказывается писателем, то есть человеком, пользующимся у общества кредитом доверия. Необходима также пресса — услужливо предоставленные газеты или журнал. И вот в результате один размахивает перед целым народом Уголовным кодексом, другой жаждет суда только за слово, третий подстрекает одну нацию против другой... Как видим, распущенности во многих средствах массовой информации много, а дисциплины как будто и нет... Дисциплины чувства и слова, гражданской ответственности, нравственной чистоты, без чего немыслимо совместное общежитие наших граждан.

В. БЕГУН,
кандидат философских наук.

ПРАВО НА БЕЗДЕЛЬЕ?

Госкомитетом СССР по народному образованию принят приказ № 540 от 16 декабря 1988 года «О переводе и выпуске учащихся, имеющих неудовлетворительные оценки». Он был подписан его председателем Т. А. Ягодиным. Этот документ, имеющий принципиальный характер, существенно меняющий ситуацию в школе, однако, был скрыт от участников последнего съезда работников народного образования, в течение двух месяцев не знали о нем и многие специалисты по школе Госкомитета. К чему было применять такие меры предосторожности, словно дело идет о важной «военной тайне»? Причину тому следует искать в содержании приказа.

Суть его заключается в том, что, начиная с седьмого класса, учащимся школ предоставляется право переходить в следующие классы и оканчивать школу, не успевая сразу по трем предметам! Предметы не оговариваются — значит, выбирая самостоятельно любые, можно фактически игнорировать и те, на изучение которых отводится около половины учебного времени. Это, однако, не помешает сделавшим такой выбор поступать в будущем на желаемую работу, в ПТУ, техникум, 9-й класс, вуз вместе с успевающими по всем предметам учениками. Все это, я

считаю, не приведет ни к чему хорошему не только в школе, но и во всем обществе.

Приказ издан в интересах худшей части школы — бездельников. Это очевидно. Ведь им он выгоден, как никому другому. Так называемые ученики получили новое, до сих пор и не снившееся им право — законное право на безделье. Для лучшей же части классов, то есть желающих учиться, которых во все времена считали не только гордостью школ, но и надеждой общества, этот приказ бессмыслен.

Однако даже росчерком министерского пера нельзя отменить объективные закономерности. Если одной части класса, школы предоставляется гарантированное право на безделье, то оно должно быть реализовано, а это значит, что во исполнение приказа № 540 должны будут скоро снизить уровень своих притязаний на знания, труд все ученики. Относительно быстро школа превратится в свою противоположность: из храма знаний — в инкубатор бездельников. Безделье, таким образом, у нас уже не пропагандируется, а просто организуется! И на каком уровне!

Очень неуютно будут чувствовать себя в школе те ученики, которые вопреки всем приказам руководства захотят-таки учиться. Те же, кто воспользуется приказом № 540, за четыре года обучения окончательно превратятся в безответственных невежд. И многие из них, когда наберутся ума-разума, почувствуют себя обманутыми. Это неизбежно увеличит число самоубийств, рост алкоголизма, наркомании, проституции среди молодежи.

Начиная с 50-х годов учителя открыто ставили вопрос о так называемой процентомании или, иначе говоря, о несправедливой оценке знаний. Процентомания особенно захлестнула школу после принятия закона о среднем всеобуче. Учительский труд при этом стал обесцениваться. Учителям приходилось ставить более высокие оценки за более низкие знания. В конце концов такая политика привела к тому, что даже многие высококвалифицированные учителя оказались бессильными перед возрастающим числом бездельников, знающих, что им все равно поставят тройку. И вот вместо борьбы с этим пороком пришла идея переводить учеников в следующий класс с двойками. Тут же было найдено и благовидное оправдание: эта мера позволит укрепить престиж учителя. Ему не потребуется теперь нянчиться с теми, кто не хочет учиться.

Действительно, на первых порах, еще не поняв истинного смысла приказа № 540, учителя испытают облегчение. Однако уже через некоторое время те из них, кто отличается высокой квалификацией, требовательностью, останутся без учеников, а остальные, чтобы угодить школьникам, будут не столько их учить, сколько развлекать. И это неизбежно приведет к еще большему снижению авторитета учителей. Трудно придется работать в таких условиях педагогам. Ведь с них никто не снимает ответственности за всякого рода происшествия, которые произойдут с бьющими баклуши учениками на уроках, присутствовать на которых обязаны все ребята, независимо от того, хотят они учиться или нет.

Кое-кто из учителей, разумеется, будет стремиться заинтересовать ребят своим предметом и, возможно, добьется успеха. Но новаторство и подвижничество в целом не даст ощутимых резуль-

татов. Усилиями одиночек не преодолеть организуемого развала школы в государственном масштабе.

Снижение требований в школе приведет к тому, что учителя практически перестанут обращаться к родителям по поводу успеваемости детей. Облегчит ли это жизнь родителей? Вряд ли. Даже тем из них, кому безразлично, какие знания получит их ребенок в школе, придется выслушивать сетования учителей по поводу дисциплины, которая от того, что некоторые ученики станут безобразничать на уроках, крепче не станет. И школа, потерявшая одно из основных средств воспитания — возможность влиять на ученика посредством оценок, — мало чем сможет тут помочь. Добро, если опыт, знания, уровень культуры да и материальное положение родителей позволят им компенсировать недоработки школы. Ну а если этими качествами они обделены? В этом случае нравоучения и поучения старших будут восприниматься подростками как помеха. Это, безусловно, обострит «конфликт поколений». Иными словами, приказ № 540 провоцирует в широком масштабе конфликт между детьми и их родителями. И это при том, что школа у нас, как известно, существует на налоги, выплачиваемые взрослым населением, и снижение качества знаний и уровня воспитания не предполагает их уменьшения.

От приказа № 540 ожидается экономия средств, отпускаемых государством на народное образование. Она, по мнению некоторых специалистов, будет весьма значительная, и это обстоятельство, видимо, будет использоваться как один из самых веских аргументов при агитации за нововведение. Однако общеизвестно, что вложения средств в образование, говоря чисто экономическим языком, дают самую высокую прибыль. Поэтому экономия на просвещении есть не что иное, как наши убытки. Некоторые работники Госкомитета, конечно, могут тут возразить: мол, вырученные на двоечниках деньги не изымаются в общегосударственный бюджет и, может быть, останутся школе... Но даже если это произойдет, что само по себе маловероятно, средства пойдут-таки на строительство школьных зданий, закупку оборудования, отдача от них будет невелика. Если в школе благодаря приказу № 540 будут созданы условия для процветания безделья, то и сэкономленные благодаря этому средства пойдут на его финансирование. И это произойдет в то время, когда во всем мире образованию уделяется первостепенное внимание.

Есть только одна страна, где поступали — да и то в прошлом — подобным образом. Это Китай. В канун «культурной революции» под предлогом «опоры на собственные силы» и необходимости сокращения государственных расходов молодежи было предоставлено там «право» вообще не учиться. Затем невежественную молодежь, поверившую демократическим якобы лозунгам, суть которых была шита белыми нитками, использовали для установления военно-бюрократической диктатуры.

В. БУШУЕВ,
старший сотрудник Госкомитета
по народному образованию
Москва

Вместо комментария

После такого выступления доверием к нашей школе, естественно, не проникнешься. Хуже того, начинаешь разделять тревогу автора за судьбу учеников. А так как все мы в той или иной мере зависим от того, что происходит на уроках в общеобразовательных учебных заведениях, беспокоишься за настоящее и будущее страны. Но, может, автор не во всем прав? Может, в приказ № 540 заложен некий неведомый ему смысл? Чтобы рассеять эти сомнения, связались с заместителем начальника главного учебного методического управления общего и среднего образования Госкомитета СССР по народному образованию Г. Макушкиным, одним из создателей критикуемого Б. Бушуевым документа. Выслушали его точку зрения.

* * *

— Раньше по одной и той же методике, с одним и тем же учебным материалом, по одним и тем же учебникам, программам, — сказал нам Г. Макушкин, — работали с каждым учеником. Подобная уравниловка была характерной для нашего обязательного всеобщего образования. В то же время мы утверждали, что учитываем и индивидуальные способности ребят, чего при таком положении не могло быть.

Достигая желаемого, необходимо не на словах, а на деле создать в школе условия для проявления способностей учеников. Достичь их нелегко. Нет ни научных разработок, ни критериев, ни специальной литературы... Учителя выявляют дарования и индивидуальные склонности ребят к тем или иным наукам стихийно, и проку от их деятельности немного.

А что, если довериться самим ученикам? — подумали в Госкомитете. — Пусть они определяют, какой предмет им более по душе. Кто к естественным наукам прикипит и достигнет в изучении их большего успеха, кто к гуманитарным...

Другое дело, как реализовать им свои склонности. Времени-то у школьников для серьезного изучения полюбившихся дисциплин нет. Да и как его найти, если в учебном плане более двадцати предметов.

И вот чтобы, с одной стороны, дать возможность ученикам реализовать индивидуальные способности и, с другой, снять с них перегрузки, мы разработали и издали приказ № 540. Согласно ему, если ученик не успевает по одному-трем предметам, он, начиная с седьмого, тем не менее переводится в следующий класс. И запись «прослушал» в аттестате зрелости не служит ему потом помехой при поступлении в любой техникум или вуз.

На первый взгляд такой подход необычен. Ведь среди неуспевающих, как правило, неспособные ребята. Но есть среди этой категории и богом не обиженные. Например, многие из числа педагогически запущенных детей, воспитывавшихся у матерей-одиночек. Таким парням и девушкам из-за того, что они получили в документ одну-три «прослушал», но затем взялись за ум и сумели наверстать упущенное, запретить продолжать учебу негуманно. И мы на это не пошли. Так что считаю: приказ № 540 отличается еще и демократичностью, соответствует духу нашего времени.

Некоторые задают вопрос: почему мы разрешаем проставлять «прослушал» с седьмого, а не с девятого, скажем, класса? На этот вопрос я отвечаю так. С 1985 года у нас существует инструкция, согласно которой учителям разрешено переводить «условно» в следующий класс учеников второго-седьмого классов. Естественно, школьникам, получившим одну-две двойки за год, потом оказывается помощь. И кое-кому это помогает. Тех же, кто не исправляется, по решению педагогического совета возвращают в предыдущий класс. Наш новый приказ как бы распространяет действие этой инструкции на более старших ребят.

Полученная двойка, разумеется, не радует ученика. Соответствующим образом реагируют на нее и родители... Так же, на мой взгляд, будут относиться они и к записи «прослушал». Недавно отец одного школьника говорил: «Боюсь, как бы моему сыну «прослушал» не поставили. Стыдиться будем за «черное пятно» в аттестате. Так что пока не поздно, заставлю сына заниматься как следует». Найдутся, конечно, и такие родители, которых не будет волновать запись «прослушал», но такие, как правило, не очень-то реагируют и на двойки своих детей.

Некоторым представляется, что часть класса, которая не жалует, скажем, математику, будет мешать заниматься на уроках остальным ученикам. Этого не должно произойти. Ведь школьник, который «прослушивает» математику, не должен бездельничать на занятиях по этому предмету. Он будет учиться, как все, только по иной, более упрощенной программе. Школа, руководствуясь приказом № 540, не получает права вообще освободить того или иного подростка от занятий по каким-либо дисциплинам.

Кстати, еще один нюанс. В приказе № 540 сказано: «разрешить перевод учащихся» в следующий класс с одной-тремя неудовлетворительными оценками. Записано, как видите, разрешить. Но не обязать. А это значит: если педагогический совет сочтет целесообразным оставить школьника на второй год, он имеет на это право.

Несмотря на подобные доводы, нельзя сказать, что новый документ воспринят всеми удовлетворительно. К сожалению, у нас немало противников. Есть и среди работников просвещения всех уровней. Они утверждают, что, если в школах будут следовать нашим указаниям, то там снизится образовательный уровень учеников. Мне кажется, это утверждение неверно. Приказ № 540 дает возможность учителям лишь не ставить школьникам «липовые» тройки, позволяет им объективно оценивать знания. И при чем здесь снижение уровня знаний — непонятно. Впрочем, новое поначалу, как правило, воспринимается в штыки. Так получается и с приказом № 540. Но как бы там ни было, за ним все же будущее.

* * *

Такие вот разные позиции по отношению к новшеству, предложенному Госкомитетом СССР по народному образованию. Чью сторону примут наши читатели? Об этом будем судить по откликам. Жаль, конечно, что обсуждение приказа № 540 произойдет после того, как он подписан. Но лучше поздно, чем никогда...

Отдел очерка и публицистики

КРАСНАЯ АРМИЯ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

В последнее время в газетах и журналах стали появляться статьи, в которых делаются попытки дать оценку нашим офицерским кадрам, вступившим в Великую Отечественную войну. Подчеркивается мысль, что репрессии 1937—1938 годов обезглавили армию и флот, и они встретили войну неподготовленными. Так, историк Поликарпов В. Д. писал: «Когда началась война, оказалось: командных кадров не хватало настолько, что даже призыв их из запаса не покрыл и половины потребности армии». («Политическое образование», 1988, № 3). Далее, ссылаясь на «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», он заявил: «...острый недостаток в опытных командирах, образовавшийся в Красной Армии вследствие массовых репрессий при культе личности Сталина, явился одной из существенных причин наших неудач в первый период войны». А. Жильченко из Ворошиловграда в заметке «Хотим знать свою историю» («Социалистическая индустрия» 14.5.88 г.) писал: «Только военных, как говорил в свое время маршал Р. Я. Малиновский, в предвоенные годы было репрессировано более 300 тысяч человек. Красная Армия по существу осталась без командного состава».

Имеется немало и других публикаций на эту тему. Все они (публикации) с полной очевидностью доказывают незнание их авторами истинного положения с военными кадрами накануне войны и построены, как правило, на досужих домыслах, а не на научном, объективном анализе реальных фактов и данных.

Вопрос о количестве необоснованно репрессированных военных кадров приобрел сейчас особую остроту. Следует, однако, сразу сказать, что утверждение о 300 тысячах репрессированных командиров КА настолько абсурдно, что не требует серьезного разбирательства, так как численность всего командного состава Красной Армии в 1937—1938 годах составляла 130—140 тысяч человек.

Чаще, правда, фигурирует в статьях и выступлениях цифра 40 тысяч. Она (37 тыс. в РККА и 3 тыс. в ВМФ) упоминается и в книге «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (М., Воениздат, 1963 г.). Причем впервые эта цифра в открытой печати появилась в статье полковника В. Филатова «Приказ № 227» (газета «Красная звезда» от 26.3.88 г.). В ней приводятся сказанные перед войной слова Ворошилова о том, что армия почищена «до белых костей», из нее «вычищено» 40 тысяч человек. В последующих публикациях слово «вычищено» заменено уже на «40 тысяч репрессированных». Академик Самсонов А. М. идет еще дальше и в интервью «Вечерней Москве» от 21.6.88 г. заявляет об «истреблении» 40 тысяч командиров.

Какова же картина в действительности? В «Отчете о работе управления по начальствующему составу РККА за 1939 год», подписанном 5.5.1940 г. заместителем наркома обороны по кадрам Щаденко и адресованном Сталину, Молотову, Ворошилову и Берии, в достоверности данных которого не приходится сомневаться, имеется раздел одиннадцатый: «Очистка армии и пересмотр уволенных (без ВВС)». Из этого раздела следует, что за 1937, 1938 и 1939 годы из списков Красной Армии было исключено и уволено около 37 тысяч командиров (36.898), в том числе по воз-

расту, болезням, морально разложившихся, по разным политическим мотивам и т. д.

По причинам ареста за эти годы было уволено 9579 человек, то есть примерно одна четвертая часть всех уволенных из армии.

Судя по отчету, количество арестованных командиров составляло: в 1937 году — 3,1 процента численности комсостава, в 1938 году — 2,8 процента, в 1939 году — 0,03 процента. В этом же отчете Щаденко писал: «В общем числе уволенных командиров... было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому... мною в августе 1938 года была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров... Комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств и заявлений. В результате в кадры армии возвращено на 1.1.1940 г. 11 178 командиров, на 1.5.1940 г. — 12 461, в том числе 10 700 из числа уволенных по политическим мотивам». Судя по справке-докладу Главного Управления кадров от 15.6.41 г., к 1.1.41 г. в кадры армии возвращено из 37 тысяч ранее уволенных по разным мотивам свыше 13 тысяч человек. Таким образом, около 45 процентов офицеров, уволенных по политическим мотивам, в том числе и арестованных, в кадры армии было восстановлено. На январь 1941 года остались уволенными по этим соображениям около 14 тысяч, из которых по причине ареста — от 6 до 8 тысяч. (Неточные цифры обусловлены тем, что в отношении 2 тысяч офицеров, уволенных в 1937—1939 годах и восстановленных в 1940 году, не удалось установить причины увольнения).

В 1941 году возвращение в кадры ранее уволенных командиров продолжалось, но точными цифрами за этот период автор не располагает.

Какое же реальное влияние оказали репрессии 1937—1939 годов на состояние военных кадров в канун ВОВ и неудачи начального периода войны?

Предоставим читателю возможность самому ответить на этот вопрос, основываясь на следующих достоверных, документально подтверждаемых, а не вымышленных, цифрах и фактах.

1) На 1.1.1941 г. в РККА находилось 580 тысяч офицеров. Кроме того, по приказу наркома обороны от 14.5.41 г. из военно-учебных заведений было выпущено и направлено в войска 100 тысяч офицеров. Командный состав ВС СССР вырос к этому периоду в четыре раза. (Как известно, с конца 1939 года началось бурное развитие Вооруженных Сил, что повлекло за собой и значительный рост численности офицерских кадров.)

2) Офицеры, уволенные в 1937—1939 годах по политическим мотивам и не восстановленные в кадрах армии, по состоянию на 1 января 1941 года составили около 2,5 процента численности всего офицерского состава на ту же дату.

Однако надо особо сказать, что в 1937—1938 годах существенные потери понес высший офицерский состав. Автору неизвестно, сколько лиц из него было возвращено в кадры (а их вернулось немало). Но если даже допустить, что из этих офицеров вообще никто не был восстановлен, то число убывших командиров полков (а это основная фигура в армии) от их общей численности на 1 января 1941 года составит 10 процентов, командиров дивизий (общевойсковых и авиационных) — 26 процентов, командиров корпусов — 27 процентов.

3) Какие же кадры находились в Вооруженных Силах на 1 января 1941 года.

Из 580 тысяч офицеров в возрасте до 25 лет было 29 процентов, от 26 до 35 лет — 57, от 36 до 45 лет — 13, старше 45 лет — чуть больше 1 процента. Таким образом, 86 процентов офицеров имели возраст не старше 35 лет.

По военному и специальному образованию: 7,1 процента имели высшее образование, 56 — нормальное среднее, 25 — ускоренное, 12 не имели военного образования (главным образом политический, военно-хозяйственный и административный, военно-юридический составы). Среди командного и начальственного состава — 30 процентов имели боевой опыт. Членов и кандидатов в члены ВКП(б) было 54 процента, комсомольцев — 26, беспартийных — 20 процентов.

Следовательно, можно сделать вывод, что большинство офицерского состава имело достаточную военную, политическую или специальную подготовку и могло успешно выполнять обязанности по службе.

Кто же занимал должности в высшем эшелоне офицерского корпуса? Народными комиссарами обороны были Ворошилов К. Е., затем и Тимошенко С. К. Должности начальника Главного штаба последовательно занимали Шапошников Б. М., Мерецков К. А., Жуков Г. К.; начальника главного оперативного управления — Ватутин Н. Ф., его заместителем был Василевский А. М., начальником главного артиллерийского управления — Кулик Г. И., его заместителем — Воронов Н. Н., начальником автобронетанкового управления — Федоренко Я. Н., командующего ВВС — Жигарев П. Ф., народного комиссара ВМФ — Кузнецов Н. Г., начальника главного морского штаба Исаков И. С. Большинство из них в будущей войне показало себя опытными, эрудированными и одаренными военачальниками.

Что представляли собой командующие войсковыми объединениями?

Перед войной было 16 военных округов, один фронт, 20 общевойсковых армий.

Все командующие войсками военных округов были членами ВКП(б), являлись участниками гражданской войны и других боевых действий, со стажем службы не менее 20 лет, 89 процентов из них имели высшее военное образование, 77 процентов — выходцы из рабочих и крестьян.

Командующие армиями также были участниками боевых действий, с большим стажем службы, 71 процент из них имели высшее военное образование. 84 процента командующих войсками военных округов и армий были в возрасте до 50 лет, 54 процента командармов до 45 лет. 88 процентов начальников штабов военных округов и 100 процентов начальников штабов армий имели высшее военное образование. К началу войны в стране было 5 маршалов Советского Союза и 1071 генералов и адмиралов.

На высшие должности перед войной выдвигались наряду с опытными генералами и молодые офицеры независимо от воинских званий и возраста. Так, командующим Северным флотом был назначен контр-адмирал (затем адмирал) Головко А. Г. в возрасте 34 лет. Командующим войсками Ленинградского военного округа был назначен генерал-лейтенант (а затем генерал армии) Попов М. М. в возрасте 38 лет. Командующим войсками

Среднеазиатского военного округа — генерал-майор (затем генерал-полковник) Трофименко С. Г. в возрасте 40 лет. В возрасте 40 лет командовали округами генерал-лейтенанты Курочкин П. А., Герасименко В. Ф., Червиченко Я. Т. В возрасте 39 лет армиями командовали генерал-майоры Музыченко И. Н., Потапов М. И.

Членами военных Советов военных округов были назначены в возрасте 34 лет дивизионный комиссар Рыков Е. П., в возрасте 35 лет — корпусной комиссар Желтов А. С., в возрасте 36 лет — корпусной комиссар Богаткин В. Н.

Были ли недостатки и трудности в подготовке и расстановке кадров? К чему сводились, из чего вытекали основные трудности в укомплектовании РККА командными кадрами в канун Отечественной войны? Да, были, и весьма серьезные. Прежде всего они происходили вследствие огромных организационных мероприятий, которые начались с осени 1939 года. В конце гражданской войны в РККА было 5,5 миллиона человек, а в 1925 году, после резкого сокращения армии, в ней осталось 500 тысяч человек. С 1926 года численность армии стала медленно расти. В 1928 году было 617 тысяч, в 1935 году — 930 тысяч, в 1937 году — 1,4 миллиона, в 1938 году — 1,5 миллиона, в 1939 году — 1,8 миллиона, к 22 июня 1941 года — 5 миллионов. Таким образом, если с 1925 по 1935 год, то есть за 10 лет, наши Вооруженные Силы возросли на 50 процентов, то в последующие пять лет — более чем в пять раз, в том числе за последние полтора предвоенных года в 2,5 раза. Соответственно росла и численность офицерского корпуса. Так, штатная численность офицеров армии (без ВВС) в 1937 году составляла 145 тысяч человек, а 1 января 1941 года — 432 тысячи, то есть возросла в 3,3 раза.

Это обстоятельство, несомненно, снижало возможности офицерского состава глубоко и всесторонне изучить и влиять на состояние вверенных им войсковых организмов.

В связи с быстрым ростом армии и численности офицерского состава появилась необходимость в усилении и создании новых источников пополнения офицерских рядов. До 1932 года нормального накопления кадров через военно-учебные заведения для обеспечения организационных мероприятий и мобилизационной потребности не было. Выпуски из вузов обеспечивали только естественную убыль. Так, за 10 лет, с 1928 до 1938 года, из сухопутных военных училищ (школ) было выпущено 67,5 тысячи человек. Убыль же за это время составила 62 тысячи. Кроме того, 5,5 тысячи выпускников было передано ВВС. На организационные мероприятия ничего не осталось. Поэтому для удовлетворения постоянно растущей потребности было сформировано большое число военно-учебных заведений. Если в 1936 году было 75 военных школ, то в 1941 году уже имелось 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования с общей емкостью 260 тысяч человек. Вместе с этим пришлось сократить сроки обучения в вузах, сформировать курсы младших лейтенантов и младших военных техников, призвать часть офицеров из запаса. Эти вынужденные меры несколько снизили качество офицерского состава: 75 процентов командиров и 70 процентов политработников к началу войны находились в должностях менее одного года. Но за два года (1938—1939) армия получила свыше 158 тысяч офицеров, то есть в два с половиной раза больше, чем за 10 предыдущих лет, вместе взятых. За три года (1935—1937) во-

енные училища выпустили 10 743 человека, а за последующие три года (1938—1940) — уже 91 066 человек, или в 8,5 раза больше. В справке Главного Управления кадров от 15 июня 1941 года отмечается, что «вследствие резкого несоответствия между потребностью армии в кадрах и их подготовкой в период 1928—1937 годов некомплект начсостава стал хроническим...» В 1935 году он составлял 17,9 процента, в 1936 году — 18,7, в 1937 году — 21,7, в 1938 году — 34,4, в 1939 году — 31,6. В 1940 году он был сужен до 19,4, на 1.1.41 года — 13 процентов. В этой же справке указывалось, что «в 1941 году будет выпущено из училищ 83000 чел., что позволит в основном покончить с некомплектом».

Правительством был утвержден план накопления ресурсов офицерского состава, рассчитанный до конца третьей пятилетки. В справке об этом сказано: «Наличие... начсостава с краткосрочной подготовкой вызвано необходимостью форсировать подготовку кадров в сжатые сроки для покрытия потребности оргмероприятий и имевшегося в армии хронического некомплекта. Такое положение диктовалось политической и военной обстановкой как на Востоке, так и на Западе. Развернутая сеть военных академий, училищ и курсов усовершенствования обеспечивает почти полное покрытие некомплекта в 1941 году, а в 1942 году не только полное покрытие потребности армии в начсоставе, но и коренное изменение квалификации наших кадров...

Огромную работу провело наше государство по накоплению ресурсов офицеров запаса. К началу войны по сравнению с 1939 годом они увеличились в два раза и составили 1 миллион человек. 88 процентов офицеров запаса были моложе 40 лет, а в комсоставе более 35 процентов было в возрасте до 30 лет. 35 процентов офицеров имели военное образование, в том числе 89 процентов в комсоставе. В нем 61 процент офицеров были подготовлены из числа командиров отделений и пом. командиров взводов и были хорошими строевыми командирами. 18,5 процента офицеров запаса участвовало в боевых действиях. Правда, не всех специалистов хватало для удовлетворения потребности армии. Недоставало врачей, техников, танкистов, некоторых других специалистов. Во время мобилизации было призвано свыше 500 тысяч офицеров, что позволило обеспечить войска в соответствии с планом. Лишь в некоторые соединения, вступившие в бой 22 июня 1941 года, предназначенные офицеры запаса поступили неполностью.

Стоило бы сказать еще об одном факторе, который, по моему мнению, не в полной мере способствовал росту боевого мастерства офицерского состава. Я имею в виду смешанную систему организации Красной Армии, в которой сочетались кадровые и территориальные части и соединения. Законом об обязательной военной службе от 18.9.1925 года устанавливались три вида действительной службы: в кадровом составе Вооруженных Сил СССР, в переменном составе территориальных частей и военное обучение вневойсковым порядком. Численность стрелковой дивизии была определена: для военного времени — в 12 800 человек, для мирного времени в приграничных военных округах — 6515 человек, во внутренних округах — 4819. Численность же постоянного состава территориальных дивизий нормального состава составляла всего 2150 человек, а сокращенного состава даже — 1802 человека. Кадры территориальной дивизии второй очереди состояли из 1200 военнослужащих. Более 10 тысяч человек в территориаль-

ных дивизиях составлял переменный состав. Вневойсковая служба сводилась к периодическим учебным сборам общей продолжительностью до шести месяцев, но не свыше двух месяцев в год. Таким образом, территориальные войска, по сути дела, были мобилизованными органами и учебными центрами по элементарному обучению призывных контингентов военному делу. Сколачивание в условиях часто меняющегося личного состава подразделений, частей и соединений было затруднительно.

В конкретно-исторических условиях того времени смешанная система строительства Красной Армии в основном обеспечивала интересы обороны страны и в то же время давала значительную экономию средств. Содержание одного красноармейца в кадровых частях обходилось в 267 рублей в год, а в территориальных — в 58 рублей. Благодаря тому, что большая часть стрелковых дивизий были территориальными, стало возможным сохранить кадровыми технические войска, армейскую конницу, Военно-Морской Флот, авиацию и содержать их на достаточно высоком уровне мобилизационной готовности.

До 1935 года 74 процента стрелковых дивизий были территориальными. Затем, в связи с угрозой фашистской агрессии против СССР, начался перевод их на кадровую систему, который завершился к 1 января 1939 года. Если к 1 января 1938 года кадровых стрелковых дивизий было 50, а территориальных — 34, то к концу 1939 года все стрелковые дивизии стали кадровыми.

Таковы объективные документально подтвержденные цифры и факты о командных кадрах РККА в годы, предшествовавшие войне, и на их фоне остается лишь гадать, с какой целью столь упорно в последние годы массовыми средствами информации на разные лады обыгрываются цифры, чуть ли не десятикратно заниженные.

В. БОРОДИН,
Москва

БЕССТРАШИЕ ИЛИ БЕССТЫДСТВО?

Некоторые издания все чаще и все смелее перемывают косточки и ретивым подручным Сталина, но при этом наблюдается довольно характерная тенденция: если одних подручных буквально смешивают с грязью, то других стараются как-то выгородить.

Ягоду, Ежова, Берию в общем-то не щадят, хотя А. Ларина (жена Бухарина) того же Ягоду ухитрилась назвать человеком «трагической судьбы». О Ежове таких слов никто не говорит, ну да ладно, речь сейчас не об НКВД. Коллективизация унесла больше жертв, чем пресловутый 1937 год, но главного помощника Сталина в этом черном деле пытаются отодвинуть в тень. Очень усердно это делает Р. Медведев в статье «Сталин и Каганович» («Московские новости», 1988, № 52). Он пишет буквально следующее: «Я не хочу отрицать ответственность Яковлева за перегибы коллективизации. Но Яковлев имел столь же мало влияния на внутреннюю политику Сталина, как и все быстро менявшиеся наркомы и министры сельского хозяйства при Сталине, Хрущеве и Брежневе».

Вот так, мановением руки Р. Медведев заталкивает Яковлева в безликую толпу Мацкевичей. Но из 15 перечисленных Р. Медве-

девым наркомов и министров именно Яковлев сыграл самую гнусную роль.

Яковлев (Эпштейн) — интеллигент, сын мелкого служащего. Работал в агитпропе, был заведующим отделом печати ЦК, редактировал «Бедноту» и «Крестьянскую газету», то есть подвизался на пропагандистском поприще, и вдруг этого человека, который вряд ли мог отличить ржаной колос от ячменного, в 1929 году назначают наркомом земледелия СССР. Мало того: ноябрьский 1929 года Пленум ЦК ВКП(б) ставит его во главе специальной комиссии по коллективизации. Это как раз время «великого перелома» станового хребта России, совершенного при самом активном участии Яковлева, которого теперь пытаются представить всего лишь мелкой сошкой.

А другой активист, руководитель Колхозного центра Каминский? Не он ли выступал за форсированные темпы коллективизации и рассылал директивы, которые теперь мягко и стыдливо именуют «непродуманными»?

Яковлевским адвокатам, прежде чем браться за перо, следовало бы прочитать хотя бы стенограммы XVI съезда ВКП(б). На этом съезде, например, бывший секретарь Московского обкома Бауман каялся, что он и подчиненные ему парторганизации увлеклись быстрыми, непосильными для нас темпами коллективизации. Это на практике привело к большому количеству административных перегибов и головотяпств.

Еще один герой коллективизации Варейкис сам на съезде не каялся, зато его призвал к покаянию Сырцов: «Варейкису надо было признать свои ошибки. В ЦЧО перегибы и извращения допущены были в большей мере, чем в других областях. Там было достаточно сделано антисередняцких ошибок».

Для справки: в Центрально-Черноземной области, которую возглавлял Варейкис, процент коллективизации подскочил с 5,9 на 1 октября 1929 года до 81,8 к 1 марта 1930 года. В Московской области Бауман за тот же период взвинтил показатели с 3,3 до 73 процентов (История СССР. Эпоха социализма. М., 1957, с. 338).

Варейкиса ругали на XVI съезде не только за такие перегибы. Вот что говорил о нем, например, Крыленко: «Варейкису принадлежит крылатая фраза: «Закон — это дело наживное» (Смех). Я точно не понимаю, что это значит. Я думаю, что т. Варейкис сам не понимает этого, ибо логического смысла в этой фразе нет. Но смысл другой, общественно-политический, в нем есть. Этот политический смысл означает, что закон — это вещь, которой можно пренебречь».

А ведь этот самый Варейкис был чуть ли не главным организатором заговора с целью свержения Сталина на XVII съезде и теперь ходит в числе тех самых жертв сталинизма, коим надлежит воздвигнуть монумент. Как видим, по части обращения с народом и с законом Варейкис, Яковлев, Каминский, Бауман были ничуть не лучше Сталина.

М. ЧЕРКАСОВ,
Москва

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ОБ ИНТЕРВЬЮ И. А. БЕНЕДИКТОВА «О СТАЛИНЕ И ХРУЩЕВЕ»

«НЕЧЕГО МЕТАТЬ БИСЕР...»

Наконец-то у нас есть свой черносотенный журнал! Никогда никуда не писал, но обманываться после такого — преступление. Я говорю об интервью И. А. Бенедиктова. Конечно, В. Литов подстраховался вступлением: «...он говорил в то время...», то есть в 80-х годах. Бенедиктов, руководивший с. х., разглагольствует о производительности труда и не замечает, что это труд рабов, а о жизни колхозников судит по фильмам тех лет и по ВДНХ, которой он руководил. Но главное не в этом.

Почему-то в журнале не нашлось места ни для одного слова в поддержку перестройки. В дискуссионных письмах одна грязь... Ну ладно, нечего метать бисер...

А. ЭЙСВАЛЬД,
машинист,
Владивосток

О «СТАЛИНИСТАХ»

Недавно в своем интервью В. Коротич больше всего хулил редакцию «Молодой гвардии» за косность и рутину. Опубликовав для молодежи интервью И. А. Бенедиктова «О Сталине и Хрущеве», вы как бы закрепили ярлык Виталия Алексеевича.

И. Бенедиктов — сталинист до мозга костей и холоп марксизма. Он усвоил ленинизм упрощенно, а точнее — по-иезуитски.

И. Бенедиктов утверждает, что он был не только талантливым министром сельского хозяйства, но лез даже на рожон, защищая свое «прогрессивное». Он критикует Хрущева и Брежнева за полный «развал» сельского хозяйства, не желая проанализировать, почему во всех без исключения случаях, во всех странах, включая Иран, борьба с рынком, с товарно-денежными отношениями всегда приводила к авторитаризму, к ущемлению прав и достоинства личности, к всесилию администрации, бюрократического аппарата.

Маркс не видел этого трудного вопроса, ибо для его постановки не было соответствующего исторического опыта. Эту проблему нащупал Ленин в конце жизни. Почему же не хотят мыслить в этом направлении? Почему тратят сегодня весь запас своей энергии на проблемы важные, но частные, к примеру, на бичевание бюрократии, ее привилегий и, по сути дела, отворачиваются от вопроса, связанного с самыми основами построения социализма и ее концепциями?

Подобный дефицит концептуального мышления характерен и для публикаций, посвященных критике сталинской политики насильственного насаждения колхозов. Авторы этих статей невольно создают иллюзию, что все сводится к дилемме: кавалерийскими или некавалерийскими методами создавать колхозы?

Какой же «прогресс» обществу могли принести Бенедиктов

и ему подобные сталинисты, претендующие на роль защитников интересов рабочего класса, советского общества? Они сознательно вводят людей в заблуждение, отводят от главной опасности, от угрозы разрушения основ производства. Это уже не утопизм как проявление неумелой теоретичности, а откровенный цинизм.

Здесь уже рукой подать до попыток догматиков оправдать ссылками на законы классовой борьбы преступления Сталина. Очевидно, только циник может оправдать убийство невиновных. И более того — оправдывать его ссылкой на законы истории.

В тогу защитников коммунизма часто рядились люди глубоко эгоистичные, со звериной душой, неспособные проявить участия к судьбе ближнего. Не было и нет более страшного эгоизма, чем тот, который якобы защищает коллективистские, социалистические начала жизни...

В основе революционного догматизма, сверхреволюционности лежит самый опасный из известных человеческой истории видов эгоизма, проявления звериного начала в человеке, а именно интеллигентский иезуитский эгоизм, то есть «стремление навязать миру свои пристрастия», свои представления о человеческих ценностях. Эгоизм проявляется в стремлении сохранить революцию, общественную жизнь в таком состоянии, которое удобно для него, левого догматика, соответствует особенностям его характера, позволяет скрыть свои личные недостатки, а в то же время в лучшем свете представить свои личные достоинства. Им движет желание перестроить жизнь других людей по собственной левой мерке, навязать им свои ценности, свои представления о благе и зле, о законе истории. Сверхреволюционеру важно убедить других, что он точно определил законы и ценности жизни, что его мера жизни — это и есть подлинная универсальная мера жизни.

О сталинистах невозможно писать спокойно, академично. Возможно, и эти краткие заметки носят следы горячности и эмоциональности. Но ведь сталинщина искорежила жизни и души целого народа, наверное, каждой семьи. Нет, не «пепел Клааса», а пепел миллионов наших близких и души не родившихся от них детей стучат в наших сердцах...

Если мы действительно убеждены в том, что социализм — это прежде всего наш выбор, раз мы хотим совершенствовать наше общество, раз мы мечтаем о демократическом, гуманном социализме, то, анализируя прошедшее, надо, наверное, все же начинать со слов, с проекта, с наших теоретических основ. Ибо социализм как раз и является тем уникальным в истории обществом, которое строится сознательно, на основе теоретического плана. В этом случае как никогда решающее и всеопределяющее значение приобретают точность расчета, способность и желание людей думать о главном, о том, чем они руководствуются в жизни. Социализм невозможно построить, не обладая саморефлексией, без самоанализа.

Этому следует учить молодежь, а не подбрасывать им суждения и мысли Бенедиктова, которые уводят даже серьезного читателя в тупик сумасбродства.

Л. ПЕТРОВСКАЯ

УЧИТЫВАТЬ ОПЫТ ПРОШЛОГО

Прочитал в апрельском номере «Молодой гвардии» интервью И. А. Бенедиктова, известного в прошлом наркома земледелия и министра сельского хозяйства нашей страны, и у меня появилось острое желание, скажу точнее, чувство гражданского долга — высказать свое отношение и понимание позиции Ивана Александровича.

Каждому дано право открыто высказывать свои мысли, вместе с тем читателю всегда хочется знать, «кто судит», кто он, каков его жизненный и практический опыт. Если говорить просто — имеет ли выступающий на то моральное право?

Скажу о себе коротко. Родился после Великой Октябрьской социалистической революции в крестьянской семье на Северном Кавказе. Осетин.

Помню, со своим дядей работал в первой у нас сельскохозяйственной артели. Поначалу артель купила один трактор — первый в селе.

Был комсомольцем тридцатых годов. В Коммунистической партии без малого пятьдесят лет. Работал инструктором парашютного дела, планеристом, получил летную подготовку. Участвовал в боях с белофиннами в 1939—1940 годах, в качестве командира отделения и младшего командира взвода. Впоследствии окончил инженерный факультет Военно-воздушной академии.

На фронтах Великой Отечественной войны участвовал старшим техником и инженером авиационной эскадрильи. Затем авиаполк, авиадивизия, воздушная армия, авиационная научно-испытательная войсковая часть (испытания атомных бомб, их носителей и ракетных систем С. П. Королева), главный инженер Дальней авиации, заместитель министра гражданской авиации. После окончания службы в Вооруженных Силах работал директором опытного завода, начальником Академии гражданской авиации и начальником кафедры управления производством. В настоящее время работаю главным инспектором по надежности гражданской авиационной техники и безопасности полетов.

Вернусь к теме и выскажу свои соображения только по некоторым (обо всем в данной заметке не скажешь) направлениям, раскрытым И. А. Бенедиктовым.

Иван Александрович в своем интервью уместно приводит замечательные слова Л. Н. Толстого: «Правильный путь такой: усвой, что сделали до тебя другие, и иди дальше».

Революционная перестройка в стране, демократизация, открытость, раскрепощение людей и гласность представили невиданные ранее возможности использовать огромный, чрезвычайно ценный, накопленный в прошлом опыт строительства социалистического государства.

К величайшему сожалению, определенная прослойка интеллигенции к освещению нашей родной истории подходит с явным перекосом, подчас с враждебных позиций, односторонне и лживо, соревнуясь и стараясь как можно больше осквернить Октябрьскую революцию, социализм, наш великий народ — его беспримерные подвиги в мирное и военное время. Недобросовестные люди вкупе с их зарубежными единомышленниками замахнулись на марксистско-ленинское учение и на самого Ленина. В ряде центральных и нецентральных изданий периодической печати,

на телевидении, в кино и на радио «крикуны» и «знатоки» из этого лагеря, по образному выражению Бенедиктова, беспрецедентно и гнусно поливают нашу страну с ее народом и армией неслыханными измышлениями и грязью. Нужно быть очень наивным, чтобы не видеть их истинные цели.

Подняв флаги «борьбы за восстановление истины», недруги (теперь есть полное основание так их называть) вводят в заблуждение общественное мнение, разобщают население страны, разжигают национальную вражду, расшатывают дисциплину, способствуют росту беспорядков, преступности, воровства, проституции и других негативных явлений.

Ныне дело дошло до того, что даже на съезде народных депутатов открыто звучат контрреволюционные призывы убрать из Мавзолея тело Ленина и зарыть его в землю (депутат Ю. Карякин), провокационные, лживые заявления, что советским войскам в Афганистане был якобы отдан приказ расстреливать с вертолетов советских солдат, чтобы не сдались в плен (академик Сахаров).

В итоге подобные «борцы» сознательно подрывают веру в дело Ленина, пытаются оклеветать Советскую Армию, ослабить обороноспособность страны, противопоставляют молодежь старшему поколению и стараются в конечном итоге пустить перестройку под откос.

Бенедиктов указывает: «Я считал и считаю, что экономическая система, действовавшая у нас до середины 60-х годов, и сейчас могла бы обеспечить высокие и стабильные темпы роста, устойчивую ориентацию на эффективность и качество и, как закономерное следствие, постоянное повышение благосостояния широких слоев трудящихся». И далее: «Благодаря ей к концу 50-х годов Советский Союз был самой динамичной в экономическом и социальном отношении страной мира. Страной, уверенно сокращавшей свое, казалось бы, непреодолимое отставание от ведущих капиталистических держав, а по некоторым ключевым направлениям научно-технического прогресса и вырвавшейся вперед. Достаточно вспомнить наши достижения в космосе, мирном освоении ядерной энергии, успехи фундаментальных наук».

Высказанные мысли подтверждаю примером из области авиации. Газета «Красная звезда» 31 декабря 1962 года сообщила:

«10 900 километров без посадки. Славный подарок Новому году преподнесли летчики Аэрофлота. Экипаж самолета Ту-114, возглавляемый пилотом Х. Н. Цховребовым, совершил беспримерный перелет из Гаваны в Москву. Воздушный лайнер прошел 10 900 километров. Всего 13 часов 55 минут потребовалось Ту-114, чтобы совершить стремительный бросок из Западного полушария в Восточное. Ни один гражданский самолет в мире еще не совершал беспосадочных перелетов на такое расстояние».

С гордостью вспоминая об этом, с грустью скажу, что сегодня мы не имеем пассажирского самолета с такой дальностью полета.

Мне, живому свидетелю событий того времени, ясны и понятны справедливые оценки Ивана Александровича. Он прав, отмечая, что «в 30-е, 40-е, да и 50-е годы упор как в промышленности, так и в сельском хозяйстве делался не на количество, а на качество, ключевыми, решающими показателями были рост производительности труда за счет внедрения новой техники и сни-

жение себестоимости продукции. Эти два фактора были положены в основу экономического роста».

Наше многонациональное государство уверенно шло вперед. Перед каждым из нас независимо от национальности и происхождения были открыты все двери в будущее. Жили дружно, учились и трудились с энтузиазмом. Делали все в интересах своей Родины, которой мы очень гордились и которую любили, отдавая ей все, а когда требовалось — и свою жизнь.

Приход Хрущева к власти Бенедиктовым характеризуется мудро: «Плохой капитан способен посадить на мель самое хорошее судно. Так и произошло. Наши капитаны сначала сбились с курса, потеряв заданные темпы, потом стали шарахаться из одной крайности в другую, а затем и вообще выпустили из своих рук руль, заведя экономику в тупик».

Что касается действительных капитанов морских судов, то и они из-за укоренившейся в их среде расхлябанности вначале на Волге столкнули корабль с мостом, в Черном море совершили таран парохода «Нахимов» сухогрузом. В далеком южном океане напоролись на подводные рифы и тоже затопили сверхклассный пассажирский корабль. «Туркмения» оказалась на дне в дальневосточных водах.

Серию крушений с невиданными последствиями для населения сотворили железнодорожники. «Капитаны» стационарных объектов преподнесли миру чернобыльскую трагедию.

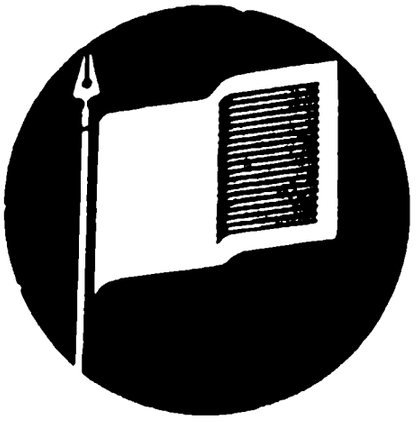
В последнее время появились симптомы неблагополучного положения дел у создателей новой техники. В результате даже мужественные и высокоподготовленные настоящие капитаны кораблей оказываются подчас бессильными. Гибель новейшей атомной подводной лодки «Комсомолец» водоизмещением 5700 тонн — тому прискорбный пример. Это нехороший предвестник.

Мне, человеку, имеющему немалый практический опыт работы в Вооруженных Силах и в народном хозяйстве во времена управления нашим государственным кораблем различными «капитанами», особенно близка мысль Ивана Александровича, признающего необходимость реформ и реорганизаций и вместе с тем считающего ошибочным переносить на них основной упор. «Надо, — говорит он, — все силы бросить на кропотливую, черновую, будничную работу по реализации немногих, но четких и конкретных решений».

Бенедиктов напоминает предупреждения Владимира Ильича о том, что надо подбирать людей и проверять фактическое исполнение дела. Народ всегда ценил такой подход. Ничем не заменить на деле ленинский лозунг «Кадры и контроль решают все».

Продолжая свою мысль, Бенедиктов так характеризовал современную ему, но и близкую нашему времени обстановку: «Всюду тонны слов и граммы дела, реального продвижения вперед так и не видно. Скорее наоборот, сдаем уже завоеванные позиции...» Да, пора бы остановиться и осмотреться, что мы растеряли за так называемый «послесталинский» период.

Ю. МАМСУРОВ,
генерал-полковник авиации запаса,
лауреат Государственной премии СССР,
кандидат технических наук,
Москва



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЕСТЬ ЛИ МУДРОСТЬ У НАРОДА?

После публикации в нашем журнале письма рабочего Феодосийского производственного объединения имени XXVII съезда КПСС Владимира Зарубина «О народной мудрости и одиннадцатой заповеди» в редакцию приходит много откликов, среди которых есть и такие:

Дорогие товарищи!

Правильнее было бы написать: «Тому, кто написал статью за рабочего В. Зарубина во втором номере «Молодой гвардии» за 1988 г. Этот Зарубин предстает таким колоссом, что любой ученый перед ним меркнет. А стиль, а слова, а этакий назидательный тон! Даже во времена Сталина вряд ли рискнули бы такую статью дать подписать рабочему, чтобы он от имени рабочего класса «поучал» и писателей, и академиков, и философов, и экономистов, и мужиков. Вот только ни слова не написал о рабочем классе или хотя бы об одной отрасли промышленности. А какой эрудит, а какие цитаты, какая начитанность, а как историю знает!

Мне очень импонируют мысли, высказанные в статье. Но это мысли литератора, рафинированного интеллигента, а не рабочего, пусть самого что ни есть разинтеллектуального.

О. Л. ПАНКОВА,
г. Брест

Недавно от В. Зарубина пришло еще одно письмо, которое он предварил словами: «По-видимому, мне надоело молчать или говорить с самим собой. Нельзя ли опубликовать мой «разговор»?»

Учитывая интерес, вызванный предыдущей публикацией, редакция предлагает читателям новую работу Владимира Зарубина.

В. ЗАРУБИН

НЕ ВОЙНА, А МИР

Отгремела канонада в «Литературной газете»: Кто виноват?.. Россия и революция... Преступление и наказание... Что делать?

И правда, что делать? Мириться или воевать с теми, кто виноват, устроив революцию в России, в результате чего все оказались преступниками, а потомки будут наказаны за преступления отцов?

Диалог Кожинов — Сарнов закончен. Но хочется его продолжить с единственной целью — прийти к миру. Хватит «крапленых цитат»! Полное собрание сочинений В. И. Ленина — огромная козырная колода, из которой каждый норовит вытащить карту постарше. Сарнов доказывает: «Я убежден, что русская революция — законнейшее дитя русской истории. Был глубокий многолетний, давний кризис (я бы добавил: вековой, тысячелетний, вспомнил Рюрика и т. д. — *В. З.*), упирающийся в хроническую неспособность разных русских правительств эти кризисные проблемы как-то решить».

И вот Троцкий, Каменев, Зиновьев, Урицкий, Дзержинский, Джугашвили, Свердлов, Берия, Ягода, Каганович (огласите весь список, пожалуйста!) решили. Что бишь они решили? Ничего они не решили. Тоже мне, правительство! Пенсне в крови и мальчики кровавые в глазах! Задавать вопрос, какова была власть этого правительства — народная или антинародная, как это делает Сарнов, я бы не стал. Эта власть хотела переделать народ, вероятно, затем, чтобы и решить кризисные проблемы России — «розги помещиков» не возымели действия, социал-демократы револьверы взяли в руки.

«На мой взгляд, — говорит Сарнов, — дело совсем не в том, кто по национальности были эти люди, а в том, почему за ними (и выдвинутыми ими идеями) пошла значительная часть народа».

Это как посмотреть! Подходит к моему семнадцатилетнему отцу комиссар и говорит: «Филя, сколько у тебя земли?» А Филя отвечает: «Нет у меня земли». — «Пошли, — говорит комиссар, — воевать за землю, свободу и коммунизм. Все будет!» — «Айда!» — согласился мой батька. И понеслись они на тачанке то с Махно, то против Махно. В двадцатом году отцу надоело воевать, вернулся комсомолец, женился. А в тридцатом году по пьяному делу по физиономии одному бухгалтеру-жулику «съездил» и еще обозвал. Ему за это много земли дали: копал и тачками возил до самого сорокового года. Так что он еще меня успел родить, чтобы в январе сорок второго получить коллек-

тивный «надел» — братскую могилу. Сарнов обмолвился, что «он просто не любит антисемитов». Я к ним не отношусь, но тоже просто не люблю русофобов. И наша нелюбовь в чем-то родственна, что и Н. Бердяев подтверждает, говоря, что «русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму». Один мессия замесил кулаком другого мессию, и разошлись очень удовлетворенные друг другом. Кожинов с Сарновым: тот «за революцию», а этот — «за Россию». Как там Бухарин говорил: «...циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая». Во как! А Орджоникидзе, говорят, на Кавказе применял «физические выражения». Рыцари революции и герои гражданской войны. Так ведь и отец мой, Филипп Митрич, от них мало чем отличался. Это я понимаю. А то — цитаты.

Но дело сделано. А что же дальше делать будем? Кого звать намерены нынче на престол, ежели признать «хроническую неспособность разных русских правительств» диагнозом окончательным? После революции в Кремле были, видимо, одни «хроники-параноики». Уж не подозревает ли их Сарнов в набожности, цитируя слова Н. Бердяева о «родстве» еврейского и русского мессианизма? Приход какого же мессии ожидался, когда с восторгом крушили христианские храмы? Если только Антихриста.

Сарнов в споре все время сползает к обезличиванию зла, происшедшего в стране во время революции, гражданской войны и последующих лет, а заодно и происходящего. Неизбежность в России русской революции видели многие. И многие делали все, чтобы ускорить эту неизбежность. Тут и спорить не о чем. Сегодня творится нечто подобное. Все говорят — от политиков до юмористов, что так жить нельзя. А как жить дальше, никто не говорит. В семнадцатом году и раньше говорили те же слова: так жить нельзя. Попробовали иначе — плохо получилось, получился «социал-сталинизм». Русско-еврейский мессианизм оказался за колючей проволокой русско-еврейского сталинизма. Кто больше любил вождя народов: русские или евреи? Вот вопросик! Сейчас мы бьемся над его разрешением, докапываясь до происхождения палачей и их жертв.

Ругаться словами «сталинизм», «ежовщина» можно, наверное, но почему же нельзя сказать, что были, хоть и не много, «свердловщина», «бухаринщина», «каганизм». Были, и никуда от них не деться. Если слово «Свердлов» по желанию Сарнова хочется кому-то заменить словом «оргбюро», то «сталинизм» так же заменимо на «партбюро», а слово «Брежнев» совсем обезличено — застоем названо. А чем отличается, например, «сталинщина» от «брежневщины»? Жванецкий бы сказал, что при Сталине «стоя сидели», а при другом — «сидя стояли». Но при всех режимах были всякие личности — окаянные и микроокаянные. Окаянная голова при любом режиме в кусты летит, а вторая прячется. Сейчас у нас всех головы должны быть покаянные, как сказал Тенгиз Абуладзе. Да не тут-то было! Каяться никто не хочет, окаиваем друг друга. Значит, Бердяев ошибся: отличается мессианизм русский от еврейского. Правда, Спасителя никто ждать не намерен. Одни кричат: «Спасай Россию!» Другие: «Спасайся, кто может». Но негде спасаться — Земля оказалась маленькой планетой. И спасать всю планету надо частями — каждому «по месту жительства» заниматься спасением.

Русское еврейство заговорило о «культурно-национальной автономии», а такие разговоры и напоминают крик «Спасайся, кто может!» «Мы наш, мы новый мир построим!..» — пели? Пели! Хором пели. А теперь решили, что с русскими ничего хорошего не построишь: эстонский фронт, литовский, латышский, армянский, азербайджанский и так далее. Против кого фронты те?

Если бы не было этой «фронтовой» обстановки в стране, то диалог между Кожиновым и Сарновым не возник бы. Мне так кажется. А что касается советского еврейства, то оно сейчас выступает в поддержку всех фронтов. Что ж, мне прикажете круговую оборону занимать? Сарнов ведь напоминает, что уже идет «гражданская борьба». Из опыта революции можно сделать вывод, что если русские снова ввяжутся в эту «войну» или «борьбу», то живота своего не пощадят, и Россия будет угроблена.

Можно поговорить и о мессианизме. Николай Бердяев сегодня, может, даже наверняка не стал бы утверждать, будто русский родствен еврейскому. Под «мессианизмом» я понимаю веру в спасение и все предпринимаемые к тому меры. У русских он оседлый, у евреев кочевой. Первый — ленивый, второй — активный. Иначе говоря, русскому везде хорошо, а евреи ищут — где лучше. Это — чисто внешние характеристики. Когда русскому человеку становится плохо, он стремится забраться в такую глушь, подальше от цивилизации, где она его не тронет. Евреи же, наоборот, тянутся к центрам технического и культурного развития. Почему так, я не знаю, но это так. По-видимому, это неисправимые или весьма трудноисправимые душевные свойства. Надо ли их исправлять, я тоже не знаю. Попытки царского правительства установить «черту оседлости», естественно, не могли не вызвать среди евреев подъема активного революционного духа на рубеже XIX и XX веков. Поэтому в русской революции командные пункты заняли евреи, жившие и не жившие в России, организуя ячейки. Надо ли это доказывать, если оно очевидно. И называть их «губителями русского народа» я бы не стал. Но после революции произошло нечто страшное, чему до сих пор нет объяснения. Сейчас это пытается кое-кто объяснить тем, что экономическое развитие России было весьма плачевно, чтобы совершить такую революцию в ней, страна была, дескать, не готова, не успев пройти этап буржуазной демократии. Но с таким же успехом можно сказать, что если бы Россия прошла такой этап, то такая революция была бы в ней и невозможна: народ не пошел бы за революционерами. Именно в отсталой стране возможен революционный коренной переворот. Пример тому дает история — ни одна из европейских стран не повторила «Октября». Вожди наши этого не поняли, кроме, может быть, Ленина. Брестский мир их спас. Даже Троцкий, наверное, потом сообразил, что в реальной политике он мальчик по сравнению с Ульяновым. Вожди были не готовы к этой революции. Ни Россия, ни ее народы не виноваты в данном случае в том, что с ними случилось. Народ не искажал идей революции, он поверил, что она свершилась для него. А в последующем, как мог, сопротивлялся.

Троцкий говаривал, «что человек есть довольно ленивое животное». Кто сегодня согласен защищать Троцкого, должен руководствоваться этим тезисом. Конечно, Лев Давидович в русском

мужике видел это «животное», которое не хотело исполнять повеления революционных вождей. Сталин наверняка придерживался того же мнения. Особенно явно лень русского мужика стала им видна, когда после нескольких лет новой экономической политики мужик стал опасен да еще и хлеб за здорово живешь не хотел отдавать «трудолюбивым». Не хлебом единым жив человек, но и без хлеба никуда. У Сталина голова от успехов его политики не кружилась, он обладал удивительным хладнокровием и чутьем.

Сегодня, когда деяния Сталина преданы гласности и народному суду, русский народ молчит. Почему он молчит, если воочию можно убедиться, что именно этот народ, хотя бы пропорционально численности, испытал наибольшее давление от планов коллективизации, индустриализации и потерь в Великой Отечественной войне? Почему?! А потому, что осуществлял это давление и угнетение многочисленный аппарат. Чтобы поработить великий народ, нужен и великий аппарат порабощения. В глазах простого человека этот аппарат стоит до сих пор! И что за дело простому человеку до того, что самым великим злодеем был Сталин, когда он знает непосредственного злодея, уводившего со двора последнюю корову! Может, Сталин и в самом деле таков, как его теперь рисуют, размышляет простой человек, вспоминая совсем иной портрет Сталина, но вот этот секретарь партячейки, все время говоривший, что «Сталин — великий вождь», а теперь от имени вождя сующий под нос дуло нагана, он и есть злодей, коли по его словам Сталин — вождь. И когда этого непосредственного злодея с наганом сегодня называют «жертвой сталинизма», это не совсем верно, на самом деле он является жертвой неудачного опыта с преждевременными родами. Вроде выкидыша. Сталин оплодотворил их своими идеями, а его акушеры кесаревым сечением получили советского человека.

Сейчас мы будем миллионы рублей тратить на переименование городов и улиц, названных именами этих акушеров. Придется народу пойти на такие издержки, ибо материальные ценности и богатства государства создает народ. У России не было колоний, за счет которых она, как Великобритания, получала бы «национальный доход». Только за счет своих наций. Великодержавные замашки у русских царей не отнимешь! Были. Но русский мужик никогда не эксплуатировал грузинского мужика, слава богу, там своих князей хватало.

Мне трудно судить, как обстояло дело с национальным вопросом до войны. Национальной проблемы, по-видимому, тогда не существовало: все были равны.

Когда говорят «о врагах народа», то подразумевается, что заключил их всех Сталин, хотя они, как те крестьяне, у которых отбирали последний хлеб и сводили скот, должны были бы ощущать злодеяния начальных исполнителей сталинской воли. Среди «врагов народа» еврейского происхождения было много литераторов, которые, конечно, разбирались кто виноват, поэтому в их мемуарах судейские тройки-трибуналы выглядят зачастую жалкими, но все же достойными снисхождения, жертвами того же сталинизма. Да и разве упомнишь имена этих безликих, если нет у них особых отличительных черт, как, например, голубоглазость и русоволосость. Эти черты запоминаются хорошо,

и в мемуарах часто упоминаются. А мне это почему-то показалось сначала странным, пока я не поглядел в зеркало. Увидев свое изображение, я уже не смог отделаться от мысли, что будь я в те времена в соответственном возрасте, то по нынешнему сходству смог бы заменить если уж не следователя, то топтуна энкавэдэшника хотя бы. Может, у меня это в генах? Ведь отец-то, приложив руку к физиономии бухгалтерской, по «антисемитизму» десять лет каналы рыл.

Вообще в истории России замечено, что как только наступали тяжкие времена, то начинали вспоминать о русских и нерусских. В сорок первом году всех, конечно, призвали защищать Отечество. Сразу вспомнили и Сусанина, и Кутузова, и Георгия Саакадзе не забыли. После войны еще вспоминали. И до «конца» хрущевских времен в ряду прочих звучало еще «русский народ». При Брежневе все стало советским народом. И вдруг, как снег на голову: «антисемитизм», «шовинизм», «русский фашизм»! Если эти термины на слуху, а ими пестрят страницы некоторых изданий, то ведь тогда любой «народный фронт» республиканского значения приобретает четкую окраску. Мало того, человека, читающего журнал «Наш современник» меньше чем черносотенцем не назовут, приходится его в «Огонек» вкладывать для конспирации. К чему это ведет, не знаю. Никак кто-то решил перестройку, называемую сегодня революцией, сделать нерусской. Октябрьская революция, по Сарнову, была русской. Хватит! Наделали эти русские всяких октябрьских революций, коллективизаций, фашистов помогли уничтожить, а теперь обойдемся, мол, без вас.

Вот что я вижу сейчас. И перестройка не идет. Застряла. Не потому застряла, что академик Абалкин экономические рычаги не придумал, а потому что русский народ за нее и не принимался еще. Смотрит он в телевизор, а там одни рокеры и их спонсоры. В магазинах хоть шаром покати, а ребята знай спонсируют друг друга. Ну, если вы такие талантливые, то придумайте что-нибудь, кроме «Мемориала»! Абалкин в интервью «Комсомольской правде» тонко заметил, что в малых народах больше деятелей и активных творческих людей. «Большим народом» кого можно считать? Великодержавный у нас один народ.

Мало, оказывается, провозгласить равноправие наций и принять закон об ответственности «за разжигание расовой и национальной розни». Такая трактовка ничего не говорит и ничего не дает. Чем эта «рознь» разжигается? Ну, чем?

Надо признать, что со времен революции, когда был принят этот закон и началась оголтелая пропаганда интернационализма, начала разжигаться национальная рознь в виде внутреннего нарыва.

Иногда можно слышать («Огонек» часто печатает такие письма): у меня, мол, мама русская, а отец чуваш, и как, мол, мне называться? Да какое мне дело! Называйся хоть ацтеком! Все же равны!

Недавно поэт Евтушенко заявил, что он-де русский, но ненавидит антисемитов. Ради бога! А кто их любит? Правда, Евтушенко не обнародовал свое отношение к русофобам, вероятно, по-бухарински считает, что русские должны считать себя ни в коем случае не выше, и даже не на уровне, а несколько ниже остальных народов, населяющих нашу страну. Вот тебе и мес-

сианизм, когда один народ должен быть поклонником, а другой мессией.

Обращение к истории связано всегда с оценкой настоящего. Если бы все было хорошо, то к чему поминать плохое, спрашивается? Наверное, ни к чему. Кожинов с Сарновым теребят раны истории, чтобы по ним найти «рецепт» для лечения сегодняшнего заболевания. Копают глубоко, до крови. И я снова хочу вернуться к реплике Сарнова о «многолетнем, давнем кризисе» России, родившем революцию — «законнейшее дитя русской истории». Кризис этот упирался «в хроническую неспособность разных русских правительств как-то эти кризисные проблемы решить». Очень ученая фраза. Не согласиться с этим невозможно. Недавно мы снова уперлись в кризис и «разные русские правительства» — «хрущевское», «брежневское» — хроническую неспособность доказали. Ленинское правительство тоже не решило, может быть, потому что сам Ленин вскоре был отстранен от руководства... по болезни. Сталинское правительство с кризисами разделалось оригинальным способом, который русским никак не назовешь, даже если применить логику Сарнова. Но тут он невольно себя показывает (как историк) апологетом этого сталинского правительства, даже если его считать полностью русским по всем признакам. Кризисов не было — машина работала, как часы! Время эти часы показывали такое, какое нужно, то есть, что хотели, то и показывали, а чего не хотели, того не показывали. Показывали в основном время радости и совсем не показывали время печали. Могли догнать, а могли и перегнать. Так вот то время: война кончилась, началась «холодная война», для народа это была еще и «голодная война». Теперь знаем, что в сорок седьмом году мы делали «бомбу». А американские стратеги разрабатывали планы «Дропшот», «Флитвуд», «Чариотира» и прочие. Теперь известно, что это были планы нападения на Советский Союз. Дело прошлое, планы остались планами, но дело было нешуточное. В книге «ЦРУ против СССР» Н. Н. Яковлев обширно цитирует А. Брауна, опубликовавшего в 1978 году «Дропшот». Конечно, это сумасшедший план или план сумасшедших политиков, но, вероятно, когда они его разрабатывали, то были или считались людьми вменяемыми. Я позволю себе уже из книги Яковлева процитировать заключение объединенного разведывательного комитета, «основным элементом советской мощи» считавшего следующее:

1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма; 4) доказанная способность советского режима мобилизовать прирожденный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в годы второй мировой войны.

Лестную оценку русского народа оставим на совести цэрэушников, хотя нельзя признать ее необъективной. И я не помышляю вскипать возмущением по поводу планов сорокалетней давности, которые теперь опубликованы, как устаревшие. Имею в виду «Дропшот». О новейших планах стратегов США в отношении России могу строить лишь домыслы и фантазии. Хочется думать,

что теперь эти планы имеют мирный характер. Но коль скоро зашел разговор о мессианизме того или иного народа, хотел бы обратить внимание на характеристику русского народа, данную ЦРУ. Можно подумать, что в этой организации служили и служат сверхгуманисты, мечтающие освободить такой прекрасный народ от «коммунистического угнетения». Только «освобождать» они намеревались так же, как жителей Хиросимы и Нагасаки. Это мне не нравится. Но американские военные психоаналитики ничего не преувеличивали, говоря о «способности русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации». Каждый трудящийся человек нашей страны подтвердит, что жизнь его (не только война, но и мир) прошли именно в этих условиях. Кто же, позвольте задать безадресный вопрос, дезорганизует эту жизнь? Имена назвать не могу, но общий ответ таков: дезорганизацией жизни нашего народа занимаются те, кому это выгодно. Народу нужна организация или, по крайней мере, такое положение, когда ему мешать не будут в деле организации собственной жизни.

В диалоге «Россия и революция», когда Сарнову нечего сказать, он задает вопросы сомнительной ценности. Например: «Выходит, Ленина отстранили от власти как «контрреволюционера»? Забавно». Нет, никто не забавлялся в таких делах — Ленина отстранили как организатора, который мешал остальным «тонкошеим вождям». Всю жизнь Ленин боролся с «ликвидаторами», они же его и ликвидировали.

Анатомический вывод Сарнова «о хронической неспособности разных русских правительств» несколько отличается от выводов психоаналитиков совета национальной безопасности США, но все они продиктованы очевидностью условий «крайней дезорганизации», в которых пребывала Россия и пока еще остается. Правда, американские стратеги признавали, что в конце сороковых годов и страна, и народ, и правительство Кремля представляли для них довольно опасную организацию. Сарнову это надо тоже признать, но тут надо выйти за рамки одного государства и не стараться сваливать все только на русский народ и русское правительство Джугашвили. Хоть и за «железным занавесом», но государство развивалось не изолированно, тем более, что это не Лихтенштейн, а Россия, бывшая, конечно. Теперь это был СССР. Сталина хотят представить сегодня в образе великодержавного и великорусского шовиниста, забывая о том, что в 1929 году его провозгласили еще и вождем Коминтерна.

Передо мной «Правда» от 7 апреля 1989 года. «Страница истории». Корреспондент беседует с докторами исторических наук Ф. И. Фирсовым и К. К. Ширинем. Читаем: «С конца 1929 года Сталин был объявлен вождем Коминтерна, единственным истолкователем ленинизма. Все его суждения следовало воспринимать как истину в последней инстанции. Он фактически диктует Исполкому Коминтерна свои установки по ключевым вопросам политики коммунистического движения». Кто сделал такое объявление, было бы не столь важно, если бы не сыграло ту зловещую роль в судьбе Коминтерна. Но объявили его таковым и, вероятно, имели к тому достаточные основания интернационалисты. В той же газете публикуется фотография Секретариата ИККИ после VII конгресса Коминтерна (1934 г.). Не откажу себе в удовольствии перечислить их имена: А. Марти, Г. Димитров,

М. Эрколи (П. Тольятти), В. Флорин, Ван Мин, М. Москвин (М. Трилиссер), О. Куусинен, Д. Мануильский, К. Готвальд, В. Пик.

Не исключено, что Сталин видел себя в мечтах Главой Всемирного Коммунистического правительства, а перечисленные товарищи — Министрами Мирового Правителя. Многие из них, после гибели более пятидесяти миллионов человек, занимали довольно важные должности в послевоенном мире. Но в тридцать четвертом в Германии уже окреп фашизм и мог нарушить мечты Коминтерна. Конечно, надо было объединяться против угрозы Гитлера, который и сам не дурак был, тоже мировым правителем стать мечтал. Англия и Соединенные Штаты должны были выбирать между этими двумя «мечтателями», кому помогать. Национализм — жуткая штука: если его разжечь — спасения не жди. Выбрали интернационалиста Сталина. Тридцатые годы были поставлены на карту: или — или! Что творилось в это время в Советской России, мы теперь знаем отчасти. Господи! Разве в такой «крупной игре» кто-то мог пожалеть этот несчастный народ — русских! Загнали их в лагеря, в трудармии, в колхозы, а когда, несмотря на «хитрость» Сталина и Молотова, заключивших с Германией мир, а потом и договор о дружбе, Гитлер все же пошел на нас, тот же народ мобилизовали, вспомнив о природном русском патриотизме, и, даже не снарядив как следует, швырнули под колеса фашистской машины.

«Мы победили!» Победил интернационализм — нацизм был разгромлен. Неужели доля русского народа столь мизерна в этой интернациональной победе, что теперь можно этот народ третировать?! Неужели кто-то сомневается в его интернационализме?

А как же малые народы? Сталинские интернационалисты не разбирались: малые, большие — гуртом! Им виделась «победа коммунизма», при которой им расставят памятники по всей земле.

Я знаю, что русский человек никогда не выступит с притязаниями своего национального величия, как это сделала германская нация. Он не будет образовывать «русский фронт». Но все «языки сущие» в нашей стране должны хоть теперь понимать, что с исчезновением русского народа восторжествует «интернационализм», при котором даже украинцы и белорусы не будут котироваться, как самостоятельные нации. Процесс интернационализации должен произойти естественным путем, без насилия и искусственного оплодотворения наций идеями надпациональных вождей.

Тот кризис, к которому привело нас брежневское правительство, «русское по форме, интернациональное по содержанию», при котором все народы нашей страны почти уже были объявлены советскими, должен был научить нас хоть чему-то. Но мы же интернационалисты! И готовы были верить шайке коррумпированных людей, дорвавшихся к самой вершине, что и социализм развитой построен, что создана даже социалистическая цивилизация, что идеология наша по-прежнему ленинская, а партия коммунистическая ведет нас семимильными шагами прямо в светлое будущее. Бескультурье правительства скрывалось за тиражами ученых от культуры.

Почему так много говорят о каких-то «сталинистах» и не замечают того, кто явно стоит на тех позициях, которые и есть

сталинские позиции. Это, во-первых, воинственный интернационализм. И не важно, в какой области его насаждают. В культуре? Что ж, и в культуре. Так называемая «рок-культура» — сталинщина чистой воды.

Первейшая роль в национальной культуре принадлежит языку. В результате сталинской и последующей интернационализации произошли значительные изменения в сторону русификации иноязычных народов нашей страны. Если человек владеет родным языком в совершенстве, а творит, как например, Ч. Айтматов или Ф. Искандер, на русском. Лично для них это приобретение является обогащением, слов нет. Что это дает их родным национальным культурам, что дает такой опыт русской национальной культуре, я не берусь судить. Но русификация речи многих народностей при отвыкании от родного языка, несомненно, наносит ущерб их национальным культурам. И подобная русификация поощрялась интернациональной идеологией несомненно больше, чем просто русскими людьми. Русский народ не будет против, если и другие народы смогут говорить на русском языке! Но сейчас заговорили об «опасностях» русскоязычия, словно их создает русский народ.

Диалоги, диалоги, диалоги...

И обязательно в них затрагиваются национальные проблемы. О чем бы ни говорили: о литературе, экономике, образовании или политике — разговор обязательно скатывается в «национальную обочину», хоть краешком, но сползает туда. Но каждый согласен, что любая национальная культура самоценна, как бы архаична и отстала ни была, и равноценна с остальными (буржуазная посылка). Русская культура имеет свою цену в этом ряду. И, конечно, никто открыто выступить против любой культуры не осмеливается, потому что это культура! Но есть и тут возможность выступить, например, с позиций «интернациональной культуры» — показать бескультурье «отдельных людей» определенной национальности. Мишенью в данном случае всегда становился «русский мужик», как национальный тип. Мне лично еще не приходилось читать или видеть в кино, чтобы кто-то, кроме русских, сморкался очень неприлично, или напивался до скотского состояния. В рассказах Искандера (которые я перестал читать, поэтому, может, не прав и теперь в них иное) как только появляется парень с признаками Нечерноземья, то обязательно дебилизованный сержант, словарь которого в отличие от «людоедки Эллочки» состоит всего из одной фразы и то неправильной. Ради бога! Я отнюдь не собираюсь «учить писать» всемирного и известного, но такой подход к русской литературе называется гопничеством на большой дороге. Русская литература — очень большая дорога. Русские писатели стесняются выпячивать недостатки национальных типов, считая, что это недостойно великого русского языка.

Но спорьте и дальше! На русском языке это очень здорово получается.

●

Евг. БУЗНИ

ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

В сентябре исполняется 85 лет со дня рождения писателя-коммуниста Николая Островского.

Редакция предлагает вниманию читателей основанную на документах статью о создании романа «Рожденные бурей».

Долго не открывалась эта папка с гипнотизирующей надписью: «Строго секретно», в которой находились спрятанные за семью печатями, некогда изъятые из архивов материалы.

В копии письма в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР, оказавшейся в той же папке, объяснялась суть ее содержания:

«Государственный музей Н. А. Островского в Москве сообщает, что неэкспонируемые фонды и научный архив музея, за исключением газетных вырезок, просмотрены и очищены от устаревших и политически вредных материалов. Все изъятые документы хранятся в несгораемом ящике.

Одновременно с этим письмом посылаем опись изъятых материалов. Просим дать указание о месте хранения их.

Кроме того, посылаем список журналов из *личного архива* Н. А. Островского за 1934—1935 годы, в которых встречаются фото, статьи, фамилии репрессированных. Указанные журналы хранятся в личном шкафу мемориальной комнаты. Главлитом эти журналы не изъяты. Прошу сообщить возможность использования их в работе».

Письмо датировано 15 апреля 1953 года.

Какие же материалы оказались «политически вредными» в тот период? Это статья «Поколение счастливых», опубликованная в газете «Комсомольская правда» 7 ноября 1937 года, в которой ее автор А. Косарев, в то время генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, писал, например:

«Страна Советов приближается к знаменательной дате — дню выборов в Верховный Совет СССР. Нам еще крепко надо поработать над укреплением связи комсомола с многомиллионными массами несоюзной молодежи. Только тогда мы сможем привести все молодое поколение страны к избирательным урнам под знаменем Ленина — Сталина».

Это очерки Гр. Киша, опубликованные в журнале «Молодая гвардия» в 1934 году, в которых автор предупреждает о готовящемся нападении на Советский Союз.

Это, наконец, и послесловие Виктора Кина к роману Н. Островского «Рожденные бурей», о котором пойдет речь. Один из редакторов второго и последнего романа писателя В. Кин писал в послесловии, попавшем в секретную папку, следующее:

«Роман «Рожденные бурей» был сдан мною в набор за несколько дней до смерти Н. А. Островского, после того как мы закончили в основном редактирование рукописи. Предстояло сделать еще несколько поправок стилистического характера, главным образом сокращений. Мы условились сделать их потом, когда будут получены первые оттиски набора.

Но Островскому не суждено было закончить свою работу над романом. Перед читателем — только первая книга из трех задуманных Островским. Он рассказывал, что во второй и третьей книгах романа он хотел показать рост партизанского движения и работу комсомола в подполье, петлюровщину, польско-советскую войну 1920 года и освобождение Украины от белополяков.

Основным героем романа должен был стать Андрий Птаха. Вместе с остальной молодежью партизанского отряда он переходит в ряды Красной Армии и сражается с белополяками. Отстав при отступлении от своей части, он в одиночку сражается в польском тылу, внезапно нападая на противника, пробиваясь к своим.

Об остальных действующих лицах мне известно меньше.

По замыслу автора роман должен был дать образы героических, сильных людей, наделенных непреклонной волей, мужеством и душевным благородством.

Смерть оборвала замечательную, героическую жизнь и работу Н. А. Островского.

Виктор Кин».

Послесловие впервые появилось в Ленинградском издании романа «Рожденные бурей», подписанного к печати 15 февраля 1937 года, то есть почти через два месяца после смерти писателя.

Каждому прочитавшему строки, написанные В. Кином, понятно, что ничего крамольного в них нет и изъяты они были лишь потому, что их автор был впоследствии репрессирован, как и ав-

торы других публикаций А. Косарев, Гр. Киш, М. Кольцов и многие другие. Между тем хорошо известен факт, когда В. И. Ленин, прочитав о себе в книге А. Аверченко, писал в рецензии «Талантливая книжка»:

«Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». Париж, 1921. Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только не похоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете...

Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять».

Напечатано 22 ноября 1921 года.

К сожалению, такому прекрасному примеру настоящей демократии далеко не все подражали в своей практике. Потому и ушли от читателя воспоминания В. Кина, проливавшие свет на художественный замысел всего романа «Рожденные бурей».

Любопытно отношение к В. Кину самого Н. Островского. В письме директору Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ) по поводу предстоящего издания своей новой книги он писал:

«Дорогой товарищ Накоряков!

Ваше письмо и копию отзыва Виктора Кина получил... редактор «Рожденных бурей» должен быть глубоко культурный человек — партиец. Скажу больше, и это должен быть самый лучший Ваш редактор. Я ведь имею на это право.

Если Виктор Кин — это автор романа «По ту сторону» (книга, которую я люблю, хотя с концом ее не согласен), то это будет наиболее близкий мне редактор... За критическое правдивое письмо спасибо. Я могу не согласиться с некоторыми Вашими положениями, но в основном это умное дружеское письмо мне нравится своей искренностью, отсутствием банальных комплиментов и ненужной патоки.

Побольше свежего ветра, и дышать нам будет легче. А то за реверансами трудно разглядеть свои недостатки, а их, безусловно, немало. А целый ряд обстоятельств обязывает меня в первую очередь, чтобы их было как можно меньше.

Вот почему Ваше и товарища Кина письма я принял хорошо».

Принял хорошо, несмотря на критические замечания, отсутствие комплиментов и несогласие с чем-то. Это и подкупает в Островском — его постоянная жажда к честному принципиальному разговору. Во всех письмах и беседах ставшего уже известным писателя чувствуется неутолимая жажда правды. Он просит своих рецензентов говорить только правду. 28 августа 1936 года Островский пишет М. Шолохову:

«Я хочу прислать тебе рукопись первого тома «Рожденных бурей», но только с одним условием, чтобы ты прочел и сказал то, что думаешь о моем сочинении. Только по честности, если не

нравится, так крой: «Кисель, дескать, не сладкий и не горький». Одним словом, как говорили в 20-м году — «Мура».

Знаешь, Миша, ищу честного товарища, который бы покрыл прямо в лицо. Наша братия, писатели, разучились говорить по душам, а друзья боятся обидеть. И это нехорошо. Хвалить — это только портить человека. Даже крепкую натуру можно сбить с пути истинного, захваливая до бесчувствия. Настоящие друзья должны говорить только правду, как бы ни была остра, и писать надо больше о недостатках, чем о хорошем, — за хорошее народ ругать не будет.

Вот, Миша, ты и возьми рукопись в переплет.

Помни, Миша, что я штатный кочегар и насчет заправки котлов был неплохой мастер. Ну, а литератор из меня «хужéе». Сие ремесло требует большого таланта. А «чего с горы не дано, того в аптеке не купишь», — говорит старая чешская пословица».

Правда. Как нужна она нам сейчас и как трудно она дается. Вот и вчитываемся в произведения писателей того времени, которое больше всего непонятно. Под толщей времени и громадами лжи оно — это время — расплылось, как кадры, снятые несфокусированным объективом.

Пусть, как признавался сам Островский, литератор из него «хужее», но он писал честно то, что видел, знал, понимал.

Тысячи почитателей таланта Николая Островского задаются вопросом: на чьей стороне был бы автор романа «Как закалялась сталь» — этого непревзойденного гимна революционному взлету человеческого счастья борьбы и самопожертвования ради людей, ради народа? Где был бы он, проживи еще пару лет?

Некоторые уже сейчас, отвечая на этот вопрос, готовы отвернуться от писателя, пользуясь сомнительной формулой: раз он был «за», значит, сегодня нам не подходит. Но разве не миллионы и миллионы рабочих и крестьян в то время были за новую жизнь, за светлое будущее, за коммунизм? Другое дело, что понятие прекрасного, но не осуществившегося в той мере, как мечталось, теперь изменилось. Но ведь это сегодня, когда мы познали горечь ошибок. А тогда?

Николай Островский был максималистом. Его Павка Корчагин да и Андрий Птаха не признавали середины. Павка работает на строительстве узкоколейки до потери сознания в буквальном смысле слова. Его вывозят со строительства без чувств. Но он счастлив, что дорога построена и жители Киева не замерзнут от холода. Андрий Птаха повисает на канате заводского гудка, созывающего своим ревом народ, и, понимая, что сам уже на краю гибели, счастлив от этих минут свободы, когда он выражает свой протест против бесправия, и никто не может помешать ему жить пусть несколько минут, но ради этой свободы, оказаться хоть в чем-то сильнее врагов, заставить их хоть на миг, но оказаться слабее его — мальчишки.

Да сам писатель органически не переносил врагов новой власти. В одном из своих писем под грифом «секретно» он диктовал:

«Директору Госиздата Белоруссии
копия завюнсектора тов. Давидович
Уважаемый товарищ! Мне сообщили, что перевод на еврейский

язык романа «Как закалялась сталь» поручили гр. Дунцу, политически скомпрометированному человеку, а перевод на белорусский язык — бывшему троцкисту (фамилии не помню). Не знаю, почему надо было вторично на белорусский язык переводить, но, если это нужно, то прошу доверять эту работу людям политически безупречным».

И уже в следующем письме, адресованном первому секретарю ЦК ЛКСМ Белоруссии А. Августайтису, писатель сообщает:

«Тов. Сарра Давидович сигнализировала мне о том, что переводы «Как закалялась сталь» на еврейский и белорусский языки были отданы троцкистам. На ее протесты руководство Госиздата реагировало очень слабо. После ее письма ко мне с просьбой помочь ей в этой борьбе заместитель директора Белгосиздата сообщил, что переводы переданы честным писателям. Я благодарен товарищ Давидович за ее бдительность. Ведь я ничего не знаю о людях, которым доверяют переводы».

И не был ли по-своему прав Островский? Ведь он отказывал переводчикам по принципиально важным для него соображениям. Писатель искренне желал, чтобы его книги готовились чистыми руками честных, политически надежных людей. И не его вина, если здесь тоже была ошибка и те переводчики, может, и не были врагами. Сам-то он видеть не мог и принимал кушанье таким, каким его подавали.

По такой же причине, кстати, Островский убирает из романа «Как закалялась сталь» фамилии пусть второстепенных, но все же действующих лиц Руссульбаса и Шумского. По последней фамилии писатель дает пояснение в письме своему другу П. Новикову:

«Дорогой мой Петрусь!

Только что получил твое письмо (открытку) от 12/VI.

Я уже получил письмо редактора тов. Трофимова. Я послал ему телеграмму — фамилии вымышленные, можно изменить. Обе фамилии, как Шумский, так и Ольшинский, — вымышленные. Конечно, тов. Трофимов думает о Шумском, бывшем народ(ном) ком(иссаре) прос(вещения) — националисте, но это случайное совпадение фамилий. Их можно изменить, если это нужно. Пусть Трофимов сам изменит какую-нибудь букву в фамилии, и все будет в порядке».

Письмо Вильховому, редактору украинского Гослитиздата, объясняет изменение фамилии Руссульбас:

«Письмо Ваше получил. Продолжайте печатать Школенко вместо Шумского. Относительно Руссульбаса, то мы эту фамилию снимем. Вместо нее на стр. 283 (Ш-е Укр. издание «Молодого большевика») в сцене сбора коммунистов в пехотной школе в словах: «В залу входили Жухрай, Руссульбас и Яким» — заменить слово Руссульбас словом предисполкома. И речь будет произносить предисполкома. В начале второй главы (II книги) фамилию Руссульбаса снять. И где это подходит, заменить словом предгубисполкома. (Между прочим, я впервые узнаю от Вас о Руссульбасе. До сих пор я знал, что его жена оказалась предательницей, троцкисткой. Но, как видно, не только она).

Все эти исправления я введу в последующие русские издания».

Очевидно, что все эти изменения Островский вносил по рекомендациям издательских работников в ответ на поступавшие письма. Однако максимализм не был отличительной чертой лишь

Островского. Он являлся порождением революции и потому владел массами. И друзья будущего писателя, когда романы его существовали лишь в мыслях, были такими же непримиримыми. Достаточно вспомнить Льва Бересенева, с которым Островский познакомился в 1929 году в Сочи и который был выведен в романе «Как закалялась сталь» под его собственной фамилией.

Максимализм был присущ всем рожденным бурей революции. А Островский писал честно о том, что видел, знал, понимал.

Роман «Рожденные бурей» писался в условиях, отличавшихся от тех, в которых появилась «Как закалялась сталь». Тогда он писал первую книгу, не зная, что из этого получится и выйдет ли что-то вообще, а ко второй книге приступил уже на гребне писательской славы, поддержанный комсомолом и партией.

Как только появлялись главы нового романа, они тут же печатались в газетах и журналах. И все же рождение романа было трудным.

Название романа и сама идея его, казалось бы, возникли давно. Ведь повествование о жизни Павки Корчагина завершается именно тем, что он пишет «повесть, посвященную героической дивизии Котовского». Название пришло само собой: «Рожденные бурей». Стало быть, книга уже была задумана? Но она написана не о котовцах, и знаменитый командарм даже не планировался в ней. Больше того, еще в 1932 году, когда только шла работа над второй частью «Как закалялась сталь», Островский писал из Сочи своему добровольному секретарю Галине Алексеевой в Москву:

«Галя, я обо всем буду писать. Веду себя скромно на редкость и не создал романа кроме «стали». Если бы ты была здесь, я убежден, что 2-ю часть смог бы написать к январю 33 г. и начать новый роман, название которому «Как затихала боль». Вспомни, Галя, неоконченный отрывок. Жму твои ручонки. Не сердись за молчание. Коля».

Следующая книга планировалась лирической. Однако впоследствии эта тема больше нигде не вспоминается. Скорее всего она уложилась во второй части романа «Как закалялась сталь». Постепенно укрепляется желание говорить о людях, рожденных революцией. В декабре 1933 года Островский пишет письмо революционерке-народнице Вере Фигнер:

«С двадцать восьмого года я парализован, неподвижен, потерял последний глаз.

Пять лет напряженной работы и, как результат, две книги о былом, о нашей мятежной юности.

— Я — один из молодой гвардии большевиков.

Железная партия воспитала нас.

Мы — рожденные бурей».

Писатель повторил применительно к себе слова «рожденные бурей», уже записанные им в рукописи готовившейся к публикации второй части романа. Однако тема следующей книги в это время еще не оформилась в сознании. Практически закончив писать «Как закалялась сталь» в июне 1933 года, Островский занимается литературной учебой и окунается в общественную жизнь.

«Как я прожил последние три месяца? — пишет он своему ре-

дактору Анне Караваевой в декабре 1933 года. — Я отнял от лит-учебы массу времени и отдал его молодежи. Из кустаря-одиночки стал массовиком. В моей квартире происходят заседания бюро комитета. Я стал руководом кружка партактива, стал председателем районного совета культстроительства, в общем, придвинулся к практической работе партии вплотную. И стал полезным парнишкой. Правда, я сжигаю много сил, но зато стало радостней жить на свете. «Комса» вокруг. Непочатый край работы на культурном фронте. Заброшенные, с полунищим бюджетом, с хаотическим учетом, городские библиотеки возрождаются и становятся боеспособными. Создал литкружок, как могу, так и руковожу им. Внимание партийного и комсомольского комитетов ко мне и моей работе большое. Партактив у меня бывает часто. Я ощущаю пульс жизни, я сознательно пожертвовал эти месяцы местной практике, чтобы прощупать сегодняшнее, актуальное.

Я не могу в одном письме все рассказать. Я хочу писать тебе еще, если мои письма тебе не скучны. И все же я много читаю. Прочел «Шагреневую кожу» Бальзака, «Воспоминания» В. Н. Фигнер, «Вступление» Германа, «Последний из удэге», «Крутую ступень», «Анну Каренину», «Литнаследство», все №№ «Литкритики», «Дворянское гнездо» Тург(енева) и много др.».

И вот тут Островский пишет Караваевой самое главное, что его заботит: «Очень хочу — напиши мне, что больше всего подошло бы мне разработать в будущем. Какую тему? Зная меня, ты интересно можешь сказать. Что, по-твоему, мне больше всего удастся — какая тема?»

Но еще не получив ответа Караваевой, он уже пишет друзьям: «С января начинаю работать «всерьез» и «надолго». Однако зиму писатель плохо себя чувствует, и начать работу приходится позже. К этому времени Караваева успевает прислать свои соображения о предстоящей работе, и они нравятся Островскому. Он отвечает на это: «Относительно сюжета новой работы я напишу потом. Твой эскиз весьма интересен. Неисчерпаема тема об изумительных образах молодежи, «героя нашего времени».

Между тем Островским готовится статья «За чистоту языка», заказанная ему Караваевой для журнала «Молодая гвардия», вносятся исправления в первые издания романа «Как закалялась сталь» для последующих переизданий, пишутся дополнения к украинскому, польскому и другим изданиям. Работа эта и для здорового пишущего человека кажется всегда трудной, а тут больной. Но странное дело — сам Островский будто не замечает этого. Посылая обещанную статью Караваевой, он жалуется ей на трудности, но настолько оптимистична его жалоба, словно, чем труднее ему, тем радостней:

«Дорогая тов. Анна! Вместе с письмом посылаю свои наброски «За чистоту языка». Я не претендую, чтобы эти заметки были опубликованы уже потому, что в них мало конкретности. Для собрания же конкретного материала нужны молодежные книги, нужны выборки из текста и т. п., а у меня так: пока найдут желанную страницу, пройдет час, а я уже через десять минут кусаю губы. Все бы я простил природе, такой ко мне немилосердной, но отнять единственный глаз — это бессовестно. Хотя, сказать по совести, я и сейчас живу намного радостнее и «счастливее», чем многие из тех, кто приходит ко мне, и, наверно, из любопытства. У них здоровые тела, но жизнь они проживают бес-

цветно, скучно. Хотя у них видят оба глаза, но взгляд у них безразличный и, наверно, скучающий. Они, наверно, меня считают несчастным и думают — не дай, господь, мне попасть на его место, а я думаю об их убожестве и о том, что ни за что не обменял бы роли».

Островский неустанно учится, буквально «прорабатывает» роман Толстого «Война и мир» и думает над своей новой книгой. Уже в начале июня 1934 года он сообщает своему другу Петру Новикову:

«Силуэты новой вещи у меня набросаны, и скоро я начну работать. Сейчас же учеба и учеба. Проработка лучшего из классического наследства. Ведь вперед идти надо ростом, топтание на месте — это гибель. С меня теперь будут требовать как с подмастерья, а не как с ученика, и потому учеба до головокружения.

Кто бы мог подумать, что у меня будет такой счастливый конец жизни, ведь если, скажем, я нечаянно погибну сейчас, чего я не хочу, конечно, то это будет гибель на боевом посту, а не на инвалидных задворках».

Начиная работу над новой книгой, Островский чувствует уже за спиной призрак смерти, от которого он начинает всеми силами отталкиваться, отбиваться, защищаться упорной, напряженной, ежедневной по десять-двенадцать часов работой. И он выиграл несколько боев, чтобы успеть закончить хотя бы первую книгу. В 1933 году он писал Караваевой: «...вопрос лишь в том, сумею ли завоевать у жизни необходимые три-четыре года. Тогда будет создан второй труд».

В письме П. Новикову от 23 октября 1933 года Островский рассказывает:

«Моя жизнь развертывается сейчас на боевых линиях, есть для чего жить, а сил физических осталось такая крошка. Всплыхнешь в небольшой речи или напишешь небольшую статью, и наваливается свинцовая тяжесть, усталость. Разрыв между духом и материей. А теперь так нужны физические силы. Будем жить за счет аккумуляторов».

Островский не знает, что на счету его жизни уже нет трех лет, но он пытается их вырвать.

Борьба за жизнь отнимает много сил, а ведь они нужны и для работы. Постепенно созревает план новой книги. Наконец, в письме Трофимову 12 октября 1934 года появляется предположительное название романа и подробнее раскрывается его содержание:

«Если очевидно, что Вы не приедете, что меня весьма огорчило бы, то придется сжато договориться о следующем. (Если это возможно и Вы найдете это необходимым):

Первое — включить в тематический план 1935 года дешевое переиздание «Як гартувалася сталь»;

Второе — заключить соглашение на издание новой книги под условным названием «Рожденные бурей», размером приблизительно пятнадцать печатных листов. Тема книги — борьба за Советскую Украину, период 1919—1920 годы. Книга для юношества. Возможно, революционно-романтического характера...

Новую книгу я Вам напишу на русском языке, поэтому Вы учтите свои расходы на перевод. Срок представления рукописи — сентябрь 1935 года, возможно раньше, но это неизвестно».

Островский переоценил возможности. Работа была закончена на год позже. Он не учел силу болезней, и не только это.

Роман планируется писать на документальной основе. Однако для этого нужна литература, которой в Сочи, где жил писатель, нет. И он стремится в Москву, просит друзей приложить силы и помочь перебраться в столицу, где всегда можно найти нужные книги и консультацию старших товарищей. Однако проблемы с книгами и переездом решались не скоро.

Из неопубликованного письма П. Новикову от 4 декабря 1934 года:

«С Москвой дела не движутся ни вперед, ни взад. В ожидании результата взялся за работу, систематически работаю изо дня в день. Есть квалифицированный секретарь, и дела подвигаются вперед. Все-таки с материалом плохо дело обстоит. Никто ни одной книги не высылает. Может, ты что где выкопаешь насчет гражданской войны и войны с белополяками, пришли тогда мне, буду очень рад».

Теперь главными темами переписки с друзьями стали книги и Москва.

Но приближается зима, а надежда на скорый переезд отдаляется.

В феврале 1935 года Островский сообщает Ревекке Шпунт, редактору издательства «Молодая гвардия»:

«Дело с моим переездом в Москву провалилось. Квартиры не достали. По общему совету я пошел на следующее мероприятие: вступил в члены жилкооператива писателей. Пай — 18 т. р., из них 5 т. р. уже внес, очистив все счета в издательстве, пять надо внести в ближайшем будущем, остальные потом. Квартиру обещают осенью. Это туманный срок! И, по словам доков, можно быть уверенным, что не получишь, ибо есть спортсмены более ловкие. Но я не чемпион по блату».

Бюрократическая машина, в которой и в те времена часто побеждали подкупы и блат, начинает выводить из себя человека слепого, прикованного к постели, не имеющего ни малейшей возможности самому ворваться в чей-то кабинет и ударить по столу кулаком.

«Вся эта квартирная канитель надоела мне до чертиков, — пишет он в письме к Финкельштейну, — и я, признаюсь, не радуюсь победам, не огорчаюсь поражениям. Противно все это и вредно, так как мешает творческой работе.

Цель моей жизни — литература, и если я этого не выполню, то какая же польза из всего остального? Я думаю, лучше жить в уборной и написать книгу, нежели два года добиваться квартиры и из-за этого ничего не написать. Тем более недопустимо отвлекаться, потому что моя жизнь — это считанные дни.

Каждое поражение бьет меня в лицо — мешает мыслить, выбивает из равновесия. Это дорогая цена, и я готов свирепо плюнуть на все это дело и беречь спокой, писать страницу за страницей и продолжать свое дело. Пусть рвачи пролезают, занимают квартиры, мне от этого не жарко. Место бойца на фронте, а не в тыловых склочных дырах.

Я боюсь, что мое имя стало футбольным мячом, который группа товарищей упорно стремится забить в ворота Моссовета или другого жилищного комбината, но не менее упорные вратари отбивают все атаки с ловкостью и мастерством, достойным лучше-

го применения. Мне эта игра осточертела. Прошу, убеждаю, требую — береги мое имя, Миша, брось бомбардировать бюрократов-тупиц. Ты правильно поступаешь, когда думаешь, что не надо унижаться.

Ведь цель жизни не в квартире. Нужно оправдать доверие и надежды партии. Пока есть силы, нужно написать молодежи пару книг...»

И он пишет.

В феврале готовы три главы. Но название романа еще им не утверждено. В апреле, отвечая на запрос «Комсомольской правды», он говорит, что название «придет само собой, когда книга будет написана», а завершение ее планируется в августе.

К июню написаны первые пять глав. Врачей обеспокоило здоровье писателя, и они заставили его отдыхать до июля. С августа намечается начать публикацию нового романа в журнале «Молодая гвардия». Роман должен был выйти в конце 1935 года, но появился целиком лишь через год.

В то же время, несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья, Островский работает с М. Б. Зацем над киносценарием по книге «Как закалялась сталь», пишет ответ на рецензию Б. Дайреджиева, принимает посетителей. Но его рабочие планы ширятся, и теперь ему кажется мало установленных ранее им же самим сроков жизни. Он не может согласиться с приближением смерти и в письме Караваевой 2 августа 1935 года сообщает:

«Тысячи писем, полученных мной со всех концов Союза, зовут меня в наступление, а я занят ликвидацией внутреннего мятежа. Несмотря на всю опасность я, конечно, не погибну и на этот раз хотя бы уж потому, что я не выполнил данное мне партией задание. Я обязан написать «Рожденные бурей». И не просто написать, а вложить в эту книгу огонь своего сердца. Я должен написать (то есть соучаствовать) сценарий по роману «Как закалялась сталь». Должен написать книгу для детей — «Детство Павки», и непременно книгу о счастье Павки Корчагина. Это, при напряженной большевистской работе, — пять лет. Вот минимум моей жизни, на который я должен ориентироваться.

Закончив работу над киносценарием, Островский в сентябре приступает к шестой главе романа, точнее, собирается приступить. В это время активизируются усилия по организации его переезда в Москву на зиму. Врачи в один голос заявляют, что львиную долю здоровья писателя «съест отвратительная квартира». Совнарком Украины принимает решение о строительстве в Сочи дачи для Островского.

1 октября 1935 года ЦИК постановил: «Наградить орденом Ленина писателя Островского Николая Алексеевича, бывшего активного комсомольца, героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за Советскую власть здоровье, самоотверженно продолжающего оружием художественного слова борьбу за дело социализма, автора талантливого произведения «Как закалялась сталь».

Островский счастлив. Он пишет благодарственное письмо Сталину. И, казалось бы, можно уже не волноваться. Ведь есть признание, слава, деньги, выделяется по распоряжению Сталина квартира в Москве, строится дача в Сочи. Но писатель запро-

граммирован всеми мыслями только на работу. 17 октября он предупреждает в письме Финкельштейна:

«В Москву думаю я приехать в первой половине ноября.

Мое здоровье очень неважное. Я устал. Сейчас нужно накопить силы для переезда. Надо сделать все, чтобы в Москве никто не знал, где я буду жить.

Иначе я не смогу работать от бесконечных посещений и разговоров. Я превратился в «честного болтуна». Не могу уделить ни одной минуты работе, которую мне поручила партия. На это мне сурово указали два члена ЦК ВКП(б) (имеются в виду Г. И. Петровский и Л. З. Мехлис. — *Прим. авт.*) и предложили заняться делом, закрыв доступ бесконечным посетителям. Я это сделал. Доступ закрыт. В Москве необходимо сделать то же самое.

Ты не подумай, что я зазнался или что-нибудь в этом роде. Но у меня несколько капель физических сил, и преступно расходовать их на пустозвонство. Больше этого не будет».

Отъезд в Москву задержался до декабря из-за предстоявшего вручения писателю ордена Ленина, которое по просьбе Сочинского горкома партии состоялось в их городе 24 ноября. Кроме того, против переезда были врачи.

Но никакие события не могли отвлечь Островского от главной мысли, о чем он пишет Караваевой:

«В генеральном штабе РККА и в редакции «Истории гражданской войны» мне обещано всемерное содействие в деле изучения материалов о войне с белополяками. У меня был товарищ Эйдеман (Р. П. Эйдеман, председатель Центрального совета содействия авиации и флоту. — *Прим. авт.*) и секретарь товарища Ворошилова. Они подтвердили это обещание. При таких условиях есть надежда, что роман будет документально крепко сшит».

И вот, наконец, Москва. Сколько возможностей было потеряно, пока месяцами решался вопрос о переезде. Но решилось все-таки, и можно продолжать работать. В начале января уже заканчивается седьмая глава, а в конце месяца — восьмая. В феврале пишется пропущенная шестая глава. Темп необычайно высок. Работа идет «в среднем по 12 часов в день».

Написанное сразу публикуется в журнале «Молодая гвардия» № 5, 6, берется другими редакциями. Но всех желающих публиковать главы нового романа Островский адресует тогда еще главному редактору, а впоследствии директору издательства «Молодой большевик» К. Д. Трофимову.

Летом 1936 г. Островский едет в Сочи и там заканчивает первую часть книги.

Готовая рукопись романа из девяти глав посылается в издательства, партийные и комсомольские органы, писателям. Дополнение к шестой главе публикуется отдельно в одиннадцатом номере журнала «Молодая гвардия».

Отсылая рукопись, в сопроводительных письмах Островский просит своих рецензентов оценивать ее со всей строгостью, громить все недостатки и добавляет, например, в письме Августайтису:

«Прошу помнить, что 1-й том является лишь введением в большой 3—4-х томный роман, посвященный нашей борьбе с белополяками в 1918—20 гг.».

Писатель готов продолжать работу, о чем сообщает Караваевой в Сочи, куда уезжал на лето:

«25 октября думаю выехать в Москву. Сразу же приступлю ко второму тому. Материал для него у меня уже подобран. Лишь бы не предало здоровье, будь оно трижды проклято!»

Но до второго тома дело не дошло.

Островский ждет рецензий, напоминает адресатам о себе, прося ускорить ответы.

И вдруг метаморфоза. Во все адреса издательств 13 октября пошли письма с одним текстом:

«Я еще раз считаю необходимым предупредить Вас, что рукопись первого тома романа «Рожденные бурей», посланная мной Вам для ознакомления, не может быть сдана Вами в набор, пока я не произведу всю редакторскую работу и не внесу все необходимые поправки, дополнения и т. п.

Когда работа будет закончена, я попрошу Вас вернуть мне посланные Вам рукописи вместе с Вашими замечаниями и я, лично отредактировав окончательно книгу, верну Вам рукопись вполне готовой к печати. И только тогда Вы сможете ее издать. Это необходимо сделать, чтобы сохранить единство текста».

Да. Островский приостановил публикации. Теперь он не хочет повторять ошибку с первым романом, когда в разных изданиях появилось множество разночтений, дополнений, изменений. В ноябре предстояло обсуждение романа «Рожденные бурей» на президиуме Союза советских писателей в московской квартире Островского. Обсуждение может повлечь за собой изменения.

А издатели торопятся.

15 ноября 1936 года в квартире писателя Островского на улице Горького, 14 в Москве собрались представители ЦК ВЛКСМ, издательств и члены президиума Союза советских писателей для творческого обсуждения романа «Рожденные бурей». Разговор состоялся большой и серьезный. Насколько он оказался полезным автору, можно судить по его словам, сказанным им в заключительном выступлении:

«Книга не получила разгрома, который я принял бы так же, как и целый ряд разгромов, которые жизнь приносит настоящему бойцу.

...если бы было признано, что книга не удалась, то результатом этого могло бы быть одно: утром завтра я с яростью начал бы работу.

...Сейчас в основном мне понятны недостатки книги. И еще понятна одна вещь: такие заседания, как сегодня, не проходят бесцельно.

Завтра я отдохну, позволю себе эту роскошь, а послезавтра еще раз прочитаю несколько раз ваши замечания и начну работать над теми местами, которые, как говорит Ставский, требуют переделки. Для этого нужно 3 месяца, я думаю, серьезной работы. Но, работая в три смены, можно сделать за один месяц. Кстати, у меня бессонница, и это найдет свое полезное применение в работе. Один лечится тем, что отдыхает, другой лечится работой.

Через один месяц я думаю представить Центральному Комитету комсомола книгу, на которой, возможно, будет поставлено слово «да».

Готовя окончательный вариант книги, Островский не ограничился мелкими правками и структурной перестройкой текста. Он постарался устранить замечания, которые показались ему наиболее существенными и возможными к исправлению в короткий срок.

Так, например, Е. Ф. Усиевич, известный литературный критик, обратил внимание на показавшийся ему ненужным эпизод с портсигаром, не имевший значения для последующего действия и потому лишь напрасно отвлекавший внимание читателя.

Островский тут же убирает совсем историю с портсигаром.

Писатель В. П. Ставский выразил удивление, каким образом и почему почти весь ревком, кроме Раевского, оказался арестованным.

В связи с этим Островский дописывает в конец десятой главы огромный кусок текста. Причем, явно вспомнив свою любимую книгу Войнич «Овод», Островский причиной провала ревкома делает случайную информацию, которую, ничего не подозревая, выдает ксендзу сестра Ядвиги Марцелина, а тот в свою очередь уже сознательно передает полученные сведения по назначению Могельницкому. Так же когда-то во время исповеди, свято веря в ее таинство, рассказал о своих политических друзьях Артур Бертон — Овод.

Александр Фадеев в числе других замечаний отметил, что для среды польских дворян не было типичным выражение «захватить власть», и Островский слова Могельницкого «Послезавтра мы решили захватить власть в нашей округе» заменяет другими: «Послезавтра мы решили выступить».

Александр Серафимович считал нужным усилить воздействие непрерывно ревущего гудка на рабочих, предложил показать в книге пробуждающуюся по гудку толпу, и вот в рукописи появляется небольшое, но яркое описание:

«Наэлектризованные этими криками, гудком и всем происходящим у них на глазах, рабочие отказывались уходить со двора. Легионеры пустили в ход штыки. Кавалеристы теснили их конями и хлестали плетьми.

Заремба охрип от крика. Сопротивляясь, разъяренные рабочие стащили с лошади одного легионера. Его едва отбили. С большим трудом эскадрон Зарембы очищал двор».

И так по каждому замечанию. Титанический труд был проделан в предельно короткий срок. Ровно через месяц со дня памятного совещания работа над внесением правок была завершена, а через неделю писателя не стало. Смерть все-таки настигла его, но подумать только, — через неделю после того, как книга была закончена, а не до. Прикованный к постели человек, устремив далеко вперед по форме незрячие, а по сути видящие жизнь глаза, как бы отталкивал смерть, говоря ей: «Погоди! Мне не до тебя. Сейчас кончаю». Кончил и ушел из жизни, успев со всем распорядиться.

14 декабря в Азчеркрайиздат и переводчику украинского текста Варавве летит телеграмма: «16 декабря поездом номер 25 вагоне седьмом место 25 выезжает в Сочи мой секретарь Лазарева Обязательно встретьте ее вокзале получите окончательный текст рукописи Островский».

И в тот же день он написал последнее в своей жизни письмо:

«Милая матушка!

Сегодня я закончил все работы над первым томом «Рожденных бурей». Данное мною Центральному Комитету комсомола слово — закончить книгу к 15 декабря — я выполнил.

Весь этот месяц я работал «в три смены». В этот период я замучил до крайности всех моих секретарей, лишил их выходных дней, заставляя работать с утра и до глубокой ночи. Бедные девушки! Не знаю, как они обо мне думают, но я с ними поступал бессовестно.

Сейчас все это позади. Я устал безмерно...»

Устал. Решил немного отдохнуть. Расслабился и пропустил шанс еще раз оттолкнуть смерть. И все же в этом единоборстве победила не она.

Книга вышла через двенадцать дней после окончания работы над нею, т. е. 26 декабря 1936 года.

Жена писателя, Р. П. Островская, рассказала об этом:

«Рабочие, узнав о смерти Николая Островского, работали бессменно: решили выпустить книгу ко дню похорон. И мы, родные, получили в день похорон это первое, траурное издание «Рожденных бурей» с памятной надписью от Центрального Комитета ВЛКСМ».

Надпись на обложке первой книги «Рожденные бурей», изданной «Молодой гвардией», делал Александр Косарев, тот самый, чья фамилия впоследствии исчезла из печати, а опубликованные им материалы изымались, чтобы попасть в секретные папки секретных архивов вместе с материалами других друзей и соратников Николая Островского.

●

ВОСПИТАНИЕ ПОДВИГОМ

К 50-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ПОГРАНИЧНИК»

Хотя редакция журнала «Пограничник» считает, что их журнал пережил по крайней мере три рождения — сначала как политический орган пограничных войск, затем, в 1976 году, как общественно-политический и литературно-художественный, а с 1988 года — как массовый, центральный орган печати, становящийся в ряд с «толстыми» журналами, — все равно на протяжении десятилетий он оставался самим собой.

Граница — в нашем понимании это сосредоточение идеологических представлений о шири и мощи государства. Это обостренное чувство Родины, идущее из древности. «О Русская земля! ты уже за холмом», — одна из самых незабываемых строк «Слова о полку Игореве».

Граница не как разделяющая черта, а как объединяющий символ — представление, воспитанное в сознании поколений.

У «Пограничника» в России были предшественники. В январе 1906 года вышел в свет первый номер журнала для офицеров «Пограничник» — органа Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи. Он просуществовал до 1914 года, до само-

го начала первой мировой войны. В 1908 году начал издаваться журнал «Страж» — для нижних чинов корпуса. Его жизнь оказалась более короткой — было выпущено всего двенадцать книжек. Но самым ранним пограничным изданием следует считать «Досуги амурца» — орган Штаба Заамурского округа пограничной стражи. Предназначенный для нижних чинов, он выпускался с 1905 года в Харбине.

1939 год. Предгрозовое, предвоенное время. Значение пограничных войск было отмечено правительством среди ряда важнейших мер и созданием журнала, рассчитанного «на командный, политический и начальствующий состав войск НКВД». Но, с поразительной быстротой распространившись по всем пограничным заставам страны, журнал сразу же стал «общепограничным». На обложке первого номера — рельефное изображение пограничника со служебной собакой, взор бойца обращен в сторону, в которую указывает рукой молодая женщина. Границу СССР охраняет весь советский народ — таков смысл рисунка.

Таково же было и мнение писателей. И публицистическим словом, и прозой, и стихами участвовали они в журнале. В статье «Слово о границе» Н. Тихонов писал: «Мы вспоминаем тех, чьи имена присвоены пограничным заставам, вспоминаем не только одиночные случаи, одиночные схватки, но массовый подвиг пограничников, грудью встретивших напор фашистских орд в первые дни Великой Отечественной войны. О мужестве и героизме пограничников напоминают нам рассеянные от Заполярья до Черного моря могильные холмы со скромным обелиском с надписью: «Здесь стояли насмерть...»

Первым редактором литературного отдела журнала стал начальник заставы в Белоруссии Иван Шаповалов. В Минске к тому времени уже вышли книги его пограничных рассказов и стихов, первая часть повести «Большевики границы». В первые же дни войны он погиб.

С медалью «За отвагу» прибыл в военные годы в редакцию еще один сотрудник — офицер Иван Шевцов. 22 июня 1941 года он командовал боевой заставой. В журнале состоялось его рождение как писателя, сформировались его творческие установки, писательская позиция.

Мало кто знает, что многим произведениям о пограничниках зеленую улицу дал впервые этот журнал. В нем публиковались такие известные произведения, как «Над Тиссой» — трилогия Александра Авдеенко, «Граница в огне» лауреата Государственной премии СССР Владимира Беляева, «Секретный фронт» Аркадия Первенцева, «В августовских лесах» Павла Федорова. В дискуссиях о современной литературе как-то упускается из виду, что положительный герой существовал, существует и не собирается уступать свое — героическое — место ни в действительности, ни в эстетических представлениях читателей. С рассказов, очерков о личном подвиге, самоотверженном поступке воина начинался журнал, та же традиция у него и сегодня.

...В рассказе Анатолия Дроздова пограничники спасают жителей села, затопленного весенним паводком, прорвавшим плотину. Герой очерка Олега Шилина — герой-афганец Георгий Бело-

клоков, подставляя себя под огонь душманов, прикрывал товарищей, перебегающих к укрытию. В рассказе о современных солдатских буднях «Пусть приснится «деду» сон» Кирилла Танаева старослужащий ефрейтор Чернов тоже вызвал огонь на себя — помешал «дедам» наказывать первогодков... На первый взгляд, кстати, может показаться, что у молодого, открытого журналом прозаика тема подвига переведена в план морально-этический. Но это лишь на первый взгляд; подвиг свершен во всей своей полноте: «за други своя».

Рассказы, художественные очерки, а рядом — информация из разных мест, с разных точек пограничной службы. Рубрика «Граница. День за днем». Подвиг продолжается... Стремясь заглянуть в душу героев наших дней, литераторы, публицисты журнала осваивают, пожалуй, самый драгоценный жизненный материал. Из штрихов биографии, событий и поступков «афганца» старшего лейтенанта Николая Жданова автор очерка о нем А. Парамонов тонко и прочно вырисовывает емкий художественный образ.

«Он мог показаться бесшабашным парнем, шалопутом, пересмешником и балагуром, если бы не проступало в его жестах, взглядах, интонациях — возможно, помимо его воли и желания — какое-то скрытое, отрешенное чувство...

Нет, тогда, замечая в Жданове перепады настроения, чувствуя скрытое движение его мысли, я не мог ответить на этот вопрос. И лишь потом, много позже, вспоминая наши встречи, разговоры, сопоставляя, казалось бы, несущественные детали, я понял: Жданов постигал *цену* жизни. Ясным, нормальным умом сознавая ее непрочность здесь, на войне, он неотступно думал о том, *как* живет и *что* успел сделать, случись завтра принять последний бой».

Герои, герои. Сколько их украсило страницы журнала за пятьдесят лет! И не все еще вспомянуты, не все названы. О знаменитой девятой заставе, первой встретившей фашистов, вспоминает служивший на ней короткое время бывший офицер, потом ведущий конструктор космических кораблей Олег Иванковский. О легендарном пограничнике Андрее Ивановиче Коробицыне читаем в повести Валентина Морозова. А. Коробицын — истинно народный, можно даже сказать эпически-сказочный и в то же время реальнейший, до черточки изученный чтящими его память воинами, образ. А как выразительны образы героев обороны Хасана! И все это бессмертная память о бессмертных подвигах реально живших людей. Тот литературный материал, который в самом себе хранит огромную художественную силу. Всегда яркий, свежий, современный. Но — дающийся в руки тем литераторам, которые сами тянули пограничную лямку, жили в атмосфере подвига.

Это, конечно, не значит, что журнал не нуждается в высоком дыхании большой литературы, в дерзком творческом замысле, в подвижничестве художественной правды. Бережно открывая молодые таланты, «Пограничник» распахивает свои страницы незаурядным явлениям современной литературы. Так, он первым напечатал поэму Валентина Сорокина «Бессмертный маршал» — о Герое Советского Союза маршале Георгии Константиновиче Жукове. Жуков в поэме — это прежде всего личность, несущая великую ношу:

Я тысячи сынов пошлю на смерть
И братьев, и отцов,
Могилы эти
Укором вечным станут на планете!
(Вслух)
За Родину!

За все свершенное держать ему вечный ответ перед народом. Но он неотделим от народа, он сам — весь народ. Острейшие вопросы эпохи решать людям. Жуков из тех, кто решает. Его деятельная энергия неисчерпаема. И она не слепа, не стихийна — в ней воплощен дух народный. «От Кузнецова и до Пересвета в нас много ласки, мужества и света», — как сказал поэт в одном из стихотворений.

Той же идеей, той же темой, хотя и взятой в ином ракурсе, проникнут глубоко трагедийный рассказ писателя-фронтовика Ивана Арсентьева «Шестая верста». Он тоже увидел свет на страницах журнала «Пограничник». История о бывших фронтовиках-инвалидах, рассказанная автором от имени очевидца, настолько трагична, что вызывает непреходящую боль. Прежде всего боль за героев, вроде бы оказавшихся ненужными, даже «портящими картину» праздничной мирной жизни. Взгляд автора масштабен: несколькими штрихами он показал трагедию забвения, насильственного стирания памяти о подвиге людском, подвиге народном. При этом И. Арсентьев не унизился до душещипательных строк «о злых начальниках», по чьему приказу свершается несправедливость. Он показал этот процесс стирания памяти, наступления равнодушия в самых обыкновенных людях, указал на зло в нас самих. И — никакого искусственного надрыва, словесной взвинченности. Напротив, веет со страниц рассказа драгоценной внутренней свободой помнящего о чести человека. Каждой деталью рельефно врезается рассказ в душу.

Журнал давно созрел для выхода к широкому читателю. Ему уже, очевидно, тесно в существующих подписных, читательских рамках. Он насыщен интереснейшими материалами.

Сегодня граница вместе со страной переживает эпоху перестройки. А значит — ждет и журнал новый «виток рождения».

Ирина ШЕВЕЛЕВА

ОБ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ «КНИЖНОГО ОБОЗРЕНИЯ»

В газете «Книжное обозрение» (№ 26, 1989 г.) напечатано письмо некоего пенсионера Н. Терещенко, в котором он обвиняет журнал «Молодая гвардия» в антисемитизме, юдофобстве, шовинизме и прочих «смертных» грехах. Поводом же ему послужила статья М. Устинова «Хвативший оков...» («М. Г.» № 3, 1989 г.), в котором автор критикует стихотворение ленинградского автора В. Халуповича «Моя мать и отец в эту горькую землю зарыты...», опубликованное в «Книжном обозрении» 8 июля 1988 года. Стихотворение откровенно русофобское. В этом своем «художественном творении» В Халупович демонстративно и страстно солидаризируется с главным сионистским тезисом, согласно которому все русские безоговорочно объявляются биологическими антисемитами, что этот биологический антисемитизм пронизывает якобы всю историю русского народа, русской государственности.

Сейчас спекулируя на перестройке, не только газета «Книжное обозрение», но и многие другие издания, многие нечистоплотные критики, публицисты и иные литераторы развернули откровенную и, к сожалению, пока не пресекаемую русофобскую вакханалию. Любая критика в адрес сионизма, любое критическое замечание в адрес произведения, созданного автором еврейской национальности, тотчас расценивается этими критиками и изданиями как антисемитизм, проявление русского национализма, шовинизма, черносотенства и т. д.

Надоело все это. Выдающийся русский писатель Валентин Распутин, говоря на съезде народных депутатов СССР о подобных приемах нечистоплотных литераторов и изданий по отношению к России, к русскому народу, так и сказал на весь мир: «Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки».

В сущности, об этом же говорил в газете «Правда» якутский писатель Софрон Данилов: «У нас есть люди, которые на первый взгляд кажутся... глашатаями интернационализма. Они из года в год специализируются на писании «сигналов» в различные инстанции... Своими высосанными из пальца «сигналами» они сеют чувства подозрительности и недоверия между народами... Святое дело интернационализма требует чистых рук и честных помыслов, правдивости и справедливости».

Чистых рук и честных помыслов — вот в чем дело! А что касается В. Халуповича — вот этого-то как раз у него и нет. Его стихотворение, примитивное в художественном отношении, наполнено оскорблениями в адрес русских и украинских исторических личностей, содержит прямое оскорбление русских людей, которых он прямо называет пасынками своей земли. Об этом и шла речь в статье М. Устинова «Хвативший оков...» Видеть в ней то, чего нет, а именно — «антиеврейские высказывания, целиком направ-

ленные на то, чтобы доказать, что евреи, как национальность, испокон веков являются паразитами, чуждыми общественно полезному труду», «развернутое опорочивание еврейской нации в целом» и т. п. — значит или обладать крайне болезненным воображением или, еще раз повторяем, сознательно использовать тот же русофобский метод в критике, о котором говорилось выше.

Редколлегия и партийная организация журнала «Молодая гвардия» с возмущением отвергают ни на чем не основанные, а следовательно, клеветнические обвинения сочинителя письма Н. Терещенко коллектива журнала в «проповедях великорусского шовинизма, открытого разжигания ненависти к евреям», в пропаганде антисемитизма, юдофобства и пр., а публикацию больных измышлений Н. Терещенко газетой «Книжное обозрение» расценивают как умышленный политический донос, достойный самых знойных сталинско-бериевских времен.

Редколлегия, партийная организация журнала «Молодая гвардия»

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Александр АФАНАСЬЕВ, Сергей БОБКОВ, Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Игорь ДЬЯКОВ, Игорь ЖЕГЛОВ, Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Владимир МАЛЮТИН, Петр ПРОСКУРИН, Сергей РОГОЖКИН, Владимир ФИРСОВ, Александр ФОМЕНКО, Евгений ЮШИН, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора)

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 17.07.89. Подп. в печ. 24.08.89. А04935.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,1.
Тираж 655 000 экз. Заказ 220. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПЕРЕНОСНОЙ ТРАНЗИСТОРНЫЙ
РАДИОПРИЕМНИК
III ГРУППЫ СЛОЖНОСТИ

«СОКОЛ-310»

обеспечивает прием радиопередач в диапазонах ДВ и СВ. Имеет внутреннюю магнитную антенну. Предусмотрена возможность подключения внешней антенны и миниатюрного телефона. Питание — от четырех элементов типа «316». Корпус изготовлен из ударопрочного полистирола с отделкой из декоративной пластмассы.

Приобретайте радиоприемник «Сокол-310» в магазинах, торгующих радиотоварами.

ЦКСО «РАДИОТЕХНИКА»

ISSN 0131—2251

80 коп. Индекс 70544

Музей-заповедник «КОЛОМЕНСКОЕ»
Церковь Вознесения
Воротная башня из Николо-Карельского монастыря
Церковь Казанской Божьей матери
Передние ворота Коломенского дворца

Вниманию наших читателей! Продолжается подписка на журнал «Молодая гвардия» на 1990 год.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения.